

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИЗ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ
АМЕРИКИ И АФРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
XXXI

ИЗ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ
АМЕРИКИ И АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1975

Сборник посвящен проблемам материальной и духовной культуры коренного населения Америки и Африки. В статьях американской части сборника подробно раскрываются основные особенности культуры и быта индейцев, алеутов, индейцев Аляски (танайна), аборигенов перуанского побережья (инска). Публикуется работа выдающегося советского этнографа Е. Э. Бломквист «История изучения в России языков североамериканских индейцев». Африканский раздел открывается статьей Д. А. Ольдерогге, посвященной истории изучения в России языков народов Африки. Печатаются новые материалы по каменному веку Гвинеи и Гвинеи-Бисау, добытые советскими исследователями. В других статьях освещаются отдельные вопросы этнографии народов Республики Заир, Габона и Анголы.

Издание рассчитано на этнографов и археологов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Д. А. Ольдерогге (отв. редактор), Л. М. Сабурова,
А. М. Решетов, Л. М. Демин, С. В. Иванов,
Л. П. Потапов*

Ответственные редакторы выпуска:

Д. А. Ольдерогге, Р. В. Кипчалов

О Т Р Е Д А К Ц И И

XXXI том «Сборника Музея антропологии и этнографии» посвящен культуре народов двух материков — Америки и Африки.

Есть нечто общее в их судьбе: Америка была открыта испанцами в конце XV в., а на берега Западной Африки высадились португальские мореходы несколькими десятилетиями раньше. И в том и в другом случае европейские налгаторы попали в страны, до того им неизвестные; отправляясь на запад, Колумб стремился найти путь в Индию; португальцы, продвигаясь к югу вдоль берегов Африки, также ставили своей целью попасть в Индию.

Пройдя мыс Нон и достигнув устья р. Сенегал, португальцы оказались в стране черных, в стране «гвинеев», что было для них так же ново и неожиданно, как и для спутников Колумба, очутившихся на одном из островов Вест-Индии.

И в Америке и в западной части Африки культура аборигенов развивалась в течение многих веков самостоятельно и независимо от культуры народов Азии и Европы. Атлантический океан отделял Американский материк от Европы, так же как Сахара служила преградой между странами Средиземноморья и Тропической Африки.

Как в Америке, так и в западной части Африки сложилась своя самобытная культура, отражающая множество разнообразных типов общественного строя.

Статья Ю. Е. Березкипа посвящена исследованию росписей культового характера на керамике паска в Перу. По этим росписям автор восстанавливает мифологические представления одного из народов Южной Америки, у которых уже сложилось раннеклассовое общество.

В статьях Р. Г. Ляпуновой, Г. И. Двенiskeвич и Э. В. Зиберт описывается материальная культура алеутов, тагайна и прокезов по коллекциям Музея антропологии и этнографии. Эти коллекции представляют большую ценность для этнографов, так как были собраны в начале прошлого века. Подобные экспонаты можно найти лишь в немногих музеях мира.

Научные интересы Евгении Эдуардовны Бломквист (1890—1956), много лет проработавшей в Институте этнографии АН СССР, отличались необычайной широтой. В частности, ее интересовала история изучения языков коренного населения Американского континента, начало которому было положено в России в XVIII в. изданием академических словарей языков всего мира. В публикуемой работе Е. Э. Бломквист собран большой и интересный материал по истории изучения языков американских индейцев. Труд ее дается в том виде, в каком он был подготовлен автором. Внесены лишь самые необходимые сокращения и стилистические поправки.

К XVIII в. относится и начало изучения африканских языков в России. Статьей, посвященной этому вопросу, открывается африканский раздел сборника.

В статье П. И. Борисковского и В. В. Соловьева приводятся результаты работ советских специалистов, исследовавших районы северо-западной части Гвинейской Республики и обнаруживших важные материалы по археологии каменного века. Коллекции, собранные во время этих работ, поступили в собрание Музея антропологии и этнографии.¹ Эти археологи-

¹ Это одна из очень немногих коллекций по каменному веку Африки, добытых в поле советскими исследователями.

ческие находки в Гвинее представляют исключительный интерес для выяснения далекого прошлого народов Африки.

Следующие работы посвящены описанию масок Западной Африки: народов области Огове в Габоне и группы народов центральной части Заира — бассейна рек Квилу и Кванго, — а именно банка и их соседей. Авторы выясняют назначение ритуальных масок и их связь с космогоническими представлениями и с культом предков.

Иной по своему содержанию характер имеют две заключающие сборник статьи: описание коллекций рукописных амулетов из Эфиопии и картины, изображающей борьбу змеборца Сисинния и волшебницы Верзилья. Здесь мы попадаем в круг культур средиземноморского мира. И сюжеты всех заговоров и заклятий, равно как и легенда о Сисиннии, имеют множество аналогий со сказаниями народов Древнего Востока и Европы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
 ВГБИЛ — Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ГАВМФ — Государственный архив Военно-Морского Флота.
 ДАН — Доклады Академии наук СССР. М.—Л.
 ЖМИП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ИАН — Известия Академии наук.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
 СА — Советская археология. М.
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Первого. М.—Л.
 СЭ — Советская этнография. М.
 АА — American Anthropologist. Menasha.
 APPQ — Actes du IV Congrès Panafricain de Préhistoire et de l'Etude du Quaternaire, section III, Pré et Protohistoire. Tervuren.
 ВВЛЕ — Bulletin of the Bureau of American Ethnology. Washington.
 ВЕА — Background to evolution in Africa. Chicago—London.
 СМАИ — Contributions from the Museum of the American Indian, Heye Foundation. New York.
 ICA — International Congress of Americanists (Congreso Internacional de Americanistas).
 YUPA — Yale University Publications in Anthropology. New Haven.
 МААА — Memoirs of the American Anthropological Association. Menasha.
 МАМNH — Memoirs of the Society for American Archaeology. Menasha—Salt Lake city.
 ОРСТОМ — Office de la recherche scientifique et technique Outre-Mer.
 RMN — Revista del Museo Nacional. Lima.
 RUSNM — Report of the United States National Museum. Washington.

Э. В. Зиберт

Ирокезские коллекции МАЭ

Племена ирокезской языковой группы¹ являются потомками древних насельников северо-востока Северной Америки (рис. 1). Гуроны Южного Онтарио были самой северной группой ирокезских племен. Эри и нейтральные обитали к югу от них (на западе штата Нью-Йорк и несколько дальше). К востоку от эри была область собственно ирокезов, южнее вклинивались алгонкинские племена, а в штате Виргиния (южнее Джеймсприпер) опять обитали племена ирокезской группы — ноттоуэй, мсхеррин и тускароры. Самыми южными представителями ирокезских племен были чероки, жившие в Аппалачских горах к югу и западу от тускароров.

Время образования Лиги ирокезов точно не известно, но это событие обычно относят к 1570 г. К моменту проникновения европейцев в указанный район (1600 г.) Лига ирокезов (или Лига пяти наций) состояла из племен мохавков («люди кремневого места»), онейда («люди валуна»), оондага («люди на холмах»), каюга («люди болота») и сенека («люди большого холма»). В начале XVIII в. племя тускарора, мигрировавшее на север из Северной Каролины, было принято в Лигу, став ее шестым членом. В преданиях главная роль в основании Лиги приписывалась оондага, они считались хранителями центрального очага. Ирокезами эти племена стали называть французы.² Англичане в ранних работах употребляли наименование «Пять наций», а после 1722 г. «Шесть наций». Племена, члены Лиги, называли себя *хо-де-на-сау-не* — «люди длинного дома».

Ирокезы наряду с некоторыми алгонкинскими племенами сыграли существенную роль в борьбе между англичанами и французами за захват колониальных владений на северо-востоке Северной Америки. Хотя ирокезы и поддерживали англичан, они все же упорно отстаивали свою независимость. Ранние исторические работы ярко отражают существовавшее положение и отношение европейских завоевателей к разным группам индейцев. Стоит привести слова одного из современных исследователей ирокезов: «Французские пионеры и иезуиты боялись и ненавидели туземцев, которые сопротивлялись покорению их земель и душ. Они написали заглавную страницу истории ирокезов. . . Французские историки тех времен горячо превозносили коллаборационистов гуронов, а националистов ирокезов предавали анафеме».³

¹ Языки ирокезской группы принадлежат к языковой семье су-хока; ирокезская группа включает в себя не только собственно ирокезов, но и ряд других племен, не входивших в Лигу.

² Название было взято из алгонкинского языка (так алгонкины называли ирокезов) и означало «настоящие гадюки». Французское произношение «ирокуа» (Iroquois) сохранилось до наших дней в США и Канаде. Звучание «ирокезы» перешло в русский язык из немецкого.

³ S p e c k F. G. The Iroquois. A Study of Cultural Evolution. — Cranbrook Inst. of Science, Bloomfield Hills, 1945, № 23, p. 9.

В наше время ирокезы живут примерно в 20 резервациях, расположенных на части территории их прежнего расселения, вокруг нижних Великих озер в штате Нью-Йорк в США, в Квебеке и Западном Онтарио в Канаде. Исключением являются группы онейда в штате Висконсин и сенска в штате Нью-Йорк.

Наиболее многочисленны мохавки, опейда и сенека.⁴

Степень аккультуризации, точнее — степень сохранения или утраты черт самобытной культуры, в разных районах и у разных племен ирокезов зависела от ряда причин. Американские этнографы уделяют этому вопросу

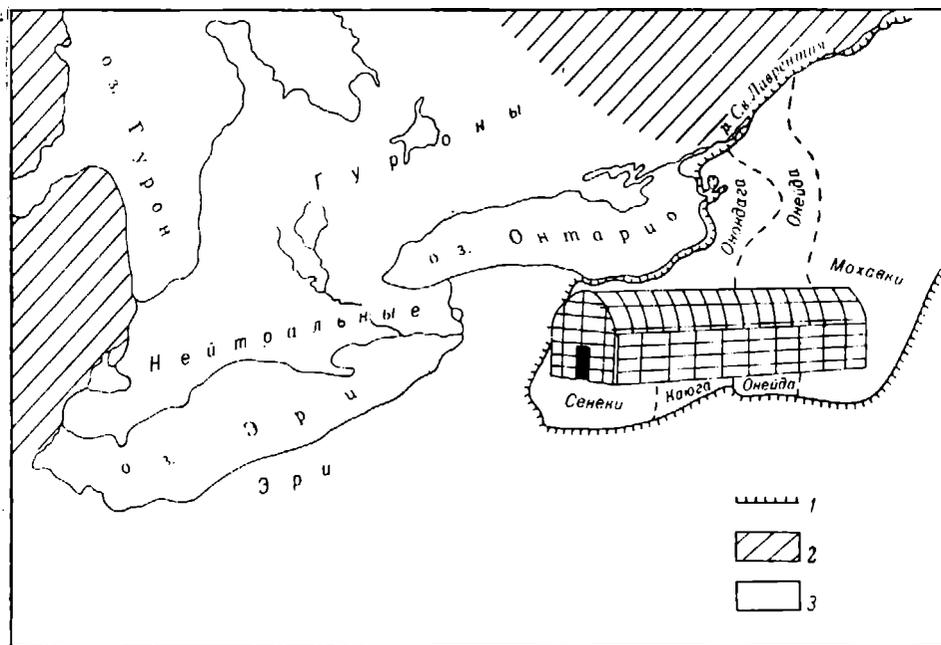

Рис. 1. Расселение ирокезов в начале XIX в.

1 — границы Лиги ирокезов; 2 — алгонкиицкие племена; 3 — ирокезские племена.

большое внимание,⁵ хотя отдельные группы ирокезов изучались ими далеко не одинаково. Меньшему исследованию подвергались индейцы, принявшие христианство и в значительной мере утратившие прежнюю культуру (например, моханки, тускарора). Культура «консервативных» ирокезов, последователей сенскаского пророка Хэнсом Лэйка (handsome lake — «красивое озеро»), проповедовавшего в течение первых пятнадцати лет XIX в., даст значительный материал для изучения языка и прослеживания древних самобытных черт этого народа. Общины «консервативных» индейцев расположены вблизи тех мест, где проповедовал Хэнсом Лэйк, и в резервациях, в которых живут его последователи; например, в одном дне езды от Нью-Йорка существует пять «консервативных» ирокезских общин, соблюдавших прежние обряды. Эти обряды еще недавно

⁴ Fenton W. N. Masked Medicine Societies of the Iroquois. — Ann. Rep. of the Board of Regents of the Smithsonian Inst., for 1940, Washington, Publ. 3606, 1941.

⁵ См., например: Shimon A. Conservatism among the Iroquois at the Six Nations Reserve. — YUPA, 1961, № 65.

лучше всего соблюдались сенека и смешанными онондага и каюга на Гранд-ривер.

Во всех общинах происходит постепенная ломка старых обычаев. Первыми исчезли многие черты материальной культуры, хотя кое-какие из них существуют и до наших дней. У «консервативных» групп сохранились язык и ряд элементов родовой организации, некоторые обряды, связанные с существованием тайных обществ. Однако старшее поколение ирокезов жалуется, что молодежь не хочет учить свой родной язык и принимать участие в племенных обрядах.⁶ «Настоящие люди», или «люди длинного дома», как называют себя «консервативные» ирокезы, располагают своим домом вокруг (и вблизи) постройки, называемой Длинным домом, в котором они собираются для решения общественных дел и совершения религиозных обрядов.

Фентон, крупнейший знаток культуры ирокезов, пишет, что для современного ирокезского общества характерны отдельные поселения (single residence) больших семей. После брака молодая пара временно живет у тех родителей, у которых есть для них место. Иногда занимает временное жилище и строит себе домик на земле родителей. Внутри общины уже нет обычая обязательного матриликального или патрилокального поселения, хотя последнее преобладает. Фентон считает, что фермы в сельских местностях вначале передавались в наследство по материнской линии, но с увеличением владений, развитием связи с белыми наследство (так же как и английские фамилии) стало переходить от отца к сыновьям.⁷

Ирокезы предпочитали жить в небольших домиках на отдельных, хоть и небольших участках. Однако в наше время пригороды больших и маленьких городов наступают на земли резерваций. Состоятельные индейцы могут в них иметь свои дома, большинству же приходится селиться в многоквартирных домах.

Очень интересные формы принял процесс изменения и приспособления старых социальных норм у мохавков резервации Каугнавага, расположенной в Канаде и США, примерно в 15 км к югу от Монреаля. Это наиболее урбанизированная группа ирокезов. С конца прошлого века мужчины покидали резервацию для работы на высотных стройках Канады и Соединенных Штатов. Женщины оставались дома, ожидая возвращения мужчин. Около 1938 г. небольшие общины мохавков образовались в Нью-Йорке (в Бруклине), Буффало и даже в далеком от дома Детройте. В резервациях женщины и их замужние дочери обычно живут недалеко друг от друга, часто в соседних домах. Этот обычай был перенесен и в города. В Бруклине большая материнская семья нередко занимает либо один многоэтажный дом, либо соседние. Практически все мохавки в этом городе живут на небольшом расстоянии друг от друга.⁸

Несмотря на разницу в условиях и образе жизни отдельных групп ирокезов, они все еще сохраняют сознание своей общности и известное стремление к самоопределению. В резервациях существует разрешенное властями самоуправление — с весьма ограниченными, впрочем, правами. Самоуправление проводится советом из 26 вождей, избираемых по древним обычаям Лиги. Индейцев-христиан не выбирают в совет. Хотя в совете и не всегда существует единодушие, он «образует сильное консервативное ядро, цепко держащееся за старые обычаи».⁹

⁶ Fenton W. N. Masked Medicine Societies. . . , p. 397.

⁷ Fenton W. N. Locality as a Basic Factor in the Development of Iroquois Social Structure. — ВВАЕ, 1951, № 149, p. 43.

⁸ Freilich M. Cultural Persistence among the Modern Iroquois. — Anthropos, 1958, Bd. 53, H. 3—4, S. 476—477.

⁹ Hendry F. Iroquois Mask-making at Onondaga. — ВВАЕ, 1964, № 191, p. 374.

Старые обычаи, старая культура ирокезов классически описаны Л. Г. Морганом в его труде «Лига ирокезов». ¹⁰ До наших дней «Лига ирокезов» не только является «лучшей общей книгой» ¹¹ об этом народе, но и единственной, как это ни странно, монографией, хотя литература, посвященная этнографии и истории ирокезов, по словам Фентона, по объему уступает лишь работам по эскимосам и павахо. ¹²

Морган известен не только как автор «Лиги ирокезов», им написан и ряд трудов по общим вопросам этнографии; однако не многие знают, что он собрал у сенека и тщательнейшим образом описал большую коллекцию вещей. Опубликованные им отчеты, ¹³ подробные описания в полсвах записных книжках, хранящиеся в библиотеке Рочестерского университета, документируют происхождение и употребление каждой вещи и могут служить образцом этнографического описания. Иллюстрации — штриховые рисунки и цветные (впервые, раскрашенные) таблицы, которыми он снабдил «Лигу ирокезов» и в особенности свои три отчета о коллекциях, — пожалуй, являются первыми этнографически точными зарисовками ирокезских вещей. Морган писал, что вещи индейцев «показывают их способности к ремеслам» и что «будет лишь справедливым по отношению к ним снасти от забвения плоды их изобретательного ума». Но Морган ошибался, считая, что «через несколько лет невозможно будет собрать эти немые памятники наших примитивных обитателей», ¹⁴ хотя основания для подобного мнения у него были. В конце XVIII—самом начале XIX в. происходила окончательная замена туземных материалов привозными. Оленьи шкуры и замша в одежде уступили место сукну и колепкору, вышивка иглами дикобраза в значительной мере сменилась вышивкой бисером. Исчезло гончарство, глиняная посуда давно уступила место металлической, уменьшилось число изделий из рога и кости и т. п. Однако металлические инструменты, облегчив труд, привели к усовершенствованию ряда ремесел. Как и в других районах Северной Америки, например на северо-западном побережье, у ирокезов расцвело мастерство резьбы по дереву. Некоторые ученые отмечают, что объемные резные фигурки на их деревянных сосудах и ложках появились не раньше появления новых орудий. ¹⁵

Исследователи культуры ирокезов считают, что процесс изменений завершился около 1820 г. Морган описывал материальную культуру ирокезов 1840—1851 гг. и изменения, которые произошли в предыдущий, переходный период. Знаток культуры американских индейцев Спек отмечал в своей работе об ирокезах, что большая часть вещей, аналогичных вещам, собранным Морганом, еще бытовала в 1940-х годах. ¹⁶

Из трех коллекций по ирокезам, хранящихся в отделе Северной Америки Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, одна относится ко второй половине XIX в. — это кол. № 1901 (24 номера), поступившая в музей из Русского географического общества до 1889 г. Вторая коллекция — № 1882 (56 номеров) — получена в 1911 г. от Г. Мейера через Стокгольмский музей; она собрана М. Р. Хэррингтоном

¹⁰ Morgan L. H. *League of the Iroquois*. New York, 1962 (1-е изд.: Rochester, 1851).

¹¹ *Ibid.*, p. V.

¹² *Ibid.*

¹³ Morgan L. H. *Report on the Indian Collections: Fabrics, Inventions and Utensils of the Iroquois*. — *Ann. Rep. of the Regents of the Univ. of the State of New York, Albany*, 1848, vol. II, p. 84—91; 1849, vol. III, p. 65—97; 1851, vol. V, p. 67—117. — К сожалению, значительная часть коллекции Моргана, первоначально насчитывавшей 269 номеров (478 предметов), сгорела в 1911 г. по время пожара музея. Сохранилось лишь 52 номера (71 предмет).

¹⁴ Morgan L. H. *Report.*, vol. III, p. 68.

¹⁵ Hendry F. *Op. cit.*, p. 360.

¹⁶ S peck F. G. *The Iroquois*, p. 49—51.

в 1905—1907 гг. в резервациях штата Нью-Йорк (США) и провинции Онтарио (Канада). Третья коллекция — № 6389 (39 номеров) — была передана в МАЭ в 1959 г. из Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) и хорошо дополняет обе предыдущие коллекции.¹⁷

Поскольку большинство ирокезских вещей МАЭ принадлежит к XIX — самому началу XX в., то они несомненно представляют собой значительный интерес. Кроме того, в коллекциях имеется несколько очень старых и редких экземпляров, о которых будет сказано ниже, при описании вещей. К сожалению, не всегда возможно определить принадлежность предметов тому или иному племени. Лишь коллекция Хэррингтона дает нам точные данные, в остальных коллекциях этих сведений нет. Следует, однако, отметить сходство некоторых черт материальной культуры ирокезских племен — не только входивших в Лигу, но и не входивших в нее (например, гуронов) — и даже некоторых соседних алгонкинских племен. Это, например, позволило Хэтту при подборе иллюстраций к книге Спекса об ирокезах включить вещи других племен, а также и недокументированные, если они типологически были ирокезскими.¹⁸

О П И С А Н И Е К О Л Л Е К Ц И Й ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Уже Морган отмечал, что трудно дать полное описание орудий, домашней утвари и различных изделий ирокезов, ибо с течением времени они подвергались изменениям, особенно после прихода европейцев. Но именно поэтому большой интерес представляет та изобретательность, с которой ирокезы использовали в быту и приспособляли новые материалы и вещи.¹⁹

Некогда широко распространенные у них сосуды из камня и глины уже во времена Моргана вышли из употребления.

С давних времен у ирокезов бытовала утварь из коры вяза и деревянная. Некоторые исследователи считают, что сосуды из коры предшествовали деревянным, ими широко пользовались из-за легкости изготовления. И те и другие бытовали в некоторых местах до недавнего времени; конечно, в ходу была и металлическая посуда, которую ирокезы переняли у европейцев сразу же после их прихода.

У ирокезов кора вяза имела такое же большое значение и широкое применение, как береста у их северных соседей, алгонкинских племен.²⁰ Из нее изготовляли не только утварь, из волокон коры ссучивали веревки, из больших кусков делали лодки, строили дома. В коллекциях МАЭ сосуды из коры отсутствуют.

Из дерева вырезали ступы с пестами, миски, чашки, блюда, веселки, ложки, черпаки. Многие вещи окрашивали в темный красно-коричневый цвет отваром из коры ольхи или коры и корней тсуги.

Прежде ирокезы варили в мисках из дерева или коры при помощи горячих камней значительную часть пищи — разнообразные похлебки из зерен спелой и неспелой кукурузы, бобов, тыквы, мяса и прочего, а также

¹⁷ По-видимому, вещи этой коллекции были собраны, а некоторые и специально сделаны в резервации «шести наций» провинции Онтарио, в которой живут представители разных племенных групп ирокезов.

¹⁸ S p e c k F. G. The Iroquois, p. 5. — Сходное затруднение существует вообще при работе над этнографическими источниками по ирокезам; трудно отделить информацию по ирокезам в целом от информации по отдельному племени, так как нет параллельной информации по всем племенам Лиги.

¹⁹ M o r g a n L. H. League of the Iroquois, p. 354.

²⁰ S p e c k F. G. The Iroquois, p. 43.

жидкую кашу из кукурузной муки. Но еще в конце XVII в. они стали пользоваться для варки европейскими котелками. Однако для других целей деревянная посуда продолжала бытовать до недавнего времени.

Ступы. Во многих семействах сохраняются ступы для размельчения кукурузных зерен. Их делали из разных пород дуба, а песты — из клена, ясеня, орешника. Для изготовления ступы срубали дерево и оставляли его сохнуть на земле. Затем отрезали часть ствола. В верхнем конце сначала выжигали, а после вытесывали или выскребывали полукруглое или слегка коническое углубление (20—30 см). Пест имел два конца, сужаясь посередине, где его обхватывали руками; работали обычно одним концом до тех пор, пока он не срабатывался. Противоположный конец служил противовесом.²¹ Одновременно могли работать от одного до четырех чело-

век, поочередно опуская пест (рис. 2).

№ 6389-10а, б — ступа и пест. Ступа сделана из части ствола дерева, нижний конец раздвоен. Высота ступы 46 см, окружность наверху 67 см, длина песта 135 см.

Утварь. Чашки, черпаки и ложки вырезали из древесины американской липы, клена, корей яблони, напльвов на мягком клене или белом ясене. Из этого же материала делали веселки для размешивания похлебок и мамалыги и лопаточки для вынимания кукурузных лепешек из кипящей воды. Лопаточки были двух ти-

Рис. 2. Женщины толкут кукурузу. По рисунку ирокеза Джесса Корншлантера.

пов — с прямоугольной и круглой лопастью, в которой делали дырку для стекания воды.

Ложки и черпаки сильно варьировали по размерам, по форме. Ручки обычно заканчивались крюком, чтобы ложку можно было повесить на кушак. Выступы нередко обрабатывались скульптурно и заканчивались фигуркой животного или птицы. Эти фигурки иногда изображали тотем обладателя ложки.²² Подобные ложки часто упоминались в ранних работах об ирокезах; отмечалось, что каждый гость, приглашенный на праздник, должен был принести с собой ложку и блюдо. Еще недавно ложки были очень ценной личной собственностью; их приносили с собой на праздники в Длинный дом и использовали при поедании обрядовой пищи, считавшейся священной.

№ 1882-15 — корытце деревянное. 38×25.5 см, высота 9.5 см. Опейда.

№ 6389-11 — корытце деревянное для мамалыги. 57×37 см, высота 11 см.

№ 6389-12 — черпак деревянный для разливания похлебки. Общая длина 27 см, ширина черпака 15 см.

№ 6389-13 — черпак деревянный для разливания похлебки. Общая длина 22 см, ширина черпака 12 см.

№ 1882-5 — ложка деревянная (рис. 3, 1). Верх ручки загнут, для того чтобы пестать ложку на понос. Общая длина 22.5 см, размер черпака 11.5×8.5 см. Сенека.

²¹ W a u g h F. W. Iroquois Foods and Food Preparation. — Canada, Dep. of Mines, Geographical Survey, Ottawa, 1916, Mem. 86, № 2, Anthropol. ser., p. 58.

²² S p e c k F. G. The Iroquois, p. 84.

№ 1882-20 — ложка деревянная (рис. 3, 2). На конце четырехгранной ручки вырезана птица (6 см). Общая длина 16 см, длина ручки (без птицы) 6 см, размер черпака 7×8 см. Онондага.

№ 1882-43 — ложка-черпак деревянная (рис. 3, 3). Ручка плоская, расширена у черпака (4 см, наверху 2 см), оканчивается фигуркой птицы с головкой, откинутой назад. Общая длина 19.5 см, длина ручки с птицей 12 см, размер черпака 13×10 см. Сенека.

№ 1882-44 — лопаточка деревянная для размешивания похлебки, а также для вынимания вареных кукурузных лепешек из горячей воды. Длина 55 см, наибольшая ширина 6 см. Сенека.

Корзины. Широкое применение в хозяйстве имели корзины, сплетенные из узких полосок коры, определенного вида ипажника, сухих листьев кукурузы, а иногда и из узких плоских полос деревянного щепья. Для изготовления полос одинаковой ширины использовали особые деревянные орудия; на одном конце в них вбивали куски металла, часто бритвенные лезвия.

Кору для плетения корзин сдирали с дерева кусками длиной около 2 м. Ее колотили с наружной стороны обухом топора или деревянным молотком, пока не отделялся слой, который раздирали на полосы. Если под рукой не было черного ясеня, то в ход шла кора американского орешника, мягкого клена и американской липы. Плетеные изделия ирокезов не отличались разнообразием ни формы, ни техники изготовления. Преобладало диагональное плетение (twilled) из плоских полосок.

Для шелушения и промывания вареной кукурузы пользовались корзинами с ситообразным, редкого плетения дном и плотными стенками. Эти корзины мало отличались друг от друга, разве что ручками. Сходными с этими корзинами, но более плоскими были сита двух типов: для просеивания дробленых зерен кукурузы и для просеивания кукурузной муки. Мелкие вещи, табак, сухие продукты хранили в небольших корзинах плотного плетения.

От всех этих корзин отличались небольшие бутылкообразные корзиночки для хранения соли.

№ 1882-36 — корзина для перепоски кукурузных початков с поля. Плетение редкое. Дно почти квадратное. Верхняя часть корзины круглая. Дно сплетено из широких расщепленных лучинок (1.7 см), которые загибаются кверху и переплетаются более узкими полосками (0.5 см). Высота 26 см, размер дна 18×19 см, диаметр перха 36 см. Сенека.

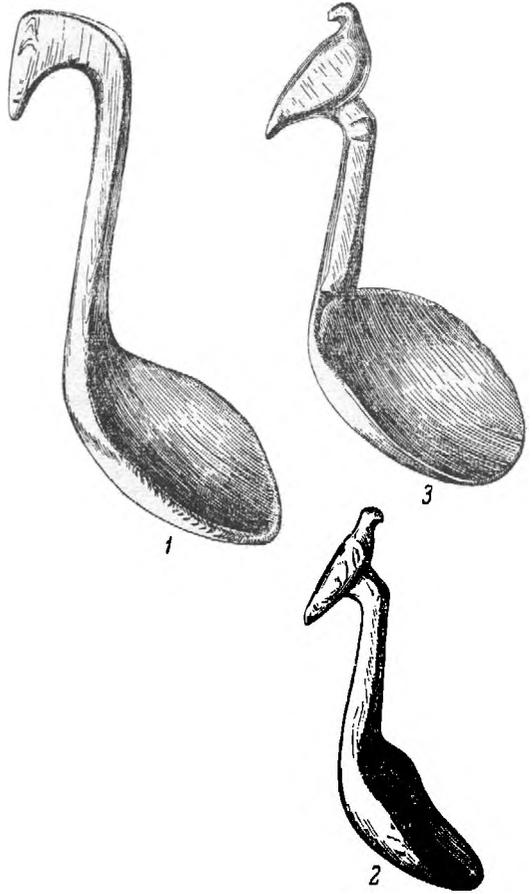

Рис. 3. Деревянные ложки.

1 — № 1882-5; 2 — № 1882-20; 3 — № 1882-43.

№ 6389-18 — корзина редкого плетения из полосок лучины (0.5 см), слегка расширится кверху, с двумя ручками. Дно четырехугольное. Верхняя часть круглая. Высота 26 см, размер дна 15×15 см, диаметр верха 26 см.

№ 6389-16 — корзина для промывки зерен кукурузы. Сплетена из узких полосок луба диагональным плетением на вертикальной основе. Дно четырехугольное. Верх круглый. Высота 9 см, размер дна 17×18 см, диаметр верха 23×25 см.

№ 6389-17 — корзина для промывки зерен кукурузы. Сходна с предыдущей. Высота 10 см, размер дна 20×18.5 см, диаметр верха 25×24 см.

№ 1882-37 — корзина-решето для процеживания кукурузной похлебки, а также шелока из золы, употребляемого при вылущивании зерен кукурузы. Сплетена из узких расщепленных полосок луба. Высота 9 см, размер дна 19×17 см, диаметр верха 24 см. Сетка.

№ 1882-56 — корзина цилиндрическая для хранения жертвенного табака. Сплетена из полосок листьев кукурузы. Высота 10 см, диаметр 19 см.

№ 1882-38 — корзиночка для хранения мочелы. Сплетена из тонких полосок луба (ширина 1.2—2 см), переплетенных выше круглого дна очень узкими полосками того же материала, но более темными. Чуть ниже края проложена широкая (2 см) полоска луба, а поверх нее из такой же полоски сделаны заостренные выступы. Высота 8.5 см, диаметр по верху 13×15 см, диаметр дна 20 см. Сетка.

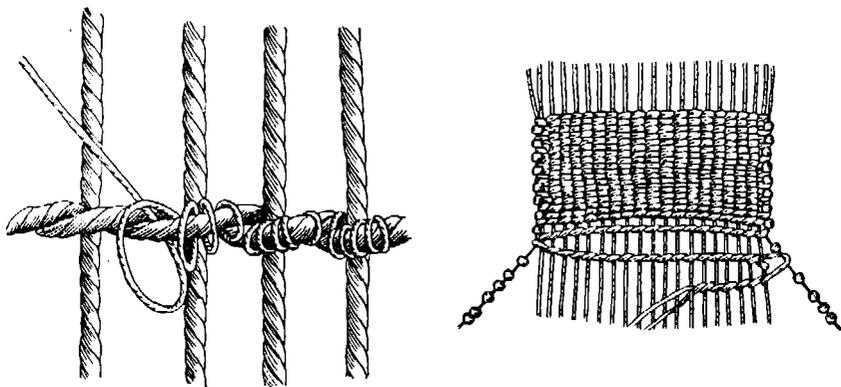

Рис. 4. Деталь способа плетения лямок. По Орчарду.

№ 1882-39 — бутылкообразная корзиночка для хранения соли, сплетенная из полосок листьев кукурузы. Пробка из куска початка кукурузы. Высота 11 см. Сетка.

№ 1882-40 — бутылкообразная корзиночка для хранения соли, сплетенная из полосок листьев кукурузы. Пробка из куска початка кукурузы. Высота 9.5 см. Сетка.

Лямки для переноски тяжестей. Урожай с поля, хворост для костра, иногда и малящих детей переносили на спине в больших корзинах или сумках крепкого, плотного плетения. Крепились такие корзины с помощью лямок, сплетенной из ссученных растительных волокон. Лямки надевали через лоб или грудь и плечи. Наряду с обычными, несорнаментированными, делали лямки, покрытые в средней широкой части орнаментом. Оба вида лямок вылетали техникой простейшего варианта плетения на вертикальной основе, при которой каждая нить основы оплеталась двумя нитями утка (нить основы охватывалась с двух сторон).²³ В орнаментированных экземплярах узор наносился «фальшивой вышивкой» (false embroidery): в процессе плетения расщепленными иглами дикобраза или оленьим волосом (окрашенным в разные цвета) обертывались нити утка с внешней стороны изделия²⁴ (рис. 4). Орчард в статье, описывающей три орнаменти-

²³ Orchard W. C. Mohawk Burden-straps. — Indian Notes, New York, 1929, vol. VI, № 4, p. 353—355; К о ж и п П. М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии. — МАЭ, 1967, т. XXIV, с. 126—127.

²⁴ Orchard W. C. Mohawk. . . , p. 356.

рованные лямки мохавков из американского Музея индейца в Нью-Йорке, отмечают их чрезвычайную редкость у восточных индейцев и высокую художественность выполнения. Пасколько можно судить по описанию и фотграфиям, экземпляры МАЭ не уступают по качеству тем, которые хранятся в Нью-Йорке. Морган в своей монографии пишет, что из всех изделий ирокезов ни одно, пожалуй, не превосходит эти орнаментированные лямки по мастерству и красоте.²⁵

№ 1882-45 — лямка, сплетенная из ссученных волокоп коры вяза. Концы лямки вылетены в косички из хлопчатобумажных тряпочек. Общая длина лямки 164 см, длина широкой части 71 см, ширрина ее 4.5 см. Спска.

№ 1901-20 — лямка (табл. II, I), сплетенная из растительных волокоп. Широкая часть лямки покрыта «фальшивой вышивкой» иглами дикобраза, окрашенными в черной, коричневый, светло-голубой цвета (краска частично стерлась). На края этой части нашит белый бисер; она сужается к концам и переходит в тесемки диагонального плетения. На концах тесемки раздваиваются и заплетены в косички длиной 42 см п 47 см. Общая длина 5.5 м, длина широкой части 66 см, ширрина 6.5 см; длина тесемок 2.38 и 2.46 м, ширрина 2 см.

№ 1901-21 — лямка, сплетенная из растительных волокоп; в широкой части нитки утка более тонкие и окрашены в коричневый цвет. В этом экземпляре средняя часть также покрыта «фальшивой вышивкой» иглами дикобраза, окрашенными в коричневый, желтый и красный цвета. Тесемки очень плотные и сплетены техникой простого, а не диагонального, как обычно, плетения. На концах, как и в предыдущем экземпляре, они раздваиваются на две косички. Общая длина 5.2 м, длина широкой части 52 см, ширрина ее 4 см, ширрина тесемок 2 см.

ОРУЖИЕ

У земледельцев-ирокезов охота имела важное значение, снабжая их мясом и шкурами. Главным охотничьим оружием до появления европейцев были лук со стрелами и выдувная трубка для охоты на птиц. На войне употреблялись также лук и стрелы, но лишь для нападения из засады; характерным же оружием были каменные томагавки и деревянные дубинки. Томагавки ирокезы, по-видимому, заимствовали от восточных алгонкинов. В старинных томагавках лезвие из камня или оленьего рога вставлялось в деревянную рукоятку. Широко известные по литературе томагавки с металллическими головками в виде небольших секир изготовлялись европейцами.²⁶ Морган писал, что у ирокезов томагавки сменили военные дубинки, а ружья — луки и стрелы.²⁷

Луки, стрелы, колчаны. Луки и стрелы долгое время употреблялись во время спортивных соревнований — требовалась недюжинная сила, ловкость и тренированность для натяжения тетивы. Морган сравнивал ирокезов с лучниками Робин Гуда и дал краткое, но выразительное описание использования этого оружия.²⁸ Луки имели довольно значительные размеры и легкий изгиб на концах.

Наконечники стрел делали из кремня или рога. Иногда стрелу целиком вырезали из одного куска дерева с заостренным или утолщенным концом. С другого конца к стреле приматывали две половинки пера. На охоте или во время военных походов стрелы, а иногда и лук носили за спиной в колчане из шкур (или других материалов) так, что оперенный наконечник находился над левым плечом.²⁹

№ 1882-51 — лук, илоский, окрашенный в красноватый цвет. По краям внутренней стороны — небольшие врезные выемки. Тонкая тетива свита из растительных волокоп. Длина лука 173.5 см. Каюга.

²⁵ Morgan L. H. League of the Iroquois, p. 365—366.

²⁶ Подробнее о томагавках см.: Peterson. American Indian Tomahawks. — SMAI, 1965, vol. XIX.

²⁷ Morgan L. H. League of the Iroquois, p. 363.

²⁸ Ibid., p. 305—307.

²⁹ Morgan L. H. Report. . ., vol. V, p. 74.

№ 6389-34 — лук. В середине слегка расширен и утолщен, есть желобок для наложения тетивы. К концам лук утончается, на самых кончиках — зарубки для закрепления тетивы (на данном экземпляре отсутствуют). Длина лука 175 см, наибольшая ширина 2,5 см.

№ 1882-50 — лук детский, из темного дерева, плоский. Имеются следы черной окраски. На концах — зарубки для закрепления тетивы (которая отсутствует). Длина 122 см. Сенека.

№ 1882-52 — стрела. Древо деревянное. Один конец слегка заострен, на другом примотаны половинки серого и белого перьев. Длина 92,5 см. Каюга.

№ 1882-53 — стрела для охоты на птиц. Древо деревянное. На одном конце копчиковое утолщение, на другом примотаны две половинки белых перьев. Длина 84,5 см. Каюга.

№ 6389-35 — стрела для оглушения мелкой дичи. Один конец утолщен и заканчивается плоским четырехгранным выступом, к другому примотаны витками из растительных волокон две половинки полосатых серых с белым перьев. Длина 73 см.

№ 6389-36 — стрела. Древо деревянное. Один конец заостренный, с двумя боковыми бороздками, к другому примотаны витками из растительных волокон две половинки полосатых серых с белым перьев. Длина 78 см.

№ 6389-37 — стрела. Древо деревянное. На одном конце — прорезь для паконычника (утеряя), к другому концу примотаны нитками из растительных волокон две половинки полосатых серых с белым перьев. Длина 76 см.

№ 6389-33 — колчан для стрел и лука. Собственно колчан для стрел шит из коры лыком. В верхней и нижней частях колчана пришито по полоске замши, оканчивающейся бахромой. На боках эти полоски образуют петли, сквозь которые продевается лук. Один конец лука вставляется в замшевый узкий мешочек, прикрепленный к низу колчана. Для ношения через плечо приделана веренка, свитая из лыка. Длина колчана 57 см, ширина около 9 см, длина замшевого мешочка 42 см, ширина 4—5 см.

Военные дубинки. На войне во время близкого боя, характерного для ирокезов, пользовались деревянными дубинками двух типов. И те и другие вырезали из куска дерева твердой породы. Одни дубинки имели не очень длинную (50—60 см) рукоятку, оканчивающуюся шаром (диаметром 12—15 см). Другие делались несколько длиннее, они были слегка уплощены, изогнутой формы; в изгиб вставлялось острое изогнутое лезвие из рога оленя. Оба типа дубинок передко украшали резьбой. Носили эти дубинки за поясом, спереди.

С окончанием межплеменных войн дубинки стали принадлежностью обрядового костюма и хранились как реликвии славного прошлого.³⁰

№ 1882-16 — военная дубинка, вырезанная из одного куска дерева, в виде деревянного шара с короткой рукояткой. Рукоятка уплощенная, с неглубокими выемками по краям. С одного конца рукоятка слегка расширена, с другого как бы клином входит в шар. Длина рукоятки 40 см, высота 5 см, ширина 1,5—2 см.

№ 6389-31 — военная дубинка, вырезанная из одного куска довольно светлого дерева. Рукоятка уплощенная, с небольшим утолщением на одном конце, другой конец слегка изогнут и оканчивается шаром. Длина рукоятки по наружной стороне 48 см, по внутренней — 38 см, высота 3,5 см, ширина 1,5 см.

Лямки для связывания пленников. Помимо оружия, каждый воин носил при себе плетеные лямки для связывания и конвоирования пленников. По внешнему виду и технике эти лямки были сходны с лямками для переноски тяжестей. Однако сплести их невозможно, так как широкая часть лямок для пленников (ошейник) короче таковой у лямок для переноски тяжестей, она равна примерно 35—40 см (толщина шеи). Кроме того, ошейник заканчивается с каждой стороны петлей, через которую пропускается шпур, затягивающий его.³¹ В МАЭ хранится старый, очень интересный экземпляр (табл. II, 2).

№ 1901-18 — лямка, широкая часть которой плотно сплетена техникой прямоугольного плетения из растительных волокон и покрыта с внешней стороны «фальшивой вышивкой» из расщепленных и окрашенных игол дикобраза: чередуются крас-

³⁰ Morgan L. H. *League of the Iroquois*, p. 363.

³¹ Willoughby C. C. *A Mohawk Halter for Leading Captives*. — АА, 1938, vol. 40, № 1, p. 49—50.

пые и черные ромбы на белом фоне. На концах этого ошейника — петли, обмотанные белыми и красными иглами дикобраза. К каждой петле прикреплен длинный четырехгранный шнур из растительных волокон черного цвета. Один шнур апахительно короче другого и оканчивается двумя кисточками из нескольких нитей. Более длинный шнур завязан узлами в виде цепл и заканчивается шестью пинурками, обмотанными белыми и красными иглами дикобраза; на концах последних — металлические конусообразные трубочки с продернутыми сквозь них волосными кисточками, окрашенными в красный цвет. Длина ошейника с петлями 41 см, ширина 3 см; длина шнуров 113 и 225 см.

ОДЕЖДА

До появления европейских товаров ирокезы делали свою одежду главным образом из оленьих шкур. Для уничтожения волос шкуры смазывали вареным оленьим мозгом, который соскабливали через несколько часов. Затем шкуру мяли и прокуривали над костром с обеих сторон.³² Шивали шкуры сухожилиями при помощи шила из оленьей кости.

Полный мужской костюм во времена Моргана надевался при исполнении различных обрядовых танцев и состоял из рубашки, юбочки, пояса, поговиц, закреплявшихся над коленями, мокасин и головного убора. Украшениями служили повязки, сплетенные из шерсти и расшитые бисером или вампумом, иногда сделанные сплошь из этого материала. Повязки носили на руках, над коленями (а через плечо иногда повязывали пояс).

Женский костюм некогда также шили из шкур, а затем из купных тканей. Современную ему женскую одежду Морган считал «оразительной и изящной».³³ Носили юбку, доходившую до мокасин, широкое, присборенное в талии (сзади и с боков) платье, частично закрывавшее юбку, наголенники, завязывавшиеся под коленями, и мокасины. Иногда на плечи набрасывали плащ из зеленой или синей ткани.

Женская верхняя одежда, наголенники, ноговицы и мужские мокасины богато расшивались оленьим волосом, расплюснутыми и окрашенными иглами дикобраза и бисером.

Контакты с европейцами повлияли на виды и способы орнаментации ирокезами своих изделий. Распространение фабричных тканей, лент, ниток, бисера и бус привело к расцвету разных видов вышивки и к развитию новых орнаментов. Геометрические мотивы стали реже, появились богатые, почти реалистические растительные узоры, указывавшие, по мнению исследователей, на влияние узоров, встречавшихся на французских изделиях. Дуглас пишет, что «стиль этот вырос из соединения туземного индейского искусства, основанного на изогнутых линиях, с растительным стилем, существовавшим во Франции в XVII и XVIII вв.»³⁴ Помимо прямого заимствования растительных мотивов у европейцев, восприятию и расцвету именно этого стиля несомненно способствовало и то, что ирокезы и раньше связывали некоторые декоративные элементы с мифологическими сюжетами, касавшимися растений, например небесного дерева и т. п.

№ 6389-1 — куртка замшевая, корпчевая, распашная, с воротником; одна завязка из узких ремешков. Кокетка (на спине) пришита ручным швом, остальные швы машинные. У основания воротника, по твам на кокетке и рукаве (на паружном шве, плущем от плеча, и там, где рукав шит в куртку) пришита бахрома из замши. Длина куртки 79 см, длина рукава 58 см.

№ 1882-1 — рубашка мужская из желтой бумазен. Швы на боках. Спереди — разрез, зашитый снизу на 13 см. Плечи спущены, рукава шиты от плеча. Ворот стоечный высотой 2 см. У ворота рубаха присборена. На подоле и на рукавах вдоль шва (от плеча вниз) проходит бахрома из той же ткани. Длина рубашки от ворота (с бахромой) 87 см, длина рукава 56 см, длина бахромы 9 см. Каюга.

³² Morgan L. H. League of the Iroquois, p. 263—264.

³³ Ibid., p. 384.

³⁴ Цит. по: S p e s k F. G. The Iroquois, p. 64.

№ 1901-1 — пакидка замшевая, светло-коричневого цвета, из целой шкуры (рис. 5). По верхнему краю пришита бахрома из разноцветного бисера с крупными белыми бусинами из раковин па краях. Над бахромой пришиты низки: одна из белых раковин и две из синего и зеленого бисера с пермогипп плоскими прямоугольными перламутровыми бусинами. Нижняя половина пакидки расшита и украшена подвесками из плоских перламутровых кружков и квадратиков с синим бисером. На боках и внизу накидки нарезана узкая бахрома. Наибольшая длина 110 см, наибольшая ширина 158 см, ширина бахромы 2—9 см.

№ 1901-2 — пакидка-одеяло из темно-синего сукна. С одной из широких сторон пашино 15 рядов шерстяной красной тесьмы. Размер 165×135 см.

№ 1901-5 — кусок синего сукна. С одной стороны пашино шесть рядов желтой шелковой ленты. Размер 81×63 см.

№ 6389-3 — пояс-юбочка (breechcloth) из двух половинок, передней и задней, с бахромой по нижнему краю. Перед шит замшевым ремешком из двух кусков (по

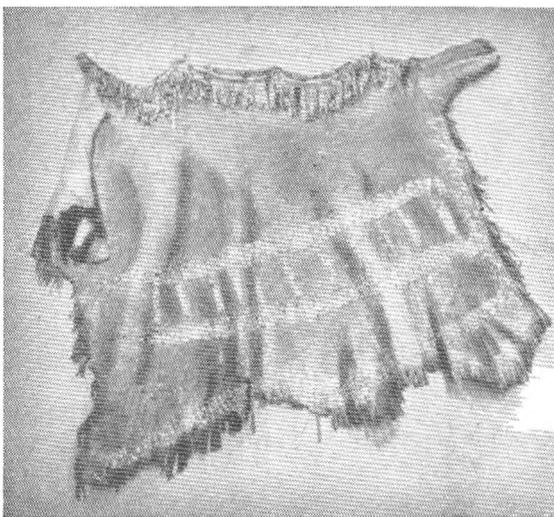

Рис. 5. Накидка из замши. № 1901-1.

вертикальный). Верхние края подогнуты и прошиты замшевым ремешком. Завязки из тесьмы. Длина половинки со швом 45 см, ширина 38 см, длина половинки с бахромой 54 см, ширина 41 см.

№ 1882-14 — пояс из плотной красной хлопчатобумажной ткани на красной же шерстяной подкладке. На концах пояса пришито по полосе коричневой кожи, к которой с одной стороны приделаны три ремешка с дырочками, а с другой — три металлические пряжки фабричного изготовления. Сзади под углом друг к другу пришиты два кожаных ремешка, в которые вставлены деревянные палочки-распорки. Все швы на поясе сделаны на машине. По верхнему и нижнему краю пояса идет полоса, вышитая голубым, розовым и белым бисером техникой «лепного стежка» (рис. 6). Кроме того, на поясе вышито пять восьмиконечных звездообразных фигур, средняя — голубым бисером, остальные — зеленым (прозрачным). Вышивка сделана на подложенном трафарете из бумаги. Согласно списку собирателя, пояс надевался при игре в мяч. Длина 72 см, ширина 15 см. Мохавки.

№ 1901-13 — пояс, сплетенный техникой диагонального плетения из красных шерстяных ниток; по краям и посередине — по полосе из черной шерсти. Орнамент — зигзагообразные линии из белого бисера. Бисер папильшали на более короткие нитки (не на шерстяные, из которых плели пояс), которые пересекали по очереди сверху и снизу нити основы и утка (рис. 7).³⁵ На концах пояса длинная бахрома: нити основы сплетены в 12 косичек, каждая из которых переходит в шнур, плотно обмотанный расщепленным и окрашенными иглами дикобраза, с конусообразной металлической трубочкой на конце, сквозь которую продернут пучок волос красного цвета. Общая длина 170 см, ширина 12 см, длина бахромы 30 см.

³⁵ Orchard. W. C. Beads and Beadwork of the American Indians. — CMAI, 1929, vol. XI, p. 116—117.

№ 1901-14 — пояс, сплетенный техникой диагонального плетения из красных шерстяных ниток (табл. I, 3). Орнамент — зигзагообразные линии из белого бисера. На концах пояса длинная бахрома из 13 шнурков, скрученных из нитей основы и плотно обмотанных расщепленными и окрашенными иглами дикобраза. У основания и на конце каждого шнура прикреплены металлические конусообразные трубочки, сквозь которые продернуты пучки волос красного цвета. Общая длина 121 см, ширина 9 см, длина бахромы 30 см.

№ 1901-16 — пояс, сплетенный из коричневых шерстяных ниток и орнаментированный белым бисером, расщепленными и раскрашенными иглами дикобраза (рис. 8). Полосы из шерсти, украшенные бисером, чередуются с полосами, образованными на шпильной основе, обмотанных иглами дикобраза. Бахрома на концах сделана из таких же шнурков, оканчивающихся конусообразными металлическими трубочками, сквозь которые продернуты пучки окрашенных в красный цвет волос. Общая длина 172 см, ширина 10 см, длина бахромы 40 см.

№ 1901-17 — пояс из разноцветных шерстяных ниток (рис. 9). По середине идет широкая полоса, сплетенная техникой диагонального плетения из разноцветных ниток. По бокам полоса окаймлена тремя шерстяными полосками с зигзагообразным орнаментом из белого бисера. На концах пояса нити

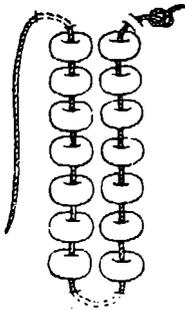

Рис. 6. Деталь вышивки «лежневый стежок». По Орчарду.

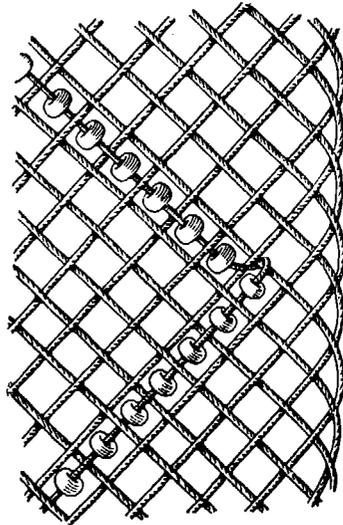

Рис. 7. Деталь способа плетения пояса из шерсти и бисера. По Орчарду.

основы, скрученные попарно и украшенные белым бисером, образуют бахрому. Общая длина 160 см, ширина 18 см, длина бахромы 25 см.

№ 1901-22 — пояс, сплетенный из разноцветных шерстяных ниток техникой диагонального плетения (табл. I, 2). Полоски разного цвета образуют углы, входящие один в другой. На концах пояса пяти основы заплетены в 13 косичек, образующих шнурки, обмотанные расщепленными иглами дикобраза (по краям белыми, в середине цветными). На концах шнурков есть конусообразные металлические трубочки, сквозь которые продернуты пучки волос красного цвета. Общая длина 155 см, ширина 7 см, длина бахромы 25 см.

№ 6389-5 — пояс из желтого, черного, розового, зеленого и красного бисера. Основа и уток — очень тонкие нити, скрученные из растительных волокон. Пояс сплетен техникой прямоугольного плетения, с двойной нитью утка (рис. 10). Бисерина надевается на две нити утка; их разделяют, чтобы охватить нить основы с двух сторон; затем снова надевается бисерина на соединившие нити, и т. д. К концам пояса привязана длинная бахрома из зеленых и синих шерстяных ниток. Длина пояса 82 см, ширина 7 см, длина бахромы около 40 см.

№ 6389-2а, б, — паголенники из продывленной кожи (рис. 11). Шпильки по наружному краю уток замшевым ремешком и украшены вдоль шва замшевой бахромой. Экземпляр довольно редкий. Длина по наружному краю 76 см, по внутреннему 57 см, ширина бахромы 10 см.

№ 1882-2а, б — ноговицы мужские из темно-синего сукна. Внизу и спереди по краям и у шва на 51 см вверх идет оторочка из лиловой шелковой ленты и двойного ряда белого бисера. Длина 76 см. Каюга.

№ 1882-22а, б — наголепки женские из красного тонкого сукна; наверху составлены из кусочков, внизу вышиты белым бисером. Длина 40 см. Опондага.

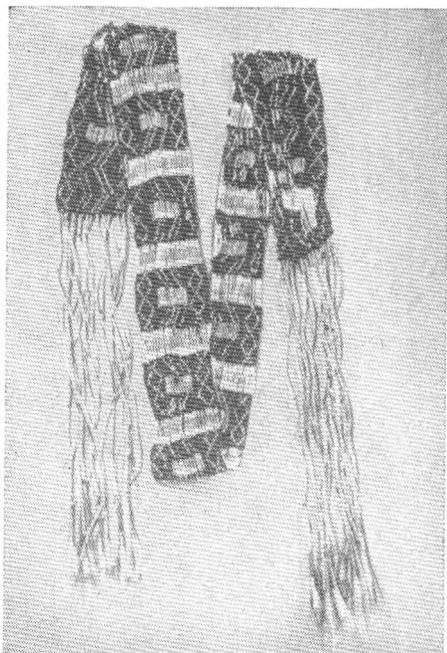

Рис. 8. Пояс из шерстяных ниток с узором из бисера и игл дикобраза. № 1901-16.

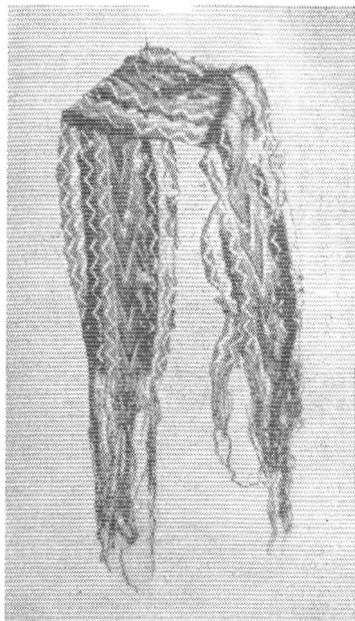

Рис. 9. Пояс из шерстяных ниток и бисера. № 1901-17.

№ 1882-23а, б — наголенники женские из темно-синего сукна. По низу и спереди вдоль разреза — аппликация из красной шелковой лепточки, вышитой по краям белым бисером. Передний шов сделан красными нитками по лицевой стороне. Длина 42 см, разрез спереди 13 см, ширина каймы 2,5 см. Сенска.

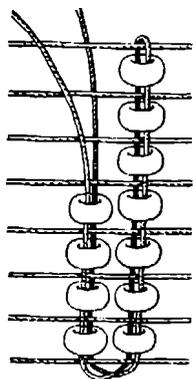

Рис. 10. Деталь способа плетения пояса. По Орчарду.

№ 1882-24а, б — наголенники женские из темно-синего сукна. По низу и спереди вдоль разреза — аппликация желтой тканью (шириной 1 см) и вышивка белым бисером. Над разрезом ткань спита обычными шитками. Длина 38 см, разрез спереди 17 см. Сенска.

№ 1882-25а, б — наголенники девочки из темно-синего сукна (одна ноговица спита из двух кусков, шов вертикальный). По низу и спереди вдоль разреза — аппликация из узких полос красного, оранжевого, лилового и белого шелка. Длина 26 см. Сенска.

№ 1901-3а, б — ноговицы женские из зеленого сукна (рис. 12). Спереди с каждой стороны шва пахито по желтой и розовой шелковой ленте, украшенной вышивкой мелким белым бисером и зелеными шерстяными нитками. Узоры на каждой ленте разные. Копцы лент не вышиты и не пришиты. Длина 61 см.

№ 1901-4а, б — пара подвязок для ноговиц (рис. 13), сделанных из красных шерстяных ниток техпикой диагонального плетения; по краям — кайма из черной шерсти. Узор — пересекающиеся линии белого бисера (технику плетения бисера см. выше — рис. 7). Бахрома на концах сделана из питей основы, скрученных в девять шнурков, обмотанных белыми, красными и желтыми иглами дикобраза и оканчивающихся копусообразными металлическими трубочками, сквозь которые продернуты пучки окрашенных в красный цвет волос. Такие под-

вязки прикрепляли к верхнему краю паголенников и завязывали над коленями. Длина без бахромы 72 см, длина бахромы 20 см, ширина 6,5 см.

№ 1901-15а, б — пара подвязок для ноговид, сплетенных техпикой прямоугольного плетения (рис. 14). Основу составляют толстые шерстяные нитки красного цвета, уток — нитки из растительных волокон, на которые наизап черный и белый бисер. Фон узора сделан белым бисером, треугольники и два квадрата — черным. Крап подвязок обипты сипми шерстяными нитками. Копцы ниток основы скручены в десять шпурков, обмотанных иглами дикобраза и окапчивающихся конусообразными метал-

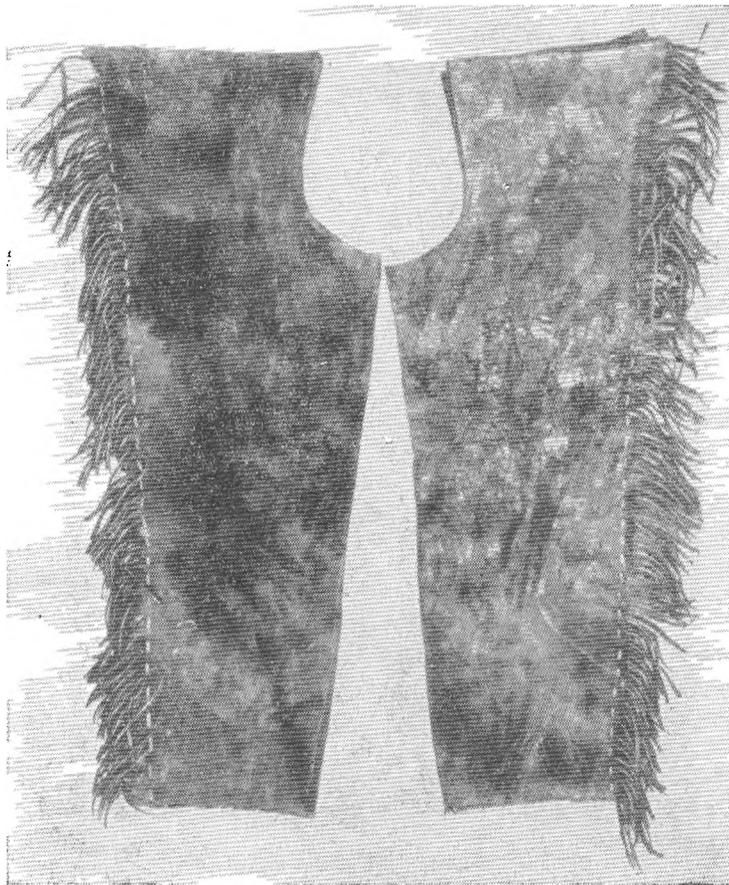

Рис. 11. Наголспшки из продымленной кожи. № 6389-2а, б.

лическими трубочками, сквозь которые продевуты короткие пучки волос. Общая дпяпа 53 см, ширина 9 см, дпяпа бахромы 12 см.

№ 1882-4а, б — наколспшки-погремушки. Состоят из кожаных ремешков, к которым прикреплены па узеньких полосках кожи оленьи копытца и косточки. Такие погремушки надевали во время танцев. Каюга.

№ 1882-3а, б — мокасины из оленьей кожи. Спаты из одного куска. Задний шов идет от пятки до отворотов, передний — от носка до подъема; швом кожа слегка присборена. Застежка — белая фабричная пуговка на одном отвороте и прорезная петля на другом. Каюга.³⁶

№ 1882-13а, б — мокасины из замши. Па подъеме вставлен длинный лызчок (13,5 см) с небольшой вышивкой красным, голубым, коричневым и желтым бисером. У переднего шва (от носка до вставки) замша слегка присборена, задний шов пере-

³⁶ Интересную работу о мокасилах см.: H a t t G. Moccasins and their Relation to Arctic Footwear. — МЛAAA, 1916, vol. III, № 3.

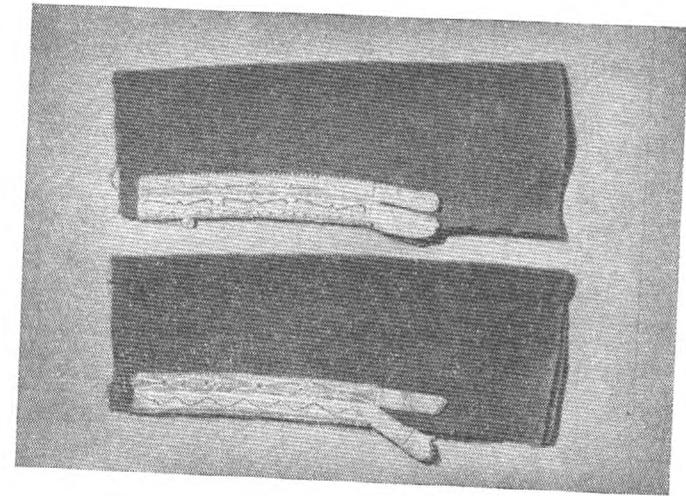

Рис. 12. Женские носовицы.
№ 1901-3а, б.

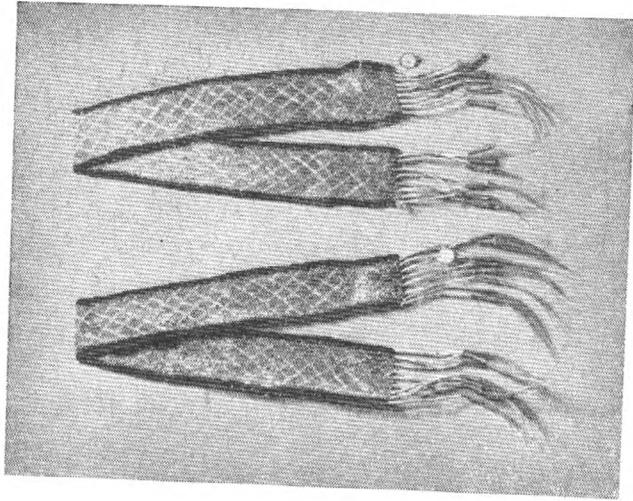

Рис. 13. Подвязки для носовиц.
№ 1901-4а, б.

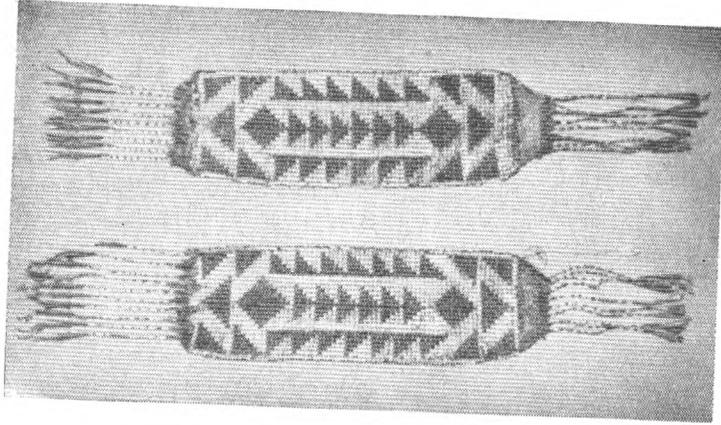

Рис. 14. Подвязки для носовиц.
№ 1901-15а, б.

перпуть, Т-образный. Отвороты пришиты отдельно и в шов вставляла узенькая полоска замши, вырезанная по краю зубчиками. С каждой стороны подъема у пиа отворота пришито по петле для продергивания завязок из узкого ремешка. Мохавки.

№ 1882-27а, б — мокасины из замши, сшитые из двух кусков. Передний шов идет от носка до отворотов; у пиа замша приспособлена мелкими складочками. Задний шов перевернутый, Т-образный. Одна половина каждого отворота (с внутренней стороны ноги) скроена из одного куска с мокасином, другая половина пришита (с наружной стороны ноги). На концах отворотов у подъема сделаны отверстия для узкого ремешка-завязки. Сспака.

№ 6389-8а, б — мокасины из замши. Отвороты пришиты, по переднему краю вырезаны зубчиками. На подъеме вставка. Передний шов идет от носка до вставки; вокруг вставки на одном мокасине замша приспособлена. Задний шов перевернутый, Т-образный. Вставка сделана из сложного вдвое куска замши, верхняя часть которого вышита разноцветным бисером (оранжевым, зеленым, коричневым, черным, красноватым и др., темный бисер — прозрачный) техникой, при которой бисер нанизан на нитку и эта нитка пришита к материалу стежками через две-три бисерины (рис. 15).³⁷ По шву вставка окаймлена двумя толстыми жгутами из конских волос, плотно обмотанными шелком: один — зеленым, другой — красным. Сзади под отворотами и спереди у нижнего края отворотов сделаны отверстия, сквозь которые продернут длинный тонкий замшевый ремешок-завязка.

№ 6389-4 — головной убор. Шапочка сшита из двух кусков толкой темно-коричневой замши; швы внутренние, сделаны фабричными красными нитками. Сзади сквозь четыре дырочки продет узкий ремешок-завязка. Поверху (такими же нитками) пришиты пучки конских неокрашенных волос, образующие гребень; снаружи они длинные, внутри гребня совсем короткие. Внутри гребня спереди узким ремешком прикреплена деревянная втулка для пера (?). Длина волос гребня от 14 (спереди) до 8 см (сзади).

Рис. 15.
Деталь
техники
вышивки
бисером.
По Орчарду.

УКРАШЕНИЯ

Изделия из вампума. С середины XVII в. особенно широкое распространение получили бусы-вампум. Даже крупные специалисты по культуре ирокезов и восточных алгонкинов затрудняются точно определить время появления этих характерных бус. Наиболее четко данный вопрос изложен у Спекса.³⁸ Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о существовании двух типов вампума. Первый — это небольшие плоские белые дискообразные бусы, распространенные на археологических стоянках восточных районов. Позднее, в так называемый исторический период и в период, предшествовавший ему, их сменили бусы второго типа — мелкие цилиндрические или трубчатые, фиолетового и бледного цвета, которые широко употреблялись для обрядовых целей. Уиллоуби — авторитет по данному вопросу — отмечает недостаток доказательств того, что «маленькие цилиндрические бусы из раковин типа, известного как вампум, делались индейцами Новой Англии до начала XVII в.»³⁹

Морган весьма категорично пишет: «Примитивный вампум ирокезов состоял из низок небольших речных спиральных ракушек. . . В современном виде вампум был введен среди них голландцами (около 1627 г.).»⁴⁰

Еще до прихода европейцев ирокезы брали с некоторых алгонкинских племен Атлантического побережья давь вампумом. Несомненно, можно присоединиться к мнению, что европейские орудия лишь помогли усовершенствовать то, что уже существовало. Во всяком случае некоторые прибрежные племена, получив тонкие металлические шилья от европейских

³⁷ Orchard W. C. Beads and Beadwork. . . , p. 128—129.

³⁸ Speck F. G. The Functions of Wampum among the Eastern Algonkian. — MAA, 1919, vol. VI, № 1.

³⁹ Willoughby C. C. Dress and Ornaments of the New England Indians. — AA, 1905, vol. 7, № 3, p. 507.

⁴⁰ Morgan L. H. Report. . . , vol. V, p. 71.

торговцев, сами стали изготовлять вавпум в значительном количестве. Однако вскоре основную массу употреблявшегося индейцами вавпума производили и поставляли уже английские и голландские колонисты.

Настоящий вавпум делали из раковин: цветной — из фиолетовой части раковины мерценарии (*Mercenaria mercenaria*), а белый — из белой части раковин тех же моллюсков или из столбиков литорин. Бусины имели 6—7 мм в длину, 3 мм в диаметре и продольно просверленное отверстие.⁴¹ Изделия из вавпума, а то и просто низки его играли большую роль в общественной и обрядовой жизни ирокезов.

В начале колониального периода вавпум был средством обмена, несколько позднее — денежной единицей. Его низки в зависимости от расположения и цвета бусин использовались для передачи различных сообщений другим племенам.

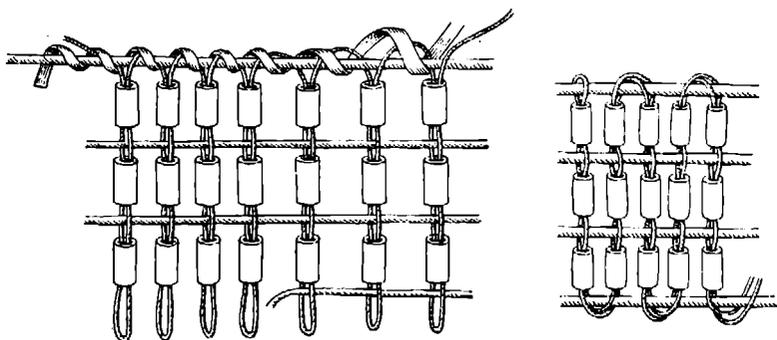

Рис. 16. Деталь техники плетения изделий из вавпума. По Орчарду.

Особенно известны пояса-вавпумы, являвшиеся своего рода обменными грамотами при заключении каких-либо соглашений между ирокезами и другими племенами или европейцами. На поясах имелись отдельные знаки-фигурки, которые символизировали предметы или события. Соглашения «вговаривались» (talked into) в вавпум, и хранители (обычно вожди) передавали их смысл своим преемникам. К сожалению, в МАЭ нет ни одного экземпляра подобного пояса.

Ранние работы, описывавшие культуру ирокезов, упоминают также различные украшения из вавпума. Эти украшения — повязки, носившиеся вокруг шеи, рук, на голове, пояса — сохранились в быту до конца XIX в.⁴² Их плели на вертикальной основе, чаще простой техникой (пояса), иногда диагональной. Основа состояла из узелковых ремешков или из веревочек, ссученных из растительных волокон; нити утка делали из растительных волокон, реже из сухожилий. Техника плетения изделий из вавпума показана на рис. 16.

Наряду с подобными плетеными изделиями носили и ожерелья из вавпума, нанизанного на длинные нити. Эти бусы обертывали вокруг шеи, насколько позволяла их длина.

№ 1901-23 — нагрудное украшение из вавпума (рис. 17). Двойной диск из бересты с одной стороны обшит холстом, на который концспиритическими кругами нашито 13 кругов фиолетового вавпума; пятый от края круг — из белого вавпума с четырьмя высту-

⁴¹ Хорошее описание изготовления вавпума см.: Orchard W. C. Beads and Beadworks. . . , p. 70—74.

⁴² А. Паркер — знаток культуры ирокезов — утверждал, что вавпум в украшениях постепенно был вытеснен стеклярусом. Орчард же писал что стеклянные имитации бус из вавпума не получили особого распространения, может быть, из-за несходства цвета (Orchard W. C. Beads and Beadworks. . . , p. 69, 110).

паши. По краю диска пашига полоса (0.5 см) из расщепленных игл дубообраза, окрашенных в красный цвет. Сзади к петле из узкого ремешка привязана темная шелковая лента, надевавшаяся на шею. Диаметр диска 17 см, длина ленты около 105 см, ширина около 35 см. Это пагрудное украшение относится приблизительно к середине XVII в. и изображает солнце. Возможно, что оно получено от гуронов.

№ 1901-10 — пояс из черных промизок (рис. 18), орнаментированный шестью ромбами из белых промизок. Сплетен техникой вертикального плетения. Основу составляют 12 узких кожаных ремешков, пяти утка — из растительных волокон. Этот пояс представляет собой образец характерных поясов ирокезов, изготовлявшихся некогда из вампума. Длина 118 см, ширина 5.5 см.

№ 1901-7 — заготовка для сумочки (согласно старой описи) в виде двух трапециевидных половинок, сплетенных из промизок прямоугольной техникой (табл. II, 3). Основа — из кожаных узких ремешков, фоп — из черных промизок, орнамент — из белых. Копцы ремешков связаны попарно, перекручены и образуют бахрому. Высота 13 см, ширина 13—16 см.

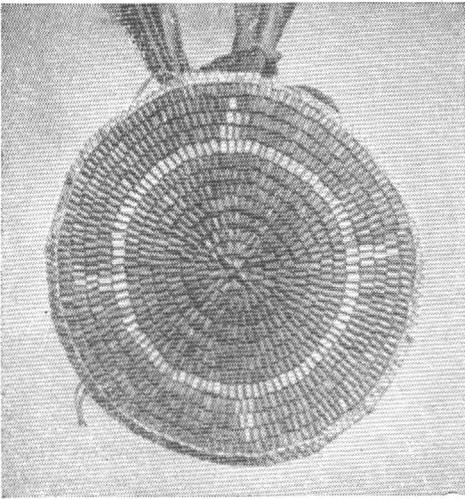

Рис. 17. Пагрудное украшение. № 1901-23.

Рис. 18. Пояс из черных промизок. № 1901-10.

Спек в своей работе о функциях вампума у восточных алгонкинов пишет, что такие украшения из вампума ирокезы носили в волосах, хотя уже давно никто не видел их в употреблении. Существовало предположение, основанное на форме вещей, что это обшлага (suffs), но они слишком малы, чтобы обхватить кисть руки.⁴³ Бошан же называет подобные изделия поясами.⁴⁴

№ 1901-6 — сумка, сшитая из двух частей (табл. II, 4). Задняя сторона — из грубо выделанной кожи, передняя — из черных промизок с орнаментом из белых, сплетена прямоугольным плетением и пашига на грубую ткань. К низу сумки пришита бахрома из конусообразных металлических трубочек, сквозь которые продернуты небольшие пучки окрашенных в красный цвет волос. Такие же подвески пришиты с боков и

⁴³ Speck F. G. The Functions of Wampum. . . , p. 20—25, 29, fig. 2, c.

⁴⁴ Beauchamp W. M. Wampum and Shell Articles Used by the New York Indians. — New York State Museum, Univ. of the State of New York, Albany, 1901, Bull. 41, pl. 12, 169, 170.

у верхнего края. Верхний край сумки обшит голубой шерстяной тесьмой. Узкими кожаными ремешками к сумке привязана длинная ляжка из черных и белых пропизок, сплетенная диагональной техникой. Размер сумки 18×24 см, длина бахромы 4 см, длина ляжки 138 см, ширина ляжки 2,3 см.

№ 1901-8 — лента из черных пропизок, окаймленная одним рядом белых (табл. I, 4). Сплетена диагональной техникой. Подобная лента могла служить и поясом, и ожерельем, и ляжкой для сумочки. Длина 106 см (один конец оборван), ширина 2 см.

№ 1901-9 — поясик или ожерелье из зеленых пропизок. Плетение диагональное. Нити основы и утка — растительные волокна. Узор — шесть ромбов из белых и темных пропизок. Из таких же пропизок сделаны окаймляющие поясик полоски. К концам привязаны узкие ремешки для завязывания. К одному ремешку привязан металлический плоский треугольник (высота 2,5 см). Длина 100 см, ширина 2,5 см.

№ 1901-12 — кусок ленты из черных пропизок, окаймленный белым бисером (табл. I, 5). Лента сплетена прямоугольной техникой. Основа — узенькие скрученные ремешки, окрашенные в красный цвет; пяти утка — растительные волокна. Длина 10 см, ширина 3 см.

№ 1901-11 — ожерелье из восьми пизок белых и черных пропизок (табл. I, J). Длина низок от 60 до 124 см.

№ 6389-9 — пизка вампума из 26 цилиндрической формы бусин длиной 3—5 см, серо-сиреневого и белого цвета.

Украшения из разных материалов. Помимо изделий из вампума и серебра, в Музее антропологии и этнографии имеются всего два украшения, сделанные из других материалов.

№ 1901-19 — браслет из трех кожаных ремешков, каждый из которых обмотан расщепленными и окрашенными в желтый, красный и синий цвет иглами дикобраза. В месте скрепления ремешков с браслетом пришиты три длинных узких ремешка, также плотно обмотанных окрашенными иглами дикобраза и оканчивающихся конусообразными металлическими трубочками с продернутыми сквозь них пучками волос, окрашенных в зеленый цвет. Длина браслета по окружности 32 см, общая ширина 15 см, длина ремешков с кисточками 32 см.

№ 6389-6 — ожерелье из зубов лошади и трубчатых костей оленя, нанизанных на хлопчатобумажную бечевку. В центре ожерелья — зубы, отделенные друг от друга узлами на бечевке. Длина ожерелья 95 см.

Украшения из серебра. Первые сообщения о серебряных ирокезских украшениях появились в конце XVII в. С приходом европейцев они, очевидно, частично заменили украшения из меди, которые сильно отличались по характеру от серебряных.⁴⁵

Искусство обработки серебра было перенято ирокезами от голландцев. Кресты, броши, браслеты и кольца европейцы (в основном голландцы) делали для торговли с индейцами, которые позднее стали изготавливать их сами. Форма и узоры, однако, напоминали работы европейского происхождения: наиболее популярными были круги, четырехугольники, сердца и звезды. Хэррингтон правильно считает, что нет необходимости искать истоки обработки серебра за пределами Америки, так как индейцам была знакома холоднаяковка меди. «Действительно, если мы назовем древнюю американскую ковку металлов матерью этого искусства, то мы можем сказать, что отец пришел из-за океана. Несмотря на это, оно приобрело свой собственный характер и носит отпечаток не только приспособленности ирокезов, но и их оригинальности», — пишет он.⁴⁶

Из серебра делали ожерелья, подвески, серьги, кольца, броши; последние — обычно из монет. В коллекциях МАЭ представлены лишь броши. На женские платья часто нашивали большое количество серебряных брошей разного размера. Но ими украшали не только платья, их прикрепляли на ленты, головные повязки, кармашки (их носили мужчины и женщины). Каждая брошь имела в центре отверстие, которое пересекалось поперечной заколкой. Прикрепляли броши следующим образом: в нужном месте

⁴⁵ Harrington M. R. Iroquois Silverwork. — *Anthropol. Papers of the Am. Museum of Nat. Hist.*, 1908, vol. I, pt. VII, p. 353.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 368.

ткань собирали и слегка продергивали с нижней стороны через отверстие в брошке, протыкали заколкой, затем стягивали назад и уплощали (рис. 19).

№ 1882-8 — брошь в форме кружка из узкой полоски, с большим отверстием посередине. Наружная сторона слегка выпуклая, задняя соответственно вогнутая. Диаметр броши 3.4 см, диаметр отверстия 2.6 см. Каюга.

№ 1882-9 — брошь, сходная с предыдущей. Диаметр броши 3.4 см, диаметр отверстия 2.6 см. Каюга.

№ 1882-18 — брошь в форме плоской круглой розетки с ажурными прорезями, легкой гравировкой. Диаметр броши 5.3 см, диаметр отверстия 1.8 см. Онейда.

№ 1882-29 — брошь, сходная с № 1882-18. Диаметр броши 5.3 см, диаметр отверстия 1.8 см. Сенека.

№ 1882-6 — брошь в форме квадратной рамочки со слегка вогнутыми сторонами. Эта форма брошей в литературе называется «квадрат». Как и простые круглые броши (№ 1882-8 и 9), броши данной формы слегка выщуклы с наружной стороны и вогнуты с внутренней. Размер 3.3×3.3 см. Каюга.

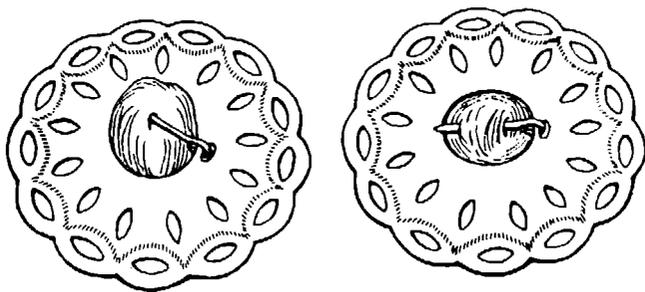

Рис. 19. Способ прикрепления брошей. По Хэррингтопу.

№ 1882-19 — брошь плоская, в виде четырехугольной розетки с весьма большим отверстием посередине. В литературе эта форма также называется «квадрат», хотя не имеет углов, а стороны ее не прямые, а слегка вогнутые. На «углах» выгравировано по четыре крошечных кружочка. Размер 3.1×3.1 см. Онейда.

№ 1882-11 — брошь плоская, в форме сердца, увенчанного «головой совы». Заколка отсутствует. Высота 4.5 см, наибольшая ширина 2.9 см. Каюга.

№ 1882-10 — брошь плоская, в форме двух падающих одно на другое сердец, с украшением наверху и гравировкой на поверхности. «Сердцеобразные брошки — одна из наиболее распространенных форм. Они обычно состоят из двух перекрывающихся друг друга сердцеобразных фигур, увенчаных украшением, иногда напоминающим корону, а иногда голову совы. Сердца делают на узкой полоске серебра; язычок проходит через получающееся центральное отверстие».⁴⁷ Высота 3.5 см, наибольшая ширина 3 см. Каюга.

№ 1882-7 — брошь в виде розетки с ажуральной симметрией, плоская, с гравировкой. Подобная форма в литературе называется «масонской». Высота 6 см, наибольшая ширина 4.8 см. Каюга.

Хэррингтон, собиратель рассматриваемой коллекции, писал, что индеец, делавший ему серебряные вещи, давал свои названия различным формам брошей. Простые кружки он называл «глаз»; большего размера, орнаментированные — «солнечное сияние»; сердцеобразные фигуры, одиночные или простые, — «нарядный головной убор или корона»; двойной «квадрат» — «двойная брошка»; не двойной — «просто брошка»; «масонская» форма не имела своего названия, но если на ней были выгравированы узоры, похожие на крест, то и брошь называлась «крест».⁴⁸

⁴⁷ Ibid., p. 354.

⁴⁸ Ibid., p. 355.

ПРЕДМЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРЯДАМИ

Выше уже упоминалось о том, что «консервативные» группы ирокезов еще и в наше время сохраняют некоторые обряды. В основном это обряды тайных обществ «Фальшивых лиц» и «Кукурузных лиц», существующих в измененном, конечно, виде и сохранивших даже культовые принадлежности — маски, трещотки и др.

В обряде общества «Фальшивых лиц» есть локальные варианты, но некоторые элементы общи всем ирокезам. Наиболее разработаны обряды у сенека, в меньшей мере у каюга и онондага; у других групп они уже исчезли. Основная функция этого общества — лечение болезней, главным образом истерии, паралича лица, кровотечения из носа, воспаления глаз, зубной боли и «дурных снов». Кроме того, три раза в год исполнялись публичные обряды. Весной и осенью изгонялись болезни из резерваций. Для этого члены общества с масками на лицах, трещотками в руках заходили в дома всех верующих, ворошили огонь в очагах, обсыпали обитателей дома золой и танцевали. В третий раз «Фальшивые лица» появлялись во время празднования Нового года и просили духов отозвать болезни, в которых они были повинны в истекшем году.⁴⁹ Членом тайного общества человек мог стать после соответствующего сна, видения или после излечения от болезни в результате исполненного над ним обряда (в последнем случае он автоматически становился членом общества).

Существует много вариантов мифа о происхождении «Фальшивых лиц». Приведем наиболее распространенный вариант. Злой Дух бродил по земле, заряжая все вокруг своей «силой». Повстречавшись с Великим Духом (Творцом), он вызвал его посоревноваться в силе, заставив гору сдвинуться с места. Однако самому ему это не удалось. А когда Великий Дух повелел горе сдвинуться, она придвинулась так близко к Злому Духу, что тот, обернувшись, разорвал себе лицо о поверхность скалы. Поэтому у него лицо перекошенное. Великий Дух, доказав свою силу, велел ему впредь помогать людям излечивать болезни. Злой Дух согласился, если люди станут сжигать табак в его честь и при изгнании болезни носить похожие на него маски.⁵⁰ (Следует отметить, что слова «маска» и «лицо» одинаковы во всех ирокезских диалектах,⁵¹ лишь онондага чаще называли маски словом «горбун»⁵²).

Общество «Кукурузных лиц» играет в жизни ирокезов меньшую роль, чем общество «Фальшивых лиц».

Маски. Каждое из тайных обществ имело для своих обрядов различные маски.⁵³ «Фальшивые лица» — вырезанные из дерева, «Кукурузные лица» — сплетенные из кукурузных листьев. Фентон писал, что прежние маски — это деревянные изображения нескольких типов мифических существ и что некогда ирокезские племена и некоторые алгонкинские ассоциировали деревянные маски с охотой и контролем над дичью. Маски из кукурузных листьев символизировали трех духов земледелия — кукурузы, бобов и тыкв, — давших людям полезные растения и научивших их обрабатывать землю.

⁴⁹ Hendry F. Op. cit., p. 366—367.

⁵⁰ Blau H. Function the False Faces. — J. of Am. Folklore, Boston, 1966, vol. 79, № 314, p. 565—566.

⁵¹ Fenton W. N. Some Questions of Classification, Typology, and Style of Raised by Iroquois Masks. — Transac. of the New York Acad. of Science, ser. 2, 1956, vol. 18, № 5, p. 351.

⁵² Fenton W. W. Masked Medicine. . . , p. 405.

⁵³ Краткое описание современных обрядов при лечении больных членами общества см.: Fenton W. N. Some Questions of Classification. . . , p. 354.

В прежние времена начало изготовления деревянных масок было связано с определенными ритуалом и запретами. Маски вырубали из ствола растущего («живого») дерева (рис. 20), чтобы они сохранили качества, приписываемые Мировому дереву — символу мира и единства. Предпочитали американскую липу, а иногда иву. Выбрав дерево, резчик сжигал табак у его корней. Черты маски он намечал на дереве. Затем делал зарубки надо лбом и ниже подбородка и вырубал из ствола доволно солидный кусок, который обрабатывал дома, на досуге. Вырезав лицо маски: рот, отверстия для глаз и носа, кривым ножом выдалбливал заднюю сторону (прежде ее выжигали). Глаза окружал полосками листовой меди или жести, лицо обрамлял длинными волосами из черного конского хвоста, иногда сухими листьями кукурузы. Прежде по верхнему краю маски раскаленной проволокой выжигали семь отверстий и с помощью ремешков из кожи птенцов привязывали пучки волос. В наше время волосы прикрепляют гвоздиками. Современные резчики имеют хорошие наборы инструментов. Модернизация заходит так далеко, что вместо завязок к маске прикрепляют даже тесемки от бейсбольной маски.⁵⁴

Маски раскрашивали: если резчик находил нужное ему дерево до полудня, то раскрашивал маску в красный цвет, после полудня — в черный.

Каждый член общества «Фальшивых лиц» обычно имел одну или несколько масок и погремушку из черепахи, но мог пользоваться во время совершения обрядов масками любого другого члена общества. Новый владелец лишь прибавлял свою связочку священного табака к уже имевшимся на маске. Член общества, не унаследовавший старой маски, должен был сделать ее себе сам или обратиться к резчику.⁵⁵ Хранили маски завернутыми в головной платок, лицом вниз, волосы спускали на лицо, погремушку клали в углубление на маске. Иногда незавернутые маски подвешивали в комнате — повыше и обязательно лицом к стене. Из обычаев, связанных с хранением масок, следует отметить их кормление: если маска «голодна» и «хочет есть», то владелец проталкивает через ротовое отверстие специально сваренную кукурузную кашу или натирает ее губы грибами, а лицо смазывает подсолнечным маслом.⁵⁶

Почти все данные, указывающие на то, что при определенных обрядах пользовались определенными типами масок или что они имели особые функции. Блан, исследовавший обряды общества «Фальшивых лиц», писал, что маски всех типов могли появляться в любом обряде. Однако любая маска, с помощью которой совершались неоднократные излечения, с течением времени могла стать «ведущей».⁵⁷

Рис. 20. Маска па дереве.
По Хэдри.

⁵⁴ Fenton W. N. Some Questions of Classification . . . , p. 353.

⁵⁵ Fenton W. N. The Seneca Society of False Faces. — Scientific Monthly, New York, 1937, vol. XLIV, p. 230.

⁵⁶ Ibid., p. 230.

⁵⁷ Bl an H. Op. cit., p. 567.

Хэндри в работе, посвященной маскам ирокезов, отмечает, что, различаясь в деталях, они имеют общие характерные черты, придающие им единый стиль. Лицевая часть маски выполняется высокорельефной резьбой, «черты, хотя и отчетливо человеческие, всегда искажены и преувеличены. Глаза глубоко посажены и окружены широкими ободками листового металла, в то время как нос, обычно длинный, с высокой переносицей, может быть свернут на одну сторону. Наиболее варибельной чертой является рот . . . нередко имеются зубы или высунутый язык. Большинство масок имеет глубоко презанные морщины вокруг рта или глаз».⁵⁸ Фентон разработал признанную большинством исследователей классификацию ирокезских масок, исходя из формы их рта. «На мое решение взять рот за критерий повлияла тенденция самих ирокезов называть маски по этой черте», — пишет Фентон.⁵⁹ Он насчитывает 12 типов масок и в своих работах прослеживает «связь этих типов с мифологией и обрядами и возможность установления локальных и племенных стилей».⁶⁰ Имеющиеся в МАЭ деревянные маски иллюстрируют лишь три типа.

Большинство исследователей отмечает поразительную устойчивость облика типа масок, мало изменявшегося от поколения к поколению. Однако ранние маски проще по выполнению и ближе напоминали человеческое лицо. Среди этих масок много сходных, иногда почти дублетов. Тщательно вырезанные маски сохраняли черты, характерные для их назначения. Постепенно ирокезские маски делались все более замысловатыми и гротескными. С начала XX в. спрос коллекционеров на маски сильно повлиял на развитие новых типов их. Появление гротескно-искаженных лиц масок говорит, возможно, о том, что, став внешне более сложным, искусство резчиков-ирокезов потеряло глубину и значительность содержания; сказывается «отсутствие глубокого почитания, двигавшего пальцами предков».⁶¹ Современные резчики имеют свой индивидуальный стиль, существуют даже локальные «художественные школы».⁶²

Выше уже упоминалось, что есть маски, сделанные из кукурузных листьев. Они не столь многочисленны, как деревянные, ибо тайное общество, члены которого носили их, почти исчезло. Фентон пишет о двух техниках плетения этих масок. В первом случае, более частом, длинные листья обертки кукурузных початков сплетали в косички, которые затем сшивали либо спирально, либо параллельно, либо кружками; последние, пришитые друг к другу, образовывали глаза, лоб, щеки и рот; нос, из куска кукурузного початка, завернутого в лист, пришивали отдельно. В другом случае радиальные полосы основы сплетали двумя полосками утка; плетение начинали от носа и доходили до края маски.⁶³ Спек приводит в одной из своих работ изображение маски из плетеных полосок, сшитых параллельными горизонтальными рядами, с отверстиями-щелочками для глаз и рта.⁶⁴ Все маски обшивали бахромой из полосок кукурузных листьев, изображавших волосы.

№ 1882-30 — маска деревянная, окрашенная в красный цвет, с волосами из черного конского волоса (табл. III, 1). Вокруг глазных отверстий прибиты накладки

⁵⁸ Hendry F. Op. cit., p. 368.

⁵⁹ Fenton W. N. Some Questions of Classification. . . , p. 348.

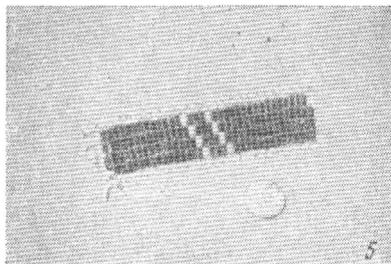
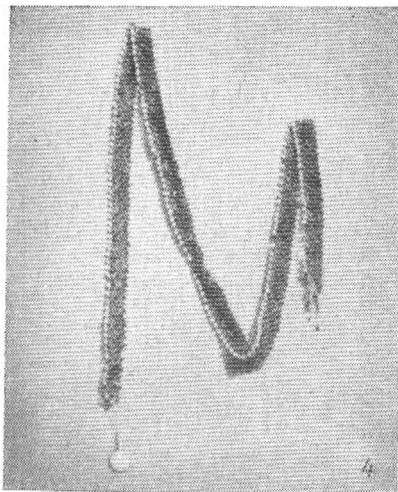
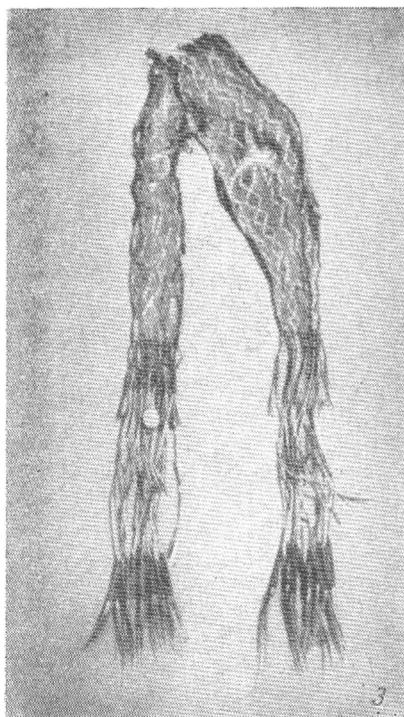
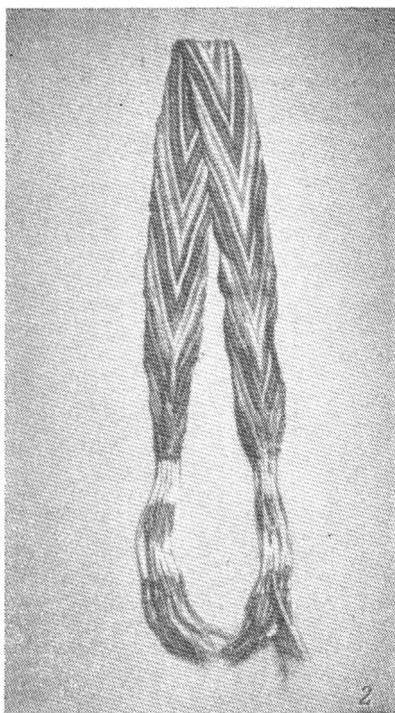
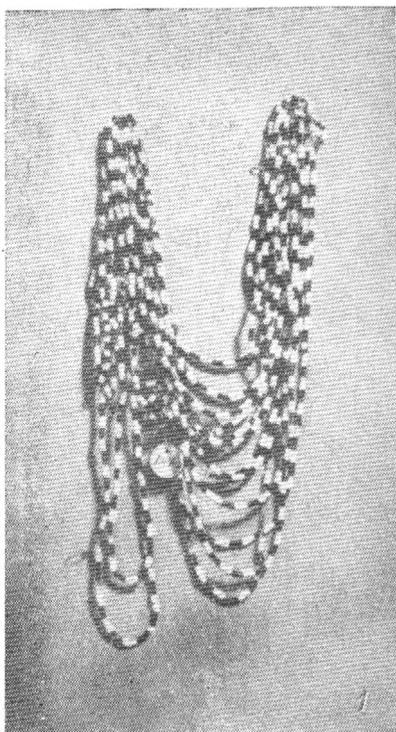
⁶⁰ Ibid., p. 353.

⁶¹ Kessler J. Comments on Certain Iroquois Masks. — CMAI, 1941, vol. XII, № 4, p. 20.

⁶² Fenton W. N. Some Questions of Classification. . . , p. 353.

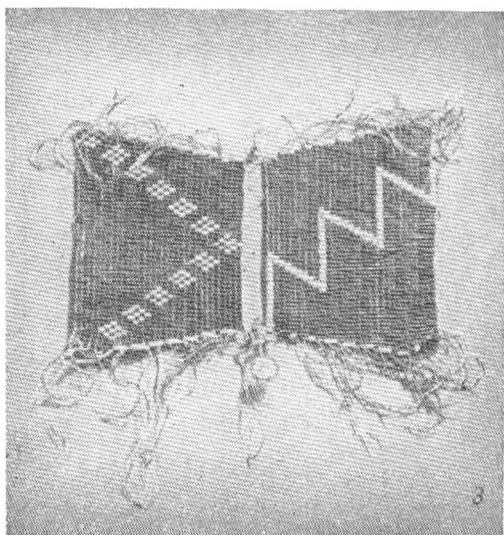
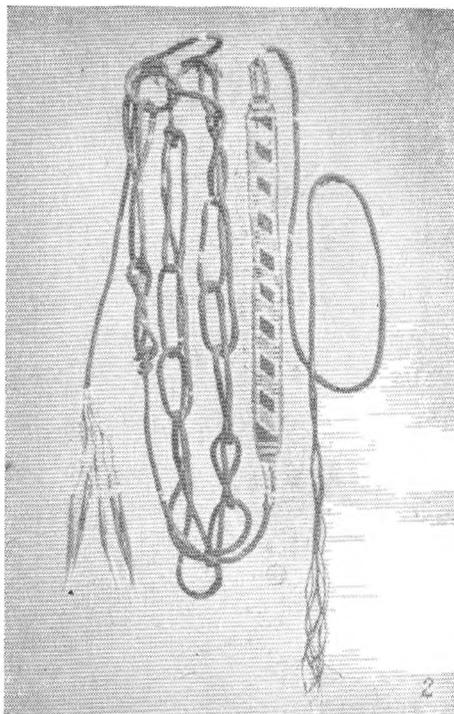
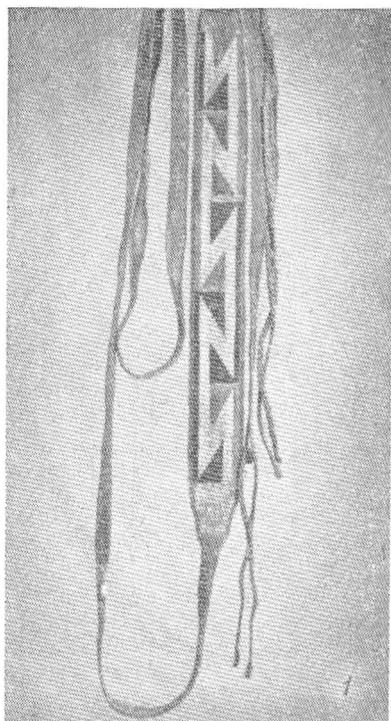
⁶³ Fenton W. N. Masked Medicine. . . , p. 412.

⁶⁴ Speck F. G. Concerning Iconology and the Masking Complex in Eastern North America. — Univ. of Pennsylvania, Museum Bull., Philadelphia, 1950, vol. 15, № 1, p. 19, fig. VI.

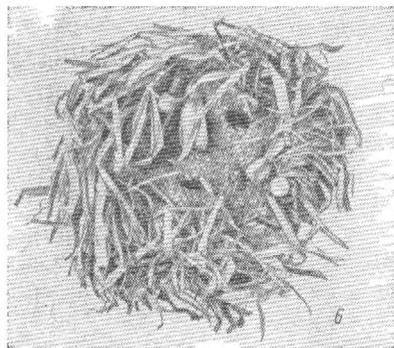
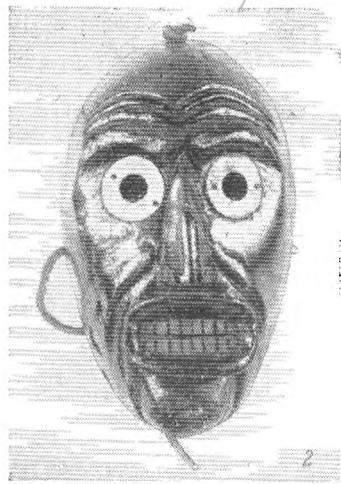
Т а б л и ц а I. Украшения.

1 — ожерелье, № 1901-11; 2 — пояс, № 1901-22; 3 — пояс, № 1901-14; 4 — лента, № 1901-8;
5 — кусок ленты, № 1901-12.

Т а б л и ц а II. Разные предметы.

1 — лямка для переноски тяжестей, № 1901-20; 2 — лямка для связывания и конвоирования плесных, № 1901-18; 3 — заготовка для сумки, № 1901-7; 4 — сумка, № 1901-6.

Т а б л и ц а III. Маски.

1 — деревянная, № 1882-30; 2 — то же, № 1882-31; 3 — то же, № 1882-32; 4 — то же, № 6389-24;
5 — из листьев обертки початков кукурузы, № 1882-34; 6 — то же, № 1882-33.

из жести. Рот улыбающийся, с оттянутыми кверху уголками губ. Высота 29 см, ширины 17.5 см. Сенека.

№ 1822-31 — маска деревянная, окрашенная в красный цвет (табл. III, 2). Вокруг глазных отверстий прибиты накладки из жести. Рот прямой, с выступающими губами. Волос нет. Высота 26 см, ширина 16 см. Сенека.

№ 1882-32 — маска деревянная, окрашенная в черный цвет (табл. III, 3). Вокруг глазных отверстий прибиты накладки из жести. Рот улыбающийся, с оттянутыми кверху уголками губ. Волос нет. Высота 25.5 см, ширина 16 см. Сенека.

№ 6389-24 — маска деревянная, окрашенная в красновато-коричневый цвет (табл. III, 4). Глаза, нос и рот прорезаны. Лицо перекошено. Вместо волос полоски лыка. Маска современной работы, хорошо копирующая старый образец. Высота 32 см, наибольшая ширина 19 см.

№ 1882-33 — маска из листьев обертки початков кукурузы, полосы которых сплетены в косички и спиты в три кружка, образующих лицо маски (табл. III, 6). Нос, надбровные дуги и уши из кусков початков покрыты оболочкой. Глаза и рот в виде отверстий-щелочек. Вокруг всей маски бахрома из полосок оболочек початков. Размер лица маски 18×18 см, длина бахромы 10—12 см. Сенека.

№ 1882-34 — маска из оболочек початков кукурузы (табл. III, 5). По типу сходна с предыдущей. Нос — из куска початка. Размер лица маски 20×20 см, длина бахромы 10—12 см. Сенека.

№ 1882-35 — маска из листьев обертки початков кукурузы. Сплетенные в косички полоски оболочки, спитые спиралью в три ряда, образуют овал лица, затем идут спирально вокруг глаз и рта и параллельными полосками от рта до носа. Нос — из свернутых полос оболочек початка. Глаза и рот — отверстия. Сзади завязки из полосок фабричной ткани. Вокруг маски бахрома. Высота 16 см, ширины у лба 14 см, длина бахромы 9—12 см. Сенека.

№ 6389-23 — маска из листьев обертки початков кукурузы. Сплетенные в косички полоски оболочек початков на лице спиты горизонтальными рядами. Вокруг всего лица эти полосы идут по спирали в пять рядов, образуя овал лица, расширяющийся кверху и сужающийся книзу. На месте носа привязан кусок початка с оболочкой. Рот — из двух плетеных косичек. Глаза — расширение между полосами. Маска обшита двумя плетеными косичками с торчащей бахромой из полос оболочек початка. Высота маски 20 см, ширина у лба 18 см, ширина бахромы 8—10 см.

Погремушки, барабанчики, флейта. Члены общества «Фальшивых лиц» при совершении обрядов использовали, помимо масок, еще и погремушки двух видов: сделанные из черепах и из коры. Пресноводных черепах ловили поздней весной, до того как их панцирь начинал шелушиться от летней жары. Черепахам отрезали или хвост, или яремную вену и вешали для сушки. Затем их потрошили, срезали конечности, зашивали все получившиеся отверстия и насыпали внутрь пригоршню вишневого косточек или кукурузных зерен. Шью, служившую рукояткой, вытягивали на сосновой палочке, которая проходила внутри панциря и упиралась в основание головки черепахи. Вставляли также щепки-распорки в грудину и две — поверх панциря сбоку, с одной стороны их приматывали к шее полосками липовой коры, внутреннего слоя коры вяза или сыромятным ремешком.

Такие погремушки имели все члены общества и шаманы. Два участника обряда, а иногда и больше, сидя верхом на скамье, стоявшей посредине помещения, ударяли по ней краями погремушки. Эти погремушки употребляли лишь во время немногих торжественных обрядовых танцев, например в танце Великого Пера.

Для изготовления погремушек второго вида обычно выбирали молодой орешник или вяз, сдирали довольно длинный кусок коры и складывали его поперек вдвое; боковые края одной части загибали внутрь, а края другой половины охватывали их сверху. Внутрь насыпали вишневые косточки, мелкие камешки или зерна кукурузы. Открытый конец затыкали куском початка кукурузы или обматывали полоской ивовой коры.

Во время обычных обрядовых танцев пользовались чаще всего погремушкой из небольшого отрезка коровьего рога (некогда их, возможно, делали из бизоньего рога), тонко выскобленного, с деревянными плоскими кружочками-загычками с обоих концов и деревянной палочкой-

ручкой, протыкающей погремушку насквозь. Эти погремушки имели мягкое звучание, тогда как черепаховые трещали весьма резко.

Почти во всех обрядах, сопровождавшихся танцами и песнями, участники-певцы отбивали ритм подобными погремушками.

Наряду с погремушками, «поддерживающими песни», по словам индейцев, существенную роль играл и небольшой деревянный барабанчик с водой, употреблявшийся при исполнении самых различных обрядов. Спек писал, что такой барабанчик «выделялся и по своим функциям и по музыкальным качествам».⁶⁵ Подобные барабаны встречаются и у других восточных племен, но ирокезский меньше по размерам. Тулово его делается из плоских кусков дерева (иногда из кусков кадушек и бочонков из-под масла), плотно пригнанных один к другому (некогда выжигали из одного куска дерева) и образующих как бы ведро с плоским круглым дном. Верхнее отверстие по диаметру несколько меньше дна. На

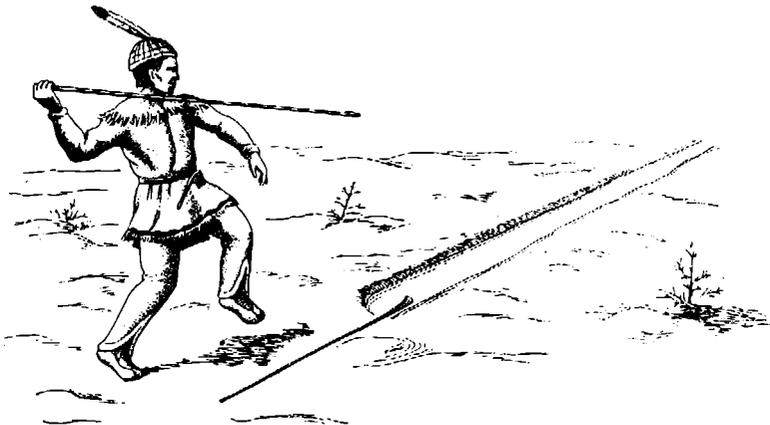

Рис. 21. Индеец, изготовившийся бросить «змею». По Хэндри.

него натягивается кусок кожи. Все скрепляется небольшими ободками. Барабан водонепроницаем. Перед обрядом в него наливается немного воды. Головка увлажняется и издает при легком прикосновении палочкой вибрирующий звук определенного тона. Высота звука зависит от уровня воды и плотности кожи. Небольшая, тщательно вырезанная, с небольшим утолщением на одном конце палочка (не колотушка) захватывается большим и указательным пальцами, ею при аккомпанементе пению лишь слегка касаются поверхности кожи. Перед началом обряда каждый исполнитель тщательно настраивает свой барабан на определенную высоту тона. Нечто барабаны считались одушевленными.⁶⁶

К сопровождающим пение инструментам относится флейта — единственный ирокезский духовой инструмент, никогда не использовавшийся во время совершения обрядов. Она делалась из кедрового дерева, имела отверстие для рта на одном конце и шесть отверстий для пальцев — на другом. Несколько ниже ротового отверстия помещался свисток.

Морган пишет, что флейта — «индейское изобретение»,⁶⁷ по словам Спекса, однако, «некоторые этнографы считают, что она заимствована от европейцев».⁶⁸

⁶⁵ S p e c k F. G. The Iroquois, p. 80.

⁶⁶ Ibid., p. 80—81.

⁶⁷ M o r g a n H. L. League of the Iroquois, p. 380.

⁶⁸ S p e c k F. G. The Iroquois, p. 80.

№ 1882-47 — погремушка из куска коры, сложенного вдвое. Длина 34 см, наибольшая ширина 10.5 см. Сенека.

№ 1882-48 — погремушка из куска коры, сложенного вдвое. Затычка деревянная. Длина 36 см, наибольшая ширина 11.5 см. Сенека.

№ 1882-55 — погремушка из кожи черепахи, с продетой в вытнутую шею деревянной рукояткой. Последняя проходит снизу, сверху укреплена двумя расщепленными палочками и обмотана полосками коры. Общая длина 37 см, размер цанджря 20×18 см. Сенека.

№ 6389-30 — погремушка из кожи черепахи. Шкурка шеи разрезана вдоль на две части (разрезы заходят на брюшко). В нее, упирался одним концом в головку черепахи, вставлял круглый в сечении кусок дерева — рукоятка; к ней с двух сторон прибиты небольшими гвоздками шкурка шеи. Швы на брюшке зашиты сухожилиями. Две расщепленные палочки вставлены в нижней части, одна сверху, они не примотаны к рукоятке, как обычно. Общая длина 46 см, длина рукоятки 21.5 см, наибольшая ширина 21 см.

№ 1882-21 — погремушка из отрезка рога, насаженного на деревянную палочку, которая проходит и через деревянные затычки на концах рога. Чтобы палочка держалась, ее верх прибивали металлическим гвоздем. Употреблялась во время разных танцев, обычно одновременно с барабанчиком. Длина отрезка рога 6 см, наибольший его диаметр 4.5 см, длина ручки 23.5 см. Онондага.

№ 1882-49 — погремушка из отрезка рога, насаженного на деревянную палочку, которая проходит и через деревянные затычки на концах рога. Затычки прибиты к рогу гвоздиками. Сквозь ручку идет на одном конце деревянный шпенок. Длина отрезка рога 8 см, диаметр 6 см, длина ручки 23.5 см. Сенека.

№ 6389-26 — отрезок рога, из которого делали обрядовые погремушки. Длина 27 см.

№ 1882-46а, б — барабанчик деревянный с палочкой, в виде бочонка из тонких планок с одним деревянным и двумя железными обручами. Довышко деревянное. Верхнее отверстие затянуто кожей. Высота 13 см, диаметр дна 12 см, диаметр верхнего отверстия 10 см, длина палочки 20.5 см. Сенека.

№ 6389-25а, б — барабанчик с палочкой. Барабан цилиндрический, слегка суженный сверху, выдолбленный из одного куска дерева, с отверстием наверху. Окрашен красноватой краской. На отверстие наклеен кусок желтой замши, закрепленный деревянным обручем, оплетенным лыком. Нижняя часть барабанчика также имеет обруч, но не оплетенный. Высота 12 см, диаметр дна 14 см, диаметр отверстия 12 см, длина палочки 19.7 см.

№ 6389-29 — флейта из кедрового дерева. В верхней части овальное отверстие (4.3 см), к которому примотан кусочек дерева. Ниже шесть круглых отверстий для пальцев. Длина 35 см.

РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

№ 6389-15 — инструмент из челюсти оленя. Служил для соскребания зерен с початка кукурузы. Длина 18 см.

№ 1882-42а, б — два початка кукурузы туземного вида.

№ 1882-12 — колыбель, деревянная. Низ — доска, более узкая в ногах, с переключной (упором для ног), вставленной в нее на двух шпильках. К другому концу доски узкими ремешками примотана дуга из гнутой полоски дерева. Длина 75 см, наибольшая ширина 28 см, наименьшая 21 см, высота дуги 32 см. Мохавки.

№ 6389-22 — колыбель, деревянная, сходная с предыдущей. Все части скреплены деревянными втулками и замшевыми ремешками. Длина 61 см, наибольшая ширина 29 см, наименьшая 16 см, высота дуги 28 см (на этикетке надпись: «Старая, 100 лет»).

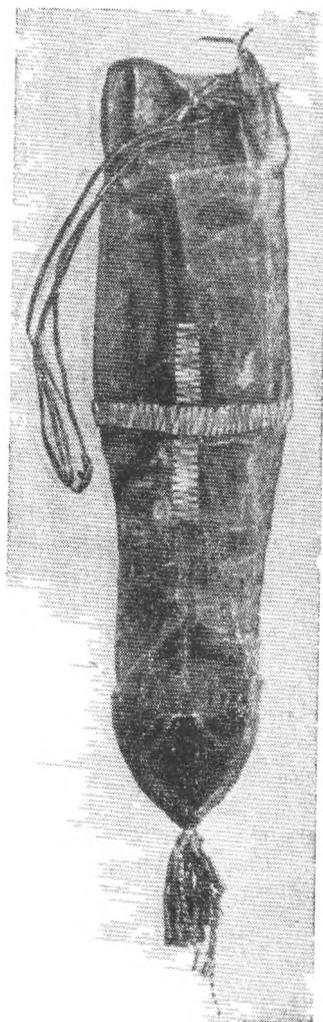

Рис. 22. Сумка из шкуры с головы и шеи черепахи.
№ 1901-24.

№ 6389-21 — циновка овальная, из листьев кукурузы. Длинная полоса, сплетенная косичкой, свернута спиралью и прошита полосками коры. На одной стороне циновки листья разрезаны так, что получился ворс. Размер 90×67 см.

№ 6389-27 — кукла из кукурузных листьев. Руки и ноги сплетены косичкой. Лицо не разрисовано, так как девочки делают это сами, получая куклу. Высота 26 см.

№ 6389-28 — кукла из кукурузных листьев, сходная с предыдущей. Высота 27 см.

№ 6389-32 — весло деревянное. Весла обычно делали длиной в рост человека с вытянутой сверху рукой, иногда короче. Длина весла 150 см, длина лопасти 55 см, ширина 12 см.

№ 6389-14 — ракетка для игры в мяч (лакросс). Сделана из палки, более тонкий конец которой загнут и привязан так, что получается рукоятка с петлей на конце. Эта петля оплетена полосками лыка. Длина 66 см. Игра велась между двумя командами по 6—8 человек. Каждый игрок имел ракетку. Морган дал живое описание этой некогда популярной у ирокезов игры.⁶⁹

№ 6389-38 — палка для игры в «спящую змею». Обычно палки делали из древесины американского орешника. Один конец имеет небольшой нагиб (выступ) для упора пальцев и утяжелен накладкой из свинца. Подобные палки с силой запускали по снежному насту (рис. 21).⁷⁰ Почти все древко данного экземпляра слегка уплощено, последние 7 см круглые в сечении, с плотно посаженным наконечником (3.2 см) из олова, с прорезьями. Длина 206 см.

№ 6389-39 — палка для игры в «снежную змею». Сходна с № 6389-38. Длина 200 см.

№ 1901-24 — сумка из кожи, снятой с шеи и головы большой озерной черепахи (рис. 22). Кости черепа не выпуты. На месте глаз поставлены круглые металлические блишки; к нижнему концу сумки прикреплен пучок коротких кожаных ремешков с металлическими конусообразными трубочками на концах и шнурков, обмотанных расщепленными и окрашенными иглами дикобраза. Посередине сумки проходит полоса вышивки иглами дикобраза, окрашенными в красный и желтопато-зеленый цвет; спереди и сзади эта полоса перекрещивается вертикальными полосками такой же вышивки (длиной 9.3 см спереди и 7.7 см сзади). К другому, открытому концу сумки привязан узкий ремешок. Длина сумки 38 см, ширина 12 см. Вышивка иглами дикобраза указывает на то, что эта вещь довольно старая. Морган отмечает, что в сумках из шкурок носили табак.⁷¹

⁶⁹ Morgan H. L. League of the Iroquois, p. 294—298.

⁷⁰ Ibid., p. 303—305.

⁷¹ Ibid., p. 380.

Р. Г. Дяпунова

Плетеные изделия алеутов

В собрании МАЭ хранится довольно большая коллекция плетеных изделий алеутов. Поступление этих предметов связано с плаваниями периода географических открытий (начиная с середины XVIII в.) и хозяйственного освоения русскими Алеутских островов и Аляски, а также с деятельностью Российско-Американской компании (с 1799 по 1867 г.).¹ В коллекции представлены почти все виды плетеных изделий, характерные для традиционной культуры алеутов.

Среди предметов домашнего обихода алеутов плетеные изделия занимали значительное место. Широкое применение в их быту находили циновки: наряду со шкурами они служили постелями, покрытиями пола; их вешали для разделения помещений отдельных семей в больших коллективных жилищах; постлали на дно охотничьих лодок — байдарок. Употребляли циновки и при погребениях — в них завертывали умерших. Также широко пользовались алеуты плетеными сумками и корзинами разнообразных форм и назначения: большими и маленькими, плоскими и цилиндрическими, для хранения мелких предметов и более крупных, для хранения пищевых припасов и для ношения тяжестей. Кроме того, плетеными были и детские колыбели. В таких колыбелях находились детские мумии, обнаруженные в погребальных пещерах на Алеутских островах. В фольклоре алеутов встречается упоминание и о плетених из травы обуви и накидках.

По многочисленным свидетельствам путешественников и исследователей, алеутские плетеные изделия выгодно отличаются от плетеных изделий соседних народов (северо-востока Азии и северо-запада Америки) тщательностью изготовления и разработанностью техники плетения.

Алеуты сохранили традиционные методы плетения и традиционные материалы почти до XX в. Это видно по полному совпадению предметов, найденных в погребальных пещерах, и изделий XIX—начала XX в. Нововведениями с начала XIX в. были лишь декоративные материалы (шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые) и некоторые формы изделий, изготавливаемых на продажу (коншельки, бумажники, портсигары).

Особенно славилась своим искусством плетения алеуты западной части архипелага.

Остановимся прежде всего на технике плетения.

Для алеутов было характерно употребление техники оплетения утком вертикальной основы (twined work),² являющейся разновидностью тка-

¹ Подробнее о поступлении коллекций МАЭ по алеутам см.: Дяпунова Р. Г. Орудия охоты алеутов. — СМАЭ, 1963, т. XXI.

² Поскольку для разных техник плетения в русском языке нет особых терминов, мы будем приводить в каждом случае английский термин, принятый в литературе.

ных плетений (woven basketry). Другой вид плетений, кольцевой или спиральный (coiled basketry), основанный на сшивании (sewedwork) спиральной основы, тоже имевший широкое распространение на Американском континенте, алеуты (так же как и соседние с ними южные группы эскимосов, тлинкиты и нутка) не употребляли.³

При оплетении утком вертикальной основы (twined basketry) пряжи основы (warps) оплетаются в большинстве случаев парными прядями (plain two-strands) утка (warp, wool), а иногда и трехпрядными (three strand). Эта техника лежит в основе нескольких видов плетения.

I — простое оплетение (plain twined weaving) двухпрядным утком вертикальной основы.

II — диагональное оплетение (diagonal или twilled twined weaving) двухпрядным утком двух или более вертикальных основ.

III — обертывающее оплетение (wrapped twined weaving или bird-cage — «птичья клетка», либо fish-trap stile — «стиль рыбных ловушек»), в котором один утковый элемент закрепляется в горизонтальном положении, а другой обертывается (wrapped) около пересечений первого утка и пряжи вертикальной основы.

IV — оплетение на решетчатой основе (lattice-twined work, tee или hudson stitch). Как и в предшествующем варианте, здесь один утковый элемент закрепляется в горизонтальном положении, составляя горизонтальную часть решетчатой основы (другая ее часть — вертикальная), но оплетение производится двумя другими утками. Этот вид можно рассматривать и как вариант вида III.

V — трехпрядное оплетение: оплетение вертикальной основы тремя утками (three-strand twined).

Мэйсон, основывавший свои заключения об алеутском плетении на изучении коллекций музеев США, отметил существование у алеутов только I из указанных видов оплетения на вертикальной основе, по в пяти вариантах, характеризовавшихся в основном различными положениями основы.

Первый вариант — простое плетение на одиночной вертикальной основе (plain twined weaving). Уток, состоящий из двух элементов, оплетает каждую прядь параллельных основ как бы плетением двухпрядной веревки. Каждый последующий ряд повторяет предыдущий, и ряды тесно соприкасаются. (Это плетение называется у тлинкитов «плотную вместе»).

Второй вариант — такое же плетение, как в первом варианте, но разреженное, с промежутками между утковыми рядами (open twined work).

Третий вариант — такое же оплетение, но на перекрещивающихся под углом основах (crossed warp), состоящих из двух элементов: одни наклонены вправо, другие влево. После оплетения основы утком образуются серии шестиугольных отверстий.

Четвертый вариант — такое же плетение, но на расходящихся основах (divided warp). Каждая прядь основы состоит из соединенных парно стеблей или из двух расщепленных полос стебля. При оплетении каждая левая половинка одной пары (основы) сплетается с половинкой прилегающей пары (основы). В следующем ряду старые пары соединяются. Так получались серии треугольных отверстий. Разреженный ва-

³ Плетение американских аборигенов наиболее полно исследовано О. Т. Мэйсоном (Mason O. T. 1) American Aboriginal Basketry. — RUSNM, Washington, 1904, p. 171—548; 2) Basket-work of the North American Aborigines. — Ibid., 1884, p. 291—306.)

риант этого плетения (openwork) создавал впечатление мережки (что нашло отражение в его английском термине — hemstitch).⁴

Пятый вариант — такое же плетение, но на отклоняющихся основах (diverted warp). Пряди основы отклоняются от перпендикуляра (вертикали) на некоторое расстояние и затем возвращаются назад. Получаются выплетенные геометрические фигуры на поверхности. Опубликованная Мэйсоном корзина с крышкой иллюстрирует технику этого варианта, комбинированного со вторым вариантом.⁵

К характеристике видов и вариантов плетения у алеутов, данной Мэйсоном, необходимо добавить результаты, полученные при исследовании вновь найденных предметов.

Так, экспедицией А. Грдлички в Кагамильской пещере мумий была найдена одна корзина, изготовленная в технике обертывающего оплетения (wrapped twining), отмеченная у нас видом III.⁶ При этой технике один элемент утка остается внутри корзины (или, наоборот, снаружи), а другой оборачивается вокруг пересечения вертикальной основы и расположенного по горизонтали первого элемента утка.⁷ Корзины, сделанные целиком в этой технике, есть и в МАЭ (№ 4104-98, 99, 101). В них уток, положенный горизонтально, находится на внешней стороне.

Гебарт и Кент, авторы статьи о плетеных изделиях из погребальных пещер с о-нов Кагамил и Корабль в Унимакском проливе, отмечают, что они выполнены в технике диагонального оплетения утка на вертикальных основах (diagonal twined work).⁸

В коллекциях МАЭ имеется ряд изделий (№ 633-11; 337-4; 4104-100; 2868-53, 230, 238), отдельные ряды которых выполнены трехрядным оплетением (three-strand twined weaving). При этой технике каждая прядь утка, состоящего из трех прядей, покрывает два ряда основы на наружной стороне и обвивает лишь один ряд основы с изнанки. На внешней стороне изделия получают удлиненные плотные стежки, а на внутренней — текстура выглядит, как в простом двухрядном оплетении (plain twined work). Также трехрядным утком, но в несколько иной технике (об этом см. ниже, с. 39) делается встречающаяся на алеутских изделиях орнаментация, известная под названием «фальшивая вышивка» (false embroidery).

Кроме перечисленных приемов, являющихся вариациями оплетения на вертикальных основах (twined work), на одной из корзин МАЭ (№ 2868-238) имеется полоса, выполненная в технике диагонального плетения на равноправных основах (twilled weaving или twilled plaiting).⁹ Здесь в диагональном переплетении каждый элемент утка проходит через две пряди основы. Эта техника тоже не была отмечена ранее

⁴ Алеуты при удвоении основы ставят один ее элемент не над другим, как это делают глинянты, а рядом. Это дает возможность плетельнице изменять технику в последующих рядах.

⁵ Mason O. T. American Aboriginal. . . , pl. 143.

⁶ G r d l i č k a A. The Aleutian and Commander Islands and Their Inhabitants. Philadelphia, 1945, p. 598—599.

⁷ Этот вид плетения может рассматриваться и как вариант плетения на рсметчатой основе (у нас — вид IV).

⁸ G e b h a r d P., K e n t K. P. Some Textile Specimens from Aleutian Islands. — Am. Antiquity, 1941, vol. VII, p. 171—176.

⁹ Некоторые исследователи (W e l t f i s h G. Prehistoric North American Basketry Techniques and Modern Distribution. — AA, 1930, vol. 32, № 3, p. 1) выделяют шахматное, рогожное (checker) и диагональное (twill) плетения паряду с техникой оплетения утком вертикальных основ (twined work) и кольцевой (coiled) в особый тип, обозначаемый термином «plaiting», основываясь на том, что в этих видах нет различия между основой и утком, поскольку оба этих элемента равны по степени активности и положению.

на Алеутских островах, по принадлежность данной корзины алеутам по остальным признакам почти не вызывает сомнений. Мэйсон отмечает, что техника диагонального плетения (*twill work*) имела распространение в Британской Колумбии, штате Вашингтон, южных штатах США, а также прекрасно разработана в Перу, Гвиане и Эквадоре.¹⁰

Обобщая весь имеющийся в нашем распоряжении материал, можно предложить следующий перечень техник плетения, известных алеутам (рис. 1).

I — простое оплетение двойным утком вертикальных основ (*plain twined weaving*).

Первый вариант — простое оплетение двухрядным утком вертикальных и параллельных основ. Оно могло быть с плотными утковыми рядами («вплотную вместе») или разреженное, ажурное (*openwork*). По классификации Мэйсона — это варианты 1 и 2. Образцы с таким плетением широко представлены в публикациях и в коллекциях МАЭ.

Второй вариант — такое же плетение, но на перекрещивающихся основах (*crossed warp*). По Мэйсону — вариант 3. Таких образцов в публикациях нет, но есть в коллекциях МАЭ (№ 2868-21; 4104-25, 28 и др.).

Третий вариант — то же, но на расходящихся основах (*divided warp*). По Мэйсону — вариант 4. Представлено в других публикациях и в большом количестве в коллекциях МАЭ.

Четвертый вариант — то же, но на отклоняющихся основах (*diverted warp*). По Мэйсону — вариант 5. Образцов в других публикациях и в коллекциях МАЭ нет.

II — диагональное оплетение двухрядным утком вертикальных основ (*diagonal twined work*). Образцы представлены в публикации плетеных изделий из погребальных пещер с о-вов Кагамил и Корабль.¹¹

III — обертывающее оплетение (*wrapped twined weaving*): оплетение одним утком вертикальной основы, в то время как второй уток закреплен горизонтально, перпендикулярно вертикальной основе (как горизонтальная основа). Образцы имеются в материалах Грдлички и в коллекциях МАЭ.

IV — трехрядное оплетение (*three-strand twined*) вертикальных основ. Образцы имеются в коллекциях МАЭ.

Кроме того, есть основание предполагать, что алеуты знали и технику диагонального плетения на равноправных основах (*twill work*), как это можно судить по одной из корзин из МАЭ (№ 2868-238).

Перечень этих техник говорит о том, что у алеутов были все главные виды тканых плетений на вертикальной основе (*twined weaving*), отмеченные Мэйсоном на Американском материке.

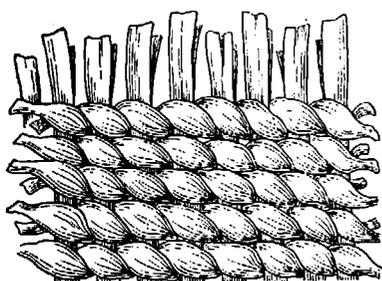
Орнаментировались плетеные изделия, как правило, приемом, известным под названием «фальшивая вышивка».¹² Такой же прием употребляли и глинянты. Он заключался в том, что к обычному двухрядному плетению добавлялась третья, декоративная прядь (обычно окрашенная), которая оплетала только паружный стежок утка. Направление декора-

¹⁰ Mason O. T. *American Aboriginal*... , p. 224—228.

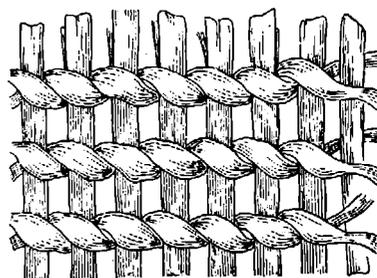
¹¹ Gebhard P., Kent K. P. *Op. cit.*

¹² В некоторых работах (Hrdlicka A. *Op. cit.*, p. 598—599) этот вид орнаментации назван термином «overlay» — «оплетение накрывающей прядью». По последнему — другая техника (см.: Mason O. T. *American Aboriginal*... , p. 306—308; Underhill R. *Indians of the Pacific Northwest*. Washington, 1953, p. 99; Welfish G. *Op. cit.*, p. 477—478). В ней к каждой пряди утка основной структуры добавляется декоративная прядь, которая при оплетении или бывает покрыта прядью основной структуры, или сама покрывает ее, образуя на поверхности стежки другого цвета и качества. Так делают орнаментальные фигуры на поверхности изделия. Эта техника орнаментации нами на алеутских изделиях не обнаружена.

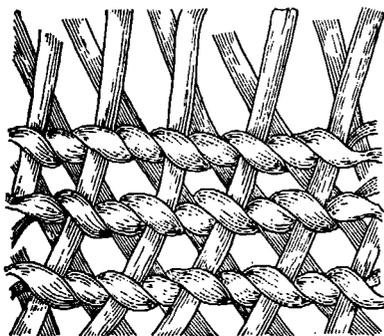
тивного стежка при этом получалось обратное направлению стежков основной структуры. На внутренней стороне изделия декоративная прядь не показывалась.

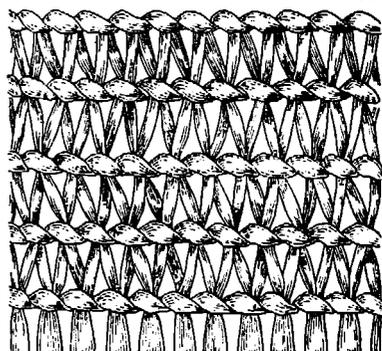
1а

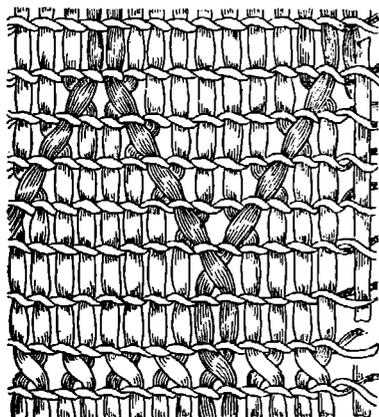
1б

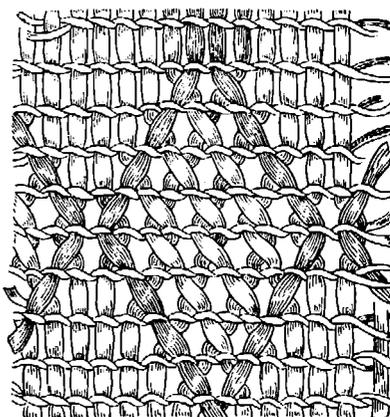
2

3

4а

4б

Рис. 1. Приемы плетения и орнаментация.

1а, 1б — простое оплетение двухрядным утком вертикальных основ (1а — плотное, 1б — разреженное); 2 — оплетение двухрядным утком перекрещивающихся основ; 3 — оплетение двухрядным утком расходящихся основ; 4а, 4б — оплетение двухрядным утком отклоняющихся основ.

Кроме того, упоминается и другой способ орнаментации у алеутов не имевший широкого распространения (*agesene-work*). Две пряди окрашенных соломин переплетались поверх прядей основного плетения посред-

ством особого вида «фальшивой вышивки» с переплетением. На каждом побороте одна из прядей зацеплялась под изгибом. Эта орнаментация

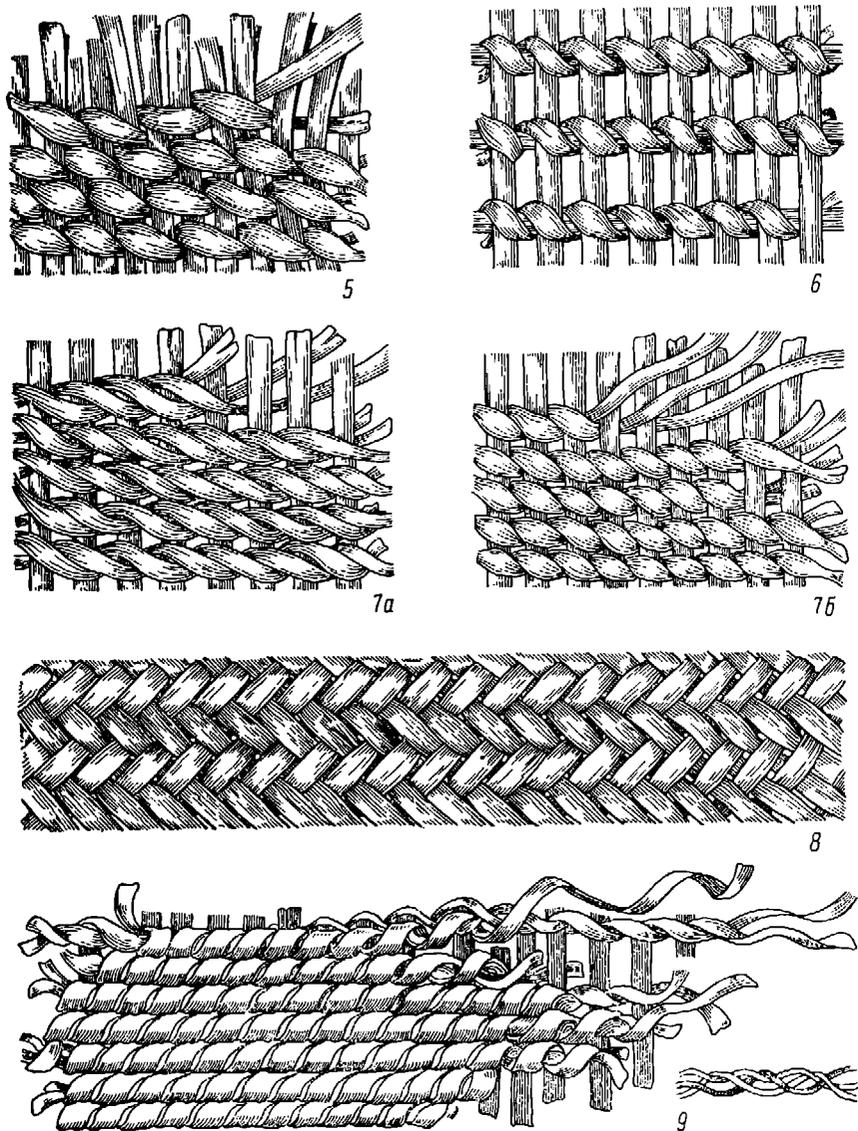

Рис. 1 (продолжение).

5 — диагональное переплетение утка на вертикальных основах; 6 — обертывающее оплетение на вертикальных основах; 7а, 7б — трехрядное оплетение на вертикальных основах; 8 — диагональное переплетение на равноправных основах; 9 — орнаментация способом «фальшивая вышивка».

дает отчетливый рельефный эффект на внешней стороне изделия. На внутренней стороне она, так же как и «фальшивая вышивка», не видна.¹³ К сожалению, такая техника орнаментации в коллекциях МАЭ отсутствует (не найдена она нами и в иллюстрациях).

¹³ Mason O. T. American Aboriginal. . . , p. 408.

Верхний край изделий обычно заканчивался плетением в виде трехпридпой косы (braid). У сумок для пошения после этого ряда делался ряд из крупных ячеек-пестель: выступающие концы пучков основы были перениты в столбики из трехпридпых кос, а затем вплетены в обод такого же плетения. В петли продевалась перевка.

Как известно, техника плетения обуславливается, с одной стороны, культурными традициями народа, а с другой — природными ресурсами местности.

Единственным имеющимся на Алеутских островах материалом, пригодным для плетения, были мягкие травы. Мэйсон и Долл называли дикую рожь (*Elymus mollis*) в качестве материала алеутских плетений. Иохельсон дал довольно длинный список названий трав плетения; главными же он считает дикую рожь и дикий горох (*Lathyrus maritimus*).¹⁴

При публикации одной алеутской корзины Киссель называет единственно пригодным материалом для плетения на островах дикую рожь (у алеутов — «береговая трава»).¹⁵

В другой публикации сообщается, что, согласно ботаническому анализу найденных в погребальных пещерах остатков плетения, они сделаны из дикой ржи, а темные волокна украшений принадлежат растению, подобному *Scirpus*.¹⁶

В результате исследования материалов, полученных экспедицией Грдлички из Кагамильской пещеры мумий,¹⁷ был сделан вывод, что основным материалом плетения была «береговая трава» — дикая рожь. Причем некоторые волокна имели листовую структуру, а некоторые — стебельную и корневую. Следовательно, для плетения употребляли и листья, и стебли, и корни дикой ржи. В некоторых образцах стебли и листья использовались без какой-либо предварительной обработки. А на ряде образцов замечены следы обработки, укрепляющей волокна. Изготавливая полосы, идущие на орнаментацию, алеуты прилагали особенно много усилий, чтобы сделать их тонкими, узкими, глянцевыми, но в то же время прочными. На орнаментальные полосы черного цвета шли в большинстве случаев корни ситхинской сосны (*Picea sitchensis*) или дикой ржи. В одном случае была отмечена орнаментация полосами китового уса. Встречались изделия со вставленными мелкими перьями.

Вещи коллекции МЛЭ орнаментированы теми же материалами. Есть одна корзина с украшениями из полосок китового уса (№ 2868-238), имеются образцы со вставленными мелкими перьями (№ 2686-238), а кроме того, есть экземпляры с утковыми пряжами из полосок сивучьего горла (№ 4104-27) и сухожильных нитей (№ 337-1/5).

Процесс плетения имел две подготовительные стадии, которые были очень важны и занимали у женщин много времени: сбор материала и его обработка.

Ежегодно, начиная с июля, партии женщин выходили для сбора травы — дикой ржи. Эта высокая трава с листьями длиной около 60 см и шириной 2 см обильно растет вдоль побережий и на холмах. Стебли ее срезали ножом. Для более тонких изделий собирали не целые стебли, а только два или три молодых тонких листа, поэтому сбор был догим и кропотливым делом. Трава, собранная в середине июля, после обработки приобретала желтоватый цвет. Ее расстилали на земле в те-

¹⁴ Jochelson W. I. History. Ethnology and Anthropology of the Aleut. Washington, 1933, p. 62.

¹⁵ Kissell M. L. Aleutian Basket. — J. the Am. Museum, 1907, vol. VII, № 8, p. 133—136.

¹⁶ Gebhard P., Kent K. P. Op. cit., p. 171.

¹⁷ Hrdlička A. Op. cit., p. 610.

листом месте и сушили, часто переворачивая. Эта стадия сушки продолжалась две недели. Затем траву сортировали по размеру. Более крупные листья расщепляли на три части, причем среднюю часть выбрасывали. Тонкие листья оставляли нерасщепленными, так как они были еще слишком нежны для такой обработки. После этого всю траву связывали в пучки и заносили в жилище, а в течение месяца в сухие облачные дни выносили наружу и вешали на веревку. Окончательное досушивание производилось внутри жилища.

Для получения стеблей белого цвета траву срезали в ноябре, целиком весь стебель. Затем связки ее вешали для сушки верхушками вниз снаружи жилища. Досушивали уже в помещении.

Если хотели иметь стебли зеленого цвета, то обрабатывали их так же, как те, которые собирали в июле, но первые две недели держали в тени густой травы, росшей обычно около жилищ. После этого продолжали сушку дома. Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы на траву попадали лучи солнца в процессе сушки, длившемся месяц и даже более. Запасы травы хранили в сухих пещерах. Подготовленная к плетению трава разделялась на маленькие пучки (толщиной в палец), концы которых слегка сплетались, с тем чтобы нити травы не запутывались, когда их будут вытягивать из пучка.

Плетением занимались в зимние месяцы. Перед плетением стебли вытягивали, специально отточенным ногтем большого пальца расщепляли (если это было необходимо) на более тонкие полоски, которые уже шли в работу.

Никаких орудий плетения алеутские женщины не имели. Функции орудия выполнял отточенный и заостренный ноготь большого пальца. Этим ногтем они расщепляли стебли, листья и корни, продергивали полоски китового уса, декоративных питей, а также закрепляли мелкие перья (а позднее пучки нитей) под прядями.

При плетении расщепленные стебли всегда поворачивали глянецвитой поверхностью на внешнюю сторону изделия.

Циновки и плоские сумки плели, располагая основы по ширине. Выплетая расширяющиеся кверху корзины или полукруглые клапаны на плоских сумках, к уже имеющимся основам добавляли дополнительные. Иногда число основ увеличивали их раздвоением. Корзины плели подвешенными вверх дном (отверстием вниз). Прежде сплетали дно корзины, а затем его подвешивали к палке, воткнутой в стену, потолок, крышу (если плели снаружи жилища), и продолжали плетение, держа дно вверх.

У Йохельсона имеется иллюстрация, которая показывает несколько иной способ: алеутка плетет корзину, опрокинув ее на столбик.¹⁸

Плетение изделий отверстием вниз продиктовано тем, что основа и уток алеутских плетений — мягкие. Тлинкиты, а также калифорнийцы и другие народы, которые плетут на более твердых основах, держат плетение в процессе выделки на земле отверстием вверх.

Как правило, спираль плетения при простом оплетении (twining) шла слева направо (против часовой стрелки). Но в зависимости от положения корзины при плетении направление спирали менялось: у алеутов и хайда, которые в процессе плетения держали корзину вверх дном, при переворачивании ее спираль оказывалась направлена по часовой стрелке; у тлинкитов, которые плели отверстием вверх, плетущая спираль шла

¹⁸ Jochelson W. I. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. New York, 1925, p. 44. — Таким способом (на столбике) плетут корзины и индейцы хайда.

против часовой стрелки. Но из этого правила есть исключения. Так, на одном из опубликованных алеутских образцов из Кагамильской пещеры плетущая спираль направлена против часовой стрелки.¹⁹ То же самое мы видим и на корзине (№ 2686-238) из МАЭ.

Направление стежков на внешней поверхности готового изделия также отражает способ переплетения утков. Это переплетение может быть двояким: по направлению к работающему или от него.²⁰

Переплетение по направлению к работающему дает на поверхности изделия наклон стежков вниз, в то время как переплетение от работающего дает стежки, направленные вверх. Почти все алеутские плетеные изделия имеют стежки, направленные вниз.

Направление плетущей спирали и наклон стежка представляют интерес с той точки зрения, что они являются традиционными для определенных этнических групп. У алеутов мы видим нарушение единого правила лишь в отдельных случаях.

Изучение техники алеутского плетения и сравнение ее с техникой плетения соседних народов позволяет отметить ряд интересных моментов.

Алеуты, тихоокеанская группа эскимосов (кадьякцы и чугачи), тлингиты и нутка образуют ареал, в пределах которого пользовались только техникой плетения на вертикальной основе (twined) и не употребляли технику сшивания на кольцевой (спиральной) основе (coiled),²¹ причем в указанном ареале замечено совпадение почти всех видов и вариантов этой техники. Но отдельные группы отдавали предпочтение тому или иному виду. Так, например, тлингиты шире применяли технику диагонального плетения на вертикальной основе (diagonal twined work) и трехрядное оплетение, и т. п.²²

На смежных с указанным ареалом территориях — на азиатском побережье Тихого океана,²³ а также на Аляске — эскимосами (кроме тихоокеанских) и атапасками употреблялась наряду с техникой оплетения на вертикальной основе и техника сшивания на кольцевой основе. Относительно аляскинских эскимосов Мэйсон высказывал предположение, что технике кольцевого плетения их научили атапаскские племена Аляски.²⁴ Эскимосы Аляски, кроме тихоокеанских, плохо владели искусством плетения. Так, Мэйсон пишет об эскимосах р. Юкона, что судя по их грубым и неуклюжим изделиям они недавно приобрели искусство выделывания корзин.²⁵ Совсем нет плетеных изделий у центральных и восточных эскимосов.

Все эти моменты необходимо учитывать, рассматривая вопросы этнической истории как алеутов, так и соседних с ними народов.

¹⁹ Gebhard, P., Kent K. P. Op. cit., p. 173.

²⁰ При работе корзина вращается так, что часть, где идет переплетение, всегда находится непосредственно перед работающим.

²¹ См.: Mason O. T. American Aboriginal. . . , p. 266, 363; Weltfish G. Op. cit., p. 454—495. — Сюда же относятся и племена Северной Калифорнии.

²² Раумонская Р. С. Плетеные изделия северо-западных индейцев. — СМАЭ, 1967, т. XXIV, с. 96; Mason O. T. 1) American Aboriginal. . . ; 2) Basket-work. . . ; Emmons G. T. The Basketry of the Tlingit. — MAMNH, 1903, vol. III, pt. 2.

²³ Так, коряки, по сведениям Иохельсона, употребляли и технику плетения на вертикальной основе, и технику кольцевого плетения, но их работа лучше и методы разнообразнее, чем у эскимосов. О технике кольцевого плетения коряков Иохельсон пишет, что она, так же как и эскимосская, идентична атапаскской (Johnson M. I. The Korjak. Jesup North Pacific Expedition. — MAMNH, 1905—1908, vol. VI).

²⁴ Mason O. T. Basket-work. . . , pl. V, p. 295.

²⁵ Mason O. T. American Aboriginal. . . , p. 287.

О П И С А Н И Е К О Л Л Е К Ц И Й

ЦИНОВКИ

Этот вид плетеных изделий представлен в коллекциях МАЭ четырьмя целыми экземплярами и двумя фрагментами.

№ 2868-230 — циновка из цельных, сравнительно тонких и хорошо обработанных стеблей темно-желтого цвета (длина 141 см, ширина 44 см; рис. 2). Украшена тремя широкими орнаментальными полосами в обрамлении тонких полос, а в промежутках — отдельными точками полосками. Техника плетения основной структуры — простое двухрядное оплетение на расходящихся основах. Орнаментальные полосы сделаны плотными рядами простого оплетения на параллельных основах. Здесь употреблены черные пряди (корневые волокна) в сочетании с основными и без них. Большая часть полос украшена «фальшивой вышивкой» из блестящих расщепленных соломки оранжево-красного цвета. На полосах имеются ряды, выплетенные техникой трехрядного оплетения.

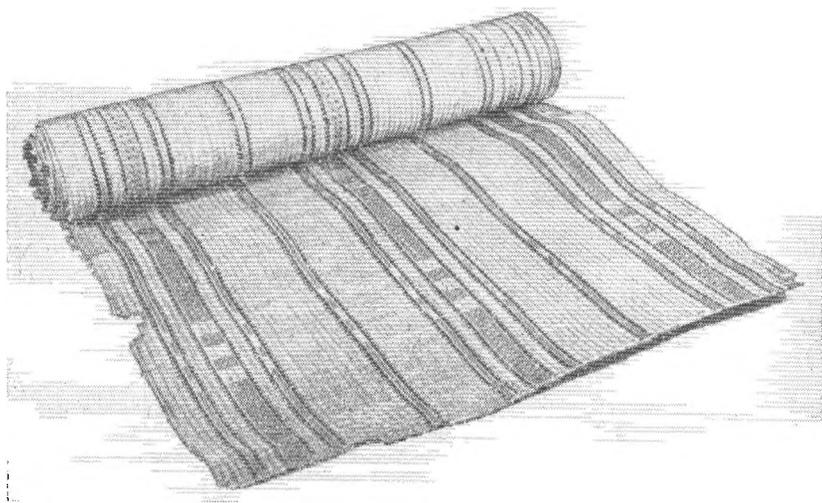

Рис. 2. Циновка. № 2868-230.

№ 337-8 — циновка из нетолстых цельных стеблей темно-желтого цвета (длина 132 см, ширина 46 см). Украшена тремя парами продольных орнаментальных полос. Техника плетения основной структуры — простое двухрядное разреженное оплетение на параллельных основах. Орнаментальные полосы сделаны тремя плотными утковыми черными и темно-красными рядами в следующих комбинациях: оба утка черного цвета (корневые волокна); один уток черный, а другой — цвета основной структуры; оба утка — темно-красные соломинки.

№ 4104-104, 105 — циновки из довольно толстых цельных стеблей светло-желтого цвета, без орнаментации (длина 239 и 203 см, ширина 65 и 57 см). Техника плетения — простое двухрядное разреженное оплетение на параллельных основах.

Без номера — два фрагмента (длина около 50 см, ширина 60 см). Сплетены из цельных стеблей с листьями. Техника плетения — простое двухрядное разреженное оплетение на вертикальных основах (с расстоянием между утковыми рядами в 5—7 см).

ПЛОСКИЕ ПЛЕТЕННЫЕ СУМКИ

Такие сумки представляют собой как бы циновку, сложенную вдвое и сшитую по бокам так, что образовался карман с клапаном. Делались плоские сумки и с закругленными клапанами. Подобные сумки разных размеров были обнаружены экспедицией Грдлички в Кагамильской погребальной пещере.²⁸

²⁸ Н г д л і ч к а А. Ор. cit., p. 120, 595—597.

С появлением европейцев алеутские мастерицы стали изготавливать на продажу и для подарков маленькие кошельки и бумажники такой же формы, но тончайшей работы, с добавлением к традиционным материалам шерстяных и хлопчатобумажных ниток. Делались они иногда на шелковых и хлопчатобумажных подкладках.

В МАЭ имеются также сумки, являющиеся как бы промежуточными между плоскими и кошельками (№ 633-11).

№ 4104-27 — плоская прямоугольная сумка с прямоугольным клапаном (ширина 28 см, высота 14 см, длина клапана 4,5 см). На клапане пришита завязка из узкой полоски белой кожи (длина 52 см) с белой отделкой на кончике. Материал основной структуры — расщепленные стебли дикой ржи желтого цвета. Декоративные пряди утка — тонкие полоски сивучьего горла, окрашенные в красный и черный цвет. Техника плетения — простое двухрядное оплетение, разреженное. Полосы украшения составляют три утковых ряда того же плетения, но более плотных. В среднем ряду оба утка — полоски красного сивучьего горла, в двух других — растительное волокно, как в основной структуре. Направление стежков — к работающему. Скрепление боков, отделка края клапана и кожаной завязки выполнены обертыванием полоской красного сивучьего горла с закреплением верхушек на каждой стороне (при этом получают зубцы вершинами внутрь).

№ 337-1/5 — плоская прямоугольная сумка с полукруглым клапаном (ширина 28 см, высота 17 см, радиус клапана 13,5 см). На клапане — сухожильная завязка с бусинами на конце. Материал основной структуры — расщепленные стебли дикой ржи темно-желтого цвета. Декоративные пряди утка — окрашенные в красный цвет расщепленные стебли, черные сухожильные нити. Техника плетения — простое двухрядное оплетение, плотное. Вся сумка украшена орнаментальными полосами на расстоянии 1,5 см одна от другой. Полосы составлены из двух рядов, выполненных «фальшивой выпивкой» из красных соломинок. Между ними идет ряд с простым двойным оплетением, где один уток — черная сухожильная нить, а другой — материал основной структуры. Такие же ряды окружают и ряды с «фальшивой выпивкой». Кое-где сделана выпивка темно-синими шерстяными нитками в виде отдельных крестов и точек. В бока сумки паметочным швом вшиты сухожильными нитками полоски кожи (наибольшая ширина 6 см), окрашенные красной охрой. Верхний край сумки и край клапана обшиты полосками тюленьей кожи (ширина 1 см), по которым пропущена кайма (ширина 2 мм) из окрашенного в красный цвет сивучьего горла и из кожи цвета охры.

№ 2868-22 — плоская прямоугольная сумка-кошелек с полукруглым клапаном (ширина 19 см, высота 12 см, радиус клапана 9 см; рис. 3). Завязка на клапане — полоса белой кожи с узорными швами из хлопчатобумажных ниток. Материал основной структуры — расщепленные стебли дикой ржи ярко-желтого цвета; декоративная отделка — «фальшивая выпивка» блестящей желтой соломокой, красными и синими полосками сивучьего горла, красными шерстяными нитками. Техника плетения — двухрядное оплетение на расходящихся основах. Направление стежков — к работающему. Расстояние между утковыми рядами — 1 и 2 мм. Орнаментация сделана полосами «фальшивой выпивки» из указанных выше материалов. Боковые края сумки сшиты и обшиты узорными швами из полосок белого и синего сивучьего горла, а также красными шерстяными нитками. На клапане вставлены в структуру пучки красных и черных шерстяных ниток.

№ 633-12 — плоская прямоугольная сумка-кошелек с полукруглым клапаном (ширина 18 см, высота 11 см, радиус клапана 9 см). Бока не сшиты, завязка отсутствует. Богато украшена «фальшивой выпивкой». Материал основной структуры — расщепленные стебли дикой ржи желтого цвета. Отделочный материал — блестящая ярко-желтая расщепленная соломка и европейские нитки: зеленые, розовые и голубые хлопчатобумажные; синие и черные шерстяные; белые шерстяные, покрытые блестящей черной с золотом краской. Техника плетения — двухрядное оплетение на расходящихся основах; в рядах с «фальшивой выпивкой» — плотное плетение на параллельных основах. Направление стежков — к работающему.

№ 2868-20 — плоская прямоугольная сумка-кошелек с прямоугольным клапаном (рис. 4). Не сшита, а только сложена втрое. В распрямленном виде — маленькая циповка шириной 10,5 см, длиной 28 см. Почти сплошь покрыта «фальшивой выпивкой». Материал основной структуры — расщепленная соломка темно-желтого цвета, белый олений волос, красные шерстяные нитки. «Фальшивая выпивка» сделана оранжевой блестящей соломокой.

Техника плетения — простое двухрядное оплетение на параллельных основах. Поверх «фальшивой выпивки» белым оленьим волосом и светло-зелеными хлопчатобумажными нитками вышиты елочки.

№ 2868-21 — плоская прямоугольная сумка-кошелек (ширина 16 см, высота 10,8 см; рис. 5) с закругленным клапаном, имеющим в середине опальный выступ

(длина 5 см). Примечательно наличие орнаментации из рядов с перекрещенными основами, образующими зигзаги, ромбы и треугольники. Основы здесь в отличие от прочих сумок положены по длине, а не по ширине. Есть шелковая коричневая подкладка. Завязка — шнурок из хлопчатобумажных ниток. Материал — расщепленные стебли

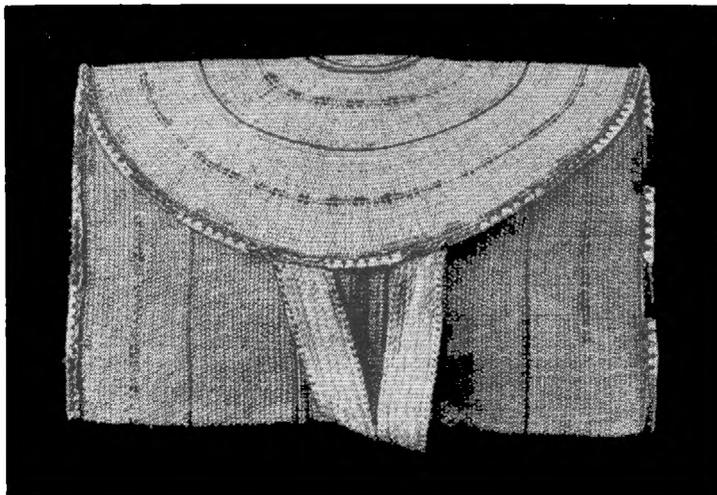

Рис. 3. Сумка-кошелек. № 2868-22.

дикой ржи желтого цвета. Техника плетения основной структуры — простое двухрядное плетение с плотными рядами. Техника орнаментации — один ряд перекрещенных основ (при отсутствующем утковом ряде), два ряда плотного оплетения и т. д. Направление стежков — к работающему. По краям передней и задней сторон —

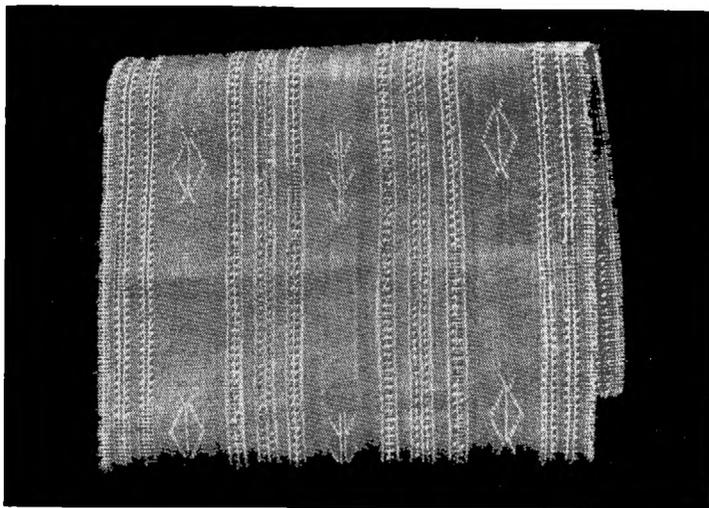

Рис. 4. Сумка-кошелек. № 2868-20.

длины из одного ряда «фальшивой вышивки» черными шерстяными нитками. По краю клапана припята наметочным швом сплетенная косичкой тесьма из голубовато-зеленых хлопчатобумажных ниток. Все края обшиты клетчатой шелковой тканью.

№ 4104-25 — сумка-кошелек, такая же, как предыдущая (ширина 15,5, высота 11,2 см), но орнаментация из рядов с перекрещенными основами другая: спереди

и сзади — шишовой узор с сужением в центре. Подкладка полосатая, хлопчатобумажная; края обшиты также хлопчатобумажной тканью.

№ 2868-29 — плоская прямоугольная сумка-кошелек с полукруглым клапаном (ширина 14 см, высота 9 см, радиус клапана 5.5 см). Имеет белую шелковую подкладку и такие же вставки с боков. Бока и край клапана отделаны пришитой полоской голубого шелка с распушенной бахромой. Материал основной структуры — очень тонкая расщепленная соломка желтого цвета. Отделочный материал — оранжевая блестящая соломка (на «фальшивой вышивке»), синие и голубые шерстяные нитки, белый олений волос. Техника плетения — чередующиеся ряды простого двухрядного плотного плетения с разреженными. В разреженные ряды пропускаются синие

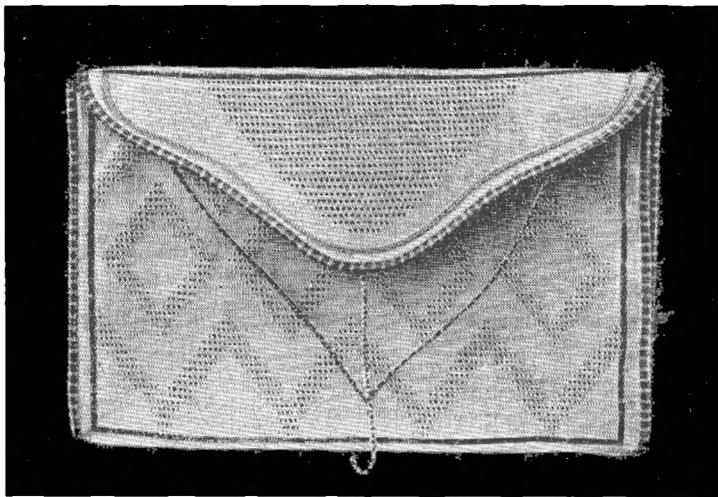

Рис. 5. Сумка-кошелек. № 2868-21.

и голубые шерстяные нитки, белый олений волос. Вся остальная поверхность покрыта «фальшивой вышивкой» оранжевой солодкой, на которой белым оленьим волосом вышиты треугольнички и линии. Направление стежков на основной структуре — к работающему.

№ 2868-30 — бумажник европейской формы (13×9 см). Плетение и орнаментация выполнены из такого же материала и такой же техники, как у № 2868-29. Края бумажника обшиты синим шелком. На внутренних загибах пришиты полоски сивучьего горла черного цвета, на которых были сделаны узорные швы хлопчатобумажными нитками, но они не сохранились.

№ 633-11 — сумка прямоугольная, с трапециевидным клапаном, сплетена из тонких стеблей желтого цвета (ширина 22 см, высота 14 см, длина клапана 9.5 см). Эта сумка по форме похожа на плоские сумки, восходящие к сложенным циновкам, но сплетена, как корзина: сначала выплетено узкое оваловое (длина 21 см, ширина 1.5 см) дно, затем — ряд трехрядного плетения, а затем уже плетение остова и клапана. Техника плетения — простое двухрядное плетение на расходящихся остовах. Направление плетущей спирали — по часовой стрелке, направление стежков — к работающему. Все края обшиты полосками красного сивучьего горла.

КОРЗИНЫ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ МЕЛКИХ ПРЕДМЕТОВ

Этот вид плетеных изделий представлен цилиндрическими корзинами с крышками (которые аналогичны тлинкитским) и овальными в сечении корзинами с полузакрытым кожей верхом. Корзины первого типа опубликованы Мэйсоном и Киссель, а также Грдличкой, но в МАЭ алеутских корзин такого типа нет. Корзины второго типа в МАЭ три.

В эту группу отнесена нами и еще одна корзина — тлинкитская по форме и узору, но алеутская по материалу и технике плетения.

№ 2868-236 — корзина с полузакрытым верхом. Основание и корпус примерно прямоугольные (размеры дна 17×10 см, высота корзины 12,5 см). На дно изнутри положена прямоугольная деревянная пластинка. Материал — стебли дикой ржи темно-желтого цвета. Дно выполнено в технике разреженного двухрядного плетения

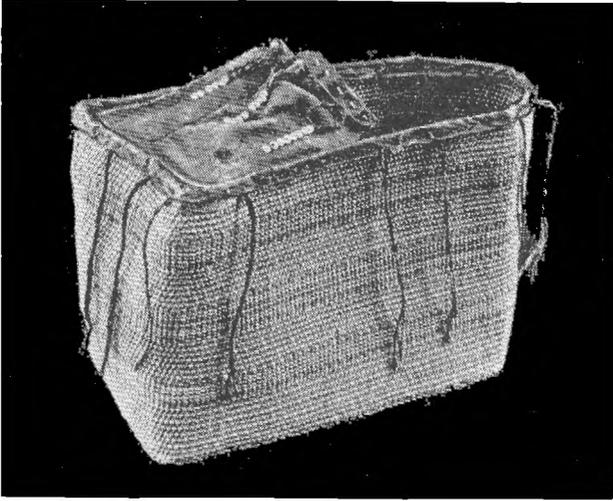

Рис. 6. Корзина с полузакрытым верхом. № 2868-237.

ния на параллельных основах. Стороны — такого же плетения, но на расходящихся основах. Орнаментация создается утковым рядом, где один из утков темно-коричневого цвета. Половина верхнего отверстия закрыта пришитой к краям темно-красной

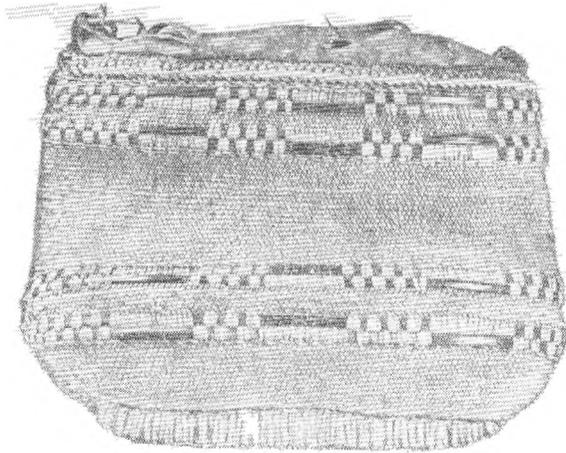

Рис. 7. Небольшая корзина. № 2868-238.

кожей и тремя рядами белого бисера на ней. Верхний край корзины обшит темно-красными полосками сивучьего горла. Здесь же — кисти из суровых и спихих шерстяных ниток. Направление плетущей спирали — по часовой стрелке, направление стежков — к работающему.

№ 2868-237 — корзина, такая же, как описанная выше (рис. 6). Размеры дна — 22×11 см, высота корзины 13,5 см.

№ 2868-238 — корзина с овальным дном (наибольшая длина дна 17 см, наибольшая ширина 5 см, высота корзины 17 см; рис. 7). Материал основной структуры — топкие стебли дикой ржи темно-желтого цвета. Орнаментация сделана китовым усом. Эта корзина очень интересна тем, что при изготовлении ее были применены разнообразные виды плетения и орнаментации. Начало плетения — дно — трехрядная коса, от которой свободно (без оплетения) отходят по сторонам на 2.5 см стебли основы, которые затем оплетаются по одному ряду двухрядным и трехрядным утком. Низ стенок корзины — 3 см двухрядного оплетения на расходящихся основах. Затем идет ряд трехрядного оплетения; над ним пропущены через основы две полоски китового уса шириной 0.5 см. Эти полоски то образуют шахматный узор в сочетании с пучками основы, то ложатся на 5—6 см поверх них (как в «промежуточном» плетении у тлякистов). Выше идет полоса в 1 см, выполненная техникой диагонального плетения на равноправных основах. Дальше повторяются украшения из полосок китового уса. Выше них — два ряда трехрядного оплетения, 5-сантиметровая полоса плетения на расходящихся основах, два ряда трехрядного оплетения и снова две полосы китового уса, между которыми 1 см оплетения на расходящихся основах. Сверху идут два ряда трехрядного оплетения; самый край отделан трехрядным рядом и трехрядной косой, после которой пришита полоса тюленьей кожи шириной 1.5 см с прорезанными горизонтально петлями. Направление спирали плетения здесь необычно для алеутов: против часовой стрелки. Так же необычно и направление стоек — от работающего.

№ 2868-53 — корзина овальная в основании (наибольшая длина 35 см, наибольшая ширина 21 см), с низкими боковыми сторонами (высота 7 см) и с плетеными прямоугольными ручками с боков. Материал основной структуры — расплетенные стебли дикой ржи золотисто-желтого цвета. Материал орнаментации — блестящая черная, светло-желтая и красновато-коричневая соломка. Техника плетения — простое двухрядное плотное оплетение на параллельных основах. Украшена по боковым сторонам рядами ромбов, выполненных «фальшивой вышивкой» из черной, светло-желтой и красновато-коричневой блестящей соломки. На границе дна и боковых стенок проходит два ряда трехрядного плетения, один из утков которого черного цвета. Направление спирали плетения — по часовой стрелке, направление стоек — к работающему. Это изделие по материалу и технике — алеутское, но по форме и орнаментации (такой узор у тлякистов широко распространен и носит название «след бурого медведя») скорее тлякистское. Возможно, что корзина была изготовлена тлякиткой, жившей на Алеутских островах (вероятно, рабыней).

КОРЗИНЫ ДЛЯ ПЕРЕНОСКИ ТЯЖЕЛЫХ

Этот вид мягких корзин был наиболее распространен в быту алеутов; богато представлен он и в музеях.

№ 4104-98 — сумка-корзина цилиндрическая, расширяющаяся кверху, с рядом петель по верхнему краю, без орнаментации (верхний диаметр 44 см, длина от центра до петель 42 см, длина петель 3 см). Материал — стебли дикой ржи средней толщины, желтого цвета. Техника плетения — обертывающее оплетение на параллельных основах: один из утков положен с наружной стороны корзины горизонтально, другой — оплетающий. Плетение разреженное. Петли вверху корзины вышиты рядами столбиков трехрядных кос, соединенных трехрядной косой по самому краю корзины.

№ 4104-99 — сумка-корзина, такая же, как № 4104-98, но с каймой из пяти рядов стеблей (или корвей) черного цвета (верхний диаметр 39 см, длина от центра до петель 38 см, длина петель 2.8 см). Эти ряды выполнены той же техникой, но плотно.

№ 4104-101 — сумка-корзина, такая же, как № 4104-99, но с тремя полосами орнаментации: верхняя — красные утки в центре и черные по краям; средняя — все утки черные; нижняя — только оплетающий уток черный (верхний диаметр 35 см, длина от центра до петель 40 см, длина петель 2.5 см).

№ 4104-102 — сумка-корзина, такая же по форме и материалу, как предыдущие, но выполненная техникой простого двухрядного разреженного оплетения на параллельных основах (верхний диаметр 33 см, длина от центра до петель 37 см, длина петель 3 см). Орнаментация по верхнему краю — три плотных ряда, оплетенных красными и черными утками. Направление спирали плетения — по часовой стрелке, направление стоек — к работающему.

№ 4104-100 — корзина такая же, как предыдущие, но с особой орнаментацией, состоящей из трех полос по верхнему краю (верхний диаметр 38 см, длина от центра до петель 3.5 см, длина петель 3.5 см; рис. 8). В центре средней полосы проходит трехрядный ряд с одним красным утком, другим — основного цвета, а по краям — двухрядное оплетение с утками красного цвета. Крайние полосы имеют в центре трехрядный ряд с одним черным утком, а по краям — двухрядное оплетение с обоими черными утками. От нижней полосы кое-где выщущены песточки из черных стеб-

лей (корней?). Направление спирали плетения — по часовой стрелке, направление стежков — к работающему.

№ 337-4 — маленькая сумка-корзина из стеблей светло-желтого цвета, с петлями (верхний диаметр 20 см, длина от центра до петель 19 см, длина петель 1.2 см). Техника плетения — простое двухрядное разрежающее оплетение на параллельных основах. По границе дна и боков проходит ряд трехрядного оплетения. По верхнему краю — четыре ряда с красными и черными утками. Между ними вышивка крестом красными

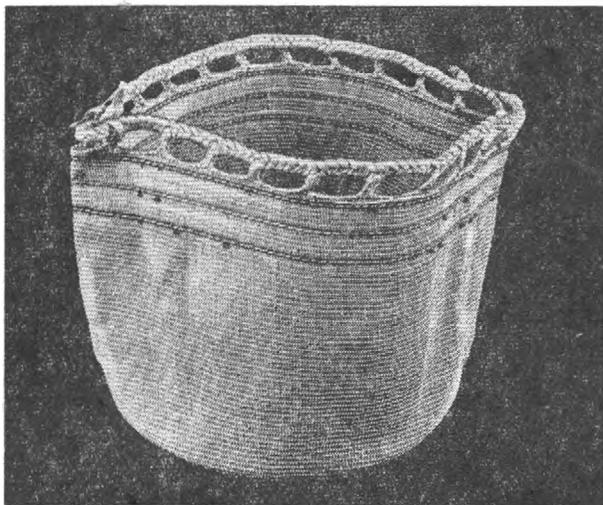

Рис. 8. Корзина-сумка. № 4104-100.

и черными шерстяными нитками. Направление плетущей спирали — по часовой стрелке, направление стежков — к работающему. К петлям привязан сухожильный двойной шнурок в виде ручки.

№ 313-53 — маленькая сумка-корзина из стеблей желтого цвета, с петлями (верхний диаметр 18 см, длина от центра до петель 23 см, длина петель 10 см). Техника плетения — оплетение на расходящихся основах. Орнаментирована пучками шерстяных ниток красного, зеленого и голубого цвета. Направление плетущей спирали — по часовой стрелке, направление стежков — к работающему.

ОБУВЬ

№ 4196-3/2 — обувь плетеная, типа лаптей (длина 29 см, высота 6 см). Сплетена из грубых стеблей светло-желтого цвета простым разреженным двухрядным оплетением. Перед закруглен, пятка не выделена, а концы основ загнуты. По краям «лаптей» вышиты трехрядной косой петли, а через них пропущен шнурок из четырехрядной косы (одна прядь черного цвета).

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

№ 4104-28 — головной убор полусферической формы из расщепленных стеблей дикой ржи светло-желтого цвета (высота 17 см). Выполнен в основном техникой простого двухрядного плотного оплетения, а пять рядов — на перекрещенных основах. По краю в более разреженных рядах продернуты черные и красные шерстяные нитки.

Г. И. Дзенискевич

Охотничий и рыболовный промыслы
у тапайна (Аляска) в XIX в.

Изучение орудий, а также приспособов охоты и рыбной ловли у того или иного народа не только позволяет увидеть уровень развития хозяйства в разные исторические эпохи, но и заставляет задуматься над многими интересными проблемами, как например культурно-исторические связи народа, пути его древних миграций, общественные отношения и пр.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу решить хотя бы одну из этих проблем, а ограничимся лишь описанием орудий и способов охоты и рыбной ловли у индейцев тапайна¹ и некоторыми предварительными выводами, к которым подведет это описание.

Восстановить картину основной хозяйственной деятельности тапайна в XIX в. нам позволяют следующие источники: документальные рукописные и печатные материалы, оставленные русскими мореплавателями, путешественниками и служащими Российско-Американской компании, бывшими первыми очевидцами жизни индейцев Аляски (начиная с конца XVIII в.); памятники материальной культуры, в частности орудия промыслов, сохранившиеся в этнографических музеях (в коллекциях МАЭ есть 22 промысловых орудия тапайна); некоторые полевые материалы, которые удалось в 1931—1932 гг. собрать американскому атапасковеду Осгуду.²

Как мы увидим далее, типы орудий охоты и рыболовства, да и сами способы охоты у тапайна подчас почти полностью совпадают с существовавшими в прошлом у многих сибирских народов таежной полосы. Принимая во внимание тот факт, что эти сибирские народы жили в сходных с индейцами Аляски географических и экологических условиях и охотились на таких же животных, мы позволим себе провести некоторые параллели.

Из всех многочисленных атапаскских племен только тапайна живут у моря и имеют возможность заниматься морским зверобойным промыслом. Более ста лет назад устье залива Кука было богато морским зверем: тюлени, сивучи, нерпы, морские выдры, львы, белуги и даже киты заплывали в него. На морскую охоту индейцы отправлялись в байдарках. Основными их орудиями были гарпун и копые. Тапайна использовали три варианта гарпунов с отделимыми наконечниками, но все они ничем не отличались от гарпунов других прибрежных северных народов (эскимосов, чукчей, коряков), издревле занимавшихся морским зверобойным

¹ Тапайна — одно из атапаскских племен Аляски, расселенное по берегам и в окрестностях залива Кука, а также в районе бассейна р. Сузитны.

² Osgood C. The Ethnography of the Tanaina. — YUPA, 1937, № 16.

промыслом.³ Употреблением копья обычно завершалась гарпуная охота. Им охотник, подплыв на байдарке к животному, раненному гарпуном, добывал его. Древяк копья (длиной около 3 м) делалось из ели и снабжалось костяным или каменным паконачником, который закреплялся в выемке на конце древяка при помощи сухожильной обмотки. В коллекциях МАЭ имеются два обсидиановых паконачника копий танайна (рис. 1).

В отличие от других морских зверобоев (алеутов, эскимосов, коряков) танайна не пользовались копьесталкой.

Как в морской, так и в сухопутной охоте широкое применение находила дубинка. Она вырезалась из цельного куска дерева и делалась слегка изогнутой и утолщенной на ударном конце. У приморских народов (алеутов, эскимосов) бывал способ охоты на тюленей, в котором дубинка играла роль основного и единственного орудия. Этот способ, известный и танайна, заключался в том, что охотники подкрадывались к животным во время отлива, когда последние оказывались на мели, и, стремительно падая, убивали их дубинками прежде, чем те успевали скрыться под водой.

Загарпуенных в море тюленей и морских выдр иногда также добывали ударом тяжелой дубинки.

Дубинки из рога карibu с отростком в верхней части, в котором часто закреплялось каменное острие, служили танайна преимущественно в военных целях.⁴

Наряду с традиционными орудиями во время охоты на морского зверя иногда пользовались луком.

Весьма существенную роль в хозяйстве танайна играло рыболовство. Рыбой изобиловали не только залив Кука, но и все внутренние водоемы: озера, реки, ручьи. В районе расселения танайна были все условия для развития рыболовства, связанного с массовым ходом рыбы из моря в реки во время нереста. Крупная рыба (лосось, палтус) поднималась с ранней весны и до самой осени из залива Кука в реки. Она шла огромной массой, всегда против течения, и для ее ловли годились чрезвычайно простые и архаичные способы. Во время самого активного хода рыбы ее иногда вычерпывали корзинами, сплетенными из корпей и привязанными к длин-

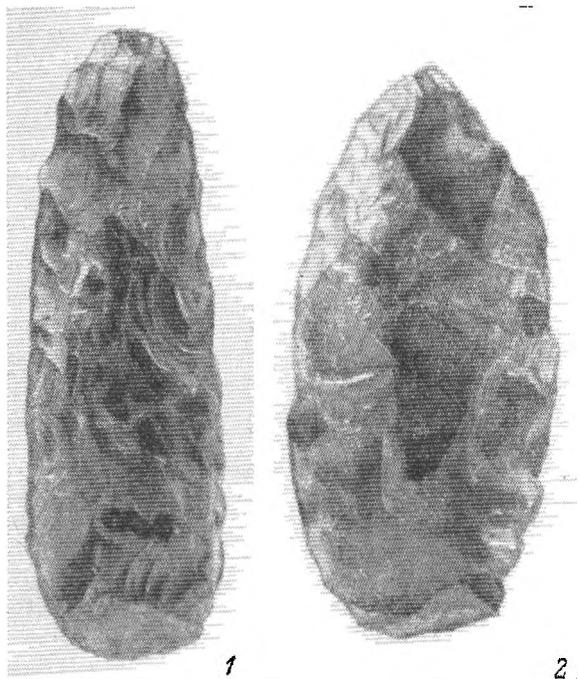

Рис. 1. Паконачники копий из обсидиана.

1 — № 2667-23; 2 — № 2667-24.

³ О гарпунах танайна см.: Osgood C. Op. cit., p. 83—88.

⁴ Описание военных дубинок см.: Труфанов И. П. Кенайские томагавки из этнографической коллекции И. Г. Вознесенского. — СМАЭ, 1967, т. XXIV, с. 85—92.

ным палкам.⁵ Для облегчения такого лова над рекой сооружались деревянные помосты на сваях, где стояли рыболовы. Чаще всего этим промыслом занимались старики и дети. Более усовершенствованный способ состоял в сооружении плотин-ловушек; их известно два типа. Плотина первого типа строилась следующим образом: углом вверх по течению реки сооружалась баррикада в виде плотной решетки из жердей, шестов и веток, связанных жгутами из еловых корней. Такое ограждение тянулось двумя стенами от обоих берегов, а в месте соединения оставлялся проход (шириной около 3 м), в котором ставилась V-образная ловушка из ольховых жердей. Наткнувшись на ограждение и ища проход, рыба устремлялась в ловушку, из которой рыбаки вычерпывали ее небольшими плетенными сачками. С этой работой вполне справлялись три человека: один выбирал сачком рыбу, другой тут же оглушал ее дубинкой, третий отвозил на берег.

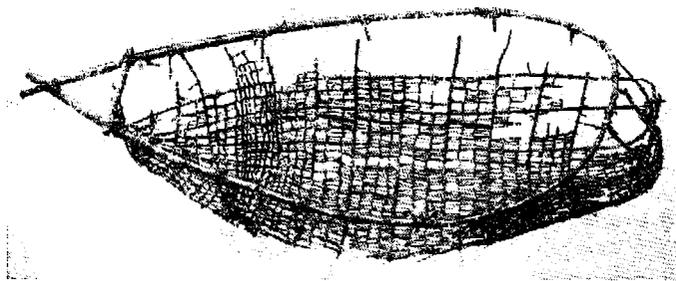

Рис. 2. Рыболовный сачок. № 2667-26.

Второй тип плотины отличался от первого лишь более сложным устройством ловушки. Она имела вид большой (длиной более 3 м) копусообразной корзины, сплетенной из ольховых прутьев, и вмещала до 90 штук мелкого лосося.⁶

Сачки для выбирания рыбы из ловушек делались на сравнительно короткой ручке (длиной около 1 м) и вмещали всего лишь 2—3 рыбины. Кроме того, танайна пользовались большими сачками для ловли рыбы. Ими индейцы вычерпывали рыбу из реки во время ее массового хода. В коллекциях МАЭ имеется один такой сачок, привезенный И. Г. Вознесенским (рис. 2). Описание его дает сам собиратель: это плетенная из еловых корней сетка с крупными ячейками (по 6.5 см), натянутая на толстый овальный обруч (1—2 м в окружности), к которому привязывался длинный шест.⁷

Для ловли рыбы в реках использовались и сети, но, как считает Мёрдок, они не являлись местным изобретением американских индейцев, а были принесены в Северную Аляску сравнительно недавно, приблизительно в XVIII в., из Сибири.⁸ Осгуд также высказывает предположение, что сети и пловы в более раннее время не были известны атапаскам, но по собранным у информаторов сведениям он дает описание сетей из парал-

⁵ Wrangell F. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. Petersh., 1839, S. 112.

⁶ Подробное описание ловушек см.: Osgood C. Op. cit., p. 99—100.

⁷ ААН, ф. 53, оп. 1, № 1/6, л. 11.

⁸ Цит. по: Mason O. T. Traps of the American Indians. — Smithsonian Rep., New York, 1901, p. 468.

лельных рядов жердей ольхи, соединенных нитями еловых корней.⁹ Такими сетями рыба загонялась на отмель, где ее убивали деревянными дубинками. Для плетения сетей позднее использовали сухожильные нити и кожаные полоски, нарезанные из шкуры карibu.

Для ловли палтуса и лосося танайна применяли главным образом острогу. Древко ее делалось из сли, и ударный конец был снабжен отдельным костяным бородчатым наконечником.

Охота на крупную рыбу с острогой, по-видимому, не имела широкого распространения, так как этот способ не был производительным, да к тому же требовал от охотника большой ловкости и острого зрения. Тем не менее танайна применяли острогу иногда не только для ловли рыбы, но и при охоте на морскую выдру. Палтуса, которому принадлежит не последнее место в рыбном рационе танайна, ловили также острогой и удочкой. Леска удочки делалась из скрученных сухожилий, а крючки были довольно больших размеров (длиной до 20 см и более) и вырезались из кости или дерева. На более мелкую рыбу и крючки соответственно делались меньше, а бородки на них иногда располагались с двух сторон. В некоторых районах Кенайского полуострова рыболовные крючки применялись для ловли бобров и дикобразов.

Г. И. Давыдов, описывая ловлю рыбы на удочку, сообщает, что, поймав большого палтуса, индеец никогда не вытаскивал его из воды сразу, а старался измучить, то подтаскивая к себе на леске, то отпуская немного назад. Вытащенную, наконец, из воды рыбу убивали ударом дубинки по голове.¹⁰

Промысловая техника рыбной ловли, как мы видим, была у танайна довольно высокой и требовала как индивидуальных, так и коллективных форм труда. Сооружение речных плотин, без сомнения, проводилось силами целого коллектива, но сам процесс ловли, как мы уже говорили, мог вестись одним или несколькими рыболовами.

Другой важной отраслью хозяйства танайна была охота на наземных животных и птиц. Орудия и способы охоты на отдельные виды дичи отличались большим разнообразием. Особенно широко применялись так

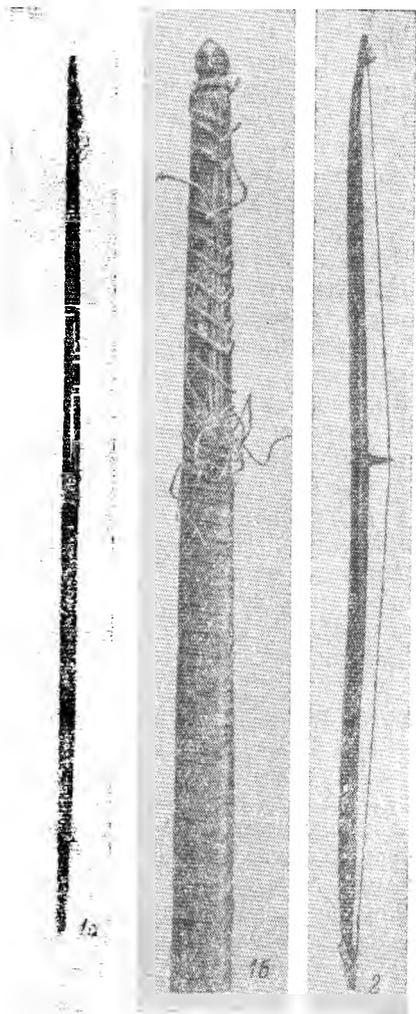

Рис. 3. Лук.

1а — общий вид, № 2667-18; 1б — сталь; 2 — № 2667-19.

⁹ Osgood C. Op. cit., p. 100.

¹⁰ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. II. СПб., 1812, с. 222.

называемые орудия активного лова, которые требовали непосредственного участия человека в охоте; наряду с ними встречались орудия самоловные.

Среди орудий активного лова прежде всего следует выделить луки и стрелы. В коллекциях МАЭ имеется несколько луков и стрел танайца, привезенных И. Г. Вознесенским (рис. 3).¹¹ Танаица пользовались луками двух типов. Луки первого типа, укрепленные или, как их еще принято называть, усиленные, отличались большой дальностью. Этого качества народы, употреблявшие такие луки, добивались разными способами. Таймырские самоеды, например, оклеивали древко лука берестой при помощи налимьего клея или просто обматывали берестой те части лука, которые особенно легко ломались. Юкагиры усиливали упругость лука тем, что накладывали при помощи обмотки костяные пластинки, а чукчи — китовый ус.¹² Танаица укрепляли лук связкой сухожилий, положенных вдоль спинки лука и примотанных к нему ссушенными сухожильными нитками (рис. 3, 16).

Характерной особенностью луков второго типа было наличие с внутренней стороны, в центре дуги, специального предохранителя в виде небольшого деревянного или костяного выступа, который защищал кисть охотника от удара тетивы (рис. 3, 2).

Танаица делали луки из канадской ели или березы (обычно луки второго типа). Луки с предохранителями были немного длиннее усиленных, и каждый из этих двух типов имел свой специальный набор стрел.

Стрелы для луков первого типа делались из кедра (иногда из ели), длина их равнялась 70—80 см. Для оперения применялись орлиные перья. Отделимые и неотделимые наконечники этих стрел были камешными или костяными, тупыми или острыми в зависимости от того, для какой дичи предназначались. Наряду с цельнодеревянными древками в ходу были древки, передняя часть которых (длиной 2—3 см) делалась из кости. С такими стрелами охотились на крупных животных (карибу, медведей, баранов; рис. 4).

Стрелы для луков с предохранителем делались из белой березы, достигали 60 см в длину, оперялись иногда орлиными, но чаще соколиными перьями и также были разных видов (остроконечные, тупоконечные и пр.).

Луками первого типа пользовались индейцы Кенайского полуострова, района нижней части залива Кука (преимущественно в окрестностях залива Качемак) и оз. Илнамна. Танаица, селившиеся в районе верхней части залива и в бассейне р. Суситны, хотя и знали усиленные луки, но ими не пользовались. Охотились в этих районах, а кое-где и на Кенайском полуострове исключительно с луками второго типа. В районе залива Качемак, по свидетельству Осгуда, луки с предохранителем совсем не употреблялись.¹³

Было бы неверным считать, что луки первого типа использовались только для охоты на морского зверя. По имеющимся сведениям, с ними охотились и на карибу, и на медведей, и на горных баранов. Следовательно, они были вполне пригодны для охоты на крупных наземных животных, но, очевидно, не при всяком ландшафте и не во всех растительных зонах. В районах с густой таежной растительностью все танаица без исключения пользовались только луками второго типа. Об употреблении усиленных луков и луков с предохранителем в совершенно разных

¹¹ Подробное описание орудий из кол. МАЭ см.: Зиберт Э. В. Коллекция первой половины XIX в. по северным атапаскам. — СМАЭ, 1967, т. XXIV.

¹² Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. СПб., 1869, 598.

¹³ Osgood C. Op. cit., p. 89.

местностях убедительно свидетельствует и тот факт, что колчаны для стрел луков первого и второго типа были совершенно различных видов и носились неодинаковым способом. Колчаны для стрел к укрепленному луку делались круглыми, из двух выдолбленных половинок куска дерева, которые затем связывались кожаными ремешками или веревками из расщепленных еловых корисей. Носили такой колчан за спиной справа — так, что стрелы торчали над правым плечом. К колчану полагалась крышка, накрывающая торчащие концы стрел, чтобы предохранить оперение от намокания.¹⁴ Эта опасность, разумеется, была особенно велика во время морской охоты. Об использовании луков первого типа главным образом для охоты на морского зверя свидетельствует и тот факт, что стреляли, держа лук горизонтально, т. е. способом, который пригоден только для стрельбы с каяка, с учетом ровной поверхности воды. Из лука второго типа охотник, наоборот, стрелял из положения, более близкого к вертикальному, чем к горизонтальному. Колчан к луку с предохранителем делался из шкуры карибу, был длинным, плоским и носился всегда сбоку под левой рукой (рис. 5). Этот тип колчана был хорошо приспособлен для использования его в лесной местности. Только из такого колчана охотник мог в густом лесу быстро и беспрепятственно выдернуть стрелу и бесшумно вскинуть ее на лук.

Вплоть до конца XIX в. именно луки оставались для танайна важнейшим орудием охоты. В самом деле, если попытаться перечислить животных и птиц, на которых индейцы охотились с луком, то в этот список попали бы едва не все представители фауны Южпой Аляски.

Кроме лука, в снаряжение охотника входили копьё и нож. Во время охоты индеец нес копьё обычно в правой руке и бросал его в зверя, когда

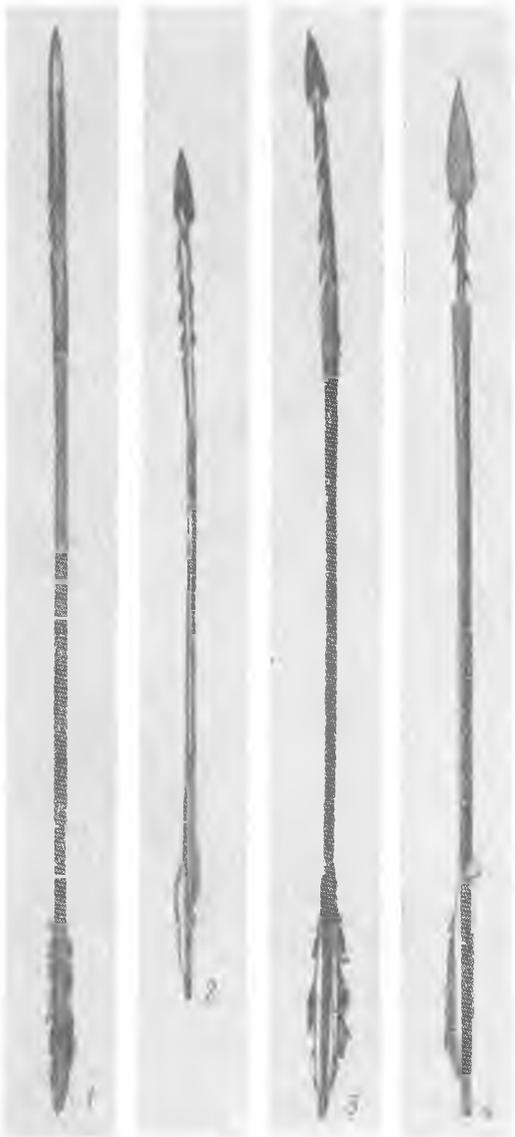

Рис. 4. Стрелы.

1 — № 2667-21; 2 — № 2667-27; 3 — № 2667-36;
4 — № 2667-28.

¹⁴ Ibid.

подходил на достаточно близкое расстояние. После этого уже свободной правой рукой он выхватывал из колчана стрелу и вскидывал ее на лук, который всегда носил в левой руке. Копья изготовляли разные, в зависимости от того, для охоты на какого зверя они предназначались и в какой местности предстояло охотиться. Массивными и длинными (до 2—

Рис. 5. Колчан из замши. № 593-60.

2.5 м) были копьа для охоты в горах; когда охотиться приходилось в лесу или в местности, поросшей густым кустарником, употребляли короткие копьа (1—1.2 м). Наконечники для копей также выбирались с учетом того, на какого зверя предстояло охотиться. Например, копьа, с которыми охотились на медведя, имели более длинные и широкие наконечники, чем копьа, использовавшиеся в морском промысле. В середине XIX в. тапайна еще продолжали употреблять каменные наконечники с черенками. Копья с металлическими наконечниками и металлические сибир-

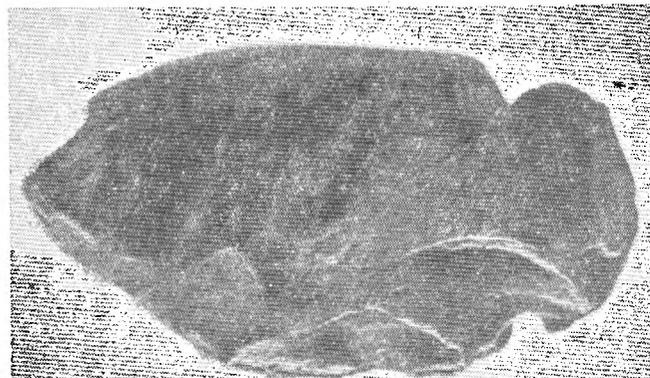
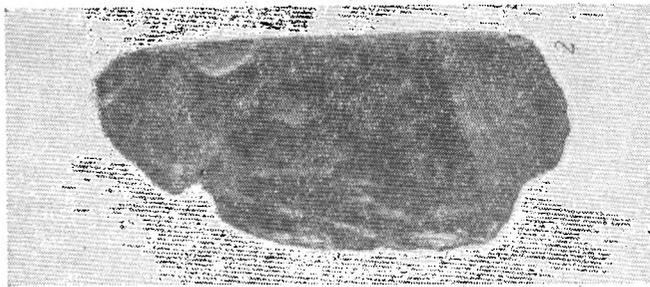
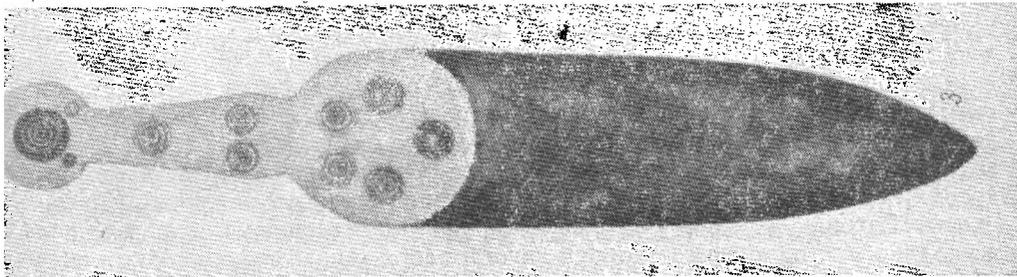
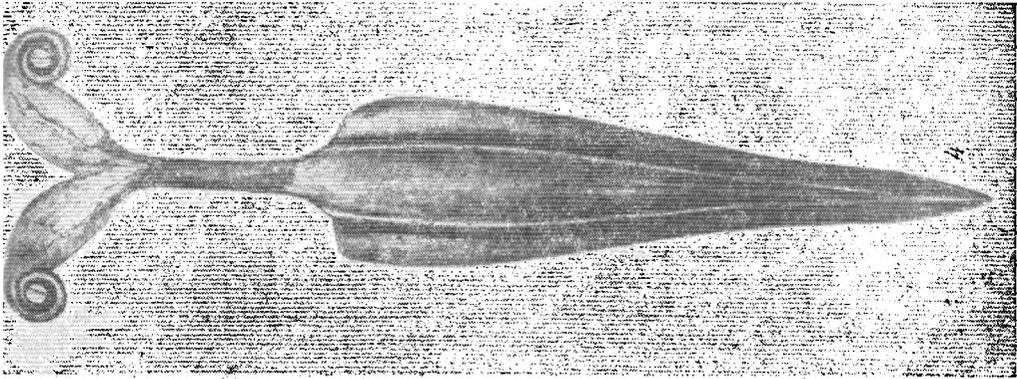

Рис. 6. Ножи из камня и металла.
1 — № 2667-38; 2 — № 2667-25; 3 — № 5801-4; 4 — № 530-3.

ские пальмы встречались редко и обычно приобретались обменным путем через чукчей.

И накопец, еще одно орудие, входившее в обязательное снаряжение охотника, — нож. Он был необходим не только на охоте для закалывания животного и свсжевания его туши, но находил и другое применение в жизни индейцев. Став частью мужского костюма, нож постоянно носился в ножнах, закрепленных у пояса. Исходя из данных, опубликованных Осгудом, можно говорить о двух видах ножей местного производства (не принимая во внимание железные и стальные ножи иноземного происхождения, которые появились у тахайна с конца XVIII в.). Старинные большие (длиной 20—30 см) ножи из камня с обоюдоострым широким (до 7—8 см) лезвием и с рукояткой из того же куска камня, обмотанной волокнами еловых корней, еще и в XIX в. были распространены на Кенайском полуострове. В коллекциях МАЭ хранятся два старинных ножа тахайна из аспидного сланца (рис. 6, 1, 2) и медные ножи; рукоятка одного из них раздваивается на конце, и каждый конец закручивается спиралью (рис. 6, 4). По свидетельству Осгуда, медные ножи имелись только у богатых индейцев.¹⁵

Тахайна, вооруженные луком, копьем, ножом и отлично владевшие этим оружием, были искусными охотниками. Чаще охота велась в одиночку, что было естественно в лесной местности, но вплоть до XX в. сохранялись и коллективные ее методы. Среди них следует выделить древний и очень распространенный у многих народов загонный способ охоты. Загонам в виде участков, огороженных сетями или изгородью из кольев и т. п., предшествовали загоны зверя в водоемы, глубокий снег или закрытые ущелья.

Облавно-загонными способами тахайна охотились на карibu, лосей, горных баранов и коз. Особенно эффективной была охота на карibu во время его сезонных миграций. Большими стадами ежегодно кочевали дикие карibu — весной на северные летние пастбища в тундру, а осенью возвращались в лесные районы. Как правило, они шли по одним и тем же маршрутам, переплывали реки в одних и тех же местах. Охотники подстерегали их у переправ и, как только животные отплывали от берега, преследовали на берестяных лодках и убивали острогой или копьем. Переправляясь через реку, стада карibu обычно держатся кучно, и благодаря этому обстоятельству поколка карibu на воде была самым результативным способом охоты. За несколько часов индейцы могли убить свыше 400 животных.¹⁶

Имеются описания и других видов загонной охоты. Летом и зимой индейцы иногда охотились на карibu, загоня их в гигантские, заранее устроенные загоны-ловушки. В лесных районах сообща строили V-образные ограждения из поваленных деревьев, вбитых в землю кольев, ременных стей, натянутых между деревьями, и в эту ловушку с помощью собак охотники гнали стадо. В местах разрыва ограждающего барьера, а также по тропам, где шло стадо карibu, ставили капканы и силки. Загнанных и сбившихся в узком проходе ловушки животных убивали из лука охотники, прятавшиеся в засаде. Этот способ охоты требовал участия большой группы людей. Женщины и дети ходили с внешней стороны загона и криками отпугивали животных, если те пытались перепрыгнуть через изгородь.¹⁷

¹⁵ Ibid., p. 102.

¹⁶ Обстоятельное описание такой загонной охоты на оленей см.: A n e l l B. Running Down and Driving of Game in North America. Lung, 1969, p. 18—21, 62.

¹⁷ Ibid., p. 20—21.

Существовал еще один способ охоты на карибу. Он заключался в том, что стадо или отдельных животных гнали с собаками на засаду. Данный метод не предполагал постройки каких-либо заграждений, но большая группа охотников или свора специально обученных собак как бы образовывали живую изгородь вокруг стада оленей.¹⁸ Этот же прием использовался в охоте на горных баранов.

Для зимней охоты характерен был метод загона животных в глубокий снег. Карибу, лося, лисиц, волков охотники преследовали на лыжах-лапках и убивали, когда те становились беспомощными, утопая в глубоком рыхлом снегу. Иногда карибу гнали к ловушкам, расставленным на их лесных тропах (об устройстве этих ловушек см. ниже, с. 62—64).

Охота на карибу, за исключением покоек на воде, чрезвычайно трудна, поскольку чаще всего охотиться приходилось в горах, куда они уходили летом из кишачих комарами долин за мхами и лишайниками. Карибу чрезвычайно осторожные и чуткие животные, охота на них требовала особой ловкости.

Очень часто во время охоты на олспей, лосей, медведей, бобров и других животных танайна использовали собак. Каждый охотник имел не менее трех, а некоторые даже до 20 собак.¹⁹ Для охоты на медведей и бобров собак специально обучали. На юге Аляски особенно много было черных медведей. На них охотились круглый год с луком, а чаще с копьем с широким длинным наконечником. Собака разыскивала берлогу медведя, и когда выгнанный из берлоги зверь шел на охотника, последний вопзал конец копья в его шейную вену. Для танайна охота на медведя была делом настолько привычным и хорошо освоенным, что даже женщины иногда отправлялись на медвежий промысел. «В Кенайской губе, — сообщал Г. И. Давыдов, — одна женщина убивает в год от 10 до 12 медведей, не имея иного оружия, кроме лука и пожа».²⁰ По свидетельству того же автора, искусство промысла медведей у народов Северо-Западной Америки состояло в том, чтобы как можно тише и как можно ближе подкрасться к зверю. Недаром этот способ назывался у местных жителей «скрасть медведя».²¹

Во время охоты на бобров собака также была активным помощником индейцев. Один из многочисленных видов охоты на бобров заключался в том, что собака находила входы в жилище зверька и, пока охотник засыпал один из них, караулила остальные.

С собакой охотились и на дикобраза. В районе Кеная дикобразы водились в изобилии и были важным источником пищи индейцев. Добывали их чрезвычайно простым способом. Собака находила животное, которое чаще всего сидело на суку дерева,²² а охотник стаскивал его палкой на землю и убивал дубинкой или копьём с плоским наконечником, имеющим несколько зазубрин.²³ Иногда дело обстоит еще проще: обнаруженный собакой дикобраз, как правило, не пытался убежать, а вертелся на одном месте, угрожающе поднимая вверх иглы. Охотник подходил и брал его живого руками, норовя ухватить снизу за хвост.²⁴

Охотой на мелких животных занимались не только мужчины, но и женщины. Когда Петр Корсаковский, находясь в одном из индейских

¹⁸ Ibid., p. 22.

¹⁹ Osgood C. Op. cit., p. 32—33.

²⁰ Давыдов Г. И. Указ. соч., с. 161.

²¹ Там же, 163.

²² В районе залива Кука был распространен вид древесного дикобраза *Hystrix dorsata*.

²³ Osgood C. Op. cit., p. 35.

²⁴ ААН, ф. 53, оп. 1, № 1/6, л. 7—8.

селений севернее оз. Илиamna, удивился отсутствию женщин, ему объяснили, что они в данный момент в горах охотятся на сусликов.²⁵

Чаще всего, однако, охота (например, на рысей, куниц, белок, росомах, лисиц) требовала особой ловкости, смелости и изобретательности.

С увеличением плотности населения, с настушением человека на тайгу и тундру, с разлитием товарной охоты повлялось все больше и больше охотников, особенно на пушного зверя, а количество животных в результате все увеличивающегося истребления, наоборот, уменьшалось и они становились все осторожнее.

Поряду с основными орудиями активной ловли — луком, копьем и дубинкой — все шире начинают использоваться разнообразные самодельные орудия. Утверждение пассивных видов охоты не означало, однако, что теперь охотником мог стать любой, независимо от того, обладал он необходимыми для этого качествами или нет. Лишь хитрый и опытный стратег становился «траппером», ибо только тот, кто досконально изучил повадки зверя, его привычки, мог рассчитывать, что расставленные ловушки не будут пустовать.

К концу XIX в. индейцы Аляски пользовались многими видами самодельных орудий. Осгуд, например, описал у танайпа четыре типа ловушек, которые по способу действия можно отнести к орудиям удушьющим, давящим и ударяющим.

Среди ловушек удушьющего действия прежде всего надо упомянуть силки, которые относятся к наиболее ранним самодельным орудиям. Танайпа были известны силки пассивного действия, петлю которых зверь сам затягивал на себе, когда попадал в них и начинал биться, и силки активного действия, которые имели более сложное устройство: петля затягивалась с помощью особого приспособления.

Как и у других групп индейцев, у танайпа были распространены силки со скользящей петлей, которая делалась либо из сухожилий, либо из полосок расщепленного вдоль стержня орлиного пера.²⁶ Преимущество последней петли состояло в том, что она не скручивалась. Петли силков на крупных зверей (лосей, медведей) делались из сыромятных ремней.

Обычно силки пассивного действия имели глухое крепление свободного конца петли к дереву, пню или какой-либо стойке, специально вбитой в землю. Если такая ловушка ставилась на уток или гусей, то дополнительно делалось небольшое ограждение-загон из колышков и петля силков растягивалась у входа в него (рис. 7, 1).

Из силков активного действия танайпа знали и широко использовали так называемые пружки и очепы (сибирская терминология). Пружки со вздергивающим механизмом из согнутого растущего гибкого дерева (например, ольхи) ставились чаще всего по тропам на кроликов, наземных белок и других небольших зверьков. После того как зверь, зацепившись за растянутую петлю, опрокидывал ветку-курок, удерживавшую дерево, к верхушке которого привязывался силок, в наклонном положении, последнее распрямлялось и вздергивало жертву вверх (рис. 7, 2).

Другой вид активных силков — очеп — действовал по тому же самому принципу, что и пружки; разница заключалась лишь во вздергивающем механизме, которым в очепе служила утолщенная на одном конце жердь, вставленная в развилку дерева или вбитого в землю кола (рис. 7, 3). Такие силки танайпа ставили на кроликов, рысей, наземных выдр, лисиц, зайцев.²⁷

²⁵ ВГБИЛ, Рукоп. отд., ф. 256, № 487, л. 44.

²⁶ Mason O. T. Op. cit., pl. 1.

²⁷ Osgood C. Op. cit., p. 92—94.

Во время охоты на медведя также использовались иногда силки типа очсца. В стволе толстого дерева близ медвежьей тропы выскалась насквозь дыра на высоте 2.5—3 м. В нее протягивался крепкий сыромятный ремень с тяжелым бревном на одном конце и скользящей петлей на другом. Петля растягивалась внизу, на тропе, а бревно, прислоненное к дереву, удерживалось над землей подпоркой. Зацепившись за петлю,

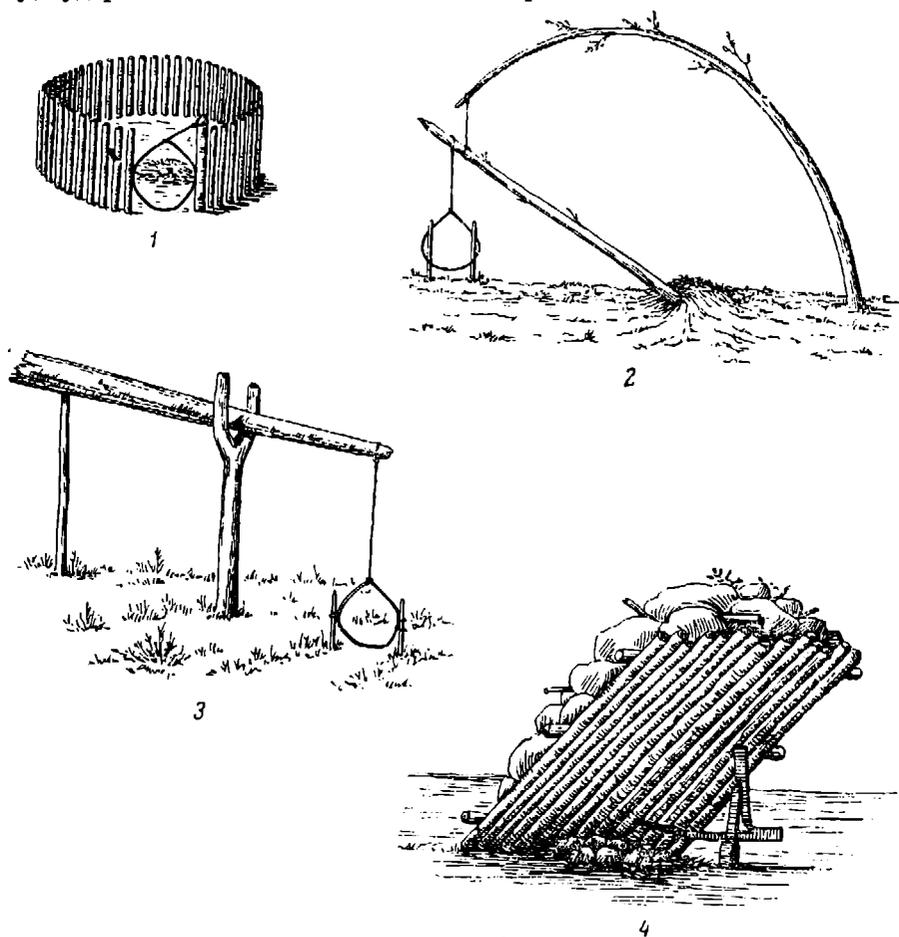

Рис. 7. Ловушки удушающие и давящая. По Осгуду.

1—3 — удушающие; 4 — давящая.

медведь дергал ремень, подпорка выскочивала, и бревно, опускалось, вздергивало животное. Плохо уравновешенный бревном медведь то влетал вверх, то немного снижался и так раскачивался в воздухе до прихода охотника.²⁸

Индейцам Аляски были известны и разнообразные ловушки давящего действия: кряжи, срубы, слонцы, пасти, кулемы. Они состояли из гнета в виде одного или нескольких связанных вместе бревен (в зависимости от того, на какое животное настораживалось оружие), один конец которых был приподнят над землей и удерживался в этом положении при помощи системы рычагов со сторожевым механизмом. Зверь,

²⁸ Ibid., p. 95.

хватая приманку, приводил в движение сторожевой механизм, система рычагов нарушалась, гнет падал и придавливал жертву.²⁹

Осгуд даст нам описание ловушек типа кулемы и пасти, которые танайна ставили на медведей, кабапов, росомах, волков, куниц, горностаев, норок и других зверей.³⁰ Ловушки несколько различались в деталях, в зависимости от того, на какого зверя ставились. Так, падающее бревно, выполняющее роль гнета в ловушке на медведя, имело два или несколько костяных либо роговых острых ножсй, закрепленных при помощи смолы в пазах пижней части бревна. Кстати, этот способ охоты считался у индейцев самым худшим, так как гнет с ножами, придавливая зверя, сильно портил шкуру. На рысей ставили ловушку давящего действия из нескольких связанных в виде щита бревен (рис. 7, 4). Один конец щита приподнимали и под ним устанавливали подпорку со спусковым механизмом. Сверху на щит наваливали бревна и камни, чтобы сделать гнет тяжелей, приманку разбрасывали под щитом. Точно такого же устройства ловушки использовали для охоты на куропаток.

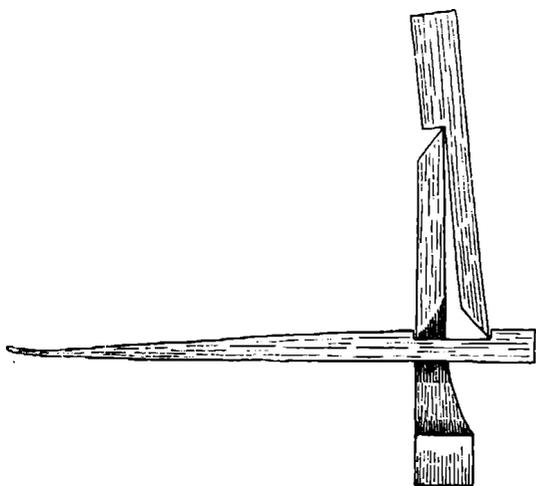

Рис. 8. Насторожка давящих ловушек. По Осгуду.

ловушек у танайна (рис. 8). Он состоял из двух вырезанных из ели планок, поставленных одна на другую. Верхняя планка, закрепленная в слегка наклонном положении, подпирала гнет. На ней имелся вырез, куда упиралась скошенным верхним концом нижняя планка, установленная вертикально. На последней также имелся вырез, в котором укреплялась в горизонтальном положении длинная сторожевая палочка с приманкой на расщепленном конце. Нижний конец верхней планки упирался в прямоугольный вырез на сторожевой палочке. Когда зверь, схватив приманку, сдвигал сторожевую палочку, верхняя планка, потеряв точку опоры, падала, вместе с ней падал и гнет. Сторожевой механизм такого устройства был распространен у всех тапайна, и Осгуд считает его «индейским изобретением». Следует, однако, отметить наличие точно таких же сторожевых механизмов у многих народов Западной, Южной и Восточной Сибири. А. А. Попов находил их в давящих охотничьих орудиях кетов, ульчей, эвенков, хакасов и других сибирских народов.³¹ Таким образом, насторожку подобного устройства было бы ошибкой считать чисто индейским изобретением.

Орудия ударяющего действия не нашли широкого распространения у танайна. В упомянутой работе Осгуда мы находим описание ловушки на лисид, сделанной из разрубленного вдоль на две половинки и вы-

²⁹ Подробное описание всех видов ловушек давящего действия см.: Попов А. А. Орудия охоты у народов Сибири. — Архив Ин-та этногр., ф. 14, оп. № 3, с. 90—129.

³⁰ Osgood C. Op. cit., p. 95—98.

³¹ Попов А. А. Указ. соч., 109, табл. VIII, рис. 1, 6.

долбленного внутри бревна с натянутыми, а затем накрученными на палку кожаными ремнями.³² Принцип действия этого орудия тот же самый, что и у распространенных по всей Сибири кляпцев — ударяющего снаряда, использовавшегося в основном для добычи пушного зверя (рис. 9). Орудия данного типа появились у индейцев Аляски довольно поздно, когда с приходом русских увеличился спрос на пушнину.

Во время охоты на птиц танайна пользовались обычной рогаткой, сделанной из куска кожи. С ней, например, охотились на морских чаек, которые считались лучшей приманкой для ловли крупной рыбы удочкой. С рогаткой охотились иногда даже на уток. Бола — этого широко

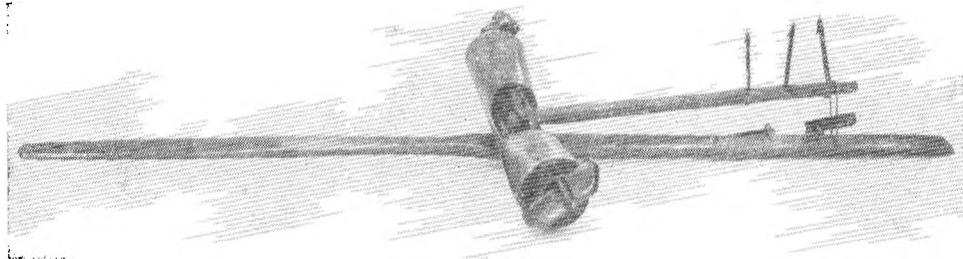

Рис. 9. Кляпцы. № 1048-168.

распространенного орудия охоты на птиц у эскимосов и других северных народов — танайна не применяли. Охотясь на крупных птиц (куропаток, гусей), использовали иногда ловушки давящего действия в виде щита.

Итак, в XIX в. в охотничьем инвентаре танайна имелись разнообразные простые и сложные орудия:

Орудия морской охоты	Рыболовные орудия	Орудия сухопутной охоты	Орудия охоты на птиц
Гарпун, копье, дубина, лук со стрелами, острога	Большие и малые сачки, дубинка, острога, лук со стрелами, удочка с крючком, сети, лонетка типа ме-режи и морды	Лук со стрелами, копье, нож, дубина, ловушки—ударяющие, удуш-ющие и давящие	Лук со стрелами, рогатка, сети, лопушки — удушающие и давящие

Хорошая, как мы убедились, техническая оснащенность позволяла танайна вести комплексное хозяйство. Наличие именно такого хозяйства, основанного на охоте и рыболовстве, носивших сезонный характер, фиксируют письменные документы русских очевидцев (XIX в.). «Как только прекращался в реках большой ход рыбы, — писал Ф. П. Врангель, — все, за исключением стариков и больных, отправляются в горы . . . охотиться на мясных животных».³³

Другой очевидец — Г. И. Давыдов — также отметил сезонную смену промысловых занятий танайна,³⁴ а в документальных записях К. Т. Хлебникова мы находим их примерный промысловый календарь. Согласно ему, весной мужчины уходили на промысел речных бобров, летом запа-сали юколу и ловили белуг, в июле начинался олений промысел, в августе охотники с добычей отправлялись торговать с соседними племенами, а в октябре начинались «игрушки».³⁵

³² Osgood C. Op. cit., p. 98.

³³ Wrangell F. Op. cit., S. 112.

³⁴ Давыдов Г. И. Указ. соч., с. 136.

³⁵ ААН, р. II, оп. 1, № 275, л. 45 об.

Итак, в XIX в. охотничий и рыболовный промыслы атапасков южного побережья Аляски удачно сочетались и были одинаково важны для их жизни. Между тем внимательное изучение сохранившихся письменных документов и материальных памятников позволяет выделить наиболее древнюю и исконную отрасль в хозяйстве тапайна. Ряд фактов, например, говорит о том, что в более ранний период истории их хозяйство вряд ли было связано с морским зверобойным промыслом. Письменные документы, оставленные Ф. П. Врангелем, Г. И. Давыдовым и К. Т. Хлебниковым, свидетельствуют о неустоявшейся традиции морской охоты у индейцев. В этом искусстве они не могли равняться со старожилками прибрежных районов Аляски — эскимосами и алеутами. Так, например, тапайна не умели охотиться на китов. Мясо кита, которое считали очень вкусным, они выменивали у соседних эскимосских племен, бывших опытными китобоями. Не пренебрегали они и мясом мертвых китов, выбрасываемых изредка на берег.³⁶ По сравнению с алеутами и эскимосами индейцы были очень плохими мореплавателями. Об этом, например, свидетельствуют наблюдения Г. И. Давыдова, который писал: «Кенайцы не столь привычны к байдаркам (в отличие от коняг, чугачей и др.), а только ездят в оных живущие близ устья губы Кенайской».³⁷ У него же мы находим и такую запись: «Кенайцы к морю не способны и в дальнюю партию никогда не езжали более 12 байдарок».³⁸ Ф. П. Врангель тоже заметил, что кенайцы «весьма уступают кадьякцам и чугачам в искусстве и отваге судоходства на байдарках».³⁹ Для индейцев Кенайского залива, как и для их сородичей, обитавших во внутренних районах Аляски, более характерны были лодки из бересты. В северной части залива они иногда даже на тюленей охотились у берега на берестяных лодках. Байдарку, — как, впрочем, и весь остальной охотничий инвентарь на морского зверя, — они, возможно, позаимствовали у соседних эскимосских племен. Не случайно из трех вариантов гарпунов, использовавшихся тапайна в морской охоте, ни один не был хоть сколько-нибудь оригинальным. В отличие от других морских зверобоев, они не пользовались копьеметалкой; и наконец, особого внимания заслуживает широкое применение ими в морской охоте лука. Перечисленные факты порождают сомнение в том, что морской зверобойный промысел был исконным занятием тапайна, и скорее свидетельствуют о сравнительно недавнем приобщении к нему той группы индейцев, которая поселилась на берегах залива Кука.

Аналогичные сомнения возникают у нас при изучении рыболовного промысла. Условия для рыболовства на юге Аляски были прекрасными. Почти все авторы сообщают об изобилии рыбы в низовьях рек, впадающих в залив Кука. Ловля рыбы в этих районах могла вестись круглый год, но особенно обильными уловы были в весенне-летнее время, когда рыба шла нереститься из моря в реки. «В это время, — сообщает К. Т. Хлебников, — рыба пускается в реки столь густо, что препятствует грести веслами при переезде в лодках или байдарках».⁴⁰ Находясь на Кенае (1802—1807 гг.), Г. И. Давыдов сам закидывал небольшой невод в реку во время хода лосося и за один раз выловил более 2000 рыб.⁴¹ В дневниках И. Г. Вознесенского мы находим запись о том, что в р. Касиловке

³⁶ W r a n g e l l F. Op. cit., S. 113.

³⁷ Д а в ы д о в Г. И. Указ. соч., с. 124.

³⁸ Там же, с. 130.

³⁹ W r a n g e l l F. Op. cit., S. 112.

⁴⁰ ААН, р. II, он. 1, № 275, л. 45.

⁴¹ Д а в ы д о в Г. И. Указ. соч., с. 241.

(Кенайский полуостров) в хорошую погоду за один день ловили от 300 до 400 крупных рыб (крупные лососи весили более 10—15 кг).⁴²

При таком изобилии рыбы, казалось бы, рыболовство издавна должно было стать основой хозяйства жителей этого района. В аналогичных условиях, например, находились племена Приморья и Амура. Для них рыболовство, связанное с массовым ходом рыбы из моря в реки во время нереста, когда за одну неделю можно было на всю зиму обеспечить пищевыми запасами род или даже племя, со времени раннего неолита стало основой хозяйства и причиной оседлого образа жизни. Атапаски, жившие у залива Кука в XVIII—XIX вв., максимально не использовали благоприятные условия района. Для танайна рыба не была главным продуктом питания. Об этом свидетельствует тот факт, что индейцы не старались делать большие запасы рыбы во время весенне-летнего хода ее, когда это не составляло большого труда. К. Т. Хлебников, например, писал, что они никогда не старались запастись много рыбы и добывали только столько, сколько было необходимо для дневного пропитания семьи, а к зиме будто бы запасали не более 300 рыб юколы.⁴³ Если иметь в виду, что одному человеку в день требовалось 2—3 штуки большой юколы и что юколой обычно кормили и собак, то становится очевидным, сколь ничтожными были подобные запасы. Об отсутствии особых стараний в подготовке рыбных запасов свидетельствует также следующее сообщение Г. И. Давыдова: «Американцы (в данном случае имеются в виду кенайцы, — Г. Д.) сушат рыбу, которую иногда на один конец жерди вешают, а с другого, темного подсохшую, есть уже начинают, хотя стоит только руку опустить в речку, дабы достать свежей».⁴⁴ До прихода русских промышленников танайна не умели солить рыбу, они обычно коптили или сушили ее. Весь небольшой запас рыбы, сделанный летом, по словам К. Т. Хлебникова, полностью уничтожался за время осенних празднеств, на которые приглашалось столько гостей-соседей, сколько хозяин мог прокормить своим запасом.⁴⁵ Аналогичный факт был отмечен и Г. И. Давыдовым, писавшим, что рыбы, запасенной семьей, едва хватало до зимы, т. е. до окончания так называемых «игрушек».⁴⁶

Итак, несмотря на наличие весьма разнообразной техники рыбной ловли, перечисленные выше факты говорят о том, что вплоть до XX в. рыболовный промысел танайна все же не был решающим в их хозяйстве и что не было традиции использования чрезвычайно благоприятных условий района для преимущественного развития этого промысла. Между тем изучение орудий и приемов охоты на лесного зверя позволяет предположить, что именно данный промысел является исконным. Разнообразие орудий, тщательно отработанные искусные приемы охоты на определенных животных — все это характерно только для очень хорошо освоенного промысла. Исконность охотничьих традиций танайна подтверждается и особой ролью лука, применение которого было распространено ими на все виды охоты, включая морской промысел и рыбную ловлю.

Если занятие морским и рыболовным промыслами чаще всего приводило к оседлости, то охота на сухопутного зверя, наоборот, располагала к кочевому или полукочевому образу жизни. Согласно документальным источникам, даже в начале XIX в. полукочевая жизнь была еще характерна для танайна. Русский исследователь Аляски Г. И. Давыдов писал, что кспайцы «ежегодно перестраивают шалаши свои, а часто пере-

⁴² ААН, ф. 53, оп. 1, № 1/6, л. 2 об.

⁴³ Там же, р. II, оп. 1, № 275, л. 45 об.

⁴⁴ Давыдов Г. И. Указ. соч., с. 68.

⁴⁵ ААН, р. II, оп. 1, № 275, л. 45 об.

⁴⁶ Давыдов Г. И. Указ. соч., с. 69.

меняют и самые места жилищ». ⁴⁷ Многие традиционные предметы быта удовлетворяли потребностям кочевой жизни, а по тому, с какой быстротой и легкостью проделывали они свой ежегодный переход от берегов залива до горных хребтов внутри страны, куда отправлялись па лесную охоту по прекращении весеннего хода рыбы, можно также судить об их привычке к кочеванию. Расстояние более 400 км они проходили пешком за 14—15 дней. ⁴⁸

Охота давала танайна прочную основу для существования, обеспечивала их мясной пищей и шкурами для одежды. В XIX в. она продолжала сохранять свое важное значение, но в то же время характер ее коренным образом меняется. Она превращается в охоту товарную.

Начиная с конца XVIII в. танайна были втянуты в меховую торговлю, прежде всего с русскими промышленниками. С этого времени быстрое распространение получает рост товарной охоты. Объектами промысла становятся преимущественно пушные звери: бобры, куницы, выдры, ондатры, лисцы. Для охоты на них наряду с традиционными орудиями лова индейцы начинают использовать новые орудия (кляпцы, металлические капканы, ружья), которыми их снабжают торговцы пушиной. Естественным результатом улучшения технической оснащенности является повышение эффективности промысла. Этот процесс, однако, нес в себе далеко идущие опасные последствия. Одним из первых таких последствий явилось резкое сокращение промысловой фауны в результате хищнического истребления зверя. Пушные богатства края истощались катастрофически быстро. Первой жертвой промысловой горячки стали морские бобры. В 1786 г. фрегат Феникс привез в Охотск с о-ва Кадьяк более 5,5 тыс. бобров. ⁴⁹ Но уже в 1793 г. А. А. Баранов писал Г. И. Шелихову, что «Кенайская губа совсем почти от промысла отказывает». ⁵⁰

XIX в. стал губительным не только для бобров, но и для лисец, куниц, белок, горностаев и другого пушного зверя Аляски. К XX в., когда в прибрежных юго-восточных районах Аляски в результате интенсивного истребления пушного и мясного зверя охотничий промысел пришел в полный упадок, в хозяйстве танайна наметилось развитие новой отрасли — товарного рыболовства. Главным объектом промысла и продажи становится лосось. Уже в начале 30-х годов Осгуд рассматривает рыболовство как ведущую отрасль хозяйства танайна, ⁵¹ а к середине XX в. рыба составляла $\frac{3}{4}$ экспорта у жителей района залива Кука. ⁵² В этнографическом атласе Мёрдока рыболовству у танайна отводится только 50%. ⁵³

Таким образом, в XIX в. охота и рыболовство играли одинаково важную роль в хозяйстве танайна, но в более раннюю эпоху роль охоты па лесного зверя, по-видимому, была ведущей. Поскольку специфические условия жизни на южном побережье Аляски не оказали решающего влияния на экономику индейцев и в их хозяйстве не наблюдалось устоявшихся традиций морского зверобойного промысла или преимущественно рыболовецких, можно предположить, что древней родиной танайна является лесные, внутриматериковые районы. Изучение материальной культуры танайна, и в частности орудий их промыслов, поможет исследователям проследить пути древних миграций и время появления индейцев на Аляске.

⁴⁷ Там же, с. 134—135.

⁴⁸ Там же, с. 137.

⁴⁹ ГАВМФ, ф. 193, оп. 1, д. 79, л. 101.

⁵⁰ Т п х м е н е в П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и ее действий до настоящего времени. Ч. 2. СПб., 1963, с. 40 (прил.).

⁵¹ Osgood C. Op. cit., p. 26.

⁵² Б о л и А. Северная Америка. М., 1948, с. 246.

⁵³ M u r d o c k G. P. Ethnographic Atlas. Pittsburg, 1969, p. 102.

Ю. Е. Березкин

Росписи культового содержания на сосудах наска (Перу)

Среди американских археологов получила широкое распространение концепция «перуанской общей традиции» (или просто «перуанской традиции»), ведущей начало, по их мнению, еще с I, если не со II тыс. до н. э. Из перечисления признаков этой традиции¹ следует, что под ней понимается не что иное, как некая единая цивилизация, складывавшаяся, на наш взгляд, лишь в конце I—начале II тыс. н. э. Поскольку одним из ведущих признаков, характеризующих цивилизацию как целостный организм, является единство идеологии, убедительным аргументом против рассматриваемой концепции может быть анализ глубоких расхождений в мироозерении носителей древних культур. Речь идет не просто об особенностях пантеонов, а именно о различных принципах, лежащих в основе религиозных представлений и искусства создателей первых андийских цивилизаций. Наличие ряда общих мотивов не меняет сути дела, ибо их трактовка в каждом случае своеобразна.

Эта статья посвящена характеристике религиозных представлений создателей культуры наска на юге перуанского побережья, живших там в начале и середине I тыс. н. э. Ранее мы уже писали о мифологии мочика,² культуры, примерно синхронной наска, существовавшей на Северном побережье. Обе они приобрели мировую известность благодаря обилию и красоте найденных в погребениях керамических сосудов. Сопоставление религиозных концепций мочика и наска, сделанное в конце статьи, позволяет передать специфику каждой из них.

Культура наска возникла на базе предшествующих (и, видимо, близко родственных друг другу) культур паракас и топара в долинах небольших, спускающихся к океану рек Ика и Рио-Гранде (Наска). На позднем этапе территории наска расширилась как за счет расположенных в горах верховий, так и нескольких соседних долин. Экономической базой культуры являлось ирригационное земледелие, дополняемое рыболовством. Характер строительных остатков (крупные поселения с храмами), богатые погребения с человеческими жертвами, а также данные изобразительного искусства указывают на то, что общество наска носило классовый характер. Таким образом, экономическая основа и уровень социального развития мочика и наска не имеют принципиальных различий.

¹ Willey G. R. An Introduction to American Archaeology. Vol. 2. South America. Englewood Cliffs, 1971, p. 107—108.

² Березкин Ю. Е. Мифология мочика (Перу). — СА, 1972, № 4, с. 171—192.

Хронология культуры наска разработана в настоящее время весьма подробно. В 1952—1956 гг. Доусон выделил в ней девять периодов.³ Позднее Прул,⁴ Роук⁵ и другие исследователи развили и дополнили его выводы. Еще в 20-х годах в развитии культуры было намечено три главных этапа.⁶ Для керамики ранней наска характерны различные чаши, а также обычно круглодонные, закрытые со всех сторон сосуды с двумя короткими горлышками-трубками, соединенными мостиком. Ведущими формами позднего этапа являются высокие кубки и сосуды, схожие с названными, бытовавшими на первом этапе. Однако одно из горлышек значительно чаще, чем раньше, заменяется лепной человеческой головкой, а пропорции сосуда и ручки меняются. Изменение форм сопровождается эволюцией в иконографии. На третьем, финальном этапе сложные мифические изображения на сосудах почти исчезают, поэтому он нас интересует меньше.

Классическим трудом в области тематического изучения росписей остается исследование Зелера «Полихромные сосуды наска», в котором было описано большинство имеющихся сюжетов.⁷ Однако Зелер не ставил задачу целенаправленного изучения мифологии. Им был создан скорее систематический каталог росписей самого разного характера, который сегодня можно несколько расширить. В дальнейшем усилия исследователей были обращены прежде всего на разработку хронологии наска. Иконографический анализ или вообще служил лишь вспомогательным средством при решении этой проблемы (у Прула), или имел ограниченные задачи — сравнение встречаемости разных сюжетов на материалах двух-трех периодов (у Роука). Ряд статей Даркура, Яковлева, Валькарселя, Соьера посвящены интерпретации отдельных сюжетов и мотивов,⁸ и лишь в нескольких небольших работах — как правило, довольно бегло — рассматривается религия наска в целом и формулируются основные принципы расшифровки изображений.⁹

³ Rowe J. H. Nuevos datos relativos a la cronología del estilo Nasca. — In: Antiquo Peru; espacio y tiempo. Trabajos presentados a la semana de arqueología Peruana (9—14 de noviembre de 1959). Lima, 1960, p. 29—45.

⁴ Proulx D. A. Local Differences and Time Differences in Nasca Pottery. Berkeley—Los Angeles, 1968.

⁵ Roark R. P. From Monumental to Proliferous in Nasca Pottery. — Nawpa-Pacha, 1965, № 3, p. 1—92.

⁶ Такое разделение произвели Гейтон и Кребер (Gaulton A. H., Kroeber A. L. The Uhle Pottery Collections from Nazca. — Univ. of California Publ. in Am. Archaeol. and Ethnol., 1927, vol. 24, № 1, p. 13—33). Их хронология включала периоды «А», «В» и «У». В современной зарубежной литературе эти крупные подразделения принято называть «Monumental» (периоды 1—4), «Proliferous» (периоды 6—8; период 5 — переходный) и «Disjunctive» (период 9). Однако буквальный перевод данных терминов на русский язык вряд ли целесообразен, поэтому в статье мы просто говорим о раннем, позднем и финальном периодах. История вопроса и подробную характеристику культуры в целом см.: Башнилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 164—173.

⁷ Selzer E. Die buntemalten Gefässe von Nasca. Gesammelte Abhandlungen. Bd. IV. Berlin, 1923, S. 171—338.

⁸ Yacovleff E. 1) Las Falcónidas en el Arte y en las Creencias de los Antiguos Peruanos. — RMN, 1932, t. I, № 1, p. 33—111; 2) La Deidad Primitiva de los Nasca. — Ibid., № 2, p. 103—160; Valcárcel L. El Gato de Agua. — Ibid., p. 3—27; Sawyer A. R. A Group of Early Nazca Sculptures in the White Collection. — Archaeology, 1962, v. 15, № 3, p. 151—159; d'Harcourt R. Gestes rituels de fécondation dans l'ancien Pérou. — J. de la Soc. des Am., n. s., 1935, t. XXVII, fasc. 1, p. 25—33.

⁹ Sawyer A. R. Paracas and Nazca Iconography. — In: Essays in Pre-Columbian Art and Archaeology. Cambridge, Mass., 1961, p. 269—298; Feriz H. P. 1) Explanation of the Nasca Iconography. — 32 ICA, Proc., Copenhagen, 1958, p. 388—394; 2) The Supreme Deity of Nasca. — 35 ICA, Actas y Mem., Mexico, 1964, t. II, p. 14; Proulx D. A. Headhunting in Ancient Peru. — Archaeology, 1971, v. 24, № 1, p. 16—22.

* * *

Осмотр даже небольшой серии сосудов наска не может не привести к выводу, что в центре религиозно-космогонических представлений этого народа находилось божество, связанное с образом хищника из семейства кошачьих.¹⁰ В литературе оно долго фигурировало как «кошачий демон», но сейчас более известно под именем «антропоморфного мифического существа».¹¹ По нашему мнению, наиболее удобное в русском тексте и отвечающее действительному положению вещей обозначение этого персонажа — «синкретическое божество». Существует несколько иконографических стандартов его изображения — от набора трудно читаемых символов до относительно реалистической антропоморфной фигуры. Все эти типы связаны переходными вариантами, что позволяет считать их различными трактовками образа одного и того же существа. Кроме того, на росписях наска представлен относительно реалистический кошачий хищник (the Spotted Cat), который тем не менее также связан изображениями переходного характера с этим божеством. Все же это самостоятельный персонаж, о чем, в частности, свидетельствует появление его с божеством в одной сцене (табл. I, 1). Фигура этого зверя представляет собой профильное изображение стилизованной пумы, ягуара или, что самое вероятное, местного дикого кота, голова которого (скорее с антропоморфным, чем со звериным лицом) повернута в фас (табл. I, 2). Низ лица закрывает маска с кошачьими усами, язык часто высунут. Из тела, языка вырастают различные плоды и культурные растения.

Далее мы рассмотрим несколько иконографических типов, на которые делятся изображения синкретического божества.¹²

I — наиболее антропоморфизированный и упрощенный вариант. На керамике наска он появляется раньше остальных, хотя на тканях и в предшествующей культуре паракас уже представлены и все другие иконографические разновидности. Тело божества помещено вертикально и имеет вполне человеческий вид (табл. I, 3). От плеч отходят змеи, в руках отрубленная голова и палица. Нижнюю часть лица закрывает маска кошачьего хищника, верхнюю — также маска, возможно в виде украшения из перьев.

Довольно часто встречается тип, переходный между этим и следующим (см. ниже). Божество стоит, но голова повернута под прямым углом к туловищу, как на горизонтальных изображениях. Именно такого вида существо запечатлено на одном из сосудов наска, хранящихся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (рис. 1).

№ 6651-4, кол. МАЭ. Сосуд подарен музею Национальной Академией наук Кусубы (1966 г.). Высота 14.8 см, диаметр 12.2 см. Фон коричневый. Плетя изображения: светло-коричневый (тело божества), бежево-желтый (маска), темно-бордовый (лицо), серый (змеи, отходящие от плеч), черный, белый. Дно не окрашено. Всего семь цветов. В руках у божества палица и отрубленная человеческая голова. Еще две головы прикреплены (?) к поясу. Инкешо, долина Наска. Период наска 3 (3с?).

¹⁰ Довольно часто можно встретить с мнением, что изображалось не божество, а жрец в его маске, костюме и с его атрибутами. Помимо того, что против этого взгляда можно привести ряд серьезных доводов, включение подобного переходного змея мало что меняет в иконографии самих мифических существ.

¹¹ «Anthropomorphic Mythical Being» (Proulx D. A. Local Differences. . . , p. 17—18); «Masked Mythical Being» (Rorark R. P. Op. cit., p. 17).

¹² В отношении хронологической привязки изображений по периодам мы следуем за Прулом и Роуком. При выделении персонажей папсона и их иконографических разновидностей нами по ходу разбора отмечаются главные расхождения с американскими исследователями. В случаях совпадения в скобках дается английский эквивалент названия персонажа. В отношении синкретического божества ранней наска отметим, что типы 1, 2 и 5 у Праулса включают совокушность изображений, выделенных нами как типы II и III. Его тип 3 совпадает с типом I в данной статье.

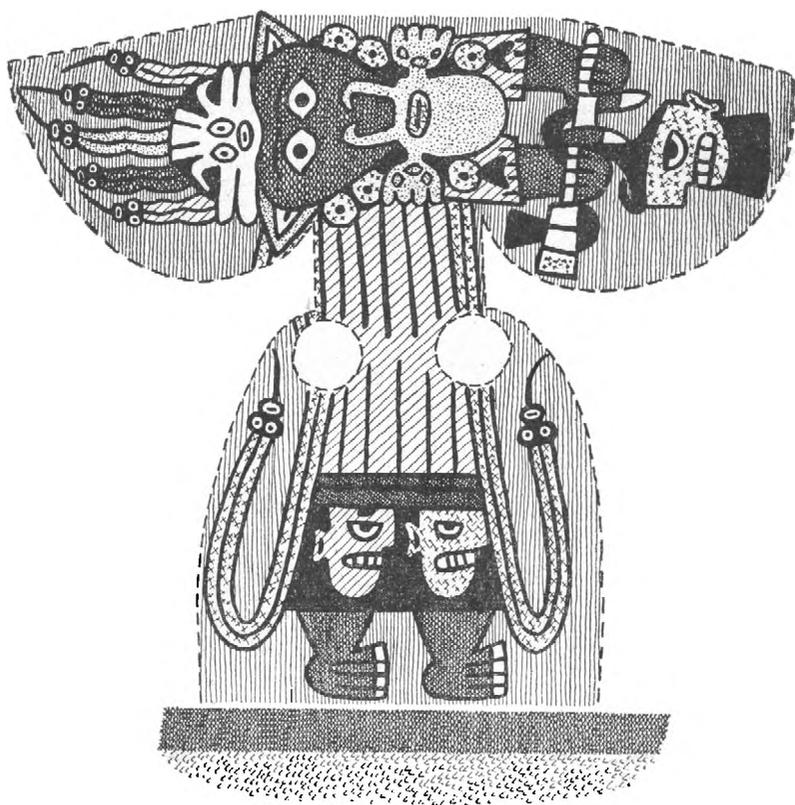

Рис. 1. Сосуд паска из кол. МАЭ, № 6651-4, с изображением синкретического божества с палицей и человеческой головой в руках.
1 — общий вид; 2 — прорисовка изображения.

1

2

Рис. 2. Сосуд наса из кол. МАЭ, № 6651-2, с изображением синкретического божества в «сокращенной» форме на каждой половине сосуда.

1 — общий вид; 2 — прорисовка изображения.

II — основной иконографический тип (табл. I, 6). Он встречается на керамике периодов 3с—5. Тело божества помещено горизонтально, голова повернута в фас. На лице маска, в одной руке оружие, в другой — одна или две отрубленные головы. Одна из змей, отходивших от плеч божества, исчезла, зато другая непомерно увеличилась в размере и отныне является едва ли не основным элементом изображения. Чаще всего она заканчивается головой и передними лапами животного, по-видимому деривата кошачьего хищника. Внутри и по краям этой змеи бывают нарисованы человеческие головы (иногда с «защитым» двумя колючками ртом). На некоторых росписях изо рта божества высовывается гигантский язык, также оформленный в виде змеи с головой или маской кошачьего хищника.

III — тип, почти во всех отношениях аналогичный предыдущему, но более близкий к тем изображениям зооморфного кошачьего хищника, где показаны отходящие от тела растения и плоды. Рассматриваемое нами божество выступает в данном случае в роли покровителя растительности и олицетворения плодородия. Отрубленные головы в руке встречаются редко. Они, как правило, заменены плодами, хотя вторая рука, держащая оружие, сохраняет этот атрибут. В некоторых случаях маска кошачьего хищника, закрывающая нижнюю часть лица, исчезает. Особенно интересно изображение на табл. I, где божество представлено во всей своей вегетативной красе. Помимо плодов, к его телу примыкают две человеческие фигурки (о них речь пойдет ниже), а рядом изображен кошачий хищник, также с атрибутами плодородия.

IV — сидящее божество (в виде его тела сформован сам сосуд).¹³ Изо рта высовывается язык-змея. В руках оружие, змеи или фигуры других мифических существ. На одном из сосудов божество держит в руках плоды.¹⁴ Этот тип представлен довольно редко.

Кроме того, встречаются, особенно на сосудах наска 5, «сокращенные» фигуры божества (рис. 2). Они лишены змеи-придатка и в основном сведены к изображению лица с маской.

№ 6651-2, кол. МАЭ. Сосуд с изображением на каждой половине фигуры синкретического божества в «сокращенной» форме. Дар музею от Национальной Академии наук Кубы (1966 г.). Высота 8 см, диаметр 12,3 см, толщина стенки 0,3 см. Фон белый. Цвета изображения: черный, переходящий у пикней фигуры в серо-стальной, коричневый (маска над лбом), светло-коричневый (маска на нижней части лица), темно-бордовый (туловище у нижней фигуры). Всего пять цветов. Туловище и голова оформлены как единая изобразительная панель в ореоле из дротиков. Змея-придаток и руки отсутствуют. Асьенда Окукахе, долина Ика. Период наска 5.

Змея с головой и лапами кошачьего хищника, обычно изображаемая как часть фигуры божества, встречается и отдельно (рис. 3); при этом в наска есть и относительно реалистические рисунки настоящих змей.

№ 6651-3, кол. МАЭ. Сосуд с изображением мифической змеи с головой и лапами кошачьего хищника, с маской на лице. Дар музею от Национальной Академии наук Кубы (1966 г.). Высота 17,5 см, диаметр 14 см. Фон черный, дно сосуда окаймлено коричневой полосой шириной 1,2 см. Цвета изображения: светло-коричневый (маска), темно-бордовый (лапы), переходящий в коричневый, белый. Всего четыре цвета. Дно не окрашено. Рисунок довольно небрежный. Хвост змеи оканчивается человеческой головой-трофеем, рот которой «защит» двумя колючками. Конец наска 3 или наска 4.

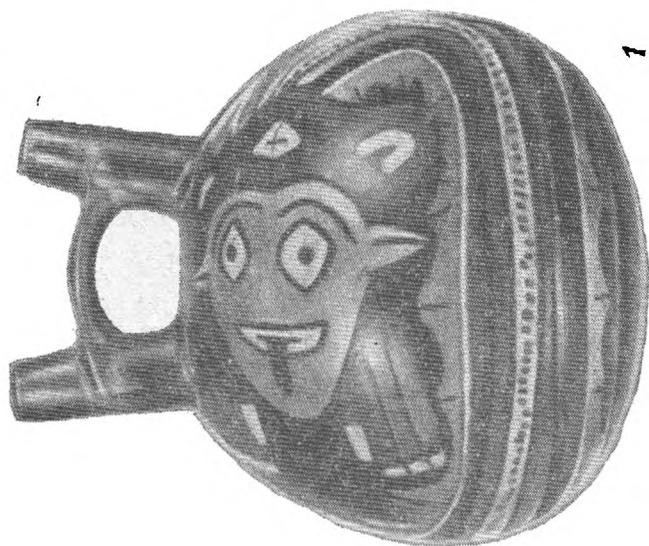
Иногда змея имеет по голове с каждой стороны, что, впрочем, может быть и чисто декоративным приемом, так как головы, располагающиеся на разных сторонах сосуда, трудно увидеть вместе. Вообще же образ двуглавой змеи-чудовища широко распространен в Америке. У мочика он

¹³ См., например: S c h m i d t M. Kunst und Kultur von Peru. Berlin, 1929, S. 329.

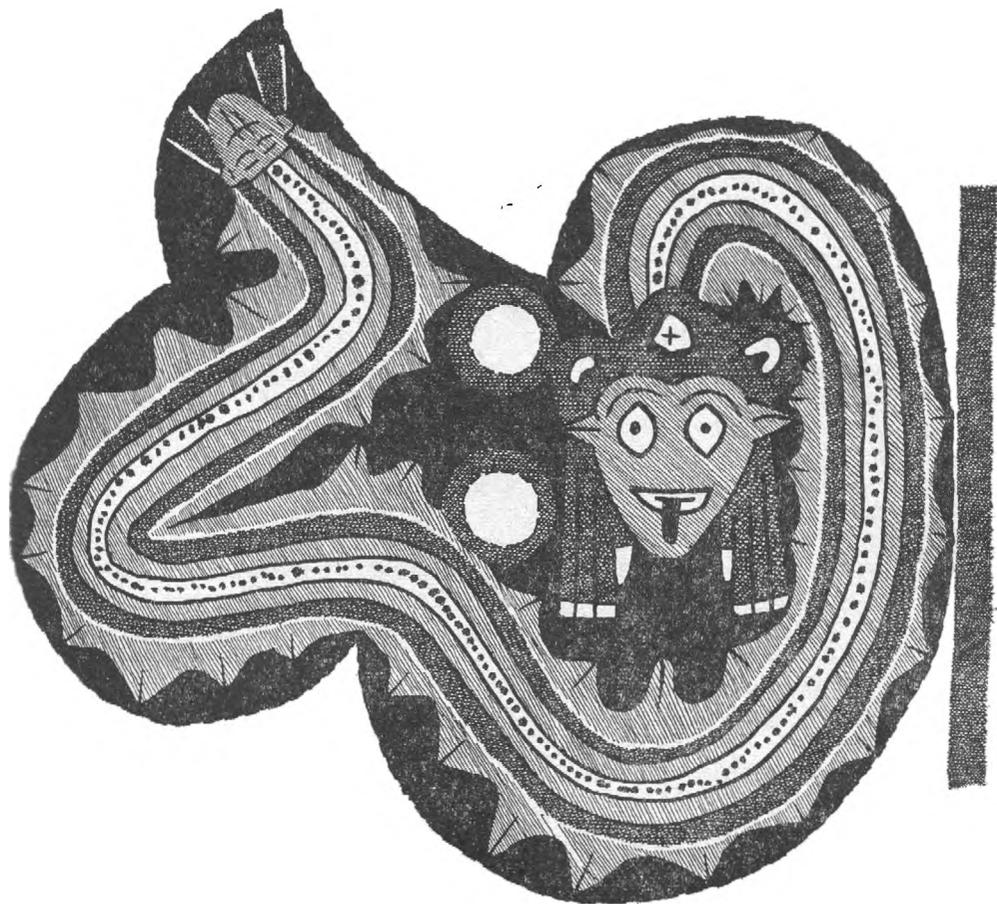
¹⁴ L a r c o П о у R. Pérou. Genève, 1966, fig. 108.

Рис. 3. Сосуд нарка из колл. МАЭ, №16651-3, с изображением мифической змеи с головой и лапами копытного хищника, с маской на лице.

1 — общий вид; 2 — прорисовка изображения.

1

2

олицетворяет небесный свод. Сходные представления о Мировом Змее имеются и у народов Евразии и, по-видимому, являются частью одного из древнейших мифологических пластов.

Все описанные иконографические типы характерны для ранней наска и переходного — 5-го периода. Начиная с времени наска 6 они изменяются до неузнаваемости и встречаются много реже, чем раньше. Например, фигура сидящего божества (табл. I, 5) совершенно скрывается за сложной системой масок и придатков. В дальнейшем рисунок окончательно обесмысливается для зрителя, не знакомого с его эволюцией (табл. III, 5). Правда, в наска 6 возникает новая живописная модель божества (the Cat-band Mythical Being). Его голова, прежде повернутая под прямым углом к телу и вертикально к зрителю, располагается с телом на одной линии, горизонтально (табл. I, 7). Традиционное изображение лица и рук синкретического божества заменяется головой и лапами кошачьего хищника (как они выглядят у упоминавшегося зооморфного существа или на конце змеи-придатка). Тело лишается определенных пропорций, отдельные элементы вовсе исчезают. Однако этот новый иконографический тип менее популярен, чем синкретическое божество в ранней наска. Он перестает быть главным и единственным изобразительным элементом сосуда, а встречается или в виде орнаментального фриза на кубках, или (как и прочие деградировавшие персонажи раннего периода) на росписях, записанных на заднюю и боковые стенки сосудов с изображением земледельческой богини (см. ниже).

Следует иметь в виду, что все остальные персонажи ранней наска, о которых пойдет речь далее (за исключением, может быть, мифической птицы), целиком подчинены описанному нами главе пантеона. В тех случаях, когда они показаны отдельно, черты их облика и различные атрибуты могут свидетельствовать о мощи и высоком положении (особенно по отношению к людям и второстепенным мифическим существам). Однако там, где кто-либо из этих персонажей изображен вместе с синкретическим божеством, несоизмеримость их рангов становится очевидной.

Важнейшее место в окружении главного божества наска занимали бог-сокол и бог-касатка.¹⁵ Обычно варианты изображения первого из них — сверху, в позе «ныряющего бога» (табл. I, 8), и сбоку — аналогично типу I в иконографии синкретического божества (табл. II, 1). В руках бог-сокол держит оружие и отрубленную голову. Вегетативные аксессуары встречаются довольно редко. Перья на хвосте и крыльях имеют характерные завершения в виде трех точек — сокращенная схема человеческого лица. Между крыльями и хвостом торчат когтистые птичьи лапы, хотя они бывают и антропоморфизированы. Змея-придаток никогда не встречается, а задняя часть тела также, как правило, оформлена в виде человеческого лица. На одной из росписей персонаж представлен играющим на свирели (табл. II, 2).

Все исследователи после Зелера рассматривали бога-сокола лишь как вариант изображения синкретического божества, основываясь на том, что головы обоих существ (вернее — лицевые маски) трактуются одинаково. Кроме того, на ряде росписей действительно трудно определить, кто именно из двух персонажей замечателен (например, зубчатый шлейф, обычно используемый для обрисовки крыла, включен в число элементов, из которых строится фигура верховного божества). Наиболее убедительным аргументом против подобного отождествления являются те росписи,

¹⁵ Определение хищной птицы наска как сокола и рыбообразного существа как кита-касатки (killer-whale) принадлежит Э. Яковлеву (Yakovlev E. 1) *Las Falcónidas*. . . , p. 46—54; 2) *La Deidad Primitiva*. . .).

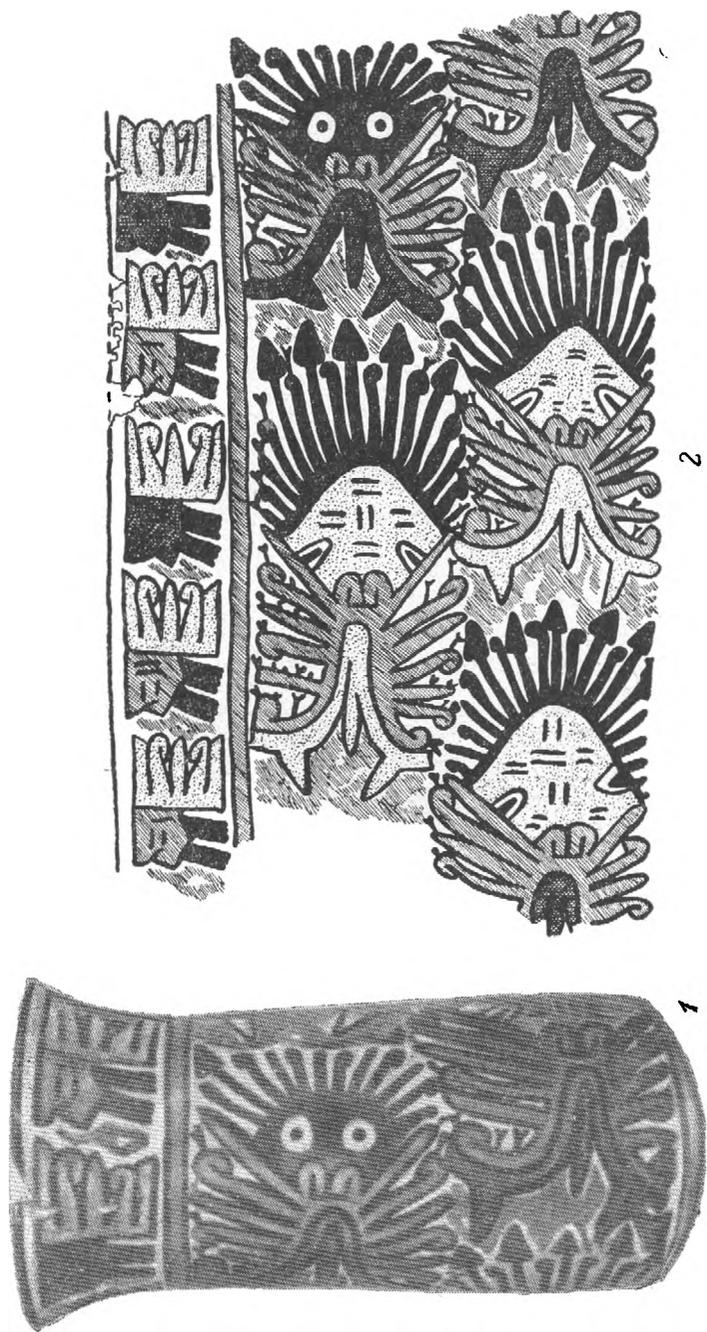

Рис. 4. Сосуд наска из кол. МАЭ, № 6651-7, с изображением бога-касатки и голов-трофеев.
 1 — общий вид; 2 — прорисовка изображения.

где оба существа представлены вместе. Так, Уилли опубликована фотография большой урны, роспись на которой представляет синкретическое божество, держащее в руках второстепенные мифические персонажи (голова вылеплена отдельно).¹⁶ На груди у него нарисован бог-сокол в позе «ныряющего бога». Он явно входит в число существ, окружающих главу пантеона.

Что касается нечеткости иконографических различий между богом-соколом и синкретическим божеством, то она существует и между последним и богом-касаткой, а также в ряде других случаев. В основе ее две причины. Во-первых, определенные атрибуты (маска кошачьего хищника, перья со схемой человеческого лица на концах) могли служить указанием на божественность вообще и, являясь особенно характерными для одного из персонажей, использоваться при изображении других. Во-вторых, бог-сокол, бог-касатка, зооморфный кошачий хищник скорее всего и в самом деле считались ипостасями верховного божества, его заместителями и помощниками, не сливаясь, однако, с ним в один образ.

Нам не известны бесспорные изображения бога-сокола позже наска 5, но скорее всего его образ сохраняется в верованиях, причем не только на позднем, но и на финальном этапе.¹⁷

Бога-касатку наска первоначально изображали как обычных рыб, добавляя зубастую пасть и руку с оружием (табл. II, 6). Начиная с наска 5, иконографически он все более сближается с синкретическим божеством (и претерпевает те же деструктивные изменения). Однако даже на самых поздних изображениях его можно отличить по наполненной кровью пасти (рис. 4).

№ 6651-7, кол. МАЭ. Сосуд подарен музею Национальной Академией наук Кубы (1966 г.). Высота 19.5 см, диаметр 9.6 см, толщина стенок 0.3 см. Фон белый. Внутри по венчику идет коричневая полоса шириной 0.9 см. Цвета изображения: черный, коричневый (кровь в пасти), бледно-желтый (голова божества в трех случаях из четырех), темно-бордовый (пасть в двух случаях). Всего пять цветов. Дно оставлено несокращенным. На основной поверхности сосуда четыре раза изображен бог-касатка. Поверху идет фриз из голов-трофеев. Наска 7. Пальпа, долина Наска.

В некоторых случаях по бокам верховного божества бывают нарисованы два маленьких бога-касатки.¹⁸ В поздней наска бог-касатка из старых божеств изображается чаще всего.

На некоторых изображениях тело бога-касатки как бы наполнено плавающими рыбками. На эту особенность обратил внимание Леви-Стросс, отметивший близкую параллель с верованиями одного из племени области Чако — с мифами о водном чудовище Лик, наполненном живой рыбой.¹⁹

В ранней наска одним из основных сверхъестественных персонажей является мифическая птица (табл. II, 3). На современного зрителя она производит довольно отталкивающее впечатление. Судя по росписям, основным занятием этого чудовища было заглатывание отрубленных человеческих голов, которые затем попадали ей в чрево, где их и запечатлел художник. Иконография этого существа весьма разнообразна. В ряде случаев на его принадлежность к миру богов указывают лишь упомянутые три точки на концах перьев. В остальном перед нами вполне реалистические (в рамках искусства наска) фигуры птиц. Другие рисунки аналогичны изображениям бога-сокола, от которых их можно отличить только благодаря чудовищной пасти, большие похожей на челюсти фалапги, чем на птичий клюв. Она и придаст мифической птице облик монстра. Изобра-

¹⁶ Willey G. R. Op. cit., fig. 3-77, right.

¹⁷ Osborne H. South American Mythology. Feltham—Middlesex, 1968, p. 73.

¹⁸ Yacovleff E. La Deidad Primitiva. . . , fig. 7, 8.

¹⁹ Levi-Strauss C. Structural Anthropology. New York, 1963, p. 269—273.

жения птицы, относящиеся к более поздним периодам, чем наска 6, нам не известны.

Хотя в роли главного покровителя земледелия у наска обычно выступает синкретическое божество, в их пантеоне был и специальный персонаж, уже непосредственно связанный только с культом плодородия (*Vegetationsdämon* Зелера, *Harvester* американских исследователей; табл. II, 5) Вернее, речь идет даже о целой группе существ, как это видно по ряду росписей (табл. II, 8). Обычно на сосуде божок плодородия изображается несколько раз, по числу живописных панелей. В руках у него растения, из тела выступают различные плоды. Головной убор чаще представлен в виде конической шапки со швом (?) посередине. В некоторых случаях

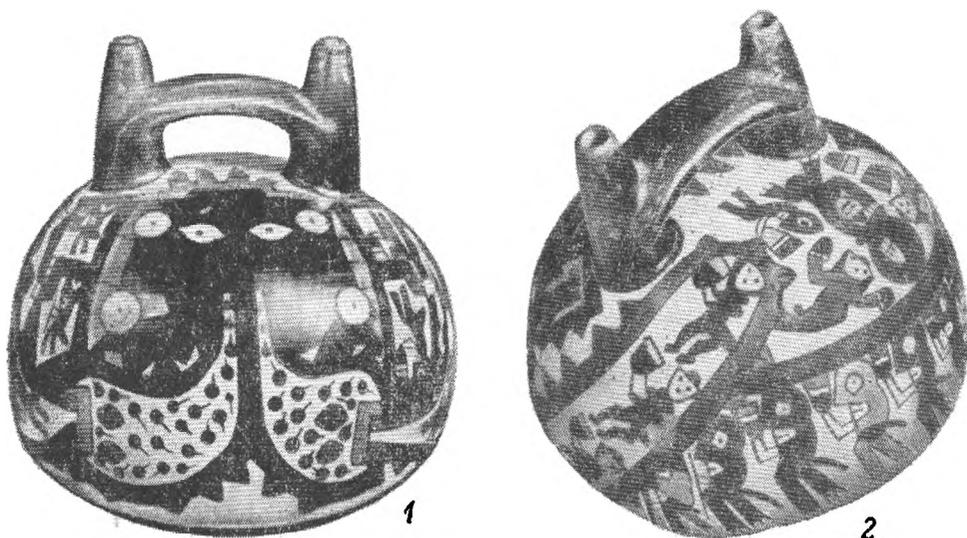

Рис. 5. Сосуд наска с изображением синкретического божества и эльфов, несущих чаши. По Леману и Дёрингу.

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

изображены только руки и голова существа и оно принимает вид «вырывающегося бога».²⁰ Не исключено, что наска создали его образ путем антропоморфизации каких-то плодов или корневищ (попытки такого рода известны в их росписях; табл. I, 4), но он мог носить и фаллический характер.

Этот персонаж изображен рядом с главой пантеона, когда тот представлен в качестве покровителя культурных растений (табл. II, 4). По отношению к нему он карлик. Здесь же показаны еще два маленьких антропоморфных существа, скорее всего тех же, что и на табл. I, 1, и тоже связанных с вегетацией. Эти существа, по-видимому, принадлежат к особой расе карликов, духов или эльфов. Вера в существование такой расы была широко распространена у многих народов мира. Наска изображали их обычно в профиль, с непомерно большой головой и глазами и свисающими сзади концами набедренной повязки (табл. I, 9). Они идут друг за другом, неся какие-то жезлы. В фас их лица всегда обозначены только тремя точками. На рис. 5 эти эльфы толпой окружают главное божество; в руках у них чаши.²¹ Из рта божества извергается гигантский раздво-

²⁰ Anton F. Alt *Peru und seine Kunst*. Leipzig, 1972, Taf. 70.

²¹ Lehmann H., Doering H. U. *Kunstgeschichte des alten Peru*. Zürich, 1924, Taf. 30.

ный язык, похожий на поток воды, в котором плавают головастики. Скорее всего наска и имели в виду нечто подобное (по ассоциации лягушка—вода—плодородие; ср. табл. II, 8). Во всяком случае, это не единственное изображение такого рода. На табл. II, 8 сами эльфы выходят из рта божества.

На керамике наска 5 и 6 их фигуры встречаются довольно часто, но позже, видимо, исчезают.

Прежде чем перейти к характеристике божеств поздней наска, следует остановиться еще на одном раннем сюжете — изображениях рыбака (Fisherman; табл. III, 1). Полной уверенности в том, что это определенный сверхъестественный персонаж, нет. В некоторых случаях изображены те или иные мифические атрибуты: змеи, отходящие от тела, — там, где обычно нарисованы сети;²² бог-касатка — внизу на сосуде²³ или как элемент раскраски лица;²⁴ воротник, разделенный на секции, с точками-лицами,²⁵ и т. д. Однако не исключено, что в этих случаях просто показаны те или иные из уже упоминавшихся божеств, а прочие изображения связаны или с реальной рыбной ловлей, или скорее с одним из обрядов (см. ниже).

С началом позднего периода в пантеоне наска происходят важные изменения. Появляется новое божество, вернее — пара божеств, связанных с культом плодородия. Именно они начиная с периода 5 представлены на сосудах, у которых ручка-мостик соединяет горлышко и человеческую головку (Woman Form Bottle; табл. III, 2, 3). Спереди на сосуде нарисованы руки персонажа, обычно держащие растения. В некоторых случаях (табл. III, 3) из рта божества устремляется поток, наполненный рачками, креветками, рыбками, головастиками. Аналогия с рис. 5, где подобный поток льется из рта синкретического божества, несомненна. Заднюю половину сосуда часто занимает живописная панель с одним из деградировавших божеств ранней наска.

На большинстве сосудов явно показана женщина, что позволяет говорить о паличчи у наска женского земледельческого божества. Его же представляют, по-видимому, статуэтки обнаженных женщин с рисунками бога-касатки (в его поздней форме) и синкретического божества на бедрах и внизу живота (табл. III, 6). На них тело женщины покрыто, кроме того, изображениями маленьких человеческих головок и какими-то астральными (?) символами. В некоторых случаях эти звездочки тоже как бы одушевлены (в них помещены личины из трех точек). Похожие значки встречаются на сосудах и отдельно, особенно в период наска 5 (Bizatte innovations у Роука).

Однако на ряде сосудов, в остальном аналогичных прочим, на лице у божества усы, а голова обмотана пращей, как у воинов. Разгадку подобного «дуализма» дает сосуд, опубликованный Ларко Ойле, где изображены оба персонажа, заключающие друг друга в любовные объятия.²⁶ По-видимому, мужчина — супруг богини, почитавшийся вместе с ней, но несколько отступающий в ее блеске на второй план.

Роук совершенно безосновательно не включает изображения женщины в число мифических сюжетов. Благодаря этому он приходит к выводу, что количество изображений религиозного характера в поздней наска резко сокращается, и постулирует принципиально важное положение о сравнительно меньшем значении религии и соответственном возраст-

²² Selser E. Op. cit., Abb. 317.

²³ Yacovleff E. La Deidad. . . , fig. 6, c.

²⁴ Ibid., fig. 6, b.

²⁵ Proulx D. A. Local Differences. . . , pl. 30, b.

²⁶ Larco Hoyle R. Checan. Paris—Généve—Münich, 1965, p. 128.

нии роли светской власти в этот период. В действительности не религия как таковая теряет свое значение, а одна мифологическая система сменяется другой.

Только в поздней наска встречается еще один мифический персонаж — «летающий бог» (Hunter или Warrior). Он изображается горизонтально (в позе полета?) и держит в одной руке копье-металку, а в другой — стилизованный жезл с зубчиками (Zackenstab; jagged ray staff), возможно растение (табл. III, 8). «Летающий бог» показан на одном из тех сосудов с головкой вместо горлышка, которые изображают мужчину, и нарисован ниже руки божества.²⁷ В другом случае (табл. III, 5) он помещен рядом с синкретическим божеством (персея, с двумя масками, которые от того остались). Оскаленный, как у мертвеца, рот и часто встречающийся фриз из голов-трофеев на сосудах с его изображением могут указывать на то, что персонаж этот связан скорее с войной, чем с культом плодородия.

Помимо описанных представителей пантеона наска, на росписях встречаются и другие существа, например бог-лис (наска 5; табл. IV, 3), бог-обезьяна (поздняя наска; табл. IV, 7), бог-нутрия (ранняя наска).²⁸ Скучность материала (два-три изображения) не позволяет дать им точную характеристику, однако сам факт их существования чрезвычайно важен. Он свидетельствует о том, что в основе мифологии наска, как и мочика, лежали представления о божествах-животных с использованием, вероятно, почти всей знакомой им реальной фауны. Лучше всего подобные верования в Южной Америке известны по мифам индейцев области Чако (например, тоба), поэтому соответствующая мифологическая система может быть названа мифологической системой чако. Помимо зооморфных персонажей, напоминающих тотемных предков (но без социального значения этого понятия), для нее характерны не выделившиеся резко из среды прочих существ также зооморфные культурные герои. Можно полагать, что религия ранней наска в конечном счете возникла непосредственно на базе этой системы, хотя и далеко отошла от первоначального образца. Что же касается мифических представлений позднего периода, то с появлением образа женского божества, которое, очевидно, стало играть ведущую роль в пантеоне, речь должна идти о принципиальных переменах — возможно, о распространении верований, близких к первой из трех мифологических систем, отмеченных Р. В. Кинжаловым для Месоамерики,²⁹ и известной также и в Южной Америке (например, у муисков: миф о Бачуэ и ее сыне-супруге). Божества ранней наска в эту эпоху теряют свое значение, о чем свидетельствуют меньшее количество соответствующих сюжетов вообще; изображение вместо одной большой, занимающей всю поверхность сосуда, фигуры персонажа нескольких мелких; доведенная до обесмысливания иконографическая стилизация (proliferation).³⁰ Возможно, что некогда первенствовавшее синкретическое божество превращается в *deus otiosus*.

Что касается обрядовой стороны религии наска, то с ней связан ряд сюжетов, но расшифровка всех их, к сожалению, чрезвычайно спорна.

На кубках периода наска 7 изображены люди, очевидно воины (в головных уборах, рубашках, набедренных повязках и поясах), держащие

²⁷ d'Harcourt R. *Primitive Art of the Americas*. Paris—New York, 1950, pl. III.

²⁸ Valcárcel L. *El Galo de Agua*, lám. 1. — Валькарсель чуть ли не во всех мифических существах пытался увидеть изображение нутрии. Однако в ряде случаев он, видимо, прав.

²⁹ Кинжалов Р. В. Мифологические системы Месоамерики. — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этногр. АН СССР. Л., 1970, с. 83—85.

³⁰ Статистические данные см.: Roark R. P. *Op. cit.*

в одной руке копьёметалки, а в другой что-то похожее то ли па ветку с листьями, то ли на оперенный жезл (табл. III, 9). По полю живописной панели разбросаны дротики и другие, менее понятные символы. На большинстве росписей люди бегут. Весьма соблазнительно провести аналогию между этими сценами и «церемониальным бегом» мочика, который в свою очередь демонстрирует принципиальное сходство с праздником посвящения юношей у инков.³¹ Существование его и у наска свидетельствовало бы в пользу широкого распространения этого ритуала в древности на всей территории Перу. К сожалению, если сцены бега у мочика дают возможность получить хотя бы примерное представление о всей церемонии, росписи наска ограничиваются показом лишь какого-то фрагмента действия (при этом малопонятного) и их интерпретация не выходит за рамки предположений.

На некоторых сосудах наска, в основном, по-видимому, относящихся к периодам 4—5, нарисованы искаженные человеческие фигуры без одежды, иногда с подчеркнута выступающими ребрами (табл. III, 4). Обычно фигуры изображены парами и держат друг друга за волосы. Интересен фон, на котором они запечатлены. Больше всего он напоминает схему из учебника истории, демонстрирующую чересполосицу в феодальном поместье. Впрочем, это обычный орнаментально-геометрический мотив наска и загадочна лишь его упорная ассоциация с данным сюжетом. Сойер предположил, что изображены фигуры в воде,³² однако подобная интерпретация остается произвольной, пока не доказано, что наска показывали воду именно в виде подобных линий. С большим успехом можно предположить, что изображена поверхность земли: на одном из сосудов линии нанесены очень небрежно и почти не перекрещиваются, а среди них, по-видимому, показан растущий кактус.³³ В таком случае фигуры скорее всего исполняют какой-то оргиастический танец.

Это предположение еще более подкрепляется существованием росписи, где подобный танец исполняют эльфы (табл. III, 10). В центре ее изображен бог-сокол, вернее — лишь его голова и птичьи лапы, в которых он держит двух второстепенных мифических персонажей в масках. Рядом две пары танцующих. Не исключено, что вообще все сцены такого рода носят мифический характер.

Еще один сюжет получил ироническое наименование «человек-ансамбль» (*One man's band*) и был исследован Даркуром.³⁴ Перед нами какой-то весьма оригинальный обряд, включающий элементы эротики (табл. IV, 1, 2). Человек (голова его по обычаю обмотана пращой) держит во рту свирель, в одной руке — раковину (?), к уху его прикреплена труба, а фаллос накрыт сосудом специфической формы (такие сосуды встречаются и в коллекциях). К локтям и коленям часто прикреплены маски. О смысле обряда остается догадываться.

Последний из ритуальных сюжетов представлен росписями с изображением рыбаков, держащих сети с рыбой.³⁵ В пользу того, что сцена носит обрядовый характер, свидетельствуют маски на лицах участников. Нижняя часть лица рыбака, упоминавшегося выше (с. 80), также всегда закрыта такой маской. Поэтому весьма возможно, что эти сосуды просто изображают одного из участников данной церемонии.

³¹ Березкин Ю. Е. Мифология мочика. . . , с. 187—190.

³² Sawyer A. R. A Group of Early Nazca Sculptures. . .

³³ d'Harcourt R. et M. La céramique ancienne du Pérou. Paris, 1924, pl. 8, b.

³⁴ d'Harcourt R. Gestes rituels. . .

³⁵ Lapinер A. C. 1) Ancient Peruvian Sculpture. New York, 1967, fig. 22;

2) Art of Ancient Peru. New York, 1968, fig. 24.

Нам осталось рассмотреть еще один сюжет, без которого всякая реконструкция идеологии наска была бы неполной. В их искусстве постоянно встречаются изображения человеческой головы. В одних случаях перед нами небольшие урны в виде голов живых людей (табл. IV, 8). Их можно отчасти сопоставить с портретными сосудами мочика, однако в соответствии с канонами искусства наска индивидуальные черты переданы не реалистической моделировкой лица, а путем воспроизведения особенностей раскраски и татуировки. Другие урны сделаны в виде голов мертвецов с закрытыми глазами и губами, проткнутыми колючками. Прул сравнивает эти изображения с реальными находками таких голов в захоронениях, предполагая, по аналогии с обычаями хиваро, что зашивание рта покойного имело целью не допустить уход его души, способной отомстить убийце.³⁶

Росписи, представляющие головы-трофеи, еще более многочисленны, чем скульптура. В наска 6, по подсчетам Роука, более $\frac{1}{5}$ всех изображений связано с этим сюжетом.³⁷ Здесь же появляются фигуры «мертвецов» (Full-bodied Trophy Head), когда к росписи в виде отрезанной головы добавлены туловище и ноги (табл. IV, 6). Не исключено, что в данном случае речь идет об изображениях особого сверхъестественного существа (бога смерти?).

Иконография голов варьирует от довольно реалистических рисунков до уже упоминавшихся трех точек вместо лица. Иногда, по принципу *pars pro toto*, показаны вообще только глаза (табл. IV, 4). На многих росписях, а также на скульптурных сосудах из голов как бы вырастают какие-то стебли или побеги (табл. III, 7). Фериз, основываясь на данных изображениях, постулирует их непосредственную связь с культом плодородия.³⁸ Однако эту мысль приходится отбросить, поскольку на подлинных мумифицированных головах ясно видно, что это не побег, а веревка, за которую голову можно держать в руках.³⁹

Кульм отрезанных голов или черепов известен многим первобытным народам (в качестве типичных примеров можно указать на хиваро Экпадора и мариш-аним Новой Гвинеи). В Перу менее всего он был, видимо, распространен на Северном побережье. У мочика относительно редко встречаются изображения божества с отрубленной головой; гораздо чаще с человеческой головой в руке показаны явно враждебные как богам, так и людям демоны. Во время реальных жертвоприношений и казней осужденным нередко отрубали голову, но этот способ умерщвления не был единственным и, возможно, не имел сакрального значения. В более развитом виде мы обнаруживаем культ отрубленных голов в культурах лима, рекуай, уари, тиауанако. Однако нигде охота за головами, по-видимому, не получила такого распространения, как у наска. В могильнике Асия на Южном побережье были найдены захоронения черепов и обезглавленных тел, относящиеся еще к концу докерамического периода,⁴⁰ что указывает на древнюю традицию, которую имел здесь данный обычай. Он был распространен и в культуре паракас, во всяком случае на ее позднем этапе.⁴¹

Учитывая упоминавшиеся изображения мифической птицы, отрезанные головы в руках у других божеств ранней наска, рисунки голов внутри их

³⁶ Proulx D. A. *Headhunting...*, p. 21.

³⁷ Roark R. R. *Op. cit.*, pl. XVI.

³⁸ Feriz H. P. *Explanation...*, p. 392.

³⁹ Proulx D. A. *Headhunting...*, p. 18, *bottom*.

⁴⁰ См.: Березкин Ю. Е. Начало земледелия на перуанском побережье. — СА, 1969, № 1, с. 9.

⁴¹ Proulx D. A. *Headhunting...*, p. 17.

фигур, можно заключить, что человеческие головы рассматривались наска как лица богов. Очевидно, здесь уместно сравнение с обычаями астеков,⁴² у которых кровь жертв должна поддерживать жизнедеятельность существующего солнца, ради чего у пленников на алтаре вырывали сердце.

Прул выдвигает два толкования рассматриваемого культа: 1) божества не могут существовать без постоянных жертвоприношений, поэтому поедают головы (к этому мнению присоединяемся и мы); 2) речь идет о чисто магических целях (присвоить силу убитого врага). Сам он склоняется ко второму объяснению. Нам кажется, что, хотя магия и имела для наска огромное значение и из нее, видимо, этот обычай и вырос, рассматривать ее как главную причину охоты за головами в данном случае нельзя. Прул, вероятно, не учел изображений, которые свидетельствуют о том, что культ этот носил у наска не первобытный характер, а был организационно оформлен в соответствии с требованиями той социальной ступени, которой достигло их общество. На одной из росписей представлены пирамиды, лежащие на них отрезанные головы и рядом стоящие фигуры людей, по-видимому жрецов.⁴³ Подобные церемониальные жертвоприношения могли производиться лишь в интересах богов (= всего общества), а не отдельных воинов.

Не совсем, правда, ясно, как мотивировался данный культ в поздней наска. Мужское антропоморфное божество, как правило, или держит человеческую голову в руке,⁴⁴ или фриз из отрубленных голов окаймляет нижнюю часть вазы. На сосудах с фигурой богини фриз состоит только из женских головок (Girl Faces), без признаков того, что это мертвые головы-трофеи. Во всяком случае о поедании голов божествами речи, конечно, нет.

Вот в основном все, что дает керамика наска для характеристики их религии. На росписях и скульптурах изображения иного содержания — представители растительного и животного мира,⁴⁵ различные геометрические и символические знаки, режущие воины, охотники,⁴⁶ чрезвычайно редко — пирамиды, военные, эротические и жанровые сцены. Однако нельзя быть уверенным, что нам понятен подлинный смысл всех этих изображений. Так, одним из распространенных сюжетов в ранней наска являются порхающие у цветка колибри (табл. IV, 5). Неожиданно тот же мотив появляется в ассоциации с фигурой бога-сокола, держащего в руке отрубленные головы.⁴⁷ Невольно напрашивается мысль о каком-то мистическом значении чисто декоративных, на первый взгляд, росписей. Некоторые же сцены, возможно, связаны с магией (как положительной, так и отрицательной), например изображения портищих кукурузные посевы попугаев и мышей⁴⁸ или совокуляющихся лам.⁴⁹

* * *

Теперь, когда нами сделан предварительный обзор пантеона наска, можно попытаться дать сравнительный анализ наиболее общих черт,

⁴² На эту аналогию указывает и Г. Фериз (F e r i z H. P. Explanation. . . , p. 392).

⁴³ Uhle M. Los elementos constitutivos de las civilizaciones sudamericanas. — An. de la Univ. Central, Quito, 1926, t. 36, lám. 2, 7.

⁴⁴ Saccasyn della Santa E. Les vases péruviennes. Bruxelles, 1962, pl. 43.

⁴⁵ Чаще всего — ракообразные, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, птицы, лисы, ламы; из растений — кактусы и различные плоды.

⁴⁶ Если мы верно интерпретируем соответствующие росписи, наска были знакомы с соколиной охотой (Y a c o v l e f f E. Las Falcónidas. . . , fig. 6).

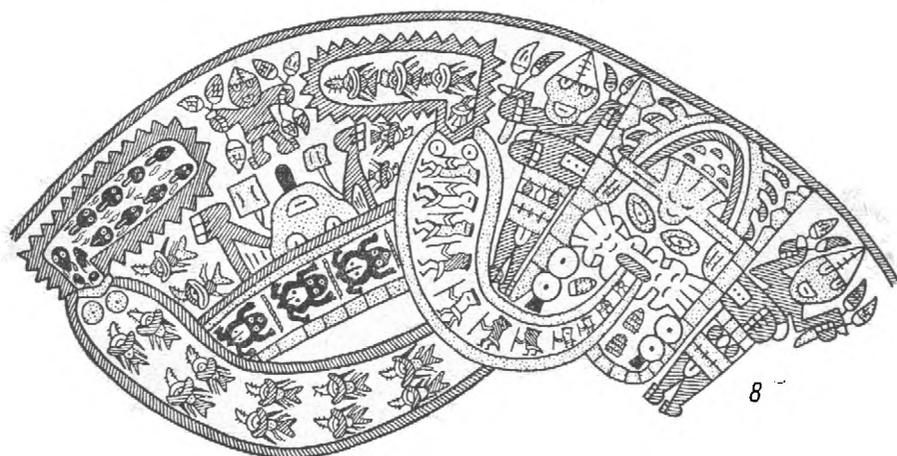
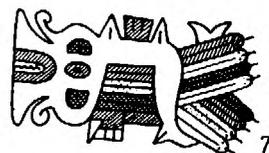
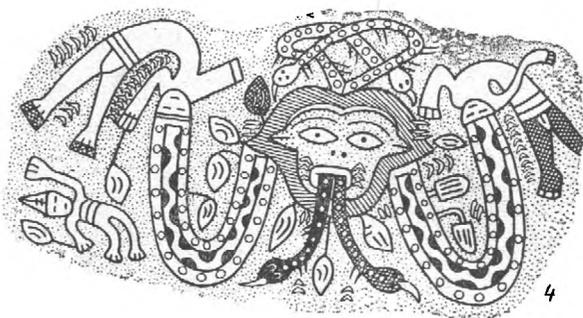
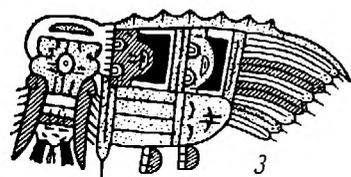
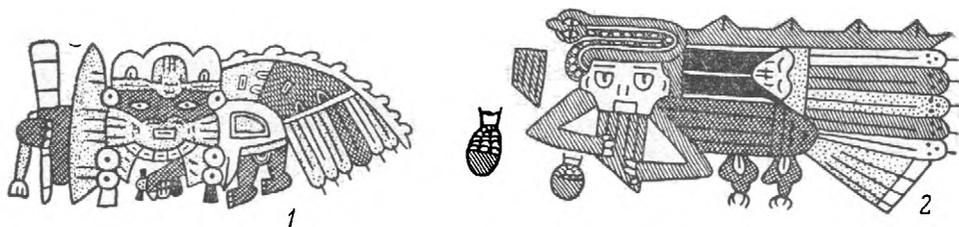
⁴⁷ Selser E. Op. cit., Abb. 89.

⁴⁸ Saccasyn della Santa E. Op. cit., pl. 7—8, fig. 12, a; Gayton A. H., Kroeber A. L. Op. cit., pl. 1, d.

⁴⁹ Lapinier A. C. Art of Ancient Peru, fig. 25.

Т а б л и ц а I. Изображения на сосудах паски (по разным публикациям).
Объяснения см. в тексте.

Т а б л и ц а II. Изображения на сосудах наска (по разным публикациям).
Объяснения см. в тексте.

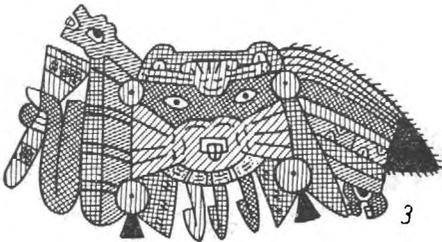
Т а б л и ц а III. Изображения на сосудах наска (по разным публикациям).
Объяснения см. в тексте.

1

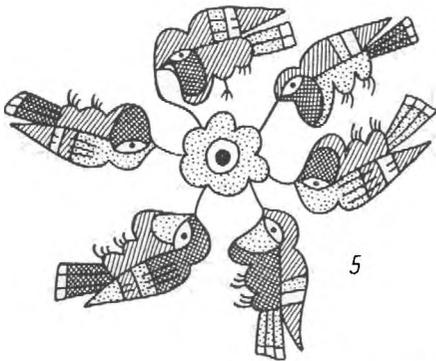
2

3

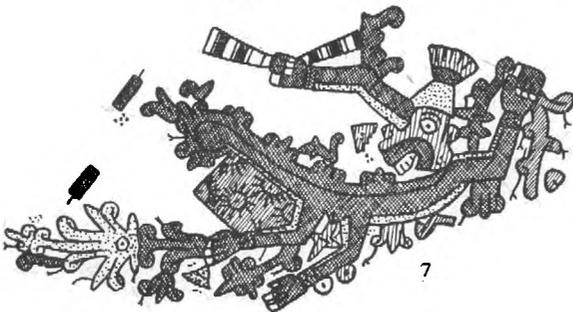
4

5

6

7

8

Т а б л и ц а IV. Изображения на сосудах наска (по разным публикациям).
Объяснения см. в тексте.

свойственных их религиозной системе. По-видимому, прежде всего следует отметить практически полное отсутствие изображений, иллюстрирующих мифы. Среди всех известных сюжетов лишь два-три (бог-сокол, играющий на свирели, бог-касатка, собирающийся проглотить человека), причем с очень большой натяжкой, можно интерпретировать как сцены, иллюстрирующие какие-то конкретные действия божеств в прошлом. Огромное большинство сюжетов следует определить как онтологические, когда персонажи представлены демонстрирующими свои свойства и функции. Из-за отсутствия действия художник не нуждается в установлении контактов между персонажами, а представляет их поодиночке, избегая сцен. Когда же на одной вазе запечатлено несколько существ, то перед нами не историческое действие, а те случаи, когда специфические функции божеств проявляются ими лишь совместно (земледельческая богиня и ее супруг) или целью изображения является демонстрация соотношения рангов сверхъестественных существ относительно друг друга (большая фигура синкретического божества в окружении значительно меньших по размеру других персонажей).

Разумеется, было бы нецелесообразно на основании отсутствия иллюстрирующих мифы росписей отрицать существование у наска мифов вообще. Однако ясно, что в официальном культе сами мифические, приключенческие сюжеты играли значительно меньшую роль, чем образы божеств как таковых. Возможно даже, что основные герои мифологического эпоса поклонением не пользовались и вообще не изображались.

Помимо онтологических, портретных изображений, на росписях иногда представлены обрядовые сцены со сверхъестественными существами. По поводу последних необходимо отметить, что мы, как правило, не можем отождествить их с соответствующими сценами, где бы действовали люди. Кроме того, основное внимание художника привлекает не обряд сам по себе, а опять-таки фигура божества (рис. 5).

С принципиально иной картиной сталкиваемся мы при изучении религии мочика. В ней, естественно, присутствуют и онтологическая, и обрядовая части, нашедшие свое отражение в произведениях искусства. Здесь можно упомянуть фигуры божеств в торжественных позах и при регалиях, сцены жертвоприношений с участием сверхъестественных существ и т. д., в общем все те сакральные сюжеты, которые не привязаны жестко к прошлому. Но наряду с этим перед нами предстает сложная и разветвленная система мифов, не лишенная авантюрного элемента и образующая в итоге эпический цикл (возможно, не один). Из 265 отмеченных нами для мочика сюжетов с участием сверхъестественных существ сцены из мифов составляют примерно одну треть (30—50% сюжетов и 25—40% отдельных изображений). Соответственно объектом культа являлись не только божества как таковые, но и «священная история». Во всяком случае на сохранившихся фресках из мочикских святилищ показаны сцены как обрядового, так и мифологического (в узком смысле) характера.

С первой особенностью религиозной системы наска, благодаря которой она решительно расходится с мочикской, теснейшим образом связана и другая — величественные, потусторонние образы божеств. Главным персонажем пантеона в известной нам форме представляет не просто антропоморфизированный вариант кошачьего хищника, а по существу набор символов, а не реально представляемое существо. На эту его особенность указывает и Фериз.⁵⁰ Правда, мы не станем вслед за этим исследователем пытаться расшифровывать данные символы, поскольку все подобные попытки весьма произвольны, равно как и идентифицировать божество с солнцем,

⁵⁰ Feriz H. P. Explanation. . . , p. 388—392.

луной и т. д., что несомненно весьма вероятно, но тоже не может на основании имеющегося материала считаться твердо установленным. Однако сам факт того, что образ божества мистически толковался и расшифровывался если не вообще наска, то по крайней мере верхушкой жречества, сомнений не вызывает. Такой абстрактно-символический характер персонажей вполне соответствует обычаю не изображать их участвующими в историческом действии. Тем самым мифические существа не попадают в ситуации, где бы их облику необходимо было придать конкретно-осязаемую форму. Иными словами, судя по росписям, рассматриваемые персонажи являются именно божествами и не имеют отношения к первобытным этнологическим мифам, с которыми связаны образы культурных героев.

Разумеется, прежде чем достигнуть столь высокого уровня абстракции, божествам наска пришлось пройти долгий эволюционный путь, поскольку начинался он в животных и полуживотных — образах героев первобытной мифологии. Однако что-то способствовало продвижению их именно по этому пути, поскольку их «коллеги» у мочика, функционально вполне освоившись с эпохой классового общества, сумели сохранить некоторые чрезвычайно привлекательные качества персонажей мифа-сказки.

Хотя большинство сверхъестественных существ в иконографии мочика внешне представляют собой всего лишь антропоморфизированных животных, они, подобно Койоту или Ворону североамериканских индейцев, удивительно человечны. Каждый из них обладает совершенно определенной социальной окраской. Благодаря тому, что божества изображались в тех же позах, одежде, ситуациях, что и люди, мы располагаем возможностью весьма точно расставить их на ступенях общественной лестницы. Например, бог-лис, по-видимому, выступает среди основной массы воинов, тогда как бог-сова занимает положение, соответствующее восначальному или правителю, иногда же исполняет какие-то жреческие функции. Действия и взаимоотношения божеств в мифах столь разнообразны, что вряд ли будет ошибкой предположить наличие у героев мочикского эпоса и индивидуальных характеров.

Как нами уже отмечалось, общество богов у мочика по существу эквивалентно обществу людей и в смысле своей организации, и благодаря тому, что боги представляют интересы людей в борьбе с демонами.⁵¹ На аналогичную мифологическую структуру впервые указал Е. М. Мелетинский при изучении им скандинавской «Эдды» и других архаических эпосов Старого Света.⁵² Однако среди высоких культур Америки подобная гуманизация богов едва ли не беспрецедентна. Общая схема отношений в космогонической системе мочика выглядит так:

$$\frac{\text{божества} = \text{люди}}{\text{демоны}}$$

В наска мы не находим противопоставления божеств демонам. В пантеоне раннего периода все сверхъестественные существа группируются вокруг синкретического божества, затмевающего собой прочих персонажей. Мифическая птица, хотя и не представлена на известных нам росписях рядом с ним, вряд ли отличается от бога-каساتки и остальных божеств. В поздней наска, несмотря на появление иной мифологической

⁵¹ Березкин Ю. Е. Мифология мочика. . . , с. 190.

⁵² Мелетинский Е. М. 1) Первобытно-наследие в архаических эпосах. М., 1964, с. 3—4; 2) «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968, с. 151—154; Между мифологическими представлениями мочика и архаическими эпосами Евразии есть и важные отличия, на которых мы, однако, не станем сейчас останавливаться. Среди наиболее заметных можно упомянуть зооморфные образы божеств в перуанских мифах и отсутствие в них эпизодов борьбы и соперничества из-за женщин.

системы, это положение сохраняется. Таким образом, схема отношений в космосе наска принципиально отлична от мочикской:

божества = демоны
люди

Здесь все мифические существа противопоставлены людям как сверхъестественные и грозные силы.

У мочика каждый из персонажей самостоятелен. Менее значительные подчиняются более значительным лишь иерархически, подобно тому как воины в реальном обществе подчиняются правителю. В конкретных случаях то или иное из зооморфных божеств может и действовать заодно с главной пантеона, и противостоять ему, вступать с ним в поединок. У наска, как указывалось, все персонажи рассматривались как слуги или даже ипостаси центрального божества. Это различие, возможно, связано с разным пониманием жителями юга и севера побережья таких категорий, как рок, провидение, божественная воля (божество, правящее миром, и божество как одно из действующих лиц в неуправляемом или управляемом абстрактной силой мире).

Подробный анализ древнего искусства как такового не входит в нашу задачу. Однако чисто живописные различия между художественными стилями мочика и наска настолько переплетены с возникшими непосредственно из особенностей их религиозного мировоззрения, что о них нельзя не упомянуть. На первый взгляд, в глаза бросается прежде всего контраст между полихромией наска и использованием только двух цветов у мочика. Правда, и у них встречаются как трехцветные росписи сосудов, так и полихромные фрески, но они остаются не более

чем раскрашенными рисунками, где основное значение имеют контур и противопоставление темного и светлого. Напротив, живописная многоцветность наска заключается не столько в использовании ими самой богатой среди древних культур Америки палитры, сколько в способе создания изображения. Оно строится как комбинация пятен, в основном одинаковых по силе цвета, и в поздней наска в отдельных случаях вообще лишено обобщающей контурной линии (табл. III, 9).

Однако указанное различие является в значительной мере нейтральным и не оно заставляет нас рассматривать иконографические принципы создателей двух культур как противоположные. Наиболее существенный момент, который выделяет мочикское искусство на фоне других, оставленных нам индейцами Америки, — его реализм. Разумеется, применению этого термина к древним художественным стилям всегда условно, но в данном случае для него есть некоторые основания. Художник мочика никогда не привносил от себя какие-либо посторонние элементы, добав-

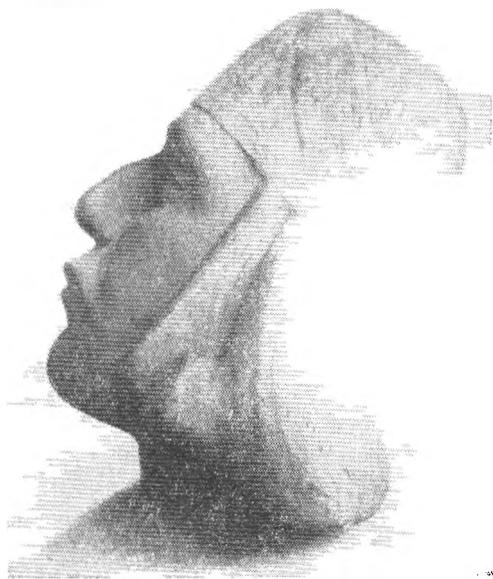

Рис. 6. Портретный сосуд культуры мочика (период мочика IV). По Леману и Дёрригу.

лении, знаки, чуждые объекту, которыми так загромождены, например, изобразительные памятники Месоамерики. Он не деформировал предмет, а лишь упрощал его (притом по мере развития культуры — все меньше и меньше), сосредоточивая внимание на наиболее существенных признаках. В итоге в период мочика IV в искусстве скульптурного портрета был достигнут уровень, вообще не превзойденный среди древних цивилизаций: воспроизводились не только индивидуальные черты, но даже выражение лица (рис. 6).⁵³ Вазовая роспись и рельеф оставались более условны, однако и здесь на протяжении всего периода развития (отчасти за исключением финального этапа), а в мочика IV особенно, мы всегда можем узнать объект изображения не путем сравнительного изучения знаковой системы художника, а просто благодаря очевидному сходству рисунка

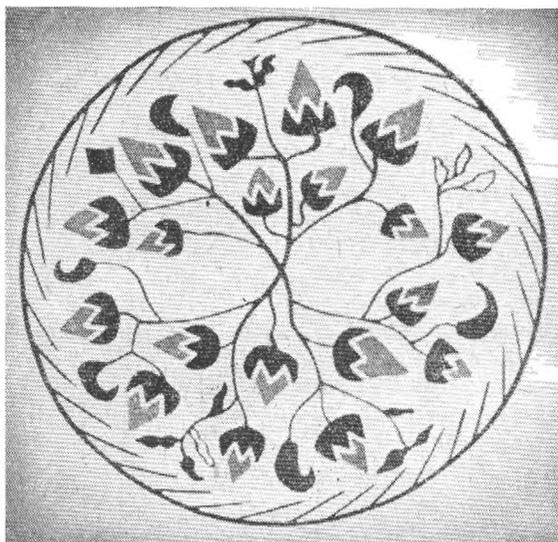

Рис. 7. Тарелка пасака с росписью в виде веток хлопчатника. По Дёрингу.

и оригинала. Что касается мифических существ, то в их облике сверхъестественные элементы настолько материализованы и органичны, что не больше нарушают общую картину, чем крылышки Пики на античных статуях.

Надо сказать, что в этом направлении в известной мере развивалось и инкское искусство, представленное росписями на кубках-коро, благодаря чему они, как и керамика мочика, являются прекрасным историческим источником. Однако оно не может соперничать с мочикским в отношении красоты, соразмерности, вкуса, гармоничности сочетания формы сосуда с его декором — всего того, что Муэлье определил как «*lo tactil*».⁵⁴

Этим «*lo tactil*» безусловно обладают и лучшие росписи пасака, в которых, однако, ведущую роль играет не форма, а цвет. Что же касается оценки стиля в отношении «реалистичности», то если не учитывать мифические изображения периода 5 и более поздние, прогрессирующая стилизация которых не связана непосредственно с закономерностями развития искусства как такового, вазовая роспись и скульптура пасака можно охарактеризовать как декоративно-реалистические. Художник, хотя и изображает объект

⁵³ Lehmann H., Doering, H. U. Op. cit., Taf. 80.

⁵⁴ Muéllé J. C. *Lo tactil como carácter fundamental en la cerámica Muchik*. — RMN, 1933, t. 2, № 1, p. 67—72.

в основном верно, главное внимание уделяет не тому, чтобы зритель легко понял изображенное, а формально-живописным эффектам. Прежде всего рисунок как целое часто воспринимается лишь при переносе его на плоскость, особенно когда фигура одного существа полностью занимает поверхность объемного сосуда и ее, естественно, нельзя увидеть всю сразу. Сам цвет также чаще всего условен. Он имеет лишь декоративное значение и, кроме того, вероятно, мистически-смысловое. Цветовая символика известна многим народам Америки. В качестве примера можно привести десаана колумбийской Амазонии,⁵⁵ которые полагают, что каждая часть вселенной имеет свой цвет и соответственно окрашивают и интерпретируют свои ритуальные предметы.

Благодаря указанной декоративности лучше всего на сосудах наска воспринимаются растительные мотивы. Искажение пропорций в этом случае не имеет существенного значения, а безукоризненная цветовая гамма и смелость рисунка способствуют удивительной выразительности (рис. 7).⁵⁶ В тех же случаях, когда художник показывает людей и животных и требуется точная передача деталей, понимание росписей наска существенно затруднено, так что вид птицы или настроение человека (разумеется, хотя бы в таких пределах, как свирепость—покорность) не всегда удается определить. Короче говоря, для осознанного и аутентичного восприятия данных изображений требуются специальные знания и практика, иначе фриз из отрубленных голов можно принять за ряд улыбающихся лиц, а могущественную богиню — за куклу-матрешку. Напротив, искусство мочика — в том, что касается непосредственной зрительной оценки, без вникания в детальный смысл обряда или действия, подчас нам не известный, — производит на современного наблюдателя, по-видимому, примерно то же впечатление, что и на людей, его создавших.

Таким образом, изобразительные памятники наска и мочика обнаруживают — как сами по себе, так и взятые в качестве источников знаний о религиозных системах их создателей — глубокие и принципиальные расхождения, которые свидетельствуют о важных отличиях в психологии и мировосприятии. Находятся ли эти отличия в соответствии с особенностями социальной организации древних обществ, ответить пока трудно, но во всяком случае они представляются закономерными. До второй половины I тыс. н. э. в Перу существовали лишь отдельные очаги цивилизации, разделенные обширными районами варварской периферии. Находясь в пределах одной историко-этнографической зоны, даже удаленные друг от друга центры обладали определенной общностью материальной и духовной культуры. Формированию некоторых черт сходства между ними, очевидно, способствовало влияние первой центральноандийской цивилизации чавин (конец II—первая половина I тыс. до н. э.). Однако ко времени, когда в мочика, лима, наска, тиауанако, судя по археологическим данным, шел процесс классового образования и сложения государств, чавин и родственные ей культуры (по неясным еще причинам) давно исчезли, так что это влияние оказалось ослабленным, опосредованным. В каждой из перуанских цивилизаций начала новой эры идеологическое оформление институтов классового общества произошло в основном самостоятельно. Поэтому в отличие, например, от Месоамерики в Центральные Анды сложение первых цивилизаций пошло не к сближению их в сфере религиозной идеологии, а к появлению дополнительных расхождений.

⁵⁵ Reichel-Dolmatoff G. Amazonian Cosmos. The Sexual and Religious Symbolism of the Tucano Indians. London, 1971, p. 24—25, 113—116.

⁵⁶ Doering H. U. Altperuanische Gefäßmalereien. — In: Sonderdruck aus Marburger Jb. für Kunstwissenschaft. Bd. II. Marburg, 1931, Taf. V.

Е. Э. Блохвист

История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ)

История изучения североамериканских языков в России начипастся с конца XVIII в.

На протяжении всего XVIII в. в России велась широкая собирательская работа по языкам населяющих ее народностей, в которой принимало участие большое количество ученых. Для второй половины XVIII в. должна быть отмечена деятельность И. И. Бакмейстера — крупного русского библиографа. В 1773 г. при содействии Академии наук он обратился к ученым всех стран с воззванием, прося доставлять ему образцы всевозможных языков, в 1784 г. он повторил свое воззвание; для членов разных российских экспедиций Бакмейстер составил особую подробную программу по собиранию языкового материала. Материалы Бакмейстера легли в основу знаменитого «Сравнительного словаря всех языков и наречий», подготовленного и изданного под покровительством Екатерины II. В процессе подготовки этого словаря П. С. Паллас, которому поручено было его издание, выпустил в 1785 г. особое извещение о скором выходе в свет словаря и разослал в России и за границей нашим посланникам и разным ученым списки 286 русских слов, которые и следовало переводить на все языки. Извещение и список слов попали и в Северную Америку. Президент Соединенных Штатов предложил губернаторам отдельных штатов собирать материал для научного предприятия русских.

Тем временем поступала масса материала из России и из-за границы. По настоянию Екатерины II очень спешно были подготовлены и выпущены две части словаря со словами европейских и азиатских языков.¹ Словарь африканских и американских языков предполагали издать позже, когда для него наберется достаточно материала из этих отдаленных стран. В изданных частях было 285 русских слов (бог, небо, отец, мать, сын, дочь и т. д.); каждое русское слово помещено в виде заглавия, под которым в одном и том же порядке следуют переводы на 200 языках.

Уже вскоре масса накопившегося материала позволила приступить к новому изданию словаря, которое было поручено известному деятелю екатерининского времени Ф. И. Янковичу де Мириево. По желанию Екатерины II Янкович переработал словарь, оставив тот же глоссарий русских слов, но дав весь материал в алфавитном порядке иноязычных слов (свыше 60 000).² В то время как в словаре Палласа были представлены слова на

¹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. I—II. СПб., 1787—1789.

² Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. I—IV. СПб., 1790—1791.

200 языках, обработка Янковича включала уже 272 языка, точнее — не только языки, но и отдельные диалекты, в том числе ряд американских.

Алфавитный порядок, вследствие которого рядом оказываются слова народов с разных концов земли, крайне осложняет пользование словарем. Образчик странички такого словаря (со слога «ка») приводит в своей книге Ф. П. Аделунг;³ этот же отрывок перепечатывает в своей работе С. К. Булич.⁴

Серьезное изучение языкового материала североамериканских народов начинается по существу уже после издания этого словаря работами Северо-Восточной экспедиции Сарычева—Биллингса. В этой экспедиции, продолжавшейся более восьми лет (1785—1793), три человека наряду с прочими своими занятиями уделяли время собиранию словарного материала среди посещаемых ими народностей.

Первое место среди них принадлежит штаб-лекарю экспедиции Михаилу Робеку, собравшему по инструкции Палласа «Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах». Словарь опубликован Г. А. Сарычевым в качестве приложения к его сочинению.⁵

Изучением туземных языков в экспедиции Сарычева—Биллингса занимался также доктор медицины Карл Геприх Мерк, заменивший заболевшего шихтмейстера Патрина. Наставление, написанное Палласом на имя Патрина, поступило уже к доктору Мерку; им же пользовался и Робек.

Записи Мерка Сарычеву опубликовать не удалось, так как рукописи его были отправлены в Крым к Палласу, а сам Мерк вскоре после возвращения из экспедиции умер (в 1797 г.). Долгое время о судьбе материалов Мерка, относящихся к Америке, ничего не знали. Лишь в 30-х годах XX в. в Германии была обнаружена рукопись Мерка на немецком языке с записями по алеутам и эскимосам. Извлечения из нее опубликовал немецкий исследователь А. Якоби.⁶ В рукописи содержатся этнографические материалы по алеутам,⁷ конягмиутам,⁸ чугачам⁹ и эскимосам на п-ове Сьюард.¹⁰ Очерки об алеутах и конягах насыщены терминами и названиями на местных языках. В конце Якоби приводит образец немецко-алеутского словаря из рукописи Мерка, причем в нем опущены слова, встречающиеся в тексте.¹¹ Словарик этот представляет значительное расширение словаря Робек, опубликованного Сарычевым. Языковые же записи Мерка, по-видимому, хранятся в фонде Ф. П. Аделунга (см. ниже, с. 98—99).

³ Ad el un g F. P. Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. S.-Petersb., 1815, S. 100—101.

⁴ Бу л и ч С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 227.

⁵ Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-Восточному океану в 1791 году. С приложением Словари двенадцати наречий диких народов. СПб., 1811, с. 91—125.

⁶ J a c o b i A. Carl Heinrich Mercks ethnographische Beobachtungen uber die Völker des Beringsmeers. — Baessler-Archiv, Berlin, 1937, Bd. XX, H. 3—4, S. 113—137.

⁷ Ibid., S. 116—127.

⁸ Ibid., S. 127—133. — Конягмиуты или коняги — самая западная из трех групп тихоокеанских эскимосов, паселлюющих южное побережье п-ова Аляска. Русские часто называли их также алеутами.

⁹ J a c o b i A. Op. cit., S. 133. — Чугачи — центральная группа из трех групп тихоокеанских эскимосов, живущих на южном берегу п-ова Аляска. Они занимают побережье Чугачского залива (залива Припс-Вильям) между Кенайским полуостровом и р. Медной.

¹⁰ J a c o b i A. Op. cit., S. 133—136.

¹¹ Ibid., S. 136—137.

И наконец, лингвистические материалы собирал также Мартин Зауер (в сочинениях Сарычева он именуется Саур и Соур, согласно английскому произношению его фамилии), секретарь и переводчик Биллингса (англичанин на русской службе). По возвращении в Англию Зауер обработал судовые журналы капитана Биллингса и описание путешествия его по Чукотской земле и издал описание материалов всей экспедиции.¹² В приложении к этому сочинению опубликовал он и свои языковые записи по алеутскому и эскимосскому языкам.¹³

Эта работа сразу же была переведена на французский,¹⁴ немецкий¹⁵ и итальянский языки.

Важным научным выводом экспедиции является установление языкового единства азиатских эскимосов (которые тогда вместе с береговыми чукчами именовались «сидячими чукчами») с эскимосами о-ва Кадьяк. Приводя выборку из собранных Робекон словарей обоих народов, Сарычев делает совершенно правильный вывод: «Из сего сходства наречий жителей острова Кадьяка и сидячих чукчей заключить можно с некоторой вероятностью, что некогда они составляли поколение одного народа, хотя ныне разделяет их расстояние полуторых тысяч верст, считая от Кадьяка к северу по американскому берегу до Берингова пролива; но, может, все сие пространство берега населяют жители, однородные с кадьякскими островитянами, и сидячие чукчи принадлежат к одному поколению».¹⁶

С первых годов XIX в. начинается ряд русских кругосветных плаваний, основная цель которых — установление двусторонней связи с русскими колониями в Америке. К участию в этих плаваниях привлекались образованные офицеры, нередко и ученые различных специальностей с определенными научными заданиями от русского правительства. Разнообразный научный материал собирали и многие русские люди, попадавшие в дальние американские края, главным образом моряки. Употребляя важность изучения этих далеких окраин Русского государства, с замечательной точностью и обстоятельностью записывали они все, что видели и узнавали, внося этим неоценимый вклад в самые разнообразные отрасли знания.

Первое плавание русских кораблей вокруг света под начальством капитан-лейтенантов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 гг.) дало огромный и разнообразный научный материал, в том числе и лингвистический. Как известно, обогнув Южную Америку, у Гавайских островов корабли расстались: Лисянский на «Певе» направился в северную часть Тихого океана, к о-ву Кадьяк близ берегов Аляски; Крузенштерн на «Надежде» пошел к Камчатке. Пробыв больше года в Русской Америке, Лисянский при всех своих сложных и ответственных обязанностях командира корабля находил время и возможность самолично собирать образцы языка коренного населения. Собранный и системати-

¹² Sauer M. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia . . . by Commodore Joseph Billings, in the Years 1785 to 1794. London, 1802.

¹³ Ibid., p. 9—14 (appendix).

¹⁴ Sauer M. Voyage fait . . . dans la mer Glaciale, dans la mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique, depuis 1785 jusqu'en 1794, par le commodore Billings. Paris, 1802, p. 296—311.

¹⁵ Sauer M. Geographisch-astronomische Reise nach den nördlichen Gegenden Russlands. . . und der zwischen dem festen Lande von Asien und Amerika befindlichen Inseln. . . in den Jahren 1785 bis 1794 unternommen vom Kapitän Joseph Billings. Berlin, 1802 (2-е изд.: Berlin—Hamburg, 1803).

¹⁶ Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса. . . , с. 68 (2-е изд.: Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 267—268).

зированный им материал по языкам кадьякскому, кебайскому,¹⁷ ситкинскому¹⁸ и уналашкинскому¹⁹ он приводит в описании своего путешествия, снабжает его примечаниями о произношении звуков в этих языках и о транскрипции.²⁰

В словаре сначала идут имена существительные с включением отдельных коротких фраз, затем образцы спряжения и числительные, в пределах каждой группы — в алфавитном порядке. Особенно ценно то, что дано много простых предложений, дающих возможность судить о грамматическом строе языка.

Словарь Лисянского составлен не по инструкции Палласа и показывает самостоятельное отношение автора к сбору лингвистического материала. Богаче всего представлен язык кадьякских эскимосов (около 400 слов и выражений), среди которых Лисянский прожил целый год, беднее других — язык атапасков (кенайцев).

Крузенштерн в Америке не был. Так как он должен был доставить в Японию русского посла Н. П. Резанова, то от Камчатки направился в Японию, а после неудачи этой дипломатической миссии вернулся в Петропавловск-на-Камчатке. Здесь в июне 1805 г. Резанов перешел на судно Российско-Американской компании, которое отправлялось на о-в Кадьяк — на главную базу компании. Ему было поручено упорядочить организацию местного управления колониями и промыслами. Около двух лет провел Резанов в разъездах по колониям. Об этой части его путешествия дают представления письма и донесения, посылавшиеся им в 1805—1806 гг. с Уналашки и из Ново-Архангельска в Петербург, часть которых опубликована.²¹ За это время попутно он успел собрать среди нескольких племен Русской Америки большой словарь — около 1150 слов и 38 числительных по языку каждого племени. На обратном пути через Сибирь Резанов заболел и 1 марта 1807 г. скончался в г. Красноярске. После смерти Резанова перед отсылкой его бумаг в Петербург был составлен их подробный «реестр», текст которого сохранился в Государственном архиве Красноярского края. В этом реестре среди прочих материалов числится «словарь в трех тетрадях — уналашкинского, кадьякского, кебайского, колюжского,²² угалахмутского²³ и чугачского языков». В своей книге Ф. П. Аделунг сообщает, что несколько списков этого словаря, хранившихся сначала в архивах Академии наук и Российско-Американской компании, а также в библиотеке графа Румянцева, «все вместе составляют украшение моей коллекции».²⁴

Материалы этого ценнейшего словаря широко использовались исследователями, извлечения из них неоднократно печатались, но словарь полностью никогда не был опубликован.

¹⁷ Кенайцами русские называли танайца, индейцев северной группы атапаскской языковой семьи, живших в бассейне залива Кука.

¹⁸ Язык тлинкитов, живших вблизи главного города Русской Америки — Ситки, или Ново-Архангельска, расположенного на о-ве Баранова.

¹⁹ Язык алеутов в районе главного русского поселения на Алеутских островах (на о-ве Уналашка).

²⁰ Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. по повелению его императорского величества Александра Первого на корабле «Неве». Ч. I—II. СПб., 1812, с. 154—206 («Краткий словарь языков северо-западной части Америки с российским переводом»).

²¹ Тихомирнов П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Т. 2. СПб., 1863, с. 192—283 (прил.).

²² Колужки или колопки — так русские называли тлинкитов.

²³ Угалахмуты (угалепцы) — восточная группа из трех групп тихоокеанских эскимосов, занимающая побережье между р. Медной и заливом Якутат, граничащая с тлинкитами.

²⁴ A d e l u n g F. P. Catharinens der Grossen Verdienste. . . , S. 200.

Словарный материал от народов Русской Америки привозили участники и менее крупных экспедиций и плаваний. Широкой популярностью в свое время пользовалось описание плаваний (1802—1804 гг.) двух отважных друзей — лейтенантов П. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, изданное А. Шишковым уже после их трагической смерти (утопили в 1809 г. почью в Певе).²⁵

Ими собран словарный материал якутатского²⁶ диалекта тлинкитского и кенайского языков: «Словарь наречий народов, называемых колюжами, обитающих между заливами Чугачою и Якутатом» и «Словарь наречий народов, обитающих около Кенайской губы». ²⁷ Эти «словари наречий», как и у Лисянского, содержат не только отдельные слова, но и краткие фразы. Кроме того, Давыдов приводит названия звезд и месяцев на языке конягов.²⁸

Русские исследователи вполне осознавали ценность для мировой науки накопившегося словарного материала. В 1813 г. Крузенштерн выпустил на немецком языке сборник из четырех словариков, собранных русскими мореплавателями у айнов, чукчей, тлипкигов и кенайцев.²⁹ Для этого он транслитерировал на латинский алфавит все записи, сделанные русскими буквами. Два первых раздела сборника посвящены языкам айнов и чукчей. Третий раздел — немецко-тлинкитский словарь.

Издание Крузенштерном этих словариков было первой попыткой дать сводку собирательской словарной работы русских исследователей среди малоизвестных тогда народностей.

Через два года после опубликования словаря Крузенштерна появился обстоятельный труд Аделунга на немецком языке «Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании». Эта работа значительно шире своего заглавия и представляет собой очерк истории языкознания в России в XVIII—начале XIX в.: в главе I говорится о работах по языку до появления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» (см. выше, с. 94); II глава посвящена истории возникновения этого словаря и подробному его описанию; глава III представляет обзор критики словаря его современниками; глава IV содержит обзор работ по языку, проводившихся после напечатания «Сравнительного словаря. . .». Для нас особенно интересна та часть главы II, где говорится об американских языках и втором издании «Сравнительного словаря. . .», — раздел «С».³⁰ Очень ценен также в этой главе «раздел D» — «О материалах, которые поступили после опубликования обоих изданий „Сравнительного словаря. . .“».³¹

Не менее интересна и глава IV, где содержится много драгоценных данных о тех современниках автора, которые вели языковедческую работу. Здесь говорится и о роли Российско-Американской компании,³² мы встречаем имена Давыдова, Мерка, Резанова, Крузенштерна, Робека, Зауера. Эту последнюю главу Аделунг, по-видимому, предполагал расширить и выпустить отдельной работой под заглавием «Новейшие языковеды в России», во всяком случае план этой работы и материалы к ней, относящиеся ко времени после 1814 г., хранятся в его архиве.³³

²⁵ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. I—II. СПб., 1810, 1812.

²⁶ Якутаты — самое северное подразделение тлипкигов, граничащее с тихоокеанскими экспосами.

²⁷ Давыдов Г. И. Указ. соч., с. I—XII, XXIII—XXVIII (прил.).

²⁸ Там же, с. 101—102.

²⁹ K r u s e n s t e r n J. Wörter-Sammlungen aus den Sprachen einiger Völker des östlichen Asiens und der Nordwest-Küste von Amerika. St.-Petersb., 1813.

³⁰ A d e l u n g F. P. Catharinens der Grossen Verdienste. . ., S. 93—102.

³¹ Ibid., S. 102—106.

³² Ibid., S. 193.

³³ АЛП, ф. 89, оп. 1, № 37.

Примечательно, что существует первый вариант работы «Заслуги Екатерины. . .», гораздо менее известный: он носил заглавие «Заслуги России в области общего языкознания»,³⁴ и лишь переиздание его получило верноподданническое название. Подвизаясь в России на разнообразных поприщах с 1794 г., Аделунг много времени уделял лингвистике. Долгие годы он намеревался переиздать «Сравнительный словарь. . .», неоднократно писал об этом предложении письма разным лицам (такие документы сохранились за период 1808—1821 гг.).³⁵ В порядке подготовки к такому переизданию он выпустил крупную работу «Обозрение всех известных языков и их диалектов» на немецком языке.³⁶ В ней Аделунг учел все достижения русских исследователей по языкам Северо-Западной Америки, но по существу весь труд представляет собой лишь перечень языков, без всякой их характеристики. Большое внимание уделял Аделунг собиранию лингвистических рукописей и словарей разных народов. В 1840 г. Паллас, уезжая в Германию, передал Аделунгу весь обширный материал по африканским и американским языкам, который накопился у него со времени издания сравнительных словарей, но разработан никогда не был. Почти одновременно Аделунгу удалось приобрести после смерти Бакмейстера (1806 г.) его огромную коллекцию лингвистического материала, собиравшуюся в течение многих лет. Таким образом, получилось богатейшее, единственное в своем роде лингвистическое собрание. После смерти Аделунга (1843 г.) все эти материалы перешли к академику Шёгрёну. Ему принадлежит публикация краткого описания этого собрания.³⁷

В архивном фонде Шёгрёпа материалы собрания Аделунга находились долгое время. Впоследствии фонд Аделунга был поделен на несколько частей и в настоящее время хранится в нескольких крупных архивах г. Ленинграда: в Архиве академии наук, в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Институте востоковедения Академии наук СССР.

Собирательская лингвистическая деятельность на местах не ослабевала. Очень интересны материалы, собранные В. С. Хромченко во время Северной гидрографической экспедиции у берегов Аляски в 1822 г.³⁸

Хромченко производил свои записи среди встреченных им эскимосских племен.

1. Среди конягмиутов о-ва Кадьяк и «аглегмутцев» (аглегмиутов).³⁹ Сравнительный словарь тех и других (в виде трех столбцов: русский—конягский—аглегмиутский) занимает у него 5,5 страниц.⁴⁰ Сравнение собранных Хромченко слов приводит его к выводу, что язык аглегмиутов «во всем почти походит на язык конягов».⁴¹

2. Среди эскимосов о-вов Стьюарта (в заливе Нортон) и Нунивак (у западного берега Аляски, между заливами Нортон и Бристольским), диалекты которых он опять-таки дает в виде трехстолбчатой таблицы.⁴²

³⁴ A d e l u n g F. P. Russlands Verdienste um die allgemeine Sprachenkunde. — Russland unter Alexander, 1807, № 1.

³⁵ ААН, ф. 89, оп. 1, № 36, 39, 112, 120, 121, 122.

³⁶ A d e l u n g F. P. Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. St.-Petersb., 1820.

³⁷ Шёгрён А. М. О книгах и рукописях Ф. П. Аделунга. — Санкт-Петербургские ведомости, 1844, № 232.

³⁸ Хромченко В. С. Отрывки из журнала плавания в 1822 г. — Северный архив, 1824, № 11—18.

³⁹ Аглегмиуты — самая южная группа берингоморских эскимосов, живущая по берегам Бристольского залива.

⁴⁰ Хромченко В. С. Указ. соч., № 13, 14, с. 44—49.

⁴¹ Там же, с. 44.

⁴² Там же, № 17, с. 235—240.

3. Среди эскимосов о-ва Св. Лаврентия.⁴³

К этому же времени относятся записи местных языков известного деятеля Российско-Американской компании К. Т. Хлебникова. В течение 16 лет (1814—1830) Хлебников служил правителем главной компанейской конторы в Пово-Архангельске и за это время объездил всю Русскую Америку. С 1833 г. состоял правителем дел Российско-Американской компании в Петербурге, с 1835 г. — директором компании. В 1837 г. был избран членом-корреспондентом Академии по разряду политических наук.

В своей рукописи «Историческое и статистическое обозрение российских владений в Северо-Западной Америке и по островам Алеутским» Хлебников уделяет внимание и образцам местных языков, стараясь «выразить оные письменно как можно правильнее».⁴⁴ Он дает большую таблицу «Сравнение главнейших слов языка гренландского происхождения»,⁴⁵ в которой помещено 36 слов на диалектах эскимосов Аляски (записи его собственные и других собирателей) и Гренландии (два диалекта, взятых из «Сравнительного словаря. . .»).

Из этой таблицы мы узнаем также, что слова эскимосских диалектов записывал и Этолин. Хлебников приводит по 36 «главнейших слов из языков аглелютского, кускоквимского и нунивокского», записанных Этолиным.⁴⁶

Одно из наиболее известных кругосветных плаваний — это экспедиция под начальством Ф. П. Литке.⁴⁷ Литке был очень вдумчивым и внимательным наблюдателем. При описании быта алеутов о-ва Уналанка он сделал много тонких замечаний о языке алеутов, но включил их лишь во французское издание, переведенное с русского под наблюдением автора.⁴⁸ Он останавливается здесь на различных грамматических категориях,⁴⁹ дает термины по верованиям и по анатомии, небольшой словарь (59 слов сверх приводимых в тексте).

Исходя из родства алеутского языка с эскимосским и родства языков так называемых намоллов⁵⁰ и кадькцев с общескимосским, Литке пытался решить вопрос, и теперь еще волнующий американистов, — пришли ли полярные народы из Азии в Америку, или наоборот. Как известно, приблизительно в то же время лингвист и историк Клапрот, бывший хранителем Азиатского музея в Петербурге, на основании материалов, собранных русскими исследователями, решал вопрос в последнем смысле, назвав чукотско-коряцкую группу «полярными американцами».⁵¹

Особо следует остановиться на работах контр-адмирала Врангеля. Ф. П. Врангель, опытный и образованный моряк, в течение пяти лет (1830—1835) был главным правителем североамериканских колоний России. За этот период он ежегодно объезжал острова и прибрежные территории колоний от Калифорнии до Берингова пролива, знакомился на местах с жизнью и русских поселенцев и коренного населения, заботился об улучшении их быта. Попутно он никогда не упускал случая занести в свою записную книжку слова своего собеседника — алеута, колоша (глинкита),

⁴³ Там же, № 18, с. 303—307.

⁴⁴ ААН, р. II, оп. 1, № 275.

⁴⁵ Это эскимосский язык.

⁴⁶ Этолин впоследствии был главным правителем русских колоний в Америке (1841—1845 гг.).

⁴⁷ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828, 1829 гг. Ч. I—III. СПб., 1834—1836.

⁴⁸ L ü t k e F. Voyage autour de monde . . . sur la corvette le S é n i a v i n c dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829. 3 vols. Paris, 1835—1836.

⁴⁹ Ibid., vol. I, p. 236—243.

⁵⁰ Название «намоллы» применялось раньше и к азиатским эскимосам.

⁵¹ Цит. по: П е т е р б е р г Л. Я. Этнография. Л., 1926, с. 153.

кенайца и др. В результате он хорошо ознакомился с краем и его жителями. Скоро в разных русских изданиях того времени появился ряд его статей. Ценнейший лингвистический материал сконцентрирован в основном труде Врангеля «Статистические и этнографические известия о русских владениях на северо-западном берегу Америки», изданном академиком Бэрм на немецком языке.⁵²

В этой большой работе лингвистический материал приводится как в отдельных статьях о народностях колоний, так и в особой главе, посвященной языковым вопросам.

Это глава IX: «Образцы языка, собранные Врангелем и Костромитиновым,⁵³ с вводными замечаниями издателя». Она состоит из нескольких частей.

Все записи образцов языков в этой главе даны русским алфавитом, как их записывали собиратели (Врангель, Костромитинов, Посов). В других главах образцы языков напечатаны латинскими буквами.

Особенно интересна глава X («Сопоставление американских известий о народах северо-западного побережья Америки с теми, которые приведены в предлагаемой книге»), написанная академиком Бэрм.⁵⁴ За два года до написания этого труда Врангеля в Соединенных Штатах вышла книга видного американского государственного деятеля Галлатэна, представляющая собой сводку по классификации и расселению североамериканских племен.⁵⁵ Галлатэн использовал, как отмечает академик Бэр, все новейшие работы американистов Хакевельдера, Пикеринга, Дюпонсо и др. Изучая данные по эскимосам и атапаскам, имеющиеся в этом солидном труде, Бэр шаг за шагом прослеживает в нем все ошибки, пробелы и неточности по расселению и лингвистической классификации племен интересующей его территории и приводит материалы, полученные русскими при обследовании ими американских владений. При этом он обнаруживает хорошее знание литературы, как американской, так и западноевропейской. Исправляя и пополняя данные американской лингвистики и этнографии при помощи русских материалов, ясно и точно излагая свое «сопоставление» (а вернее — строгую критику) определенного раздела книги американского исследователя, академик Бэр внес заметный вклад в изучение коренного населения Америки того времени.

Героический поход лейтенанта Лаврентия Загоскина от берегов Берингова моря вверх по р. Юкону в начале 1840-х годов, обогативший науку разнообразными сведениями о неизвестной дотоле стране, пополнил и знания по лингвистике.⁵⁶ В приложении к описанию своего путешествия Загоскин дает словари двух атапаскских племен и двух эскимосских; особенно ценны словари атапаскские, представляющие наиболее ранний

⁵² Wrangell F. P. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. — In: Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Herausgegeben von K. F. Baer und Gr. Helmersen. Bd. I. St-Petersb., 1839, S. XXXVII, 332.

⁵³ Костромитинов — служащий Российско-Американской компании, живший в России и в течение семи лет работавший агентом по закупке в Калифорнии продовольствия для русских колоний.

⁵⁴ Wrangell F. P. Op. cit., S. 275—289.

⁵⁵ Gallatin A. A. Synopsis of the Indian tribes within the United States East of the Rocky Mountains and in the British and Russian possessions in North America. — Archaeol. Am., 1836, vol. II, p. 420.

⁵⁶ Первоначально сочинение Л. Загоскина печаталось частями (см.: Библиотека для чтения, 1847, т. 83, отд. III; т. 84, отд. III). Полное издание см.: Загоскин Л. 1) Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843, 1844 годах. Ч. I—II. СПб., 1847, 1848; 2) Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.

материал, собранный среди этих глубинных племен. Словари даны Загоскиным в виде двух таблиц: «Краткий словарь двух племен народа ттынай — собственно инкиликов⁵⁷ и инкалитов-югельнут»; «Краткий сравнительный словарь наречий намоллов и кадьякцев с наречиями туземцев, проживающих по берегам Берингова моря».

Кроме того, им дан список птиц, собранных экспедицией по берегам рек Юкона (Квихпака) и Кускоквима, — названия на языках русском, латинском, квихпагмют⁵⁸ и особенно инкиликов.

Основным недостатком работы всех исследователей по языкам коренного населения Русской Америки, начиная с Робера и кончая Загоскиным, являлось то, что они сталкивались с ним на короткое время и знакомились через толмачей, вследствие чего вся их лингвистическая работа сводилась к составлению кратких собраний слов.

Совершенно по-иному работал крупнейший исследователь быта и культуры народов Русской Америки — И. Е. Вениаминов. В противоположность своим предшественникам и современникам Вениаминов исследовал описываемые им народы стационарно в течение ряда лет и основательно изучал их языки. В общей сложности он прожил среди них 16 лет: 10 лет среди алеутов и 6 лет среди тлинкитов. Это был одаренный и тонкий наблюдатель, европейски образованный человек, сумевший завоевать доверие населения.

Крупнейшей работой Вениаминова является его трехтомная монография об алеутах, являющаяся основным и классическим трудом о народе, национальная культура которого уже в то время начинала исчезать.⁵⁹

Лингвистический материал разбросан по всей этой работе. Вениаминов очень часто приводит различные алеутские термины и выражения с их русским значением, а отдельные места прямо посвящены языковым вопросам: названиям народностей, населяющих русские колонии в Америке; алеутским названиям зверей, птиц и рыб; самоназваниям и языкам описываемых племен; алеутским названиям месяцев и времен года. Есть даже глава о языках и глава о песнях алеутов. Песни даются на алеутском языке с русским переводом: пять песен на уналашкинском (восточном) диалекте, одна песня — на аткинском (западном); кроме того, на последнем — повесть и сказка. В этом же монументальном труде Вениаминов высказывает общие соображения о языках народов Русской Америки⁶⁰ и дает небольшой очерк «колошенского» (тлинкитского) языка, заканчивая его «опытом сочинения» на этом языке с русским переводом.

Тлинкитскому языку посвящена и отдельная книжка Вениаминова.⁶¹ В ней кратко освещена грамматика языка (особенно много места отводится глаголу), приводятся «опыт перевода на колошенский язык»⁶² и приложен русско-тлинкитский словарь. Небольшая часть этой работы посвящена эскимосскому наречию о-на Кадьяк — замечания по фонетике и грамматике и «опыт перевода на кадьякский язык».⁶³

⁵⁷ Ингалки (инкилики) — индейцы северной группы атапаскской языковой семьи — жили в области нижнего течения Юкона и смежных районов Кускоквима и Ишкоо (левого притока Юкона).

⁵⁸ Квихпагмют — эскимосы пизовьев Юкона.

⁵⁹ В е н и а м и н о в И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I — СПб., 1840.

⁶⁰ Там же, с. 138—145.

⁶¹ В е н и а м и н о в И. Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения. СПб., 1846.

⁶² Сделан с помощью толмача в Ново-Архангельске.

⁶³ В е н и а м и н о в И. Замечания. . . , с. 27—37.

Примечательно общес высказывание Вениаминова о «кадьякском языке» в начале книги, где дается очерк распространения туземных языков в Русской Америке.

Вениаминов обнаруживает ясное представление об общности всех эскимосских диалектов Аляски и принадлежности их к одному языку — кадьякскому — и точно очерчивает районы их распространения. Далее он совершенно правильно устанавливает принадлежность языков кенайцев, атиахтян (жителей Медной реки), кольчан, кускоквимцев, книхкпакцев к атапаскскому, называемому им кспайским, что, как увидим ниже, вошло во всю зарубежную литературу.

Мировую известность доставила Вениаминову научная грамматика алеутского языка — первая работа такого рода.⁶⁴ Этой работе предпослано пространное предисловие, которое автор начинает так: «Составить грамматику такого языка, каков алеутско-лисьевский,⁶⁵ я считал почти совершенно бесполезным трудом, потому что она не нужна ни для алеутов, которые и без грамматики могут сообщать друг другу свои мысли и которые, наконец, в недолгом времени совсем оставят язык свой, ни для иностранцев, из коих никто и никогда не вздумает учиться такому языку. Но видя, с каким рвением, с какой неутомимостью многие ученые стараются собирать всякого рода сведения и как для них любопытна даже малейшая в таком роде находка, я решился составить если не полную грамматику, то по крайней мере изложить несколько правил грамматики алеутского языка в том предположении, что они, может быть, будут пригодны кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок. . . если бы я не был убежден в том, что лучше написать посредственно о том, что знаешь и чего не знают другие, нежели, зная, не написать совсем ничего, то я никогда бы не принялся за такое дело, как составление грамматики языка дикого и который скоро совсем исчезнет, тем более что и самые познания мои в нем совершенно не достаточны для того, чтобы составлять грамматику».⁶⁶

Вся работа складается из собственно грамматики, двух алеутских песен с русским переводом, сочинения одного алеута с русским переводом, алеутско-русского словаря,⁶⁷ числительных на алеутском языке, перечня русских слов, вошедших в алеутский язык, и 10 алеутских песен с переводом.⁶⁸ В конце книги приложены две таблицы спряжений алеутских глаголов.

Грамматика Вениаминова обнаруживает знакомство ее автора с лингвистической литературой своего времени. Работа на далекой окраине, он не был оторван от русской науки в центре и состоял в переписке с учеными России. Большое значение для Вениаминова имело знакомство с Литке, посетившим в 1827 г. Уналашку на шлюпе «Сенявин».⁶⁹ Из переписки его с Литке за 1828—1837 гг. видно, что последний оказал большое влияние на лингвистические занятия Вениаминова: «. . . если бы не Вы,

⁶⁴ В е н и а м и н о в И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.

⁶⁵ Вениаминов называет лисьевским восточный, или упалашкинский, диалект алеутского языка, так как он в Уналашка входит в группу Лисьих островов.

⁶⁶ В е н и а м и н о в И. Опыт грамматики. . . , с. I—XV.

⁶⁷ В этом словаре «собрано алеутских слов гораздо более, нежели во всех известных мне словарях сего языка. При всем том словарь сей отнюдь не может назваться полным, потому что в нем нет названий растений и насекомых, здесь известных, даже нет всех слов разговорного языка и особенно мало производных слов от имен и глаголов» (В е н и а м и н о в И. Опыт грамматики. . . , с. XIV—XV).

⁶⁸ «Песни сии собраны, написаны и переданы упалашкинским толмачом алеутом Семеном Пацьковым» (прим. Вениаминова). Следует отметить, что эти песни не дублируют песен, приведенных в монографии, а представляют совершенно иной текст.

⁶⁹ Л и т к е Ф. П. Указ. соч., ч. I, с. 173.

то бы никогда я не вздумал составлять грамматики; и если филологи найдут в ней что-либо любопытное, то они должны более благодарить Вас, нежели меня», — писал Вениаминов Литке из Пово-Архангельска 27 апреля 1835 г.⁷⁰ Несомненно также, что Литке снабжал его научной литературой — так, например, в письме от 21 ноября того же года Вениаминов благодарит его за присланную немецкую книгу об американских языках (вероятно, речь шла о работе видного немецкого лингвиста Фатера).⁷¹

Большая заслуга Вениаминова заключается также в создании им алеутской письменности, в основу которой он положил церковно-славянский алфавит, дополнив его надстрочными знаками и знаками, обозначающими придыхание. Работе Вениаминова над алеутским алфавитом посвящена статья академика Бэра «Объяснение знаков, выбранных для алеутского алфавита».⁷²

Разработав алфавит, Вениаминов составил алеутский букварь для обучения алеутов грамоте на их языке.⁷³ Букварь заключал в себе «унагангас асмук» (алеутскую азбуку), «российский букварь» (печатные церковно-славянские и гражданские буквы, рукописные буквы), «склады» (таблицы слогов на алеутском и русском языках), отдельные слова. Далее шли молитвы и символ веры, напечатанные в два параллельных столбца, на алеутском и русском (церковно-славянском) языках. Закапчивается букварь таблицей числительных.

Вениаминов перевел на алеутский язык Евангелие и другие книги религиозного содержания. Он хорошо знал восточный диалект алеутского языка (лисьевский или уналашкинский), а в получении материала от западных, аткинских алеутов ему помогал священник Иаков Пецветов, ведший миссионерскую деятельность на Андреяновских островах. Книги, подготовленные Вениаминовым на восточном диалекте, Пецветов снабжал примечаниями, делавшими эти издания годными для употребления и в западной части архипелага, что обычно отмечалось на титульном листе книги. В предисловиях к этим изданиям содержатся интересные указания о работе над переводом и о самом языке.

Занимаясь составлением книг для алеутов, Вениаминов все время стремился усовершенствовать созданную им алеутскую письменность. Посылая Литке в 1837 г. свою грамматику, Вениаминов сопроводил ее специальной запиской «Нечто об алеутско-лисьевском языке, и в особенности о буквах оного».⁷⁴

В 1842 г. Вениаминов навсегда покинул Америку и больше уже к занятиям американскими языками не возвращался. Но работу над переводом книг религиозного содержания на местные языки продолжали его ученики. Среди них известен И. Тыжнов.

Сначала на основе сочинения Вениаминова им был составлен на алеутском языке «Путеводитель христианина».⁷⁵ Далее Тыжнов перешел к переводу и составлению книг на кадьякском диалекте эскимосского языка: «Алеутско-кадьякский букварь» в двух вариантах (с одинаковым началом до 8-й страницы)⁷⁶ и «Евангелие апостола Матфея».⁷⁷

⁷⁰ Барсуков И. Письма Иппокентия. Кн. I (1828—1855). СПб., 1897, с. 22.

⁷¹ Там же, с. 27.

⁷² Ваег К. Е., Helmsøen Gr. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Bd. I. St.-Petersb., 1839, S. 255—259.

⁷³ Алеутский букварь. М., 1836, с. 1—24. — Этот букварь многократно переиздавался; были издания, называвшиеся просто «Букварь» (Букварь. М., 1846; последнее издание: Букварь. СПб., 1893).

⁷⁴ Барсуков И. Письма Иппокентия. Кн. III. СПб., 1901, с. 391—396.

⁷⁵ Тыжнов И. Путеводитель христианина. СПб., 1847.

⁷⁶ Тыжнов И. Алеутско-кадьякский букварь. СПб., 1848.

⁷⁷ Тыжнов И. Евангелие апостола Матфея. СПб., 1848.

В 1850-х годах в Русскую Америку был командирован гельсингфорский этнограф Г. Хольмберг, изучавший быт и культуру тлинкитов и кадьякцев. Результаты своих этнографических наблюдений он опубликовал в «Трудах Финляндского научного общества»,⁷⁸ по большому собранному языковому материалу по тлинкитам не был им обработан. Хольмберг передал его (полевые записи) петербургскому лингвисту Л. Ф. Радлову, в архивном фонде которого часть материалов Хольмберга хранится и поныне.⁷⁹

Таким образом, к середине XIX в. в результате собирательской, а частично и исследовательской работы по языкам коренного населения русских колоний, которую производили русские путешественники, деятели Российско-Американской компании и др., накопился значительный, в большей части лексический материал.

Исследованием языков Южной Аляски и Алеутских островов занялся в середине XIX в. русский филолог Л. Ф. Радлов, с 1848 г. директор Музея антропологии и этнографии Академии наук.

Долго и упорно работая над печатными и особенно архивными лингвистическими материалами, Радлов теоретически овладел несколькими языками Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Результат — появление печатных работ, большая часть которых относится к американским языкам. Статья «О языке угалахмют» состоит из историографического обзора материала по этому языку, фонетики, грамматического разбора и небольшого словаря (по Резанову и Врангелю).⁸⁰

В статье «Некоторые критические замечания о трактовке г. Бушманом кенайского языка» Радлов подвергает критике характер использования немецким лингвистом Бушманом русских источников по кенайскому языку.⁸¹ Он указывает на неточности в переводе, неправильную транслитерацию, ведущую к неверной передаче звуков, многочисленные опечатки, использование недостаточно точных переводов вместо русских оригиналов. Указывая на не использованные Бушманом возможности, которые представляет этот материал для выделения грамматических форм кенайского языка, Радлов дает образцы склонений, спряжений, образования сравнительной степени и пр.

Большой интерес представляет статья Радлова «Некоторые данные о языке кайганов».⁸² Она написана на основании образцов кайганского диалекта языка хайда, которые собрал В. Миддендорф, в течение 10 лет бывший директором магнитной обсерватории в Ново-Архангельске. Статья состоит из историографического обзора, характеристики языка с грамматическим разбором его и небольшого словаря. Работа сделана с учетом всей имевшейся тогда иностранной литературы по языку хайда. Уже

⁷⁸ Holmberg H. Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika. — Acta Soc. Scientiarum Fennicae, Helsingfors, 1855, vol. IV, p. 281—421.

⁷⁹ ААН, р. III, оп. 1, № 239, 255.

⁸⁰ Radloff L. 1) Ueber die Sprache der Ugalachmut. — Bull. de la classe hist.-philol. de l'Acad. Impériale des Sciences, de St.-Petersb., 1858, t. XV, № 337—345, p. 25—37, 49—63, 125, 139; 2) Idem. — Mélanges russes, St.-Petersb., 1858, t. III, fasc. 4, p. 468—524.

⁸¹ Radloff L. 1) Einige kritische Bemerkungen über Hrn. Buschmann's Behandlung der Kinai-Sprache. — Bull. de la classe hist.-philol. de l'Acad. Impériale des Sciences, de St.-Petersb., 1858, t. XV, № 329—331, p. 257—278, 289—294; 2) Idem. — Mélanges russes, St.-Petersb., 1858, t. III, fasc. 4, p. 364—399.

⁸² Radloff L. 1) Einige Nachrichten über die Sprache der Kaiganen. — Bull. de la classe hist.-philol. de l'Acad. Impériale des Sciences, de St.-Petersb., 1858, t. XV, № 356—358, p. 305—334; 2) Idem. — Mélanges russes, St.-Petersb., 1858, III, fasc. 5, p. 569—607. — Кайганы — подразделение племени хайда, жившее в южной части о-ва Принца Уэльского в пределах русских владений (основная масса хайда живет южее, на о-вах Королевы Шарлотты, уже в пределах Канады).

после смерти Радлова академик А. А. Шифнер⁸³ подготовил к печати и издал его труд «Словарь кенайского языка».⁸⁴ В своем предисловии к этому изданию Шифнер говорит, что рукопись этой работы, представляющей собой наглядное сопоставление различных словарей кенайского языка, была передана ему Радловым для напечатания ее еще в 1857 г. Но сразу же после этого Радлову удалось получить совершенно новые материалы по кенайскому языку, собранные горным инженером П. Дорошиным во время его пребывания в районе расселения кенайцев в 1848—1852 гг.,⁸⁵ поэтому опубликование работы было приостановлено и занятый другими делами Радлов к ней так и не смог вернуться. Издавая рукопись Радлова, Шифнер использовал словарь Дорошина, его заметки по кенайскому языку и вставил в предисловие четыре лирические и две шаманские песни, записанные Дорошиным, с немецким переводом; при этом ему удалось воспользоваться личной помощью Дорошина.

Неизданным остался многолетний труд Радлова о тлинкитском языке, которому он посвятил последние годы жизни. Первое знакомство с этим языком связано с работой над прежде собранными образцами, главным образом над материалами Резанова, Хольмберга и Миддендорфа. В дальнейшем он имел возможность изучить тлинкитский язык непосредственно от тлинкита Тихонтина, старейшины одного из племенных подразделений, выписанного для этой цели в Петербург при содействии Академии наук и жившего там в 1861—1862 гг. В настоящее время трудно сказать, какой вид имела работа Радлова о тлинкитском языке и была ли она им закончена. Известно только, что академик Шифнер передал рукопись Радлова о тлинкитском языке французскому исследователю Пинару,⁸⁶ посетившему Петербург в 1875 г. во время путешествия для сбора материалов по языку Америки.

В фонде Радлова⁸⁷ значительное место занимают лингвистические материалы, особенно обширны записи по тлинкитскому языку: картотека материалов для тлинкитского словаря с подробными объяснениями на карточках, занимающая 8 коробок (несколько тысяч карточек),⁸⁸ тлинкитско-немецкий словарь с большим количеством пояснительных замечок и грамматических форм и тлинкитско-немецкий словарь без замечок,⁸⁹ немецко-тлинкитский словарь с подробным текстом к большинству слов,⁹⁰ материалы по грамматике,⁹¹ отдельные заметки, выписки и т. д.

Языками народов Аляски интересовался и один из последних главных правителей русских колоний в Америке — Х. Фурухельм. Свои заметки еще в 1862 г. он передал американскому лингвисту Дж. Гиббсу, и они

⁸³ Академик А. А. Шифнер, янгиапетст и тибетовед, много сделал для опубликования обширных материалов по языкам северных народностей и сам работал над исследованием юкагирского языка.

⁸⁴ Radloff L. Wörterbuch der Kinai-Sprache. — Mém. de l'Acad. Imperiale des Sciences, de St.-Petersb., 1874, ser. VII, XXI, № 8, p. 1—33.

⁸⁵ Горный инженер П. Дорошин отправлен был в колонию Русско-Американской компании в 1847 г. для геологических исследований; он работал там в течение ряда лет, попутно производя метеорологические наблюдения для Русского географического общества, а также выполняя и другие научные поручения. Им был опубликован ряд статей в периодической печати того времени.

⁸⁶ Об этой передаче говорит сам Шифнер в упоминавшемся уже предисловии к работе Радлова. Об этой же передаче сообщается и в биографии Радлова (Русский биографический словарь. СПб., 1910).

⁸⁷ ААН, р. III, оп. I (фонд Л. Ф. Радлова).

⁸⁸ Там же, № 353—359, 362.

⁸⁹ Там же, № 308.

⁹⁰ Там же, № 224—226.

⁹¹ Там же, № 236.

много позднее были опубликованы в США в виде двух небольших статей.⁹²

Известно также, что неопубликованные записи Фурухельма хранятся в библиотеке Этнологического бюро в США: «Словарь азиягмутов (Нортонов залив)» и «Словарь кускоквимцев»; каждый из них содержит по 50 слов и числительные 1—10 на этих диалектах эскимосского языка.⁹³

В последние годы существования в Америке русских владений в результате многолетних работ по изучению коренного населения и его языков появились подробные этнографические карты с обозначением границ отдельных племен и их подразделений. В 1854 г. на основании новейших материалов Хольмбергом была составлена карта с нанесением самоназваний мелких подразделений гликинтов и разных атапаскских племен.⁹⁴ В 1863 г. капитан-лейтенант Ф. К. Верман, находившийся на службе Российско-Американской компании, тоже составил с учетом всех известных к тому времени данных «Карту туземных наречий на Алеутских островах и северо-западном берегу Америки».⁹⁵

С продажей Аляски исследовательская работа русских ученых над американскими языками прервалась почти на полвека. Несмотря на огромный собранный материал, многие вопросы оставались неразрешенными. Особенно волновали исследователей вопросы этногенеза и этнических связей племен Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Многие из этих вопросов можно бы прояснить тщательное изучение культуры и языков народов Берингоморья, и в том числе установление этнолингвистического родства алеутов и эскимосов. За эту задачу взялся крупный этнограф — исследователь культуры и языков народов Северо-Восточной Азии В. И. Иохельсон. В 1908 г. Русское географическое общество на средства Ф. П. Рябушинского снарядило большую Камчатскую экспедицию. Иохельсон был привлечен в нее в качестве начальника этнологического отряда; по его настоянию в программу работ последнего была включена задача всестороннего изучения алеутов и за пределами России — на Алеутских островах. Посвятив исследованию алеутов первые полтора года экспедиции — с января 1909 по июль 1910 г., Иохельсон объехал все важнейшие острова Алеутской гряды (Уналашка, Умнак, Атка, Атту и др.), прежде всего взявшись за изучение алеутского языка. Письма, присылавшиеся им в это время с Алеутских островов, показывают, что языку он уделял больше всего внимания.

В письме от 28 июня 1910 г. с о-ва Уналашка он пишет: «Лингвистические материалы вполне устанавливают отношение алеутского языка к эскимосским наречиям. Это отношение оказывается гораздо ближе, чем я предполагал в начале изучения языка».⁹⁶

Иохельсону удалось научно овладеть языком алеутов и исправить упущения, сделанные Вениаминовым. За полтора года пребывания на Алеутских островах им был собран значительный материал по языку: словарь из более 5000 слов и около 150 текстов мифов, преданий и сказок, записанных под диктовку и на валиках фонографа.

⁹² G i b b s J. 1) A Few Words on the Sitka, Properly Called the Sitka-kwan Dialect of the Tlinkit Language. — Contrib. to North Am. Ethnol., Washington, 1877, vol. I, p. 111—116; 2) A Few Words on the Language of the Aleuts of Unalashka. — Ibid.

⁹³ P i l l i n g J. C. Bibliography of the Eskimo Language. Washington, 1887, p. 36.

⁹⁴ P o l m b e r g H. Op. cit.

⁹⁵ Тяхменев П. Указ. соч.

⁹⁶ Иохельсон В. Из писем В. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского, к секретарю ИРГО. — Изв. имп. Русск. геогр. о-ва, 1909, т. XVII, вып. I-V, с. 104.

Полевая работа Йохельсона среди алеутов на этом закончилась, по исследовательскую работу на алеутские темы он не прекращал до последних лет своей жизни (умер 1 ноября 1937 г. в Нью-Йорке).

Йохельсоном опубликованы следующие работы по языку американских алеутов: «Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка»;⁹⁷ «Алеутский язык и его связь с эскимосскими диалектами»;⁹⁸ «Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова»;⁹⁹ «Материалы по изучению алеутского языка и фольклора»;¹⁰⁰ «Унанганский (алеутский) язык».¹⁰¹

Архив Йохельсона по языку алеутов складывается из рукописных и фотোগрафических записей образцов фольклора и других текстов, из словарных карточек и материалов для грамматики алеутского языка. Опись этого архива была составлена самим собирателем и опубликована в 1919 г.¹⁰²

Фольклорные материалы архива состоят из рассказов мифологического характера, древних сказаний о богатырях, песен, поговорок, загадок и бытовых рассказов на трех диалектах алеутского языка — уналашкинском, аттовском и аткинском, — всего 146 текстов с русским переводом.

Характеристика всего этого собрания имеется в докладной записке, поданной Йохельсоном в 1915 г. в Академию наук.¹⁰³

Языком американских эскимосов в связи со своими исследованиями по языку азиатских эскимосов и с общими проблемами этнографии и лингвистики в полярных областях занимался виднейший советский этнограф, фольклорист и историк религии В. Г. Богораз.

Во время экспедиционной работы среди азиатских эскимосов Богоразом был собран большой материал по их языку — тексты с переводом, словарь, грамматическая сводка с большим количеством примеров — и в связи с этой работой была изучена обширная литература по языкам эскимосов Аляски, Гренландии и Лабрадора.

В посмертном издании материалов Богораз по языку азиатских эскимосов¹⁰⁴ дан «опыт грамматики» их языка сравнительно с другими эскимосскими наречиями, широко им привлекаемыми.¹⁰⁵ Далеко не все записи Богораз по эскимосскому языку обработаны; значительная часть их хранится в его архиве.¹⁰⁶ Среди них имеются записи, в которых отмечены лексические сходства словаря азиатских эскимосов со словарем эскимосского языка р. Кукоквим на Аляске и со словарем гренландских диалектов эскимосского языка. Эти сопоставления указывают на то, что отдель-

⁹⁷ Изв. Акад. наук, СПб., 1912, № 17, с. 1031—1046.

⁹⁸ J o c h e l s o n W. The Aleut Language and its Relation to the Eskimo Dialects. — ICA, Proc. of the XVIII Sess. (1912), London, 1913, t. 1, p. 96—104.

⁹⁹ Изв. Акад. наук, Пгр., 1920, № 2, 4—7, с. 133—154, 287—315.

¹⁰⁰ Пгр., 1923, с. 4—28.

¹⁰¹ Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М., 1934, с. 129—148.

¹⁰² Йохельсон В. Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Йохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской Академии наук. I. Алеуты. — Изв. Акад. наук, Пгр., 1919, с. 1979—2003. — Часть материалов, упомянутых в этой описи, находится в Архиве Института востоковедения АН СССР.

¹⁰³ Йохельсон В. Записка В. И. Йохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен крайнего северо-востока Сибири. 1-е прил. к протоколу XI заседания Ист.-филол. отд-ния 23 сентября 1915 г. (к § 229). Пгр., 1915, с. 130—143.

¹⁰⁴ Богораз В. Г. Материалы по языку азиатских эскимосов. Подготовили к печати Г. А. Менюшиков и Е. С. Рубцова. Под ред. И. С. Вдовина. Л., 1949.

¹⁰⁵ Сравнительный материал по диалектам аляскинских, кавадских и гренландских эскимосов см.: Богораз В. Г. Указ. соч., с. 30, 37—42, 51—55, 67, 68, 76, 78, 83, 88—95, 97—101, 103, 104, 183, 184.

¹⁰⁶ ААН, ф. 250, оп. 1, № 51, 52, 54, 55, 57, 135.

ные эскимосские диалекты, несмотря на их большую разбросанность, имеют значительное лексическое сходство. В архиве Богораза имеются языковые записи, сделанные им во время краткого пребывания на о-ве Св. Лаврентия: тетрадь № 10, в которой записан один текст и дан его разбор.

На основании анализа эскимосских диалектов Богоразу удалось установить основные особенности строя эскимосского языка, чем он значительно превзошел американских лингвистов-этпологов, изучавших языки племен Северо-Западной Америки и Аляски, которые дальше формального описания фонетики и морфологии не шли. Богораз весьма отчетливо проследил полисинтетизм в эскимосском языке, отметил и показал на языковом материале отсутствие четкой дифференциации между частями речи.¹⁰⁷

Материалы, собранные русскими исследователями, и работы русских ученых не оставались изолированными, а сразу же становились достоянием мировой науки и так или иначе оказывали свое влияние на ее продвижение вперед. «Сравнительный словарь всех языков и наречий», выпущенный в 1790—1791 гг., несмотря на ошибочность основной идеи, несмотря на то, что он был составлен наспех и с громадными проблемами (даже по отношению к тогдашнему уровню науки об языке), представлял собой положительное явление в европейской науке. Он вызвал большое оживление и появление монументальной работы «Митридат, или общее языковедение», подготовленной двумя крупными немецкими лингвистами — Аделунгом и Фатером.¹⁰⁸ Языкам Америки посвящена последняя часть третьего тома этого издания. Для нас примечательно то, что в этой книге, выпущенной в 1816 г., использованы все русские материалы, печатные и рукописные, которые удалось добыть составителям, отражены все мелкие племена, ставшие известными благодаря русским исследователям. В примерах и таблицах мы видим ссылки на материалы экспедиции Биллингса—Сарычева, Лисянского, Хвостова и Давыдова, на словари Резанова и Крузенштерна, на рукописные словари из собрания Палласа, приводятся высказывания Резанова о грамматике туземных языков и т. д.

Описания русских путешествий, как только они выходили в свет в России, сразу же переводились на иностранные языки и печатались в Германии, Франции, Англии; языковые записи транслитерировались на латинский алфавит.

«Путешествие вокруг света» Лисянского, вышедшее в свет в 1812 г., через два года было издано в Англии.¹⁰⁹ Словари из этого английского издания сразу же вошли в научный обиход, их перепечатывали.

Словари, опубликованные в 1824 г. В. С. Хромченко в его «Отрывках из журнала плавания», перепечатывались и в Германии,¹¹⁰ и во Франции.¹¹¹

О французском издании путешествия Литке уже было сказано выше (см. с. 100).

Особенной известностью за границей пользовались два русских издания — словарь Крузенштерна 1813 г. и работа Врангеля 1839 г., — так как, напечатанные на немецком языке, они сразу же оказались доступными

¹⁰⁷ Богораз В. Г. Указ. соч., с. 7, 20—22.

¹⁰⁸ Adelung J. C., Vater J. S. Mitridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynabe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Bd. 1—4. Berlin, 1806—1817. — И. Х. Аделунг — дядя Ф. Аделунга, с 1794 г. служившего в России (о работах последнего см. выше, с. 98—99).

¹⁰⁹ Lisiansky U. A Voyage round the World, in the Years 1803, 4, 5 and 6. London, 1814.

¹¹⁰ Pertha Zs., Stuttgart, 1825, Bd. 2, S. 213—221.

¹¹¹ Bull. des Sciences hist., Paris, 1826, t. 6, p. 412—413.

широкому кругу читателей в Западной Европе. На оба эти издания чаще всего встречаются ссылки в зарубежной литературе, причем в огромном большинстве случаев работы Врангеля идут под фамилией Бра (издателя) и автор в них не фигурирует.

Большое значение для ознакомления западноевропейской читающей публики и ученого мира Европы и США с научными материалами русских путешественников и исследователей имели хроникальные издания, выходившие в разных странах. Еще в XVIII в. в России библиограф Л. И. Бакмейстер выпускал свою «Русскую библиотеку» на немецком языке, где помещались также и известия о путешествиях.¹¹²

В последнем томе «Русской библиотеки» помещен реферат первой части издания «Сравнительных словарей всех языков и наречий», причем половина этого реферата составлена по-латыни, так как латинский язык в то время еще служил для международных сношений в ученом мире.

В Германии в течение почти трех десятилетий XIX в. (1840—1860) выходил «Архив научного познания России» Эрмана,¹¹³ в котором среди прочего материала печатались и отчеты Российско-Американской компании, и рефераты о путешествиях по Русской Америке, в том числе статьи В. Шотта, давшего высокую оценку русским работам.¹¹⁴

Значительная часть зарубежных исследователей пользовалась материалами Вениаминова и Загоскина именно в изложении «Архива...» Эрмана.

Во Франции в течение более 60 лет выходила «Новая летопись путешествий», также отражавшая русские работы.¹¹⁵ В этом издании были помещены статьи И. Вениаминова «Языки Русской Америки»,¹¹⁶ описание путешествия Загоскина¹¹⁷ и сжатое изложение работы Врангеля «Замечания о жителях северо-западного побережья Америки» с сохранением имеющихся в тексте кратких словариков медновцев, угаленцев, инкилюков и кускоквимцев.¹¹⁸ Автором двух последних статей является князь Голицын, писатель, в своих многочисленных работах, печатавшихся во Франции, знакомивший Западную Европу с Россией.

В библиографических заметках, издававшихся в «Новой летописи путешествий», отмечался выход томов «Архива...» Эрмана с перечнем всех статей, что расширяло сведения о русских работах.

Таким образом, уже с первых десятилетий XIX в. русский «полевой» материал по североамериканским языкам становится достойным и зарубежной науки. В этом отношении интересно высказывание Дюпонсо, крупного американского лингвиста начала XIX в., вице-президента Американского философского общества, в письме к Ф. П. Адслунгу. В нем он благодарит последнего за присылку книги «Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании», сообщает, что отправляет ему свою

¹¹² Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. [Bd. I—XI]. St.-Petersb.—Leipzig—Riga, 1772—1787.

¹¹³ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin, 1841—1867, Bd. I—XXV.

¹¹⁴ Schott W. 1) Etwas über die Sprache der Koloschen nach Weniaminow. — Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin, 1843, Bd. II, S. 439—445; 2) Über die Sprachen des Russischen Amerika nach Weniaminow. — Ibid., 1849, Bd. VI, S. 126—143; 3) Über einige ethnographische Ergebnisse der Sagoskischen Reise im Russischen Amerika. — Ibid., S. 480—512.

¹¹⁵ Nouvelles Annales des voyages et des sciences géographiques. Paris, 1808—1814, 1819—1870 (более 200 томов).

¹¹⁶ Ibid., t. 125, 1850.

¹¹⁷ Ibid., t. 137, 1853.

¹¹⁸ Ibid.

брошюру о выработке всеобщего алфавита для фонетической записи звуков, и предлагает установить контакт в лингвистической работе. При этом он пишет: «Мне приятно думать, что ежели общими усилиями когда-либо совершенно достигнута будет цель сия, то это сделает честь народу, который преимущественно содействовал к таковому обогащению всеобщей словесности. И почему же бы вселенной не быть обязанною сим России».¹¹⁹

В 1815 г. в Германии вышел библиографический справочник лингвиста Фатера «Литература грамматик и словарей всех языков земного шара» на немецком и латинском языках.¹²⁰ В нем все языки размещены в алфавитном порядке, в два столбца — по-немецки и по-латыни. По языкам Северо-Западной Америки использованы материалы экспедиций Биллингса—Сарычева, Лисянского, Хвостова и Давыдова, словарь Крузенштерна. Второе издание, выпущенное через 20 лет после смерти автора и только на немецком языке, было значительно дополнено и переработано; из русских источников по американским языкам и его вошли материалы Хромченко, Бэра и Хельмерсена (верисс, Врангеля и Костромитинова), Вениаминова (по Эрману). Литературе по каждому народу предпоставлена краткая географическая справка — область его распространения. Издание снабжено указателями — предметным и авторов.¹²¹

В предисловии, перечисляя работы, особенно часто им приводимые, автор среди прочих источников называет «Словарь Екатерины» и «Собрание слов Крузенштерна».

В 1826 г. в Париже выходит «Этнографический атлас земного шара» Бальби,¹²² пользовавшийся в свое время большой известностью. Атлас посвящается императору Александру I, и в начале его автор, обращаясь к царю, говорит о «Сравнительном словаре. . .» Екатерины II, об его значении для лингвистов. Атлас представляет собой классификацию народов мира и состоит из лингвистических таблиц (географических карт в нем нет). К Северо-Западной Америке относятся табл. XXXV и XXXVI. В конце атласа помещены многоязычные таблицы языков пяти частей света: табл. XII — «Языки Америки» — содержит словарь из 26 слов на различных языках (угалахмютцев, кенайцев, чугачей-конягов и др.), сохранены даже русские суффиксы в названиях племен.

Наконец, упоминавшийся выше (с. 101) Галлатэн, в адрес которого академик Бэр сделал в 1839 г. ряд критических замечаний, в 1848 г. напечатал работу «Хейловы индейцы Северо-Западной Америки и словари Северной Америки»,¹²³ в которой были использованы и русские источники. Так, во 2-й части статьи приводятся собрания слов кенайцев, кадьякцев, алеутов и др. Возможно, что замечания Бэра оказали свое действие.

¹¹⁹ Письмо от Американского философского общества, из Филадельфии, от 16 декабря 1817 г., полученное статским советником Аделунгом. — Новая Санкт-Петербургская газета, 1818, № 85.

¹²⁰ Vater J. S. 1) *Linguarum totius orbis. Index alphabeticus, quarum Grammaticae, Lexica, collectiones vocabulorum recensentur, patria significatur, historia adumbratur a Joanne Severino Vatero. Berolini, MDCCCXV*; 2) *Litteratur der Grammatiken, Lexika und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde nach alphabetischer Ordnung der Sprachen mit einer gedrängten Uebersicht des Vaterlandes, der Schicksale und Verwandtschaft derselben von Dr. Johann Severin Vater. Berlin, 1815.*

¹²¹ Vater J. S. *Litteratur der Grammatiken, Lexika und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. Zweite völlig umgearbeitete Ausgabe. Berlin, 1847.*

¹²² Balbi A. *Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes d'après leurs langues. Paris, 1826.*

¹²³ Gallatin A. *Hale's Indians of North-West America, and Vocabularies of North America, with an Introduction.* — *Transact. Am. Ethnol. Soc., 1848, vol. 1, 2, p. XXIII—CLXXXVIII, 130.* — Хейл — американский филолог и лингвист того времени, много писавший об индейцах.

Словарики туземных слов из опубликованных на иностранных языках работ о русских путешествиях находили широкое применение в различных иностранных экспедициях. Например, материал по эскимосским наречиям из «работы Бэра» был использован английской экспедицией, организованной в 1848—1849 гг. в Канадскую Арктику для поисков пропавшей экспедиции Дж. Фрамптона.¹²⁴ Образцы этих наречий в описании самой экспедиции даны в виде «Сравнительной таблицы диалектов, на которых говорят эскимосы Берингова моря и Лабрадора».¹²⁵ При этом автор подробно говорит о том, как трудно было эскимосские слова, напечатанные русскими буквами, транслитерировать на латинский алфавит. Эта работа была выполнена для экспедиции сотрудниками Британского музея, причем рабочие списки эскимосских слов снабжались и французским ихписанием.¹²⁶

Огромной популярностью пользовалась у англичан и американцев книга о путешествии Лисицкого в английском издании. После покупки у русских Аляски в 1867 г. американцы столкнулись с необходимостью как-то общаться с населением, среди которого многие знали русский язык, но никто не владел английским. Вот тогда-то особенно пригодились словарики Лисицкого, заключающие в себе много повседневных вопросов и выражений. Их перепечатывали в официальных справочниках для употребления на Аляске.¹²⁷

В значительной степени ту же цель преследовали словарики, включенные в обстоятельную работу Долла «Аляска и ее ресурсы»,¹²⁸ материалы для которой он начал собирать с 1866 г., т. е. еще за год до продажи Аляски русскими. В приложении у Долла даны сводные таблицы; образцы слов местных языков в них взяты у Биллингса—Сарычева, Врангеля, Лисицкого и дополнены собранными им самим. Все эти таблицы слов из эскимосских и атапаскских диалектов (причем значительная часть их — из старых русских записей) повторены Доллом в небольшой статье «О распределении туземных племен Аляски и прилегающей территории».¹²⁹

Крупнейший американский историк Банкрофт в своих работах, касающихся районов, прежде принадлежавших России, постоянно пользуется русским материалом, приводит словарики из русских изданий и пр. Здесь необходимо указать две его работы: «Туземные расы Тихоокеанских штатов Северной Америки»,¹³⁰ «История Аляски».¹³¹ В работе «Туземные расы. . .» около трети 3-го тома («Мифы и языки») посвящено языкам народов Тихоокеанского побережья и охватывает весь знакомый уже нам материал.

Начиная с середины XIX в. несколько крупных западноевропейских лингвистов работали над языками Северо-Западной Америки по материалам русских собирателей и исследователей. Это (в хронологическом порядке) Бушман, Латам, Апри, Пфизмайер, Мюллер.

¹²⁴ Richardson J. Arctic Searching Expedition. Vol. 1, 2. London, 1851.

¹²⁵ Ibid., vol. 2, p. 369—382.

¹²⁶ Ibid., p. 363.

¹²⁷ Например: Report of Assistant George Davidson Relative to the Resources and the Coast Features of Alaska Territory. — Ann. Rep. of the Coast Survey (1867), Washington, 1869.

¹²⁸ Dall W. H. Alaska and its Resources. Boston, 1870 (Vocabularies — p. 547—575).

¹²⁹ Dall W. H. On the Distribution of the Native Tribes of Alaska and the Adjacent Territory. — Proc. of the Am. Assoc. for the Advancement of Science, Cambridge, 1870, vol. 18, p. 263—273.

¹³⁰ Bancroft H. H. The Native Races of the Pacific States of North America. 5 vols. New York—San Francisco, 1874—1876.

¹³¹ Bancroft H. H. The Works of H. H. Bancroft. Vol. 33. San Francisco, 1886.

И. Бушман — известный немецкий лингвист, специалист по восточным языкам, сотрудник братьев Александра и Вильгельма Гумбольдтов. После участия в экспедиции в Мексику (1827—1828 гг.) он занялся изучением языков запада Северной Америки, хорошо освоил источники по Русской Америке и написал несколько трудов.¹³²

Первая его работа на эту тему была невелика; она представляла собой слабую попытку выделить близкие по лексике и фонетике языки и называлась «Об естественных звуках».¹³³ Использован был материал по кенайцам, инкиликам, угаленцам¹ и атапаскскому племени Британской Колумбии — такулли.

В следующей статье «Родство кенайских наречий русской Северной Америки с большой атапаскской семьей языков» Бушман дает сравнительный словарь из 66 слов каждого из «кенайских языков» (кенайцы, атлонцы, кольчане, инкилики, инкалиты и угаленцы)¹³⁴ и атапаскских языков Канады, что помогает ему установить принадлежность первой группы к атапаскской семье языков.¹³⁵

Третья его работа — «Атапаскская семья языков» — классификация (с богатым языковым материалом) атапаскских языков Северной Америки.¹³⁶ Состоит она из трех глав, причем вторая из них — «Кенайские языки» — построена исключительно на русских данных (использованы все опубликованные в России источники), третья же, представляющая вывод из всей работы, дает сводку по атапаскским языкам Русской Америки и Канады.

В следующей своей работе — «Язык пима и язык колоней» — Бушман дает характеристику этих языков, особенно подробно останавливаясь на обзоре источников по колошскому (тлинкитскому) языку.¹³⁷ Все источники, кроме одного, русские. Автор высоко ценит русских как собирателей лингвистического материала. О Вепяминове он пишет, что тот «стремится изобразить в совершенстве с помощью многочисленных диакритических знаков над многими буквами особые звуки и оттенки колошского языка».¹³⁸ Статья обильно снабжена сводными словарями и сравнительными таблицами.

Самая крупная его работа — «Следы атекского языка в Северной Мексике и на далеком Американском Севере» — представляет собой большой том, снабженный обширным географическим указателем.¹³⁹ Эта капитальная работа является подробнейшей сводкой по языкам народов западной части Северной Америки, со сводными словарями, сравнительными таблицами по языкам от Мексики до берегов Ледовитого океана.

¹³² Работы Бушмана по американским языкам вне Русской Америки здесь не упоминаются.

¹³³ B u s c h m a n n J. C. E. Über den Naturlaut. — Königl. Acad. der Wissenschaften zu Berlin, Abh. aus dem Jahre 1852, 1853, S. 391—423. Почти сразу же эта статья была переведена на английский язык: B u s c h m a n n J. C. E. On Natural Sounds. — Proc. of the Philol. Soc., London, 1854, vol. 6, p. 188—206.

¹³⁴ Бушман ошибочно относит угаленцев к атапаскским племенам (см. выше, с. 97).

¹³⁵ B u s c h m a n n J. C. E. Verwandtschaft der Kinai-Idiome des russischen Nordamerikas mit dem grossen athapaskischen Sprachstamme. — Königl. Acad. der Wissenschaften zu Berlin, Bericht aus dem Jahre 1854, 1855, S. 231—236.

¹³⁶ B u s c h m a n n J. C. E. Der athapaskische Sprachstamm. — Ibid., Abh. aus dem Jahre 1855, 1856, S. 149—319.

¹³⁷ B u s c h m a n n J. C. E. Die Pima-Sprache und die Sprache der Koloschen. — Ibid., Abh. aus dem Jahre 1856, 1857, Bd. 3, S. 321—432.

¹³⁸ Ibid., S. 394.

¹³⁹ B u s c h m a n n J. C. E. Die Spuren der aztekischen Sprache im nördlichen Mexico und höheren Amerikanischen Norden. — Königl. Acad. der Wissenschaften zu Berlin, Abh. aus dem Jahre 1854, 1859, Erg.-Bd. 2, S. 1—819.

Здесь использованы все рассмотренные нами работы по Русской Америке, кончая материалами Хольмберга и статьей Радлова о кайганах.

Последние две работы Бущмана, частично использующие материал русских исследователей, посвящены атапаскской группе народов: «Систематическая таблица слов атапаскской языковой семьи»¹⁴⁰ и «Родственные отношения атапаскских языков».¹⁴¹ В первой из этих работ значительно расширен раздел, касающийся кенайцев и угалахмиутов, на основании полученных автором статей Радлова об угалахмиутах (которых Бущман ошибочно относил к атапаскам) и его критических замечаний на работы Бущмана (см. выше, с. 105). Он принял эти замечания Радлова, благодарит за них и объясняет, почему у него получились ошибки, указанные Радловым.

Р. Г. Латам, английский лингвист и этнолог, много трудившийся в области сравнительной филологии, интересовался американскими языками и написал по ним несколько работ. В частях, касающихся Русской Америки и Северной Калифорнии, он широко базируется на русских источниках.

Перечислим работы Латама, в которых использованы материалы русских исследователей.

1. «К вопросу об этнографии Северной Америки» — статья о родстве между племенами, написанная на языковых данных.¹⁴²

2. «Об этнографии Русской Америки» — очерк о племенах Русской Америки и имеющихся по ним языковых материалах, классификация этих племен с краткими словариками из русских работ.¹⁴³

3. «Об языках территории Орегона» — статья о родстве между племенами данного района и соседних областей, в том числе Русской Америки.¹⁴⁴

4. «Об языках Новой Калифорнии».¹⁴⁵

5. «Туземные расы Российской империи» — большая работа, в которой классификация племен Русской Америки по языкам занимает 9 страницек.¹⁴⁶

6. «О языках Северной, Западной и Центральной Америки» — дополнение к работе Галлатэна (о нем см. выше, с. 101, 111), широко использующее русские работы.¹⁴⁷

7. «Мелкие работы» — сборник отдельных статей, в который вошли и все вышеперечисленные работы.¹⁴⁸

8. «Элементы сравнительной филологии» — этот труд представляет собой обзор всех языков мира.¹⁴⁹ Северной Америке посвящены главы IV—IX; в главе IX приводятся сравнительные словари алеутов, кадьякцев и других эскимосских групп; атна, кольчан, кенайцев и других атапаскских племен.

¹⁴⁰ Buschmann J. C. E. Systematische Worttafel des athapaskischen Sprachstamms. — Ibid., Abh. aus dem Jahre 1859, 1860. Bd. 3, S. 501—586.

¹⁴¹ Buschmann J. C. E. Verwandtschafts-Verhältnisse der athapaskischen Sprachen. — Ibid., Abh. aus dem Jahre 1862, 1863, Bd. 3, S. 195—252.

¹⁴² Latham R. G. Miscellaneous Contributions to the Ethnography of North America. — Proc. of the Philol. Soc., London, 1846, vol. 2, p. 31—50.

¹⁴³ Latham R. G. On the Ethnography of Russian America. — J. of the Ethnol. Soc. of London, Edinburgh, 1848, vol. 1, p. 182—191.

¹⁴⁴ Latham R. G. On the Languages of the Oregon Territory. — Ibid., p. 154—166.

¹⁴⁵ Latham R. G. On the Languages of New California. — Proc. of the Philol. Soc., London, 1854, vol. 6, p. 72—86.

¹⁴⁶ Latham R. G. The Native Races of the Russian Empire. London, 1854, p. 289—297.

¹⁴⁷ Latham R. G. On the languages of Northern, Western, and Central America. — Transact. of the Philol. Soc., 1856, London, 1857, p. 57—115.

¹⁴⁸ Latham R. G. Opuscula. Essays Chiefly Philological and Ethnographical. London, 1860.

¹⁴⁹ Latham R. G. Elements of Comparative Philology. London, 1862.

Особенное внимание западноевропейских ученых обратила на себя работа И. Вениаминова «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка». Над нею в 1870—1880 гг. работало двое исследователей: один — французский лингвист Анри, автор «Очерка толковой грамматики алеутского языка по грамматике и словарю Ивана Вениаминова»,¹⁵⁰ другой — немецкий ученый Пфизмайер, написавший «Язык алеутов и Лисьих островов».¹⁵¹ Граматику Вениаминова оба ученых оценивают очень высоко. Так, Анри пишет в предисловии к своей работе: «Алеутская грамматика Вениаминова — одна из лучших монографий, которые мне привелось изучать. Автор не лингвист и еще менее претендует быть этимологом. . . Иди следом за этим наставником, просвещенным и добросовестным, мы не подвергнемся риску сбиться с пути и с полной уверенностью можем сформулированные им грамматические правила переводить на язык современной лингвистики».¹⁵²

Будучи представителем школы младограмматиков и интересуясь языками гиперборейских, т. е. арктических, народов,¹⁵³ Анри считал изучение книги Вениаминова интересным с двух точек зрения: во-первых, она «даст возможность узнать язык, еще сохранившийся в чистоте, но уже исчезающий, особенно при англосаксах, нахлынувших в Аляску после уступки ее Соединенным Штатам»; во-вторых, «алеутский язык, может быть, даст разрешение проблемы происхождения гиперборейских рас» и «может оказаться переходным — свяжет самодские и эскимосские языки».¹⁵⁴

Пфизмайер ценит работу Вениаминова в основном за точность изложения и тщательность подбора материала: «Между языками берингоморских стран алеутский является почти единственным, о котором возможно получить точное представление. . . „Опыт грамматики“ излагает алеутский язык очень обстоятельно и содержит в себе небольшой словарь, который в противоположность другим скудным и ненадежным словарям представляет собою тщательно и правильно выполненное собрание употребительнейших слов».¹⁵⁵

Работа Вениаминова «Замечания о колошенском и кадьякском языках» тоже привлекла к себе внимание немецких лингвистов. Она вызвала к жизни исследование того же Пфизмайера «Разъяснение по языку колошей»,¹⁵⁶ использовавшего также словарь Крузенштерна (со ссылкой на его шесть источников, без указания издания). Статья содержит общий очерк языков бывш. Русской Америки (по Вениаминову), соображения по фонетике тлинкитского языка, по его транскрипции и транслитерации русских записей на латинский алфавит, сравнительный словарь тлинкитских слов, грамматические формы (все по Вениаминову) и расширенный тлинкитско-немецкий словарь. Последний производит странное впечатление

¹⁵⁰ H e n r y V. Esquisse d'une grammaire raisonnée de la langue aléoute d'après la grammaire et le vocabulaire de Ivan Véniaminov. — Rev. de Linguistique, Paris, 1878—1879, t. 11, p. 424—457; t. 12, p. 1—40.

¹⁵¹ P f i z m a i e r A. Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln. — Kaiserliche Akad. der Wissenschaften, Philos.-Hist. Classe, Sitzungsher., Wien, 1883, Bd. 105, S. 801—880; Bd. 106, S. 237—316. — Назваше работы Вениаминова переведено Пфизмайером, как мы видим, неточно.

¹⁵² H e n r y V. Op. cit., p. 425.

¹⁵³ По ним у Анри есть две работы, посвященные грамматике диалекта эскимосов р. Маккензи и сравнительной грамматике трех гиперборейских языков: грюландского, эскимосов р. Маккензи и алеутского.

¹⁵⁴ H e n r y V. Op. cit., p. 425—426.

¹⁵⁵ P f i z m a i e r A. Die Sprache. . ., S. 801, 802.

¹⁵⁶ P f i z m a i e r A. Aufklärungen über die Sprache der Koloschen. — Kaiserliche Acad. der Wissenschaften, Philos.-Hist. Classe, Sitzungsher., Wien, 1883, Bd. 105, S. 169.

чатление, совершенно непонятен с первого взгляда принятый в нем порядок слов, — он начинается со слова «Tisgati — der Monat August» и оканчивается словом «Kauatan — klar». И лишь сравнив его с русско-тлинкитским словарем Вениаминова, начинающимся со слова «август» и кончающегося словом «ясно», понимаешь, что Пфизмайер, поставив на первое место тлинкитские слова, транслитерировав их и дав немецкое значение, сохранил прежний порядок по русскому алфавиту, логичный у Вениаминова и бессмысленный в немецкой работе.

Вскоре появилась небольшая очерк известного лингвиста того времени Ф. Мюллера «Заметки о глаголе в колошском языке».¹⁵⁷ Мюллер был возмущен статьей Пфизмайера. Он считает ее по существу переводом книжки Вениаминова, а сопоставление колошских слов, по его мнению, является выдержкой из сочинения Бушмана «Язык нима и язык колошей».

В эти же годы Пфизмайер издал еще одну работу — «Разновидности гренландского языка», — в которой значительное место было уделено языку кадьякцев.¹⁵⁸

Последняя по времени работа, в основу которой был положен «Опыт грамматики. . .» Вениаминова, вышла в 1944 г. Это — «Алеутский язык».¹⁵⁹ Автор ее, ирландец Гейген, синолог, знавший около 200 языков, вторую половину своей жизни прожил на Аляске, где усиленно занимался языком алеутов, изучив при этом всю русскую литературу о данном народе. Сам Гейген не печатал ничего об алеутском языке, по после его смерти ученики обработали его материалы и издали одной книгой.

Главная ее часть — «Элементы алеутской грамматики» — основана на русских текстах, приведенных Вениаминовым в его «Опыте грамматики алеутско-лисьевского языка».¹⁶⁰ По существу это — буквальный перевод книги Вениаминова, помещено даже его предисловие.

II часть — «Алеутско-английский словарь» — также является переводом с русского «Словаря алеутско-лисьевского языка» Вениаминова, с добавлениями и примечаниями самого составителя. Словарю предшествуют биография Вениаминова и перечень его работ и переводов. Лишь III часть книги — «Английско-алеутский словарь» — принадлежит перу самого автора.

Еще одна группа зарубежных работ построена на старых русских источниках — это монографии по отдельным народам Аляски. Наиболее показательны в этом отношении труды этнографов Краузе и Осгуда.

Немецкий этнограф Аурель Краузе, написавший несколько работ по индейцам Америки, в своей книге «Индейцы-тлинкиты» для 14-й главы «Язык тлинкитов» широко использует материалы Вениаминова, Врангеля, Давыдова, Крузенштерна, Лисинского и Бушмана (писавшего, как мы показали, на русских источниках).¹⁶¹ Особенно ценит он работы Вениаминова.

Американский этнограф К. Осгуд, написавший ряд монографий по атапаским племенам Аляски и Канады, в двух из них опирается в значительной степени на материалы русских исследователей. Это — «Этно-

¹⁵⁷ Müller F. Bemerkungen ueber das Verbum der koloschischen Sprache. — Ibid., Bd. 106, S. 453.

¹⁵⁸ Pfizmaier A. Die Abarten der grönländischen Sprache. — Ibid., 1884, Bd. 107, S. 803—882.

¹⁵⁹ Geoghagan R. H. The Aleut Language. Washington, 1944.

¹⁶⁰ Ibid., p. 13.

¹⁶¹ Krause A. Die Tlingit-Indianer. Jena, 1885, s. 345—391 (англ. пер. см.: Krause A. The Tlingit Indians. Seattle, 1956).

графия тапайна»¹⁶² и «Материальная культура ингаликов».¹⁶³ В монографии об индейцах-танайна (кепайцах) Осгуд пишет, что самым важным источником для него были работы Врангеля, но называет также труды Лисянского и Хольмберга. В книге об ингаликах автор указывает, что название «инкилики» впервые было дано индейцам этой группы Глазуновым¹⁶⁴ и Загоскиным, описавшими их в 1840-х годах. Классификацию атапаскских племен рек Нижнего Юкона и Кускоквима, данную Загоскиным, Осгуд взял за основу.¹⁶⁵ В библиографии по ингаликам автор указывает работы Врангеля, Глазунова, Давыдова, Загоскина, Хольмберга, рефераты русских работ в «Архиве. . .» Эрмана и в «Новой летописи путешествий». Здесь же мы узнаем, что книга Загоскина в английском переводе (в виде рукописи) была широко известна специалистам Америки до появления в печати.¹⁶⁶

Не приходится говорить о том, что старые русские работы неизменно фигурируют во всех библиографиях по североамериканским языкам вообще и по Аляске в частности.

Таким образом, несмотря на свое сравнительно кратковременное пребывание на американских берегах, продолжавшееся немногим более 70 лет (с конца XVIII в. до 1867 г.), русскими исследователями было заложено прочное основание в дело изучения коренного населения этого края, его культуры и языка. Благодаря усилиям русских людей наука обладает по-своему неповторимыми материалами и сведениями об аборигенах северо-запада Северной Америки и их языках первой половины XIX в.

¹⁶² Osgood C. The Ethnography of the Tanaina. — YUPA, 1937, № 16.

¹⁶³ Osgood C. Ingalik Material Culture. — YUPA, 1940, № 22.

¹⁶⁴ Андрей Глазунов в 1835—1836 гг. обследовал пикпес течения Юкона.

¹⁶⁵ Osgood C. Ingalik. . . , p. 478 sq.

¹⁶⁶ Ibid., p. 478. — Полный перевод на английский язык книги Загоскина см.: Zagoskin L. Lieutenant Zagoskin's Travels in Russian America, 1842—1844. Toronto, 1967 (прим. ред.).

Д. А. Ольдерогге

История изучения в России африканских языков

Начало изучения африканских языков в России восходит к концу XVIII в., так же как и американских, и связано с изданием Российской Академией наук сравнительных словарей всех языков мира.

Под руководством академика Палласа в 1787 и 1789 гг. были изданы «Сравнительные словари всех языков и наречий», в которые были включены многие языки Азии и Европы.¹ В дальнейшем намечалось издание сведений и по языкам Африки — в материалах, собиравшихся для словаря и хранящихся в архивах, находятся списки слов различных африканских языков.

В архиве Аделунга сохранились материалы, в которых упоминается, что среди бумаг академика Палласа были списки слов языков «шилх, коптского, ялофского, фульского, мадагаскарского, кафрского и готтентотского».²

Мы не знаем точно, почему первое издание словаря не было завершено. Несомненно одно: оно, по-видимому, не удовлетворило императрицу Екатерину II, которая, очевидно, желала получить от Академии наук не столько научное издание, каким был труд Палласа, сколько книгу, позволяющую легко производить сравнение различных языков мира, книгу, предназначенную не для научных исследований, а скорее всего для светских бесед о происхождении языков.³ Во всяком случае академик Паллас был отстранен от продолжения издания, а вместо него был назначен новый редактор, чиновник, ведавший делами школьного образования, Федор Иванович Янкович де Мириево.⁴ Получив указания переделать словарь Палласа так, как желательно было императрице, он быстро и точно выполнил все, что требовалось, и в течение двух лет был издан

¹ Сравнительные словари всех языков по наречиям, собранные досицею всевысочайшей особы. Отделенные первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., ч. I, 1787; ч. II, 1789; *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, Augustissima curae collecta. Sectionis primae. Linguae Europae et Asiae complexae. Pars prior. Petropoli, Schnoor 1786 [I]. Pars secunda. Petropoli, Schnoor 1789.* — В протоколе Академии наук от 25 января 1787 г. значится: Monsieur le Conseiller de Collèges Pallas remit pour la Bibliothèque le 1-er volume du Vocabulaire pantoglotte publié sous les auspices de sa Majesté l'Imperatrice: «Сравнительные словари всех языков... ч. I» (Протоколы Акад. наук, т. IV, с. 68).

² ААН, ф. 89, оп. 1, № 9 (фонд Аделунга).

³ История составления первого и второго паданий словаря весьма дипломатично изложена Аделунгом: *Adelung Fr. Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St.-Petersb., 1815.*

⁴ Федор Иванович Янкович де Мириево (1741—1814). — действительный член Российской Академии наук с 1783 г. О его деятельности как директора училищ очень одобрительно отзывался Н. А. Добролюбов (Д о б р о л ю б о в Н. А. Ф. И. Янкович де Мириево, или народные училища при Екатерине II. Первое полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. II. СПб., 1914, с. 703—712.)

в четырех томах «Сравнительный словарь всех языков и паречий, по азбучному порядку расположенный».⁵ В этом словаре слова всех языков мира перемешаны и расположены в едином алфавитном порядке — в порядке русского алфавита. Этот весьма своеобразный принцип не позволяет выделить слова каждого отдельного языка, вошедшего в издание, так как для этого требуется внимательный просмотр всех четырех томов, что занимает много времени.

Изучение материалов второго издания «Сравнительного словаря. . .» дает возможность установить, что в него были включены сведения по 33 языкам народов Африки. Из них два языка народов Северной Африки, 23 — народов Западного Судана, по преимуществу гвинейского побережья, шесть языков банту и один готтентотский. Особо следует отметить словарь «по-арабски на острове Мадагаскаре».

Заслуживает внимания то обстоятельство, что среди всех этих материалов отсутствуют сведения о языках Восточной Африки, и в особенности о языках Эфиопии, а именно о языке геэз, т. е. языке средневековой литературы, и амхарском, или, как тогда говорили, абиссинском языке. Между тем мы знаем, что еще в 1784 г. по приказанию Екатерины II граф Безбородко отправил константинопольскому послу списки 286 русских слов с указанием через патриархов Антиохийского и Иерусалимского доставить перевод их на абиссинский и эфиопский языки с разными диалектами.⁶ Неизвестно по каким причинам, но во второе издание словаря языки сенеро-восточного угла Африки не вошли.

Из 33 языков к языкам семито-хамитской семьи относятся языки шилх и коптский. Первый из них — шилх (или шлѣх) — язык берберов долины р. Сус в Южном Марокко. В словарь включено 66 слов, которые записаны довольно точно, если учесть, что для записи использован обычный русский алфавит без дополнения его какими-либо специальными начертаниями или диакритическими знаками. Он содержит основные термины родства, числительные от 1 до 10 и 100, несколько десятков имен существительных и глаголов.

Словарь коптского языка значительно полнее и состоит из 316 слов. По-видимому, он был записан непосредственно в Египте со слов христиан-коптов. В отличие от других языков Африки, включенных в «Сравнительный словарь. . .», в записях коптских слов применены дополнительные начертания.

Словарь «по-арабски на острове Мадагаскаре» заслуживает особого внимания. Академик И. Ю. Крачковский упоминает о нем в своей работе, посвященной истории русской арабистики, как о словаре арабского языка.⁷ Наряду с коптским он самого полнее всех остальных словарей и содержит 313 слов. Вероятно, он был записан на восточном побережье Мадагаскара, где немало арабских поселений, — и, возможно, даже был записан арабскими буквами. Однако лица, дававшие сведения, говорили не по-арабски, а на малагасийском языке. Сравнение со словарем Флакура (XVII в.) и современным языком населения Мадагаскара доказывает, что словарь, обозначенный в академическом издании «по-арабски на острове Мадагаскаре», в действительности — малагасийский.

⁵ Сравнительный словарь всех языков и паречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., ч. I, 1790; ч. II—IV, 1791.

⁶ Булдич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 224—225; см. также: Крачковский И. Ю. Введение в эфопоэтическую филологию. Л., 1955, с. 84.

⁷ Крачковский И. Ю. Из истории русской арабистики. — Избр. соч., т. V, М., 1958.

Включенные в издание небольшие словарики языков Западного Судана не представляют особого интереса. В Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде удалось найти некоторые указания на их происхождение.⁸ Словарь языка фуль, состоящий из 95 слов, а также словари «по-ялофски в Нигриции» и «по-мандингински в Африке на реке Гамбии» составлены на основании словариков, опубликованных в описании путешествия Барбота. Сличение их с материалами, опубликованными в «Сравнительном словаре. . .», показало, что составители использовали французское издание этих трех словарей, помещенное во Всеобщей истории путешествий.⁹ Из словарей Барбота были выбраны те слова, которые предусматривались основным списком академического словаря. Словарик «по-фульски в Африке» записан среди фульбе районов Гамбии, Сенегала и Сьерра-Леоне, словарь ялофского языка содержит сведения об языке волофов — основного населения Республики Сенегал. Запись слов «мандингинского языка» дает представление об языке мандинго района Гамбии.

Источник почти всех остальных словариков языков Верхней и Нижней Гвинеи — замечательное исследование Ольдендорпа, изданное в 1777 г. Скромно названное «История миссии евангелических братьев на Караибских островах Св. Фомы, Св. Креста и Св. Яна», оно содержит географию, историю и описание экономики этих островов, где сотни рабов, вывезенных из Западной Африки, работали на сахарных и кофейных плантациях.¹⁰ В книге Ольдендорпа даны краткие записи по 25 африканским языкам, составленные им со слов рабов, захваченных в различных районах Африканского материка от Сенегала до устья Конго.

Словарь «по-ялункански» относится к языку народа ялонка, или ялунка, одного из народов группы манде. Словарики мапгреенского, соккского, акрипонского, аминского, аккимского, аккраанского, тамбинского, папааского, тембского, вавуского, ватьеского и кассенского языков собраны в пределах нынешних Ганы, Того и Дагомеи. Названия народов, говорящих на этих языках, встречаются на картах побережья Западной Африки XVII—XVIII вв.¹¹ Некоторые из них позднее исчезли. Записи «по-ибски» и «по-кабарски» несомненно относятся к языкам игбо (ибо) и языку населения Калабара нынешней Нигерии.

К числу языков семьи банту принадлежат словарики «по-лоангски», а также записи слов по-мандонгонски, камбски, кангски и конгски. Из языков Южной Африки в словарь включены записи «по-кафрски».¹²

Наконец, в «Сравнительном словаре. . .» приводится небольшой перечень слов готтентотского языка. Источник этих записей не вполне ясен. Песомненно, в XVIII в. какие-то сведения об этом весьма интересном языке были известны в России. Так, в книге Иоганна Гибнера «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии повелением Петра Первого на российском языке напечатано» мы находим упоминание об этом народе и его языке: «. . . в земле своей называются готтентотен, а говорят языком, подобно как у нас куры кричат».¹³

⁸ ГИБ, Рукоп. отд., ф. № 7 (фонд Аделупга).

⁹ Histoire générale des Voyages. T. IV, à la Haye, 1747.

¹⁰ O l d e n d o r p Chr. C. A. Geschichte der Mission der evangelischen Brüder auf den Caraiibischen Inseln St. Thomas, St. Croix und St. Jan. Barbv, 1777.

¹¹ Н е і г P. E. H. Ethnolinguistic Continuity on the Guinea Coast. — J. of African Hist., 1967, vol. VIII, p. 247—268.

¹² Источник последнего из них еще не удалось определить. Возможно, он был заимствован из книги Шпармана (S p a r g m a n n A. Reise nach dem Vorgebirge der Hoffnung. Berlin, 1784).

¹³ Г и б н е р И. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии повелением Петра Первого на российском языке напечатано. СПб., 1714, с. 381.

Несомненно, что, помимо этих сведений школьного характера, русские ученые того времени располагали и какими-то материалами. Хорошо известно, что Лейбниц, состоявший в переписке с Петром Первым, интересовался языком готтентотов и в собрании его сочинений есть записи этого языка. Источником его сведений были труды голландского ученого Николауса Витсена, посетившего южную оконечность Африки в 1691 г. В этих записях щелканья готтентотского языка передаются буквами «т» и «к»; впрочем, строгой последовательности в применении обоих знаков нет. В «Сравнительном словаре. . .» щелканья также передаются этими же буквами, но с добавлением апострофа. Такой способ обозначения щелкающих звуков встречается во многих работах того времени. Записи Витсена были опубликованы только в 1790 г., т. е. не могли быть учтены составителями «Сравнительного словаря. . .». Работы Лейбница, очевидно, были известны Ломоносову. В его бумагах имеется — правда, незаконченная — таблица «Числа сродственных языков», где перечислены русский, греческий, латинский и цемодкий языки, а затем в перечне «несродственных языков» упомянут и готтентотский.¹⁴

Хотя значительная часть африканских материалов, включенных в словарь, является всего лишь транслитерацией, т. е. перепиской различного рода списков, заимствованных из иностранных источников, все же не стоит преуменьшать значение этой работы. «Сравнительный словарь. . .» Российской Академии наук впервые в истории языковедения включил сведения по африканским языкам в материалы по всем языкам мира, собираемые с целью сравнительного их изучения. Издание «Сравнительного словаря. . .» было первой из подобного рода сводок и предшествовало аналогичным работам начала XIX в.

Среди бумаг архива академика Палласа в перечне словарей африканских языков находим упоминание о сумейльском словаре, переданном ему адмиралом Крузенштерном. Словарь удалось обнаружить в Государственной Публичной библиотеке среди бумаг Аделунга.¹⁵ Он оказался немецким переводом словаря, записанного в 1811 г. английским капитаном Сми, оставшимся не известным африканистам.¹⁶ Экземпляр, принадлежавший адмиралу Крузенштерну, содержит записи на трех языках — суахили, сомали и галла, — по 80 слов каждого. В отличие от словарей, записывавшихся по большей части миссионерами, словарь, составленный капитаном Сми, имеет чисто практический характер. В то время как первые обычно начинаются со слов «бог», «небо», «душа» и т. п., второй отражает интересы моряка: содержит прежде всего перечень продуктов питания, названия животных, обозначения года, месяца, недели и т. п.; глаголы — убивать, красть, драться, бояться, пить, есть, плавать и т. п.; имена существительные — бинокль, пистолет, мушкет, пушки, корабль, компас и т. п. — слова, обычно отсутствующие в записях путешественников, коммерсантов и духовных лиц.¹⁷

В общем можно отметить, что записи Сми — первый в истории изучения суахили словарь этого языка. Он намного превосходит по точности словарь суахили, опубликованный в книге Солта, который обычно указывается в библиографических справочниках.¹⁸

¹⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. 7. Труды по филологии. Л., 1952, с. 651.

¹⁵ ГПБ, Рукоп. отд., ф. № 123 (фонд Аделунга).

¹⁶ Публикацию словаря см.: Naval Chronicle, 1814.

¹⁷ Oldergo D. A. Eine Swahili-Wörterliste aus dem Jahre 1811 aus den handschriftlichen Materialien von Admiral Krusenstern. — In: Wort und Religion. Kalima na Dini. Marburg, 1969, S. 19—27.; Олдерго Д. А. Словарь языка суахили 1811 г. — ТИЭ, пов. сер., 1971, т. 96, с. 75—82.

¹⁸ См.: Олдерго Д. А. Указ. соч., с. 78.

В Государственном Историческом музее в Москве есть архив И. А. Гульянова, дипломата и почетного члена Петербургской Академии наук. Он сохранился полностью среди бумаг князя Барятинского.¹⁹ Гульянов интересовался дешифровкой египетского иероглифического письма и открытиями Шампольона, сам опубликовал несколько работ о иероглифах Гораполиона и о Дендерском зодиаке.²⁰ Среди прочих документов в архиве находится «Словари африканских языков и материалы к словарям». Они содержат выписки из различных изданий начала XIX в. — 112 листов большого формата.²¹

Около 30 листов занимают словарики языков разных народов Северо-Восточной Африки — амхара, тигре, агау, барса, харрари, галла, бипаринг, беджа, данакиль, шанкалла. Материалы архива Гульянова не имеют особой ценности, но свидетельствуют об интересе к изучению африканских языков в России, — возможно, в связи с открытиями Шампольона.

Существенно иной характер у словарных записей по языкам народов Центральной Африки, опубликованных русским путешественником географом В. В. Юнкером в 1889 г. Во время своих путешествий по Африке Юнкер собрал богатые этнографические коллекции, которые впоследствии были принесены им в дар Петербургской Академии наук и хранятся теперь в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР. Во время своего второго путешествия (1879—1886 гг.) Юнкер, помимо путевых записей и собирания коллекций, составил словари языков народов, живущих в верховьях Нила и Уэле. Многие из этих записей являются первыми сведениями по языкам Восточного Судана и северной части Конго. Лингвистические материалы Юнкера были опубликованы в единственном тогда специальном издании — «Журнале африканских языков», вышедшем в Берлине.²²

В записях Юнкера представлены словари языков а-мади, а-барамбо, а-занде, а-мангбетту (или медье) и а-бангба.

Каждый из словарей содержит по 1000 слов, систематизированных по группам в следующем порядке: существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и наречия. Кроме того, особо выделены этнонимы (самоназвания и обозначения племен на языках их соседей), названия растений и животных. В записях приводятся названия культурных растений, а также дикорастущих, которые в голодное время употреблялись в пищу. Названия животных, как домашних, так и диких, расположены также по определенной системе — различные виды антилоп, змей, птиц, обезьян, грызунов, рыб и т. д.

Помимо словарей упомянутых выше языков, Юнкер записал также словари языков майго-мунгу, момфу, а-гоббу, а-ндакко, а-кале с диалектами амбанго и апиа и языка а-бири. Словари эти содержат по 450 слов каждый, и лишь по языкам а-ндакко и а-бири записи насчитывают всего несколько десятков слов.

Все собранные Юнкером языковые материалы представляют большой интерес уже по одному тому, что являются первыми записями этих языков. До опубликования материалов Юнкера были известны лишь неболь-

¹⁹ Укажем на архив И. А. Гульянова я обязан профессору И. С. Кацнельсону, который во время работ по истории изучения древнеегипетского языка в России послал его в бумагах Барятинского.

²⁰ Д л в п и ц И. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном. — В кн.: Ж.-Ф. Ш а м п о л ь о н. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950, с. 231—232.

²¹ ГИМ, ф. 30, оп. 1, № 19, 21.

²² Ю н к е р W. Verzeichnis von Wörtern centralafrikanischer Sprachen. — Zs. für afrikanische Sprachen, Berlin, 1888—1889, Bd. II, S. 35—108.

шие словарики языка занде, собранные путешественниками Лонгом, Пезериком и Швейфургом. Однако ни один из них не имел возможности побывать непосредственно среди а-занде, и поэтому их сведения уступали записям Юнкера.

При собирании лингвистических материалов Юнкер пользовался составленным им самим алфавитом. Основа его — латиница, произношение букв — немецкое. Но так как звуковой состав языков Центральной Африки довольно богат и не мог быть точно передан латинским алфавитом, то Юнкер добавил к нему несколько букв кириллицы, а именно «ы», «ж», «з», «ъ». Следует отметить также, что во всех своих записях Юнкер тщательно отмечал ударения. К сожалению, он не обратил внимания на существование грамматического тона в этих языках, но это не может быть поставлено ему в упрек: в 80-х годах прошлого века изучение африканских языков еще не достигло той степени точности, которая требуется теперь.

Лингвистические записи Юнкера не утратили своего значения до сих пор. Языки исследованной им части Африки остаются до наших дней малоизученными, и по некоторым из них словари Юнкера до сих пор являются единственным источником.

В работах по сравнительному языковедению, изданных в России до Великой Октябрьской революции, африканские языки почти не упоминались.

Систематическое изучение африканских языков, на которых говорят народы Африки к югу от Сахары, началось в России только после Великой Октябрьской революции. Иначе обстояло дело с изучением языков Северной и Северо-Восточной Африки. Работы Шампольона по расшифровке древнеегипетских надписей возбудили живейший интерес в России к культуре древнего Египта. Открытия Шампольона, проблемы чтения египетских иероглифов оживленно обсуждались уже в самом начале XIX в.²³ Однако исследование древнеегипетского и коптского языков начали развиваться лишь во второй половине XIX в. в связи с открытиями в области истории Древнего Востока. Русская наука может по праву гордиться большими достижениями в области изучения древнеегипетского языка. Работы В. С. Голенищова и академика Б. А. Тураева создали прочную основу для дальнейшего развития египтологии в XX в., подобно тому как работы О. Б. Лемма в области исследования коптского языка наши продолжение в наше время.

Изучение языка и культуры Эфиопии началось в первую половину XIX в. Уже в 1829 г. молодой ученый (впоследствии академик) Б. А. Дорн начал преподавание языка геэз в Харьковском университете. Однако дальнейшее развитие эфиопской филологии, так же как и египтологии, связано с Петербургом.²⁴ Изучением культуры и языка древней Эфиопии занимались многие востоковеды, в числе которых следует упомянуть Порфирия Успенского, В. В. Болотова и Б. А. Тураева. Многие ученые начинали свою деятельность с изучения эфиопского языка, например известный гебраист и семитолог академик П. К. Коковцов и крупнейший знаток арабского языка и культуры академик И. Ю. Крачковский. Деятельность всех этих ученых дала возможность после Великой Октябрьской революции углубить и расширить изучение культуры и языка народов Эфиопии, которое теперь, в наши дни, уже не ограничивается рамками древней и средневековой Эфиопии, а включает также исследование современного государственного языка Эфиопии — амхарского.

²³ Об этом подробно см.: Л и в и ц И. Г. Указ. соч.

²⁴ Историю изучения языка и культуры Эфиопии см.: К р а ч к о в с к и й И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.

П. И. Борисковский, В. В. Соловьев

Новые материалы по каменному веку Гвинеи

За последние десятилетия из-под пера советских авторов вышел ряд исследований и обзоров, целиком или в своей значительной части посвященных каменному веку Африки и отдельных ее регионов.¹ В настоящей статье, представляющей собой в основном публикацию некоторых недавно открытых советскими исследователями местонахождений каменного века Западной Африки, мы стремимся продолжить это направление работ.

Каменный век Африки изучен очень неравномерно.² Если культуры каменного века, скажем, Южной и Северной Африки известны хорошо и представлены количеством первоклассных памятников, если каменный век Восточной Африки, особенно его самые начальные этапы, привлекает за последние годы пристальное внимание археологов, антропологов и геологов всего мира, то каменный век Западной Африки изучен плохо. Далекое не достаточно, в частности, изучен каменный век той природной области Западной Африки, которая нас здесь интересует, — Верхней Гвинеи.³ Эта обширная область омывается на западе и на юге водами Атлантического океана и Гвинейского залива и включает в основном территории следующих государств: Гвинейской Республики, Сьерра-Леоне, Либерии, Берега Слоновой Кости, Ганы, Того, Дагомеи. Названные страны изучены очень неравномерно. В Гане главным образом многолетние систематические исследования О. Девиса выявили значительное количество местонахождений каменного века.⁴ В результате

¹ Л ю б и н В. П. Нижний палеолит в районе Дакип—Коштампы. — В кн.: Древняя Нубия. М.—Л., 1964; В и н о г р а д о в А. В. Себильская культура в районе Дакип. — Там же; К р и г е р Н. И. Четвертичные отложения Африки и Персидской Азии. М., 1962; А л е к с е е в В. П., Ф а д с е в Л. А., Д е б е ц Г. Ф. [Рец. на рус. пер. кн.:] А л и м а н А. Доисторическая Африка. — СЭ, 1962, № 2; Ф а д с е в Л. А. Основные проблемы африканской археологии. — СЭ, 1962, № 3; Б е р з и н а С. Я. Древние культуры Мали и Гвинеи. (Обзор археологических исследований последних лет.) — ВДИ, 1965, № 1; С е м е н о в С. А. Obsidiановые ножи из погребений в кратере вулкана Нгоронгоро (Тапзани). — КСИА, 1972, № 134; Р а н о в В. А., Б у д а п о в В. И. Коллекция каменного века из Аравийской пустыни (АРЕ). М., 1973.

² С l a r k J. D. 1) Atlas of African Prehistory. Chicago—London, 1967; 2) The Prehistory of Africa. New York—Washington, 1970; O a k l e y K. P. Frameworks for Dating Fossil Man. 3 ed. London, 1969; A l i m e n H. Préhistoire de l'Afrique. Paris, 1955.

³ Имеется в виду область Западной Африки, охватывающая ряд современных государств, а не меньшая по площади территория одного из природных районов Гвинейской Республики, также носящая название Верхней Гвинеи (см. ниже).

⁴ D a v i e s O. 1) Archaeology in Ghana. Edinburgh, 1961; 2) West Africa before the Europeans. Archaeology and Prehistory. London, 1967; 3) Neolithic Cultures of Ghana. — AFRQ, 1962; 4) The Distribution of Old Stone-age Material in Guinea. — Bull. de l'Inst. Français d'Afrique Noire, Dakar, 1959, t. 21, № 1—2, ser. B, sciences humaines; 5) The Lower and Middle Paleolithic in West Africa. — Riv. di Scienze preist., 1964, vol. XIX, fasc. 1—4; 6) The Late Middle Stone Age Industry in Guinea. — Bericht über der V Intern. Kongress für Vor- und Frühgeschichte, Berlin, 1961.

целенаправленных работ ряда французских исследователей разъяснены некоторые важные проблемы каменного века Сенегала, расположенного к северо-западу от Верхней Гвинеи.⁵ А каменный век Гвинейской Республики, как и других стран, находящихся к западу и к востоку от Ганы, известен очень плохо. Следует учитывать также свойства местных почв и влажного тропического климата, из-за которых до нас не дошли ни палеоантропологические, ни фаунистические остатки. Естественно, что в таких условиях любой новый материал по каменному веку Гвинеи должен представлять значительный научный интерес.

Прежде чем перейти к характеристике публикуемых нами новых местонахождений каменного века, открытых на территории Гвинейской Республики, кратко остановимся на двух вопросах. Как рисуется на современном уровне знаний развитие культур каменного века в Западной Африке, и в частности в Верхней Гвинее? Что известно в настоящее время о каменном веке собственно Гвинейской Республики, каковы здесь ключевые, опорные памятники каменного века, сопоставление с которыми было бы важно для понимания новых гвинейских материалов?

Заселение Западной Африки не было непрерывным. Территория Верхней Гвинеи была заселена людьми в основном в течение сухих, межпluvизальных периодов. С влажными, пluvизальными периодами связано распространение густых тропических лесов, в глубь которых людям каменного века было очень трудно, часто невозможно проникать.⁶ Следует отметить и то, что на всей огромной территории Западной Африки на протяжении каменного века не были представлены одновременно одни и те же культуры. Имели место локальные различия, более четко выраженные в позднем палеолите, мезолите и особенно в неолите.

Нельзя умолчать и о том, что в Западной Африке совершенно отсутствуют палеонтологические местонахождения с остатками виллафриканской и плейстоценовой фауны.⁷ Мы склопны объяснить это разрушением таких местонахождений в условиях тропического климата, ибо каменные орудия, относящиеся к этим эпохам, здесь сохранились, хотя и в небольшом количестве, и до нас дошли.

В Западной Африке достаточно отчетливо представлены начальные этапы развития палеолита: оддувайский (культура оббитых галек, дошелль), древнеашельский (аббевиль, шелль), средне- и позднеашельский (ашель). Они образуют «ранний каменный век Африки». Их синхронизируют с кагерской, камасской и канжерской эпохами четвертичного периода Африки и с самым началом гемблейской эпохи.⁸ Правда, эти этапы представлены главным образом находками каменных изделий на современной поверхности земли. Только в отдельных случаях их удается связать с древними речными террасами и геологически датировать. Фаунистические остатки во всех случаях отсутствуют, как отсутствует и nepотревоженный палеолитический культурный слой.⁹ Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет пока определить какие-либо

⁵ V a u f r e y R. Le néolithique de tradition capsienne au Sénégal. — Rivista di Scienze Preistoriche, 1946, vol. I; R i c h a r d R. Le Toumbien du Cap Manuel Est (Dakar). Hypothèses sur l'évolution des industries Toumbiennes en AOF. — Bull. de la Soc. Préhist. Franç., 1957, t. 54, № 9; H u g o t H. J. Le paléolithique terminal dans l'Afrique de l'Ouest. — BEA, 1967; D e s c a m p s C. Recherches sur l'ancienneté de la présence humaine dans l'Extrême-Ouest Africain. — Proc. of the VIII Intern. Congress of Anthropol. and Ethnol. Sciences, Tokyo, 1970, vol. III.

⁶ D a v i e s O. 1) West Africa. . . ; 2) The Lower. . .

⁷ C l a r k J. D. Atlas of African Prehistory.

⁸ O a k l e y K. P. Op. cit.; C l a r k J. D. Atlas of African Prehistory; К р и г е р Н. И. Указ. соч.

⁹ C l a r k J. D. Atlas of African Prehistory.

специфические локальные особенности этих начальных этапов палеолита Западной Африки, отделяющие его в той или иной мере от палеолита других частей континента. Олдувайская эпоха, как и всюду, представлена грубо оббитыми галечными орудиями, примитивными несваллаузскими отщепами и примитивными кубовидными и шаровидными нуклеусами. В древнем, среднем и позднем ашеле сюда присоединяются типичные рубила, бифасы, сначала более грубые, потом более тщательно оббитые, столь же многочисленные кливеры (cleavers), чопперы и чоппинги. Местонахождения вовсе без рубил и кливеров, но с многочисленными отщепами, чопперами и чоппингами, которые можно было бы сопоставить с местонахождениями известной соанской культуры Пакистана и Индии, в литературе не отмечены, но это, быть может, связано со слабой документированностью всех местонахождений. Без отчетливой геологической датировки, без фаунистических остатков древнепалеолитических местонахождений, не давшие выразительных рубил и кливеров, могли вообще не привлечь к себе внимания или быть отнесены к более поздним эпохам.

Поздний ашель сменяется в Верхней Гвинее вырастающей из него культурой санго, примерно одновременной культуре форсмис Южной Африки и поздней мустьерской культуре Европы. Согласно принятой для большей части Африки, расположенной к югу от Сахары, периодизации, культуры санго и форсмис относятся к «первому промежуточному периоду», отделяющему «ранний каменный век Африки» от «среднего каменного века». Последний синхронен в основном мустьерской эпохе и позднему палеолиту Северной Африки и Европы.¹⁰ Геологически культура санго синхронизируется с сухим колебанием, имевшим место в начале гемблейской эпохи. Дата культуры санго Западной Африки — 46 000—37 000 лет назад.¹¹

Наиболее распространенным и характерным орудием культуры санго является сделанная из гальки массивная удлиненная кирка (pick), оббитая с обеих поверхностей грубыми сколами. Она интерпретируется обычно как орудие рубки и обработки дерева, связанное с жизнью в лесистых районах. В небольшом количестве в санго встречаются рубила, бифасы древнеашельских и позднеашельских типов, а также кливеры, сделанные из отщепов. Налицо разнообразные скребла и крупные скребки, отщепы, в том числе иногда и леваллуазские, нуклеусы разных типов, в частности дисковидные и пирамидальные.¹²

Санго сменяется в Западной Африке культурой калин и непосредственно вырастающей из нее культурой лупемб, имеющей гораздо большую продолжительность и гораздо большую значимость.¹³ Они относятся к «среднему каменному веку Африки», датируются примерно 37 000—14 000 гг. до н. э. и одновременны большей части гемблейской эпохи.

Калинская и лупембская техники по многим напоминают технику санго. Но кирки здесь гораздо более тщательно обработаны. Встречаются оббитые узкие топоры, обычные тоесла и долота с параллельными краями и с поперечным лезвием на конце. Немногими экземплярами представлены рубила, бифасы, кливеры. Палицо скребла, крупные скребки, острия, отбойники, наковальни. Много дисковидных и пирамидальных нуклеусов, отщепов с фасетированными ударными площадками. Хорошо выра-

¹⁰ Clark J. D. Carbon 14 chronology in Africa South of the Sahara. — APFQ, 1962; Bordes F. Le paléolithique dans le monde. Paris, 1968; Кригер Н. И. Указ соч.

¹¹ O'Kelly K. P. Op. cit.; Clark J. D. The Prehistory of Africa.

¹² Davics O. 1) West Africa. . . ; 2) The Lower. . .

¹³ Ряд последователей термин «калин» заменяет термином «ранний лупемб».

жена техника леваллуа. Наконец, отмечены отсутствующие в санго сравнительно небольшие узкие листовидные накопечники копий, тщательно отретушированные с обеих поверхностей.¹⁴

В Северной Африке характернейшей палеолитической культурой, одновременной лудембской Западной Африки, является атер. Он широко распространен и на западе Африки, к северу от 15° с. ш. (Мавритания, Мали). По к югу от 15° с. ш., на территории Верхней Гвинеи, атер с типичными для него наконечниками с черешком отсутствует.¹⁵

В Западной Африке к концу «среднего каменного века» и ко «второму промежуточному периоду», отделяющему «средний каменный век» от «позднего каменного века», относятся своеобразные мустьероидные индустрии, рассматриваемые Юго и Дескампом в качестве принадлежащих финальному палеолиту.¹⁶ Эти мустьероидные индустрии особенно интересны для нас, ибо, как мы увидим впоследствии, инвентарь гвинейских местонахождений, которым посвящена настоящая статья, имеет много хорошо выраженных мустьерских черт. Дескамп, скептически относящийся к возможности уверенно датировать древним палеолитом и началом позднего палеолита архаичные, но не имеющие геологического подкрепления комплексы каменных изделий крайнего запада Африки (Сенегал), считает мустьероидные индустрии финального палеолита и мезолита самым древним пластом культур каменного века из обнаруженных на этой территории.¹⁷ Он датирует их, вслед за Юго, примерно 10 000—5000 гг. до н. э. В некоторых местонахождениях Сенегала, как показал Юго,¹⁸ эти мустьероидные индустрии залегают в четких стратиграфических условиях.

Для мустьероидных индустрий Западной Африки характерны техники леваллуа и мустьерская, дисковидные нуклеусы и иногда леваллуазские, многочисленные отщепы с фасетированными ударными площадками, скребки, скребки, зубчатые орудия, листовидные бифасы, удлиненные кирки, оббитые лишь в одной поверхности.

Перейдем теперь к собственно неолиту Верхней Гвинеи. В этой связи прежде всего следует назвать типичные микролитические памятники.¹⁹ Они здесь довольно широко распространены, хотя встречаются далеко не везде.²⁰ В ряде пещер в Гане и Нигерии большие серии микролитов — трапеции, сегменты, миниатюрные пластинки с затупленным краем и скребки — найдены в непотревоженном культурном слое и даже имеют отдельные радиоуглеродные даты. Часть микролитов Верхней Гвинеи и вообще Западной Африки не сопровождается шлифованными каменными орудиями и керамикой и, вероятно, восходит к финальному плей-

¹⁴ Davies O. 1) West Africa. . . ; 2) The Lower. . . ; O a k l e y K. P. Op. cit.

¹⁵ H u g o t H. J.; Op. cit. — Деспс, правда, отмечает атерские вкладыши в каменном веке Верхней Гвинеи (D a v i e s O. West Africa. . .). По среди многочисленных опубликованных им рисунков каменных изделий ни один не подкрепляет это утверждение и не воспроизводит атерский или близкий атерскому наконечник, который был бы найден южнее 15° с. ш. Поэтому мы все же следуем тут за Юго, Дескампом и другими авторами.

¹⁶ H u g o t H. J. Op. cit.; D e s c a m p s C. Op. cit.; D a v i e s O. The Late Middle. . .

¹⁷ D e s c a m p s C. Op. cit.

¹⁸ H u g o t H. J. Op. cit.

¹⁹ C l a r k J. D. 1) The Problem of Neolithic Culture in Subsaharan Africa. — BEA, 1967; 2) The Prehistory of Africa; W i l l e t t F. The Microlithic Industry from Old Oyo, Western Nigeria. — APPQ, 1962; S h a w C. T. Report on Excavations Carried out in the Cave Known as «Bosumpra» at Abetifi, Kwahu Gold Coast colony. — Proc. of the Prehist. Soc., n. s., 1944, vol. X; F a g g B. Preliminary Report on a Microlithic Industry at Rop Rock shelter, Northern Nigeria. — Ibid.

²⁰ H u g o t H. J. Op. cit.

стоцену, ко времени, переходному от позднего палеолита к мезолиту. В Иво Элеру, в Западной Нигерии, они имеют радиоуглеродные даты 9250 ± 200 и 7200 ± 150 лет до н. э.²¹ Значительная же часть микролитов с этих территорий сопровождается шлифованными каменными орудиями и керамикой, относится к неолиту и продолжает существовать вплоть до раннего железного века.

Рассматривая неолит Западной Африки, мы сталкиваемся с проблемой культуры тумба. Как известно, она была выделена на материалах, относящихся к Конго Менгином в 1925 г.²² Термин «культура тумба» («тумбьен», «тумбийская культура») получил широкое распространение и признание для обозначения различных послешельских палеолитических и неолитических культур африканских территорий, расположенных к югу от Сахары. Эти культуры были связаны с жизнью в лесах и характеризуются большим количеством массивных, грубых, оббитых с обеих поверхностей рубящих орудий — рубил, бифасов и кирок.²³ Однако данный термин отражал состояние изученности каменного века Центральной и Западной Африки, каким оно было несколько десятков лет назад. В настоящее время подавляющим большинством исследователей каменного века Африки он отброшен как устаревший и ошибочный и встречается в отдельных работах лишь в виде случайного анахронизма. Мортельманс справедливо указывает, что культура тумба была искусственно сконструирована Менгином из хранившихся в музеях разновременных перемешанных подъемных материалов, не имеющих никакого стратиграфического подкрепления.²⁴ Часть тумбийских материалов в действительности относится к культуре санго с ее бифасами и кирками, часть — к культуре лупемб, большинство — к неолиту, характеризующемуся здесь широким распространением удлиненных кирок, оббитых с обеих поверхностей.

Неолит Верхней Гвинеи, помимо уже упоминавшихся нами микролитических комплексов, представлен многочисленными местонахождениями, стоянками и пещерами. Не только в пещерах, но и на некоторых стоянках, расположенных под открытым небом, неолитические изделия залегают в непотревоженном состоянии, в отчетливых стратиграфических условиях, в почвенном слое над латеритовым галечником. Иногда они располагаются над палеолитическими или мезолитическими изделиями. Неолитические памятники Верхней Гвинеи доставили большое количество овальных и удлиненных, оббитых с обеих поверхностей кирок и мотыг, но с подшлифованным лезвием, крупных пластин, отщепов, скребел. Иногда сюда присоединяются сплошь отшлифованные топоры, тесла и мотыги, маленькие, тщательно отретушированные наконечники стрел, просверленные в центре каменные диски, орнаментированная керамика.²⁵ Неолит Верхней Гвинеи, как мы уже указывали, неоднороден. Микролиты сосуществуют с очень различными комплексами, в которых доминируют грубо оббитые кирки. Орнаментированная керамика тоже различна.

После краткой характеристики общего западноафриканского археологического фона, на котором следует рассматривать интересующие нас памятники, остановимся столь же кратко на состоянии изученности

²¹ Clark J. D. The Problem of Neolithic. . .

²² Богословский Б. Л. Доистория и этнология в работах профессора Освальда Менгина. — Человек, 1928, № 2—4.

²³ Allimen П. Op. cit.; Алимап А. Доисторическая Африка. М., 1960.

²⁴ Mortelmans G. Vue d'ensemble sur la Préhistoire du Congo occidental. — APPO, 1962; см. также: Oakley K. P. Op. cit.

²⁵ Davies O. 1) West Africa. ; 2) Neolithic Cultures of Ghana; Clark J. D. The Problem of Neolithic. . .

каменного века Гвинейской Республики и на ранее открытых опорных памятниках этой страны.

Каменный век территории Гвинейской Республики изучен весьма слабо. Это констатировала Алимен в своем большом обобщающем труде, опубликованном в 1955 г.²⁶ В «Атласе африканской доистории» Кларка, вышедшем в 1967 г., на территории Гвинейской Республики отмечено только 4 палеолитических местонахождений и 21 неолитическое.²⁷ Почти все они сосредоточены на западе страны, в 200—220 км от г. Конакри. Наиболее обширная, восточная часть археологически совершенно не исследована. Большинство этих памятников было охарактеризовано еще в 1939 г. в статье Делькруа и Вофрея.²⁸ Но если количество памятников, известных на территории Гвинейской Республики, очень незначительно, то в то же время многие из них являются пещерными и доставили непереотложенный материал, залегающий в слое. Литература, специально посвященная каменному веку Гвинейской Республики, ничтожна и почти исчерпывается названной статьей Делькруа и Вофрея, тремя страницами в книге Алимен,²⁹ несколькими страницами в книге Девиса³⁰ и двумя страницами о гроте Какимбон близ Конакри.³¹

Ашель представлен в Гвинейской Республике несколькими сделанными на поверхности земли случайными находками бифасов, скребел и отщепов.³² Датировка их не бесспорна. Находки, которые можно было бы отнести к культуре санго, не известны.³³ «Средний каменный век Африки», в том числе лупембская культура и мустьероидные индустрии, тоже представлен случайными находками на поверхности.³⁴ Подавляющее же число памятников каменного века Гвинейской Республики, в частности все известные там до сих пор пещеры, отнесены их исследователями к культуре тумба.³⁵ В данном случае речь идет, как мы увидим, о неолите.

Во всех этих пещерах, как и на стоянках под открытым небом, отсутствуют (не сохранились) фаунистические остатки и изделия из кости. Археологический инвентарь — только камешные изделия и в некоторых случаях керамика. Интересно замечание Делькруа и Вофрея, что в данном районе вследствие очень сильного окисляющего действия атмосферы роговики, породы обычно черно-зеленоватого цвета, раскалывающиеся подобно кремню, приобрели очень различную коричневатую патину, а их поверхность подверглась более или менее глубоким видоизменениям, в результате чего края сгладились и замаскировали идентичность исполь-

²⁶ Alimen H. Op. cit., 275.

²⁷ Clark J. D. Atlas of African Prehistory, p. 39. — Укажем для сравнения, что в этом же атласе (с. 33—46) для Гапы отмечено 894 памятника каменного века (бесспорно — результат многолетней постолшпой работы в Гане Девиса), для Дагомеи — 39, для Либерии — ни одного, для Нигерии — 176. Эти цифры отражают, разумеется, не столько густоту населения в различных частях Верхней Гвинеи на протяжении каменного века, сколько степень археологической изученности названных стран. Сопоставление этих цифр показывает, сколь широки перспективы поисков памятников каменного века на территории Гвинейской Республики.

²⁸ Delcroix R., Vaufreu R. Le Tombien de Guinée Française. — L'Anthropologie, 1939, t. 49, № 3—4.

²⁹ Alimen H. Op. cit., p. 275—277.

³⁰ Davies O. West Africa. . . , p. 214—215.

³¹ Hamy M. E. T. La grotte de Kakimbon à Rotoma près Konakry. — Congrès Intern. d'Anthropol. et d'Archéol. préhist., compte rendu de la XII scss. 1900, Paris, 1902; Jelinck J., Pelisek J., Valoch K. La grotte de Kakimbon en République de Guinée. — Bull. de la Soc. Préhist. Franç., 1965, t. LXI, fasc. 2.

³² Davies O. West Africa. . .

³³ Davies O. The Distribution of Old Stone-age Material. . .

³⁴ Davies O. 1) West Africa. . . ; 2) The Lower. . .

³⁵ Delcroix R., Vaufreu R. Op. cit.

зуюемого сырья.³⁶ Это замечание, как мы увидим, целиком применимо к новым коллекциям гвинейских каменных изделий, публикуемых в настоящей статье. Сходное явление — сильное изменение цвета расколотого в древности базальта, сопоставимое с патинизацией палеолитических кремней, — можно наблюдать на изделиях каменного века, происходящих из ряда местонахождений Вьетнама и Индии.³⁷

Одним из наиболее выразительных памятников каменного века Гвинейской Республики является грот Какимбон (рис. 1, 1). Он раскапывался

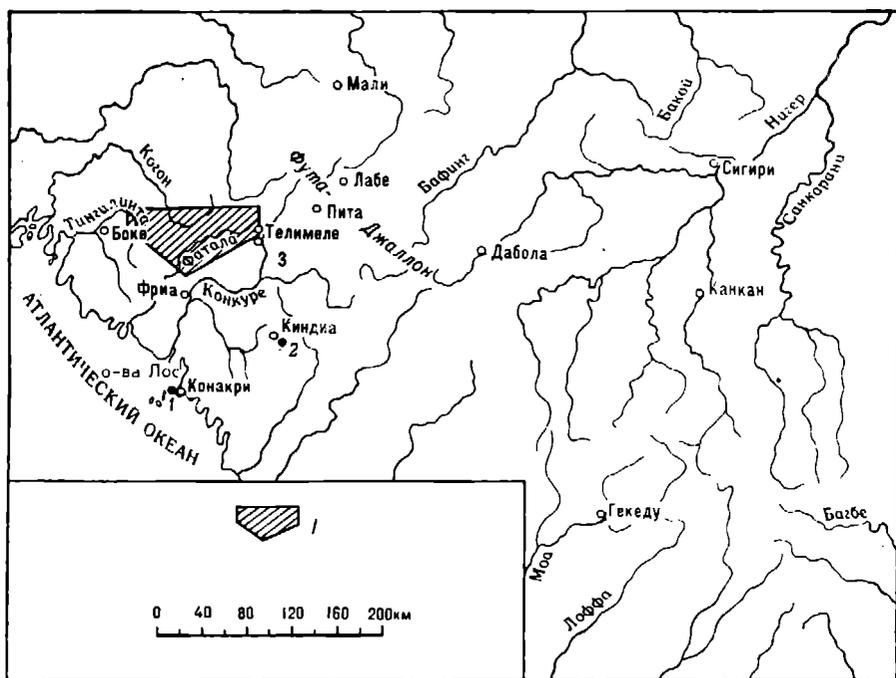

Рис. 1. Район археологических исследований в Гвинее.

1 — район археологических исследований 1969—1970 гг. Местонахождения, изученные в предшествующие годы: 1 — Какимбон; 2 — Сагга; 3 — Уалиа.

в конце XIX в. французскими колониальными чиновниками, неспециалистами; материалы их раскопок были обработаны и опубликованы Амн и Брейлем.³⁸ В 1961 г. раскопки в Какимбон продолжили при участии сотрудников Национального музея в Конакри чехословацкий антрополог Елинек. Археологические материалы его раскопок были обработаны и опубликованы исследователем каменного века Валохом.³⁹ Инвентарь грота Какимбон характеризуется смешением редких элементов развитого неолита с довольно многочисленными изделиями более архаичного облика. Первые представлены единичными обломками орнаментированной керамики и единичными топорами, отшлифованными целиком или только у лезвия; вторые — грубо оббитыми с обеих поверхностей кирками, мотыгами и теслами, примыкающими к киркам бифасами, которые порой

³⁶ Ibid.

³⁷ Борисковский П. И. 1) Пернеобитное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966, с. 54; 2) Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, с. 141.

³⁸ Пашу М. Е. Т. Op. cit.; Breuil H. L'Afrique préhistorique. — Cahiers d'art, Paris, 1930, № 5.

³⁹ Jelínek J., Pelíšek J., Valoch K. Op. cit.

имеют аншельский облик, дисковидными, а иногда пирамидальными нуклеусами, отщепами и пластинами, отколотыми от подобных нуклеусов, скреблами, скребками, остриями, орудиями с затупленным краем и зубчатыми орудиями, изготовленными из отщепов и пластин. Микролиты отсутствуют. Встречаются единичные изделия, напоминающие чопперы и чоппинги; они, впрочем, тесно примыкают к нуклеусам. Отдельные плоские листовидные бифасы, возможно, служили наконечниками копий. Мелкие наконечники стрел, листовидные и других типов, отсутствуют.

Близ Конакри, помимо грота Какимбон, известно еще не менее трех местонахождений под открытым небом, где найдены оббитые кирки и мотыги, топорики с подшлифованным лезвием и просверленные в центре диски, вероятно надевавшиеся на копательные палки для их утяжеления.⁴⁰

Другая группа пещер и стоянок (не менее 15) расположена примерно в 80 км к северо-востоку от Конакри, недалеко от г. Киндиа, в бассейне правых притоков р. Коленте. Раскапывал их в 30-х годах Делькруа.⁴¹ Наиболее многочисленный и выразительный материал обнаружен в пещере Санта, названной французскими исследователями Гротом Обезьян (рис. 1, 2). Здесь было найдено 615 массивных рубил длиной 6—13 см с зигзагообразным или сравнительно прямым рабочим краем; часть из них напоминает древнепалеолитические рубила Южной и Восточной Африки. К ним примыкают унифасы (или «проторубила») — рубилovidные орудия, оббитые грубыми сколами лишь с одной поверхности (5 экз.). Значительным количеством (40 экз.) представлены оббитые с обеих поперек кирки, топорики и долота, по очертанию близкие к прямоугольнику. У некоторых из них лезвие подправлено шлифовкой. Еще больше (42 экз.) дисковидных нуклеусов и примыкающих к ним дисков; многие из них мустьерского облика. Четыре топорика сплоснь отшлифованы. Найдены отщепы и пластины, иногда превращенные с помощью ретуши в скребла, скребки, острия, орудия с затупленным краем, песты, обломок шлифованного браслета, орнаментированная керамика. Резко отличается Грот Обезьян от Какимбон наличием довольно крупных трапециевидных наконечников стрел с поперечным лезвием; размеры их 2,6—5,1 × 1,7—5,4 см.

Другие пещеры и стоянки окрестностей Киндиа дали каменный инвентарь, сходный с обнаруженным в Гроте Обезьян и, пожалуй, еще резче отличающийся от такового в Какимбон. Здесь много крупных трапедий, скреблышек (*raclettes*) — небольших подчетыреугольных орудий из сечений пластин, обработанных по нескольким краям кругой ретушью, встречаются сегментовидные орудия. Налицо также рубила, кирки, дисковидные нуклеусы, пластины и острия с затупленным краем, просверленные в центре диски, надевавшиеся на копательные палки, орнаментированная керамика.

Исключена возможность того, что Елинек при раскопках Какимбон не обратил внимания на микролиты и близкие к ним трапециевидные наконечники и скреблышки. Быть может, названные орудия являются специфической особенностью неолитических стоянок окрестностей Киндиа.

Примерно в 100 км к северу от г. Киндиа, близ г. Телимеле, в самом начале XX в. открыто местонахождение Уалиа (рис. 1, 3). Делькруа и Вофрей отмечают, что происходящий отсюда каменный инвентарь обнаруживает сходство с инвентарем из Какимбон. Но имеются также отсут-

⁴⁰ Davies O. *West Africa*. . . , p. 214.

⁴¹ Delcroix H., Vaufray R. *Op. cit.*

ствующие на других гвинейских стоянках немногочисленные листовидные и треугольные наконечники стрел, обработанные с обеих поверхностей.

Примерно в 65 км к востоку от г. Телимеле, близ г. Пита (рис. 1), находится еще группа скальных навесов и стоянок, относящихся к каменному веку. Инвентарь их напоминает находки в местонахождении Уалиа. Здесь представлены оббитые топоры, нередко с отшлифованным лезвием, дисковидные нуклеусы и диски, пластины и отщепы, пластинки с затупленным краем, наконечники стрел разных типов (трапециевидные с поперечным лезвием, листовидные и треугольные, отретушированные с обеих поверхностей, и др.), просверленные шаровидные камни, терки, полировальники, шлифовальные браслеты, орнаментированная керамика. Заслуживает упоминания находка в скальном навесе Пете Лалиа крупных сегментовидных орудий с затупленным выпуклым краем, достигающих в длину 5—8 см. Сходные местонахождения известны и дальше к северу страны, уже недалеко от границ Сенегала и Мали.⁴²

Мы видим, таким образом, что памятники каменного века Гвинейской Республики весьма немногочисленны. К ним присоединяется теперь группа местонахождений под открытым небом, обнаруженная В. В. Соловьевым в 1969—1970 гг., во время полевых работ Советской геологической экспедиции.

Полевые геологические исследования проводились на территории Средней Гвинеи (рис. 1, I). Открытие и описание местонахождений каменного века осуществлялись не планомерно и систематически, а попутно с геологическими и геоморфологическими наблюдениями. Это обстоятельство обусловило известную неполноту сборов коллекции. Были отобраны главным образом типичные и характеризующие, на наш (В. С.) взгляд, каждую серию однородных изделий экземпляры, а в связи с транспортными затруднениями наиболее крупные, грубо обработанные изделия вообще не брались.⁴³

В ходе работ 1969—1970 гг. большую помощь в сборе каменного инвентаря оказали гвинейский геолог Б. Диалло, проходивший стажировку в Советской экспедиции, и геологи В. А. Иванов и А. В. Куликов.

После завершения полевых работ часть археологической коллекции через Б. Диалло была передана в систему Геологической службы Гвинеи в г. Конакри. Предварительные результаты археологических наблюдений по вновь открытым местонахождениям были доложены на научной конференции Политехнического института Конакри и опубликованы в виде отдельной статьи.⁴⁴

Настоящая публикация является продолжением начатых ранее исследований и итогом систематического изучения собранного в Гвинею каменного материала.

Археологическое описание мы сопроводили более или менее расширенной характеристикой общих природных условий, уделив значительное внимание геологическим, морфоструктурным и геоморфологическим ас-

⁴² Delcroix R., Vaufrey R. Op. cit.; Davies O. West Africa... p. 214—215.

⁴³ Участие В. В. Соловьева, одного из авторов данной статьи, в начале 50-х годов в полевых работах по каменному веку Приморья, проводившихся под руководством А. П. Окладникова, позволило ознакомиться с палеолитической и неолитической техникой и существенно помогло в обнаружении и обследовании гвинейских стоянок каменного века.

⁴⁴ Kagarnov A. Ch., Solovjev V. V., Koulikov A. V., Di-allo B. Trouvailles récentes des outils de l'âge de la pierre au Foutah-Djallon (République de Guinée, Inst. Polytechnique de Konakry). Konakry, 1970.

пектам. Последнее, как представляется, может оказать определенную помощь и при решении чисто археологических вопросов.

Плуже излагается сжатая ландшафтно-географическая характеристика Гвинеи, затем в более расширенном объеме приводятся сведения о ее геологическом строении и морфоструктурных особенностях, определивших основные геоморфологические черты территории, и наконец дается систематическое описание основных местонахождений, их точная привязка и главнейшие особенности распределения каменных орудий.

Гвинейская Республика граничит с Сенегалом, Мали, Берегом Слоновой Кости, Либерией и другими странами. Ее природные условия близки к таковым в названных государствах и характерны для всего западно-экваториального региона.

Специфика природных условий рассматриваемой территории, расположенной всего в 8—12° севернее экватора, определяется принадлежностью к влажному тропическому поясу с четко выраженным чередованием сухих и влажных сезонов года. Тепло и влага, в избытке имеющиеся здесь, служат теми могучими факторами, которые обуславливают своеобразие развития растительности и животного мира, а также процессов литогенеза.

Однако даже в, казалось бы, однообразную тропическую обстановку существенные коррективы вносит рельеф, выполняющий функции локального регулятора климата и растительности.

Те различия, которые намечаются в климатической обстановке и ландшафтных чертах отдельных частей Гвинейской Республики, определяются в первую очередь орографическими особенностями этой страны.

По характеру рельефа, а соответственно и ландшафтно-географическим критериям, в пределах рассматриваемой территории Гвинейской Республики четко выделяются четыре крупных природных района: Низкая Гвинея, Средняя Гвинея, Лесная Гвинея и Верхняя Гвинея.

К Низкой Гвинее относится низменная приморская равнина, вытянутая широкой (от 30 до 120 км) полосой вдоль Атлантического побережья. Здесь в значительной мере разгружается аллювиальный материал, приносимый реками из более высоких внутренних районов Гвинеи. Изрезанная многочисленными мелкими заливами болотистая прибрежная равнина покрыта мангровыми зарослями. Это наиболее влажная часть Западной Африки с максимумом выпадения осадков (июль) до 1300 мм. Круглосуточно удерживается высокая температура, не опускающаяся ниже 25—26° С в самые «холодные» месяцы.

Климатическая обстановка в Низкой Гвинее крайне неблагоприятна для нормальной жизнедеятельности и тяжело переносится даже местным населением.

Средняя Гвинея, к которой относится массив Фута-Джаллон, наоборот, наиболее удобна для жизни и ведения хозяйства (скотоводство и экстенсивное земледелие).

Значительные высоты рассеченных долинами рек столовых гор и плато (800—1000 м) определяют относительно невысокие среднемесячные температуры воздуха (с минимумом до +12—20° С). Наряду с выровненностью рельефа хозяйственному освоению района способствует и преимущественно травянистая растительность типа лесной саванны.

Средняя плотность населения на Фута-Джаллоне достигает 20 человек на 1 кв. км, что значительно выше плотности населения в других районах Гвинейской Республики. Есть основания полагать, что и в далеком прошлом условия для заселения человеком этой площади были оптимальными. Не случайно именно территория Фута-Джаллона входила

в состав древнейших экваториальных государств Ганы, а затем Мали (IX—XIII вв.).

Лесная Гвинея располагается в пределах горных гряд и массивов Северогвинейской возвышенности (максимальная высота 1752 м — вершина Нимба). Здесь широко распространены ландшафты тропического леса типа гилей. Высокая влажность, глубоко расчлененный гористый рельеф и буйная растительность определяют достаточно суровые условия жизни в этом районе.

Верхняя Гвинея⁴⁵ представляет собой лесную саванну высоких равнин бассейна верхнего течения Нигера. Климат здесь несколько более засушлив, чем в других природных районах Гвинейской Республики, и характеризуется значительными перепадами температур по сезонам.

Сведения о геологическом строении Гвинеи в зарубежной библиографии чрезвычайно отрывочны, а в отечественной — весьма немногочисленны, ограничиваются отдельными статьями по частным вопросам. Наиболее полно и систематизированно информация по этой проблеме изложена в монографии Б. М. Михайлова,⁴⁶ которая может быть использована как основа для общегеологических описаний.

В геоструктурном отношении рассматриваемая территория относится к древней Африканской платформе, кристаллическое основание которой представлено глубоко метаморфизованными породами и магматическими образованиями архея и протерозоя. Платформенный чехол сложен осадочными толщами позднего протерозоя — палеозоя. Мезозойско-кайнозойские осадки имеют ограниченное развитие.

На большей части территории Гвинейской Республики на дневную поверхность непосредственно выходят породы фундамента Либерийского щита (разнообразные граниты, гранито-гнейсы, диориты, андезиты).

Осадочный чехол платформы, представленный субгоризонтально залегающими песчаниками, кварцитами и конгломератами позднепротерозойско-палеозойского возраста, развит главным образом на западе, северо-западе и севере территории.

Мезозойская эпоха тектоно-магматической активизации, сопровождавшаяся интенсивными глыбовыми движениями, предопределившими обособление Африканской платформы, сопровождалась внедрением пород долеритовой формации. Внедрение мезозойских даек и обширных силлов привело к образованию значительных зон приконтактовых изменений во вмещающих толщах. Забегая вперед, отметим, что из орогоникованных и других контактовоизмененных пород и долеритов было изготовлено подавляющее число древних каменных орудий.

Центры мезозойско-кайнозойского осадконакопления приурочены преимущественно к районам Северо-Западной Африки, не имея сколько-нибудь существенного значения на рассматриваемой территории.

Аккумуляция четвертичных отложений ограничена преимущественно речными долинами, по которым развита серия скульптурно-аккумулятивных террас, еще очень слабо изученных и датированных весьма приблизительно. Стратиграфическое подразделение плиоцен-четвертичных отложений основано на признании закономерной смены во времени плювиальных и аридных эпох. Шнелль, исходя из анализа флористических остатков, выделил три периода: I (древний) — влажный, II — ксерофильный и безлесный, III — вновь влажный.⁴⁷

⁴⁵ Речь здесь идет о Верхней Гвинее в узком смысле слова, как об одном из природных районов Гвинейской Республики.

⁴⁶ Михайлов Б. М. Геология и полезные ископаемые Либерийского щита. — Тр. ВСЕГЕИ, М., 1969, пов. сер., № 17.

⁴⁷ Sch nell R. Végétation et flore des Monts Nimba. Paris, 1949.

Попытка более дробного расчленения четвертичных отложений с выделением основных стратиграфических подразделений предпринята в упомянутой монографии Г. М. Михайлова и статье Ю. П. Селиверстова.⁴⁸

Несмотря на ограниченное распространение мезозойско-кайнозойских отложений на рассматриваемой территории, эра их накопления имела существенное значение в геологической истории Африки. На ее протяжении происходило формирование мощных бокситоносных кор выветривания, образование своеобразного железистого панциря — кирасы, часто бронирующего с поверхности разнообразные отложения и формы релье-

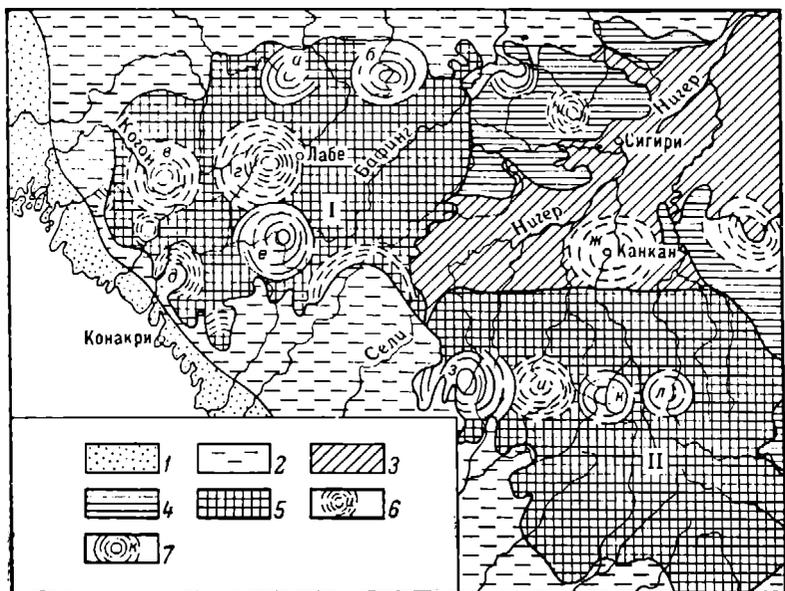

Рис. 2. Схематическая карта морфоструктур Гвинеи.

1 — зона погружений; 2 — стабильные и относительно погружающиеся блоки земной коры; 3 — слабо поднимающиеся блоки земной коры; 4 — умеренно поднимающиеся блоки земной коры; 5 — интенсивно поднимающиеся блоки земной коры; 6 — морфоструктуры центрального типа средисахарского заложения; 7 — морфоструктуры центрального типа мезозойского заложения. Своды: I — Фута-Джаллон; II — Южногвинейский. Морфоструктуры центрального типа: а — Мали; б — Куада-Ко; в — Сагареди; г — Лабе; д — Киндья; е — Маму; ж — Кашкаи; з — Джолиба-Бафи; и — Кисядугу; к — Банан-коро; л — Кониана.

сфа. Именно на протяжении мезозойско-кайнозойской истории сформировались многочисленные поверхности денудационного выравнивания. Они разбиты сложной системой разломов, по которой были перемещены на различную высоту, образуют основной каркас современного рельефа.

Новейшие тектонические движения, предопределившие размещение основных категорий рельефа, развиваются здесь существенно в унаследованном плане.

Как показали исследования, для территории Гвинеи представляется возможным выделить ряд таксономически соподчиненных морфоструктур, отражающих связь рельефа и новейших движений с древней тектоникой.

⁴⁸ Селиверстов Ю. П. Главнейшие особенности геоморфологии Гвинеи (запад Африканской платформы). — Сов. геол., 1966, № 3, с. 58—69.

Крупнейшими морфоструктурами являются своды Фута-Джаллона и Южногвинейский, разделенные зоной слабо приподнятых блоков Верхнего Нигера и относительно погружающихся участков низких равнин Сьерра-Леоне (рис. 2). Каждый свод состоит из сложной мозаики блоков литосферы, пространственное размещение и тенденции неотектонических движений которых в значительной мере контролируются геотектонической предысторией.

Южногвинейский свод пространственно совпадает с центральной частью выступа архейского гранито-гнейсового фундамента, который по структурно-текстурным особенностям и изометрическим очертаниям может быть отнесен к типичным докембрийским куполам. Определенное совпадение элементов неотектонического свода с докембрийской структурой свидетельствует о длительном сохранении (или унаследованном возобновлении) тенденций однопланового развития земной коры.

Некоторое морфоструктурное усложнение связано с процессами мезозойской тектопо-магматической активизации. В это время заложились многие дизъюнктивные нарушения и зоны повышенной трещиноватости, отраженные на поверхности литосферы более низкорядковыми (чем своды) морфоструктурами. Наряду с обычными блоковыми структурами нами были выявлены морфоструктуры центрального типа, ограниченные концентрическими зонами повышенной трещиноватости и разломами (рис. 2). Нередко эти ослабленные зоны служили подводящими каналами для внедрения мезозойских интрузий, в том числе и кимберлитовых даек. Сравнительный анализ рассматриваемых морфоструктур и различных рудопроявлений показал, что многие из этих структур являются рудовещающими. Они перспективны как в отношении эндогенной минералогии (Джюлиба-Бафи — золото, алмазы; Бапанкоро — алмазы), так и гипергенной (бокситы Фриа). Контактвоизмененные породы служили источником сырья для изготовления орудий каменного века. В этой связи можно высказать суждение о том, что геологический фактор (при прочих равных условиях) имеет определенное значение в локализации поселений каменного века. Очевидно, что размещение первобытных стоянок в какой-то мере определялось близостью месторождений камня, подходящего для изготовления примитивных орудий охоты и быта.

Свод Фута-Джаллон занимает северо-западную часть Гвинеи, располагаясь преимущественно среди пород осадочного чехла. Тенденцию к восходящему развитию он унаследовал от более поздних, чем Южногвинейский свод, этапов геологического развития. Для него характерна четкая дифференциация отдельных поднятий, совпадающих с морфоструктурами центрального типа. Судя по расположению закартированных выходов осадочных толщ, заложение ряда таких структур (Лабэ, Сангареди) произошло еще в среднем палеозое.⁴⁹ Мезозойский тектогенез, сопровождавшийся внедрением долеритовых интрузий, привел к оживлению ранее сформированных структур центрального типа и заложению новых (Маму, Мали, Кунда-Ко). Для последних присуще наличие особенно многочисленных интрузий долеритов.

Тенденция к поднятию сохранилась у многих морфоструктур и в новейшее время. Наиболее активные поднятия в неотектонический этап развития испытывают морфоструктуры непосредственно к западу от меридиана Маму—Мали. По-видимому, в этот же отрезок геологической истории обособилась и зона относительно опущенных блоков Верхнего Нигера—Сьерра-Леоне, разделяющая два вышеописанных свода.

⁴⁹ Михайлов Е. М. Указ. соч.

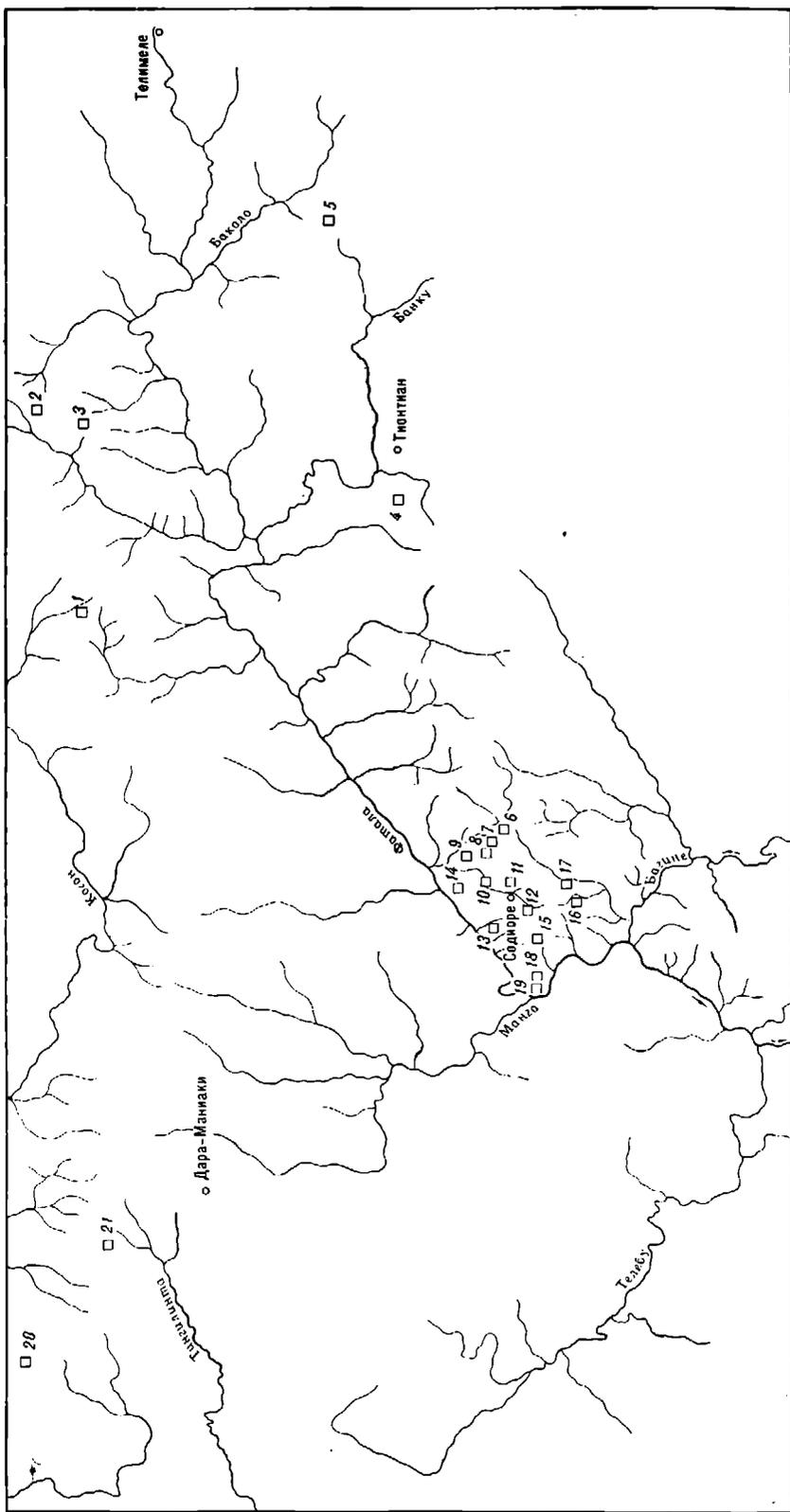

Рис. 3. Схема размещения местонахождений каменного века (1—21).

Ознакомившись с общими закономерностями геологического и геотектонического развития, перейдем к рассмотрению некоторых особенностей открытых археологических местонахождений.

Район полевых работ 1969—1970 гг. располагался к северо-северо-западу от г. Киндиа (рис. 1) и к западу от г. Телимеле, непосредственно примыкая к зоне, где в свое время французскими исследователями были открыты отдельные памятники каменного века, но не захватывая ее. Обнаруженные нами стоянки каменного века разбросаны на площади около 2000 кв. км в бассейнах рек Фаталы, Типгилиты, Когона, Томине, в пределах центральных частей свода Фута-Джаллон и его западных склонов, спускающихся к Приморской равнине (рис. 3). Распределены они по этой территории достаточно неравномерно: чаще встречаются отдельные, значительно удаленные друг от друга стоянки, реже — пространственно сближенные группы местонахождений. Геоморфологическая позиция памятников каменного века довольно разнообразна.

Всего коллекция каменных изделий, собранная в 1969—1970 гг., насчитывает 279 номеров. Из этого числа могут быть исключены только 19 псевдоартефактов, не имеющих бесспорных признаков обработки рукой человека. Таким образом, собственно археологическая коллекция включает 260 каменных изделий; 169 экз. приурочены к определенным местонахождениям (таких местонахождений всего 15). Связь 91 изделия с определенным местонахождением не установлена.

Преобладающее большинство изделий состоит из ороговикованных пород и долеритов, меньшее количество — из плотных кварцевых песчаников.

Детальное изучение измененных ороговикованных пород позволило установить их кварц-серицит-муллитовый состав. Анализ корочек выветривания на каменных орудиях принес важные и новые для геологии сведения, подтвердившие предположение о продолжении процессов латеритизации в тропиках и в четвертичном периоде. В новообразованных корочках выветривания содержится каолинит, гетит, гематит и гиббсит.⁵⁰ Выход о перманентности латеритизации пород в тропиках, включая и четвертичный период, существенно расширяет перспективы поисков бокситов.

Следует отметить, что метод изучения характера выветривания каменных орудий может оказать определенную помощь и для археологических построений, в частности для корреляции каменных изделий, пространственно удаленных друг от друга, и для расчленения каменных изделий разного возраста, но по тем или иным причинам оказавшихся перемешанными в одном местонахождении.

Применительно к рассматриваемой коллекции в этом отношении выделяются три группы: сильно выветренные изделия, покрытые с поверхности корочкой измененной породы мощностью до нескольких миллиметров, благодаря чему ребра орудий значительно сглажены и затуплены; относительно слабо затронутые выветриванием каменные изделия с измененной каймой мощностью около 1 мм; почти не выветренные экземпляры с измененным за счет патинизации цветом поверхности.

По этим признакам, учитывая, что в условиях одного климатического пояса и при однородности исходного состава пород мощность корочки выветривания, видимо, является функцией времени, можно высказать

⁵⁰ Более подробное изложение результатов исследований см.: Броневой В. А., Иванов В. А., Куликова Г. В., Михайлов Б. М., Седневский Ю. П., Соловьев В. В. Латеритизация каменных орудий древнего человека на плато Фута-Джаллон (Западная Африка). — ДАН, 1971, т. 198, № 5, с. 1179—1181.

предположение об уменьшении возраста выделенных групп орудий соответственно от первой к третьей.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в коллекции атерских влияний, а с другой стороны — полное отсутствие микролитов и вообще очень мелких изделий. Самые маленькие экземпляры имеют 2—3 см в поперечнике. Единичные наиболее крупные предметы достигают 16 см

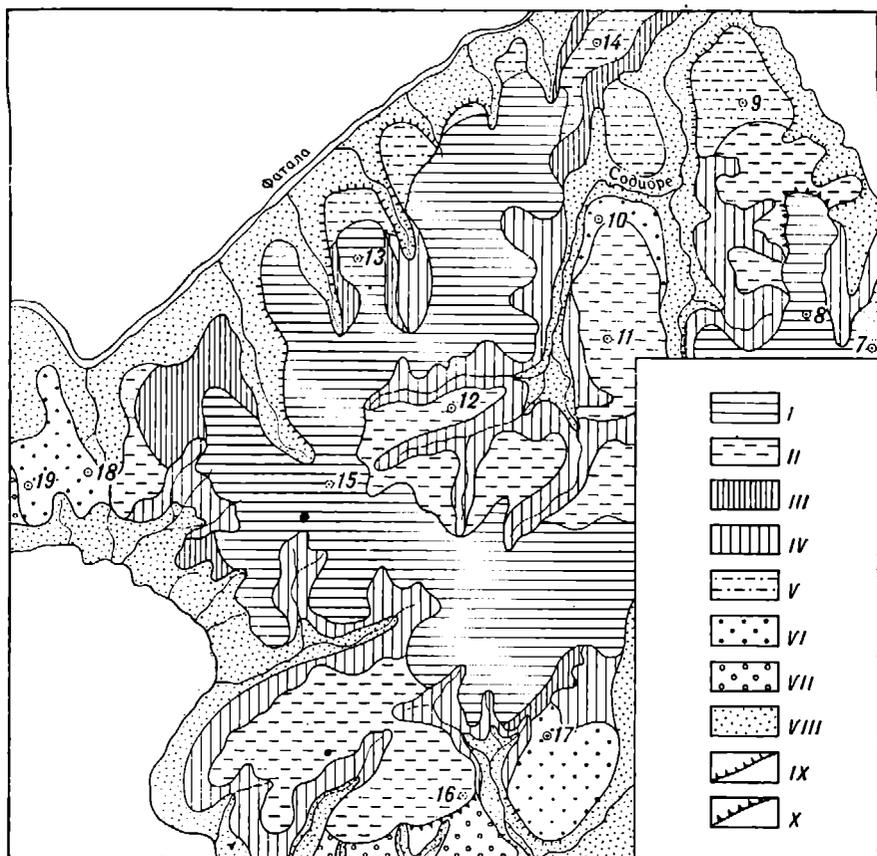

Рис. 4. Геоморфологическая карта района местонахождений группы Содиоре.

I — доплиоценовая поверхность выравнивания; II — плиоценовая поверхность выравнивания; III — крутые склоны; IV — пологие склоны; V — 120-метровая терраса; VI — 100-метровая терраса; VII — 80-метровая терраса; VIII — поймы и низкие террасы; IX — эрозионные уступы; X — денудационные уступы; арабские цифры — номера местонахождений каменных орудий.

длины. Подавляющее же большинство каменного инвентаря имеет 4—8 см в поперечнике.

Наряду с отсутствием атерских форм и микролитов обращает на себя внимание отсутствие древнепалеолитических кливеров и хорошо выраженных архаичных клеткопеских отщепов с широкими нефасетированными ударными площадками, расположенными под тупым углом к нижней поверхности отщепы, которые можно было бы использовать для датировки.

Во всех местонахождениях отсутствует керамика. Видимо, обилие тропических плодов, оболочки которых могли использоваться как сосуды, исключило в данных условиях необходимость появления в древности гончарного производства. Попутно отметим, что выдолбленные и соответственным образом обработанные оболочки плодов ряда тропических

растений до сих пор используются местным населением в качестве тары или сосудов.

Наиболее многочисленная коллекция (39 каменных изделий) собрана на местонахождении А-16. Последнее принадлежит к обширной группе местонахождений (А-6—А-19), располагающихся вдоль левобережья среднего течения р. Фаталы и ее притоков. Эти пространственно сближенные местонахождения объединены нами под названием «местонахождения группы Содиоре» (по названию деревни, находящейся в центре этого района). Географическое положение и геоморфологическая позиция стоянок группы Содиоре отражены на карте (рис. 3, 4). Ниже отметим лишь наиболее характерные особенности местонахождений.

Рельеф района Содиоре представлен сочетанием разновысотных денудационных поверхностей выравнивания, окружающих их склонов и серии речных террас долины Фаталы и ее притоков (рис. 4). Наибольшая площадь плоских междуречий приходится на долю доплиоценового пемпелена, имеющего здесь высоту около 300 м. Нижняя ступень денудационного уровня (позднеплиоценового педимента) располагается на отметках 250—260 м.

Террасовый ряд представлен комплексом пойма и низких аккумулятивных террас, выше которых располагаются ступенями три террасы, имеющие относительное превышение над урезом воды в Фатале соответственно 80—90, 100 и 120—130 м. Только наиболее высокая терраса скульптурная, в строспии остальных принимают участие хорошо окатанные галечники и плотно сцементированные железистыми окислами конгломераты.

Наибольшее количество стоянок приурочено к окруженным склонами мысам доплиоценового пемпелена (А-7, А-8, А-13, А-15) и позднеплиоценовой поверхности денудационного выравнивания (А-11, А-12, А-14, А-16). Остальные местонахождения располагаются на площадках древних террас 100- и 120-метрового уровня. Низкие голоценовые и позднечетвертичные, а также среднечетвертичные террасы каменных изделий не содержат.

Местонахождение А-16 характеризуется, так же как и другие описываемые нами гвинейские стоянки, определенным смещением, видимо, разновозрастных орудий (судя по различиям в степени выветривания и, возможно, в характере обработки). Однако более внимательное исследование условий размещения каменных орудий дает возможность найти некоторую закономерность в их расположении. Грубые и сильно выветренные экземпляры, а также частично менее выветренные, но имеющие сравнительно примитивную обработку рассеяны более или менее равномерно по поверхности кирасы. Хорошо ретушированные (иногда приплюснутые) изделия тяготеют к скоплениям желто-оранжевого мелкозема, аналогичного установленному в местонахождении А-15 (см. ниже). Большая часть этих более совершенных орудий применяется к грубым изделиям, лежащим на поверхности кирасы вблизи скоплений желтой сусеси. Данный супесчаный материал по своему составу весьма близок к материалу гигантских термитников, до сих пор встречающихся здесь в большом количестве. Не исключено, что древние обитатели использовали брошенные термитники для жилья. Со временем эти естественные убежища разрушились и превратились в скопления сусеси. О былых обитателях таких оригинальных жилищ и могут свидетельствовать встречающиеся в линзах рыхлой супесчаной породы хорошо обработанные каменные орудия.

Коллекция из местонахождения А-16 включает 9 экз. выразительных нетолстых отщепов с уплощенной рядом предшествующих сколов верхней поверхностью и с небольшой, выгнутой поперечно к длинной оси отщепа

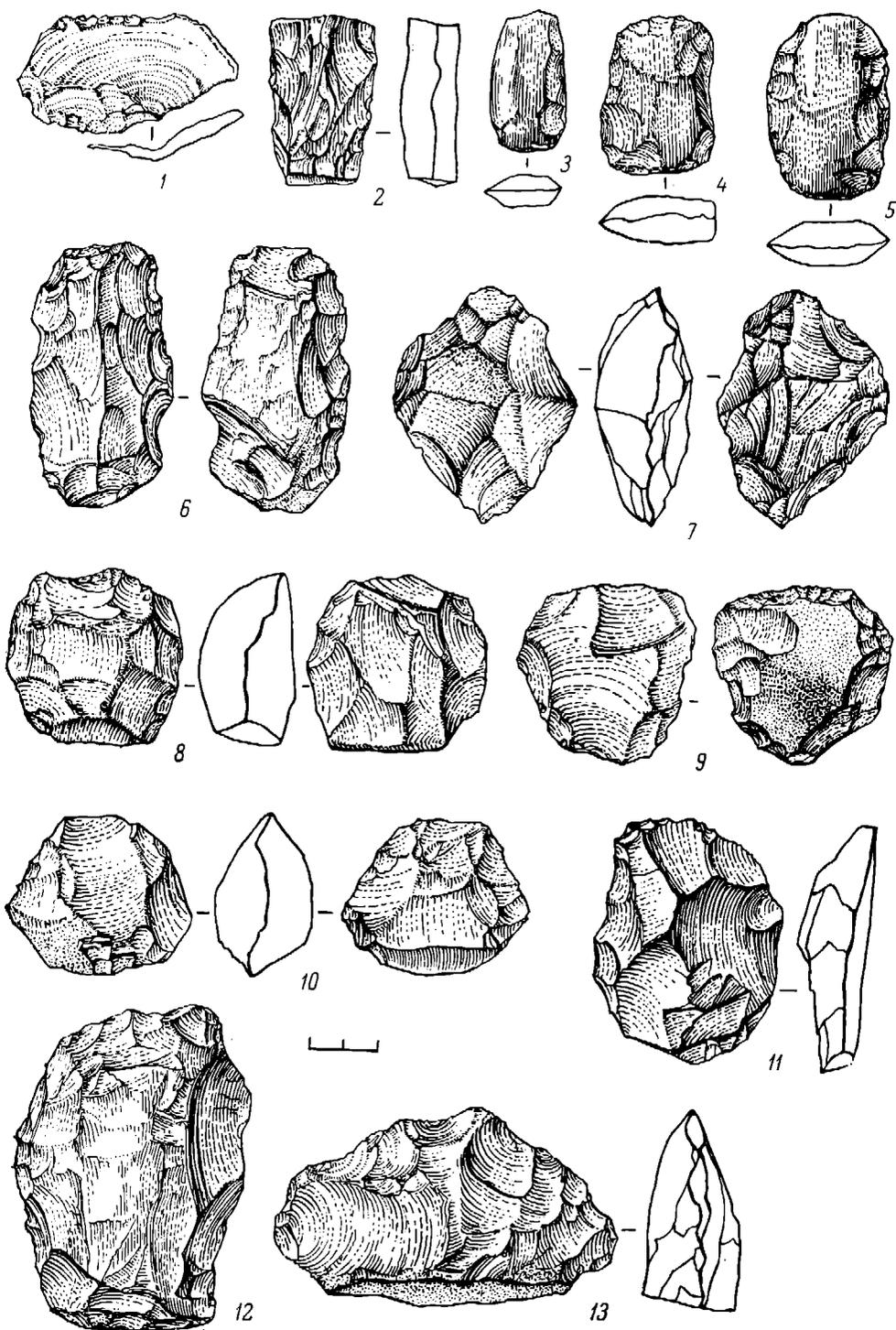

Рис. 5. Местонахождение А-16. Каменные изделия (1—13). Подъемный материал.

ударной площадкой, расположенной под прямым углом к нижней поверхности отщепы или под углом, слегка превышающим прямой (рис. 5, 1). Ударная площадка имеет обычно несколько фассток. Очертания отщепов совершенно неправильные, овальные и подтреугольные отщепы отсутствуют. Таким образом, перед нами техника раскалывания камня, напоминающая мустьерскую, но не типично мустьерская. К отщепам примыкает 8 обломков отщепов, а также осколков камня. Все они бесспорно отколоты человеком, но атипичны.

Дисковидных нуклеусов 5 экз. (рис. 5, 7—11).⁵¹ Все очень типичные, выразительные, мустьерского облика, округлых, овальных или неправильных очертаний. В поперечнике 4.5—6.5 см, толщина 1.2—2.5 см. Два из них (рис. 5, 9) односторонние, плоско-выпуклые. Их рабочая поверхность почти плоская, в одном случае незначительно вогнутая, в другом — незначительно выпуклая. Она сплошь покрыта следами радиальных сколов, идущих от краев к центру и служивших для отделения заготовок — овальных или подпрямоугольных отщепов. Противоположная, тыльная поверхность является выпуклой и носит следы крутой оббивки только вдоль самого края. Эта оббивка формовала нуклеус и его площадки. В сечении оба нуклеуса асимметричны. У одного экземпляра значительная часть тыльной поверхности сохранила корку. Три других нуклеуса (рис. 5, 7, 8, 10) принадлежат к иной морфологической группе. Они двусторонние, двояковыпуклые. При этом они несколько толще нуклеусов первой группы и в разрезе симметричны. Обе их поверхности, таким образом, являются выпуклыми примерно в равной степени и сплошь покрыты следами радиальных сколов, служивших для снятия отщепов, заготовок. Деления на рабочую и тыльную поверхности здесь нет. Один из экземпляров (рис. 5, 8) обнаруживает в то же время некоторые черты сходства с леваллуазскими нуклеусами. Помимо следов радиальных сколов, он имеет с одного края скошенную широкую площадку, с которой по меньшей мере двумя параллельными ударами были сколоты два широких отщепы. Возможно, что часть радиальных сколов у него служила для формовки нуклеуса.

К пяти вышеперечисленным дисковидным нуклеусам примыкают атипичный массивный двуплощадочный нуклеус со следами отделения нескольких отщепов с каждой из площадок, а также кварцитовый полиэдр, который был удобен для использования в качестве отбойника, но не имеет характерной для отбойника звездчатости.

Рубиловидное орудие — бифас — только одно (рис. 5, 12) и притом атипичное, не обнаруживающее ничего общего с древнепалеолитическими изделиями, а скорее напоминающее бифасы, характерные для культур санго и лупемб. Оно неправильных очертаний, толстое, оббитое с обеих поверхностей грубыми сколами. На одном узком конце у него прямое лезвие, полученное короткими крутыми сколами, идущими с обеих поверхностей.

Также одним экземпляром представлен узкий удлинённый бифас, почти сплошь оббитый с обеих поверхностей и имеющий обух вдоль одного длинного края (рис. 5, 13).

В коллекции имеется 5 маленких (длиной до 8 см), тщательно оббитых с обеих поверхностей прямоугольных неолитических топоришков (рис. 5, 2—5). Степень выветренности их поверхности замтно меньшая,

⁵¹ При классификации и описании ганнейских нуклеусов мы опирались в первую очередь на работы В. П. Любина (1) К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. — МИА, 1965, № 131; 2) Нижний палеолит в районе Дакки—Комташпы). Мы также получили от В. П. Любина ряд ценных советов по поводу такой классификации.

чем у других изделий из этого местонахождения. На их обоих концах есть по выпуклому поперечному лезвию. У 3 экз. это лезвие тщательно подшлифовано.

Накопец, следует назвать плитку неправильных очертаний, частично оббитую по краям с обеих поверхностей, а также 6 отщепов и осколков тоже неправильных очертаний со следами грубой оббивки по краю верхней поверхности, формирующей нечто вроде лезвия скребла.

На интерпретации местонахождения А-16, как и других, мы остановимся позднее, после их описания. Сейчас только отметим сочетание признаков мустьерской техники раскалывания камня с типичными неолитическими изделиями. Оба этих сочетающихся элемента представлены отчетливо.

Местонахождение А-13, принадлежащее к той же группе Содиоре, расположено на узком выровненном местном водоразделе левых притоков р. Фаталы. Каменные орудия встречаются на поверхности кирасы в пределах полукилометровой полосы. Обращает на себя внимание обилие крупных (длиной до 40 см) и грубо обработанных орудий и оббитых с одной стороны галек. Размещение материала исключает возможность переноса его на сколько-нибудь значительное расстояние.

Характерно, что в зоне этого же местонахождения (на крайнем северном окончании мыса) есть небольшой холм, на поверхности которого встречены значительно более тонко обработанные изделия. Здесь же найдены обтесанные в виде уплощенных стел долеритовые глыбы, поверхность которых почти лишена следов выветривания.

Местонахождение А-13 тоже дало значительное количество каменных изделий (32 экз.; рис. 6; 7, 1—9). В целом этот комплекс несколько напоминает комплекс местонахождения А-16. Сходны дисковидные нуклеусы. Несколько аналогичны неолитические тонорики. Но отсутствуют отщепы, их обломки, а также осколки камня. Совершенно не представлена шлифовка камня. Зато налицо целая серия типичных, оббитых с обеих поверхностей кирок.

Дисковидных нуклеусов 10 экз. (рис. 7, 1—7). Все выразительные, типично мустьерские. В поперечнике 3.5—8 см, толщина 0.7—1.8 см. Первая группа — односторонние плоско-выпуклые нуклеусы. Их 6 экз. (рис. 7, 1, 4, 5). Рабочая поверхность этих нуклеусов плоская или в очисл незначительной степени вогнутая либо выпуклая. Она сплошь покрыта следами радиальных сколов, которыми от нуклеуса откалывались отщепы овальных, подпрямоугольных или подтреугольных очертаний. Противоположная, тыльная поверхность выпуклая, иногда очень незначительно, иногда в значительной степени. Она носит следы крутой оббивки вдоль самого края, формовавшей нуклеус и его площадки. В сечении они большей частью асимметричны.

Вторую группу (2 экз.) образуют двусторонние двойковыпуклые нуклеусы, носящие следы скалывания отщепов с обеих противоположных поверхностей, симметричные в сечении (рис. 7, 7).

Наконец, третью группу (2 экз.) образуют тоже дисковидные нуклеусы, но с некоторыми элементами леваллуазской техники. Один из них (рис. 7, 3) тесно примыкает к односторонним плоско-выпуклым, но имеет на выпуклой тыльной поверхности, кроме следов краевой формирующей оббивки по кругу, следы одного далеко заходящего продольного скола, которым был отделен довольно крупный отщеп овальных очертаний. Второй нуклеус (рис. 7, 2) — двойковыпуклый, симметричный в сечении. Он, казалось бы, примыкает ко второй группе, но на одной его выпуклой поверхности отчетливо заметны следы формирующей оббивки по краю, дополнен-

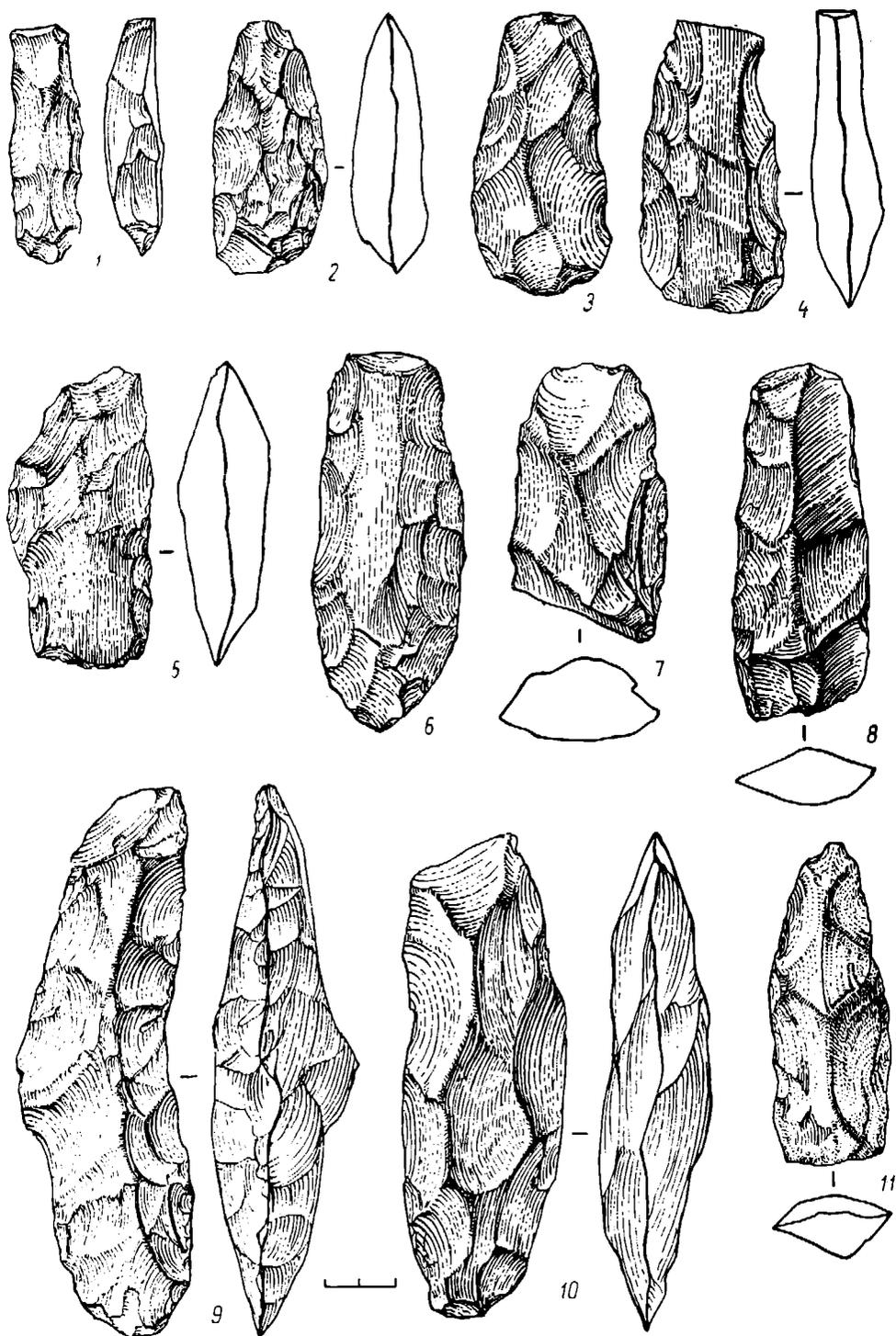

Рис. 6. Местонахождение А-13. Каменные изделия (1—11). Подъемный материал.

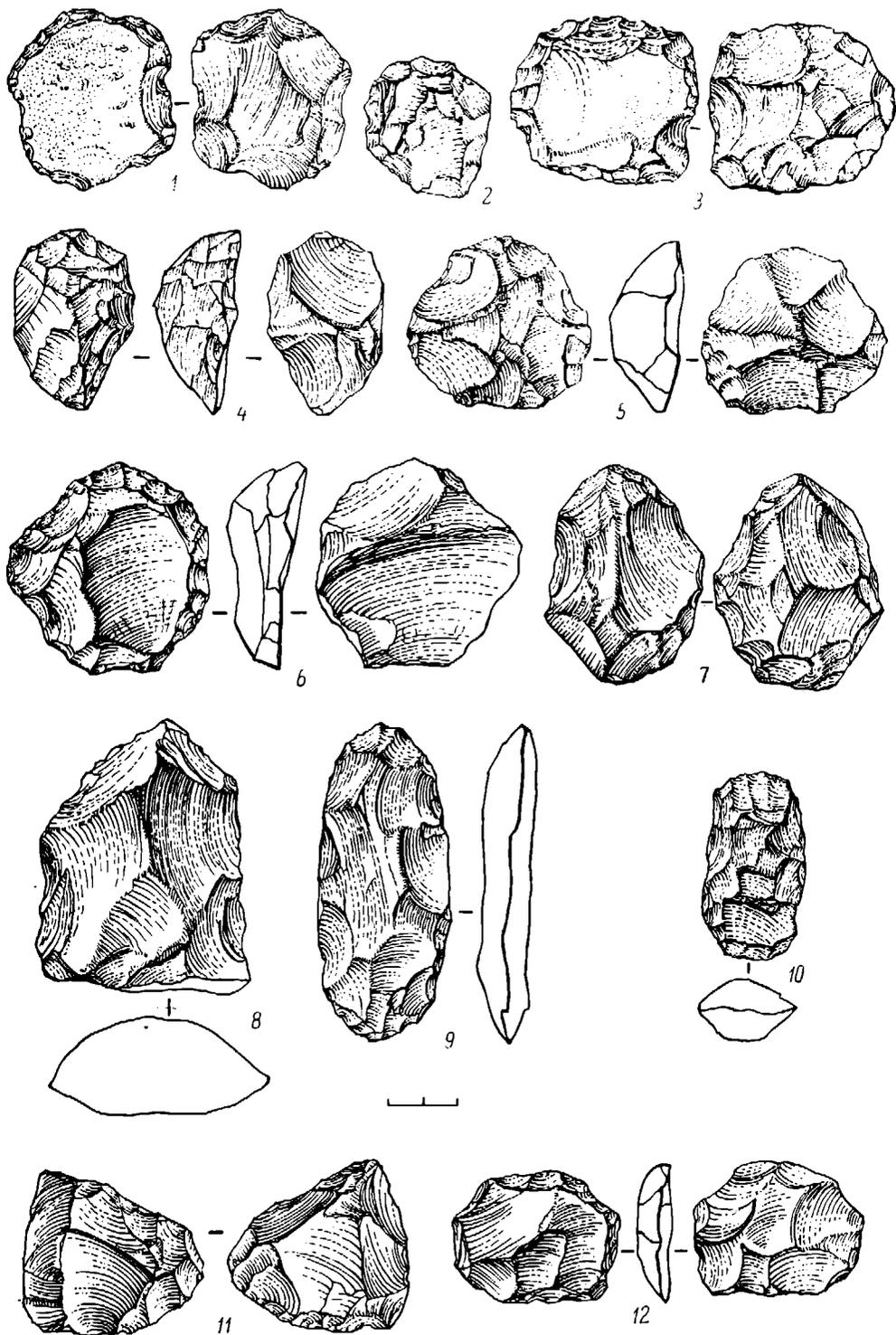

Рис. 7. Местонахождения Л-13 (1—9) и А-9 (10—12). Каменные изделия. Подъемный материал.

ные следами двух широких, почти параллельных сколов, которыми были отделены довольно крупные отщепы.

Бифасов и их обломков 7 экз. (рис. 7, 8, 9). Все они разные, атипичные, не образуют устойчивой серии и не могут быть включены в категорию древнепалеолитических. Один бифас — из плитки довольно правильных овальных очертаний, но оббит с обеих поверхностей лишь вдоль самых краев; оббивка не заходит далеко на поверхность орудия. 3 экз. (рис. 7, 8) — обломки крупных массивных асимметричных бифасов, сплошь оббитых с обеих поверхностей. 3 экз. — узкие, вытянутые, с сильно, окатанной и выветренной поверхностью, на которой следы обработки различаются плохо.

Одним экземпляром, как и в местонахождении А-16, представлен узкий удлиненный бифас, имеющий обух вдоль одного длинного края.

Хорошо выраженную серию (6 экз.) образуют удлиненные, грубо оббитые с обеих поверхностей кирки, какие можно встретить в санго, лупембе и неолите; эти орудия раньше назывались типично тумбийскими (рис. 6, 1—3, 6, 9—11). Они близко напоминают гвинейские экземпляры, публикуемые в статье Делькруа и Вофрея.⁵² Их длина 6,7—16 см, ширина 2—4,5 см, толщина 1,2—3 см. В сечении они двояковыпуклые, линзовидные. От оббитых неолитических топориков отличаются большей выпуклостью и тем, что имеют на конце не поперечное, а овально-заостренное лезвие, полученное двусторонней оббивкой. У 4 экз. такое лезвие есть на обоих концах. Довольно острое, иногда зигзагообразное лезвие идет и по длинным краям этих орудий.

К киркам примыкает 8 оббитых с обеих поверхностей неолитических топориков с поперечным лезвием на конце (рис. 6, 4, 5, 7, 8). Из них половина несколько сужаются к обуху, а половина имеет параллельные продольные края. Оббивка довольно тщательная. Шлифовка отсутствует (отличие от таких же орудий из местонахождения А-16). Степень выветренности их поверхностей такая же, как у неолитических топориков из местонахождения А-16, и меньшая, чем у других изделий из этого местонахождения.

Наконец, особняком располагаются осколок со следами грубой оббивки по краю, формирующей нечто вроде лезвия массивного выпуклого скребка (рис. 7, 6), и своеобразное крупное выемчатое орудие, сформированное оббивкой по краям, но несколько напоминающее дисковидные нуклеусы.

В местонахождении А-13 так же хорошо, как и в А-16, выражена мустьерская техника раскалывания. Но неолитические изделия представлены гораздо хуже. Неолитические топорики в действительности, вероятно, должны быть отнесены к культуре лупембе.

Местонахождение А-9 находится на площадке высокой террасы, вблизи ее тылового шва. Возможен принос материала с вышележащего денудационного уровня в процессе делювиального перемещения глинозема.

Местонахождение доставило 15 каменных изделий (рис. 7, 10—12). В целом этот комплекс хотя и беднее комплексов из местонахождений А-13 и А-16, но во многом их напоминает. Здесь точно так же дисковидные нуклеусы мустьерского облика сочетаются с отдельными неолитическими формами.

Отщепов 3 экз. Они невыразительные.

Дисковидных нуклеусов 9 экз. Они отличаются от дисковидных нуклеусов из местонахождений А-13 и А-16, пожалуй, лишь сильной сте-

⁵² Delcroix R., Vaufray R. Op. cit.

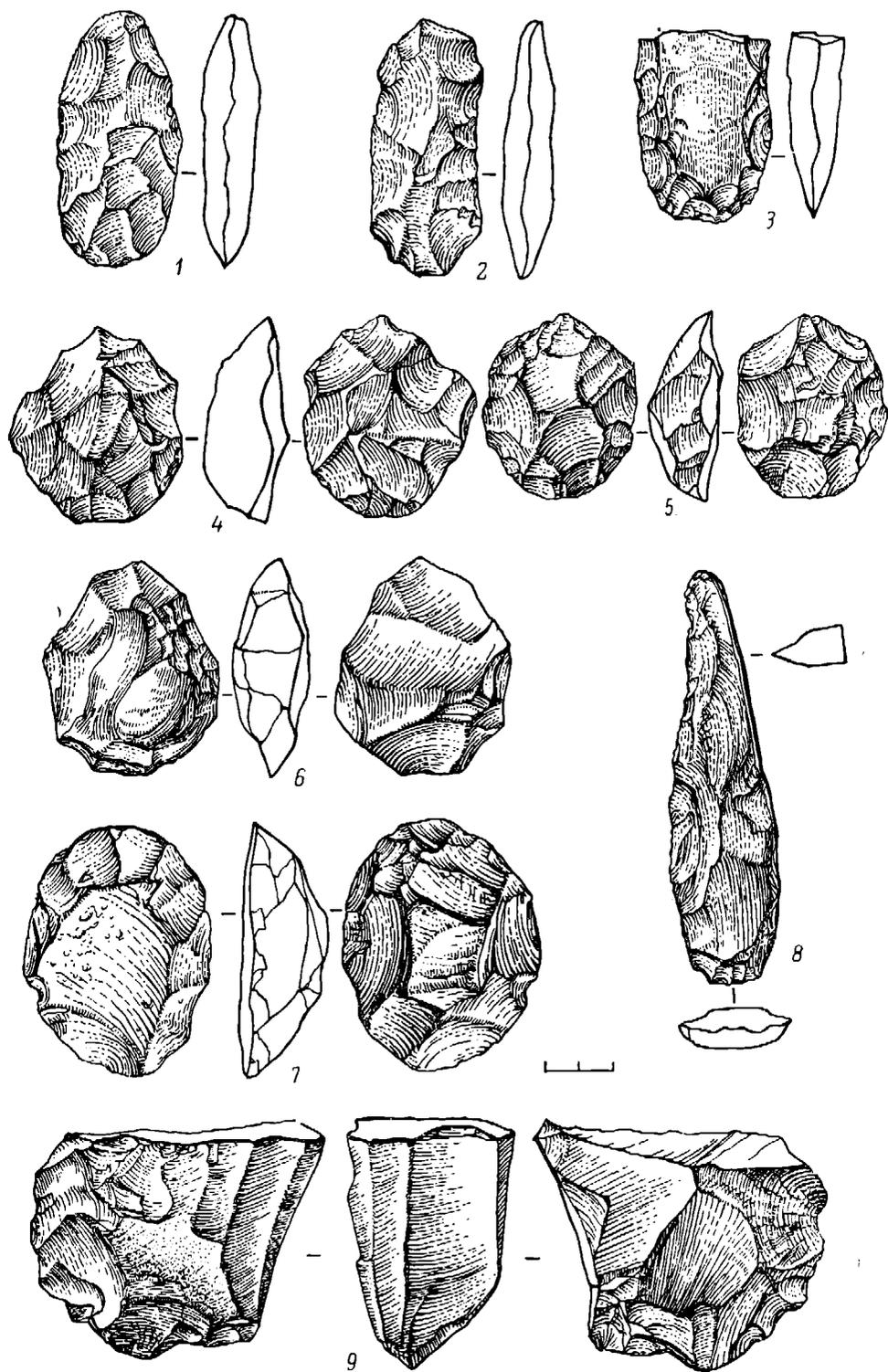

Рис. 8. Местонахождение А-15. Каменные изделия (1—9). Подъемный материал.

пенью окатанности и выветренности поверхности, а также меньшей выразительностью. Только два из них (рис. 7, 11, 12) хорошо выражены. В поперечнике нуклеусы имеют 4.5—7.5 см, а толщина их 0.6—2 см. Односторонних плоско-выпуклых нуклеусов 7 экз., двусторонних двояковопуклых — 2 экз. Но из-за атипичности, малой выразительности псех нуклеусов из этого местонахождения разграничение между двумя названными группами очень нечеткое, расплывчатое.

Неолитических топориков два (рис. 7, 10). Один прямоугольный, тщательно оббитый с обеих поверхностей. Другой (обломок) сплошь отшлифованный.

Местонахождение А-15 расположено в центре участка древней поверхности выравнивания, к которой с разных сторон подходит верховья притоков Фаталы. По-видимому, удобство местоположения для стоянки племен каменного века и обусловило обилие археологических находок. К сожалению, мы имели возможность взять лишь очень небольшую их часть.

Поверхность кирасы на площади более 10 тыс. кв. м буквально усеяна разнообразными каменными орудиями, имеющими различную степень обработки (от примитивных и грубых экземпляров до хорошо отретушированных). Иногда лучше обработанные орудия находятся среди скопленной желто-оранжевой супеси, залегающей в виде отдельных пятен на кирасированной поверхности пенецлена.

Наша коллекция, относящаяся к местонахождению А-15, включает 13 каменных изделий (рис. 8). Этот комплекс тоже лишь незначительно отличается от предшествующих. Правда, здесь отсутствуют бесспорные неолитические формы.

Отщеп один, с довольно широкой нефасетированной ударной площадкой, расположенной почти под прямым углом к нижней поверхности.

Дисковидных нуклеусов, напоминающих мустьерские, 4 экз. (рис. 8, 4—7). В поперечнике они имеют 5—7.5 см, а толщина их 1—1.5 см. Два нуклеуса овальных, два — округлых очертаний. В остальном они однородны и принадлежат к описанному нами типу односторонних плосковыпуклых. Одним экземпляром представлен нуклеус другого типа (рис. 8, 9): крупный, массивный, около 9 см в поперечнике, толщиной около 4 см. Он имеет площадку, с которой несколькими параллельными ударами были отколоты отщепы. Вдоль противоположного края двусторонней оббивкой сформовано грубое лезвие чоппинга.

Одним атипичным экземпляром представлен узкий удлиненный бифас, имеющий обух вдоль одного длинного края (рис. 8, 8).

Кирок и их обломков найдено 6 экз. — это небольшие, вытянутые, оббитые с обеих поверхностей изделия, которые можно в равной мере отнести к культурам санго или к лунембу, а по старым схемам — к культуре тумба (рис. 8, 1—3). Длина их 5—12 см, ширина 3—4 см, толщина 1—2 см. Лезвие на узком конце полукруглое.

Местонахождение А-7 расположено в центре выровненной поверхности с максимальной высотой 318 м. Условия расположения остатков материальной культуры напоминают таковые местонахождения А-1. Каменный материал разбросан по бронирующей кирасе в пределах круга диаметром около 100 м. В обилии встречаются нуклеусы, отщепы и другие изделия. Крупных экземпляров мало. Найдено 15 галек, многие из которых расколоты. Обнаружен небольшой неопределимый обломок сильно минерализованной кости. Степень выветренности каменных изделий различна. Часть грубо обработанных экземпляров имеет мощную корку выветривания, большинство других умеренно выветрено, а гальки в основном лишь слегка патинизованы.

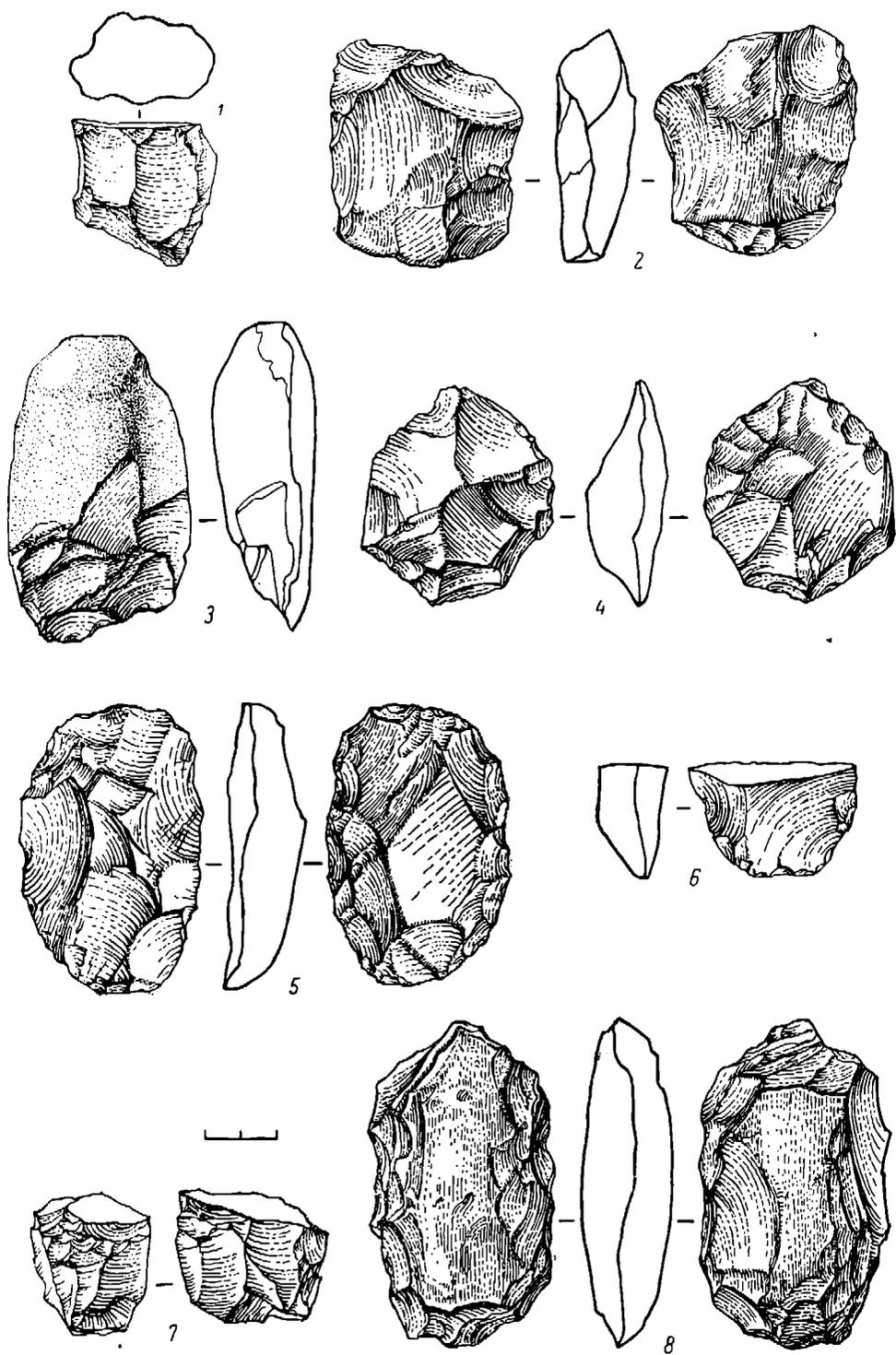

Рис. 9. Местонахождения А-7 (1-3) и А-1 (4-8). Каменные изделия. Подъемный материал.

Коллекция, собранная на этом местонахождении, состоит из 13 каменных изделий (рис. 9, 1—3). Но среди них очень мало более или менее типичных, выразительных экземпляров. К последним относятся двусторонний дисковидный нуклеус (рис. 9, 2), небольшой кварцитовый нуклеус промежуточного между кубовидным и призматическим типа (рис. 9, 1), имеющий одну площадку, с которой несколькими параллельными ударами, направленными примерно под прямым углом к площадке,

было сколото несколько удлиненных отщепов, два бифаса, массивная удлиненная галка, на конце которой рядом стесов с обеих поверхностей получено поперечное, слегка вогнутое лезвие топора или топора (рис. 9, 3).

Местонахождение А-8 напоминает вышеописанное, хотя и заметно беднее его археологическими остатками.

Местонахождения А-6 и А-12, тоже относящиеся к группе Содиоре, являются очень бедными. Коллекция, связанная с каждым из них, насчитывает по несколько изделий. Местонахождение А-6 — материал, подвергшийся переносу в толще делювиального плаща. Дальность переноса не установлена. Местонахождение А-12 характеризуется абсолютным преобладанием грубо оббитых каменных изделий.

Местонахождение А-1 ($13^{\circ}25'$ з. д., $10^{\circ}57'$ с. ш.), как и описываемые вслед за ним А-2—А-5, находится за пределами группы Содиоре. Оно располагается на водоразделе рек Когона, Фаталы и Томипс, представленном высокой (около 500 м) поверхностью денудационного выравнивания (рис. 10). Последняя бронируется железисто-

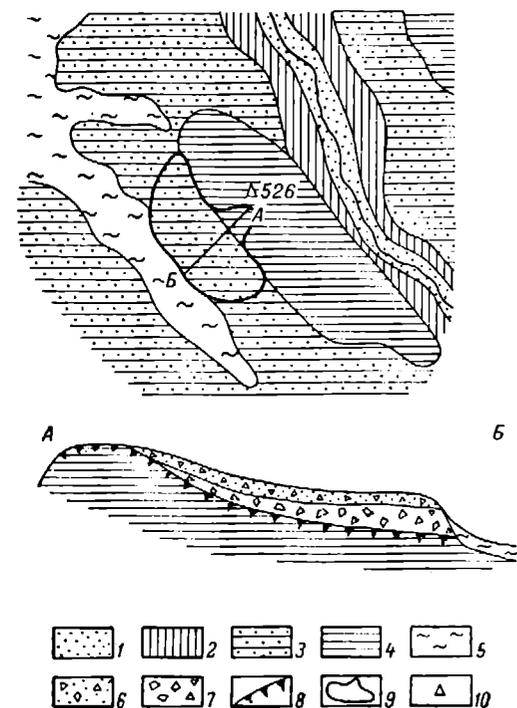

Рис. 10. Геоморфологическая карта местонахождения А-1 и разрез рыхлого покрова (по линии АБ).

1 — пойменный аллювий; 2 — крутые склоны речной долины; 3 — пологие склоны поверхности выравнивания; 4 — субгоризонтальная поверхность выравнивания; 5 — гематитовая пятчатая кираса плоскодонного лога; 6 — мелкообломочный делювий с редкими каменными орудиями (разрез); 7 — щебнисто-обломочный горизонт с многочисленными каменными орудиями (разрез); 8 — железистая кираса (разрез); 9 — площадь распространения каменных орудий на поверхности; 10 — топографический знак.

глиноземистой кирасой, под которой залегает мощная толща железистых латеритов и гидрослюдисто-каолиновых глин коры выветривания по ороговикованным алевролитам и аргиллитам. Аналогичное строение имеет поверхность выравнивания и на значительном удалении от рассматриваемого местонахождения.

Характерной особенностью данной стоянки является ее доминирующее высотное положение по отношению к окружающим элементам рельефа. Это обстоятельство позволяет оценить дальность делювиального переноса каменного материала в наиболее чистом виде, исключив возможность привноса орудий из сопряженных более высоких гипсометрических уровней.

Основное количество подъемного материала концентрируется вблизи топоотметки 526 м на небольшой площадке размером 20×30 м.

Каменные орудия и заготовки в петрографическом отношении весьма разнообразны. Они представлены мелко- и среднезернистыми песчаниками, алевролитами, роговиками, долеритами и белыми кварцитовидными песчаниками. В массе встречаются отщепы, скребки, нуклеусы и другие грубо обработанные изделия, изготовленные из долеритов и роговиков. Обращает на себя внимание довольно мощная (до 6 мм) корочка выветривания, покрывающая орудия каменного века.

Многочисленные расчистки позволили составить схему распространения слоев с культурными остатками (рис. 10). Он располагается к юго-западу от топоотметки 526 м, ограничиваясь сухим плоским логом, по которому идет выпадение гидроокислов железа, образующих натечную гематитовую кирасу.

Любопытно отметить, что ни в молодой натечной кирасе, ни в более древней, бронирующей поверхность выравнивания, сцементированных («запеченных») каменных орудий не встречается. Характерно также, что под открытым небом, непосредственно на древесной поверхности, каменный материал находится только вблизи упоминавшейся доминирующей высоты 526 м. По ее очень пологому юго-западному склону он постепенно исчезает, погребаясь под плащом рыхлого делювия. Серия расчисток дала возможность выяснить, что рыхлый покров имеет двучленное строение и мощность, увеличивающуюся вниз по склону от 10 до 60 см.

Верхний горизонт «А» — почвенный, с включением отдельных каменных изделий и мелких обломков кирасы. Мощность от 0.0 до 0.2 м.

Нижний горизонт «Б» — щебнисто-обломочный, с включением большого количества каменных изделий. Цементирующая масса — желтая супесь. Мощность от 0.2 до 0.6 м. Подстиляется этот горизонт бронирующей ожелезненной кирасой красно-бурого цвета. Общая дальность разброса каменных орудий не превышает 30 м. Этот факт весьма примечателен, так как дает основание полагать, что даже в условиях тропического климата с мощными ливневыми осадками рассеивание археологических остатков экзогенными процессами (в условиях небольших уклонов поверхности рельефа) чрезвычайно ограничено. Другой вывод, вытекающий из анализа рассмотренного местонахождения, имеет скорее геологический аспект. Отсутствие «запеченных» в кирасу орудий каменного века позволяет утверждать, что формирование ее закончилось еще до поселения на ее поверхности наших далеких предков. Определение возраста археологических находок могло бы установить верхний возрастной интервал возникновения бронирующей латериты кирасы.

Археологическая коллекция, приуроченная к местонахождению А-1, насчитывает 10 каменных изделий (рис. 9, 4—8). Этот небольшой комплекс опять-таки входит в ряд предшествующих, принципиально от них не отличается. Он содержит отщеп и 4 дискоидных нуклеуса, принадлежащих к группе односторонних плоско-выпуклых (рис. 9, 4, 5). Все они очень хорошо выражены, типичны. У двух округлый, у двух овальный контур. Их поперечник равен 5—8 см, толщина 0.8—1.3 см. Одним экземпляром представлен плоский овальный бифас (рис. 9, 8), обработанный с обеих поверхностей ступенчатой оббивкой, приуроченной к краям. Он примыкает к киркам, отличается от них меньшей толщиной, и не входит в число древнепалеолитических форм. Налицо обломок овального рабочего конца кирки, оббитой с обеих поверхностей (рис. 9, 6). Наконец, упомянем небольшой кварцитовый полиэдр, возможно первоначально служивший нуклеусом (рис. 9, 7), и отбойник из гальки.

Местонахождения А-2 ($13^{\circ}17'$ з. д., $10^{\circ}59'$ с. ш.) и А-3 ($13^{\circ}18'$ з. д., $10^{\circ}57'$ с. ш.) расположены на междуречье правых притоков р. Фаталы в 40 км к западу от г. Телимсле (рис. 11). Междуречье образовано серией изолированных останцов высокой (около 500 м) поверхности денудационного выравнивания, окруженных полосой более низкой выровненной поверхности. В пределах последней, на высоте около 380 м, локализуется местонахождение А-2, представленное россыпью покрытых бурой коркой выветривания грубо обработанных отщепов, пластин, нуклеусов и других изделий, частично погребенных под делювиальной супесью, сносимой со склона вышележащего денудационного уровня.

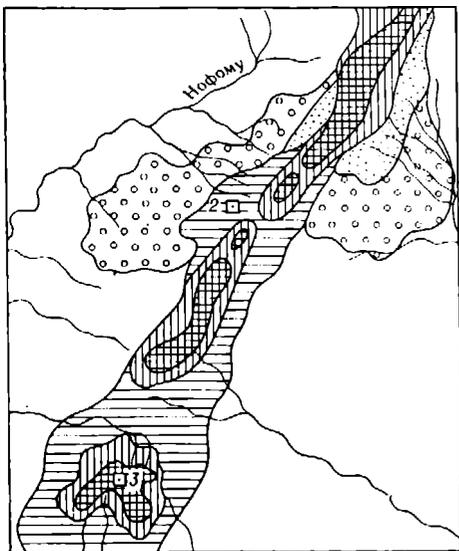

Рис. 11. Геоморфологическая карта района местонахождений А-2, А-3.

I — поверхность рыхлого делювиально-пролювиального шлейфа; II — поверхность кирасированного делювиально-пролювиального шлейфа; III — низкая поверхность выравнивания; IV — крутые денудационные склоны; V — высокая поверхность выравнивания; арабские цифры — номера местонахождений каменных орудий.

рассеяны на небольшой площади, непосредственно на поверхности кирасы. Так же как и в предыдущих местонахождениях, «запеченных» в железистый панцирь каменных изделий не обнаружено. Грубый каменный инвентарь покрыт латеритной коркой выветривания.

Коллекция, включающая 13 каменных изделий (рис. 12, 1—6), при-мыкает к коллекции из предшествующих местонахождений, но не так тесно. Здесь обнаружены три атипичных осколка и только два дисковидных нуклеуса; один из них выразительный, принадлежащий к группе двусторонних двояковыпуклых (рис. 12, 6), другой не очень типичный. Одним экземпляром представлен узкий удлинённый бифас, имеющий обух вдоль одного длинного края (рис. 12, 3). Эта форма, хотя и находима всюду в виде единичных экземпляров, характерна для публикуемой нами группы гвинейских местонахождений.

Хорошей серией (6 экз.) представлены кирки и примыкающие к ним бифасы и их обломки. Они довольно массивные, имеют овально-выпук-

Местонахождение А-3 приурочено к высокой останцовой возвышенности, на которой раскинулась дер. Сигери. Немногочисленные изделия, похожие на встреченные в местонахождении А-2, были обнаружены здесь под почвенным горизонтом. В то же время на экспонированной поверхности были собраны хорошо обработанные отщепы и два небольших, отлично пришлифованных топора с острыми лезвиями. Следов интенсивного выветривания на этих находках не замечено.

Исходя из различия в характере обработки каменного материала и резко различной степени его выветренности, можно предположить, что встреченные на поверхности орудия имеют более молодой возраст, чем погребенные под почвенным горизонтом и установленные в местонахождении А-2.

Местонахождение А-4 ($13^{\circ}21'$ з. д., $10^{\circ}45'$ с. ш.) расположено на плоском кирасированном междуречье (абсолютная высота около 400 м) рек Тианги и Гороямба — левых притоков Фаталы. Каменные орудия

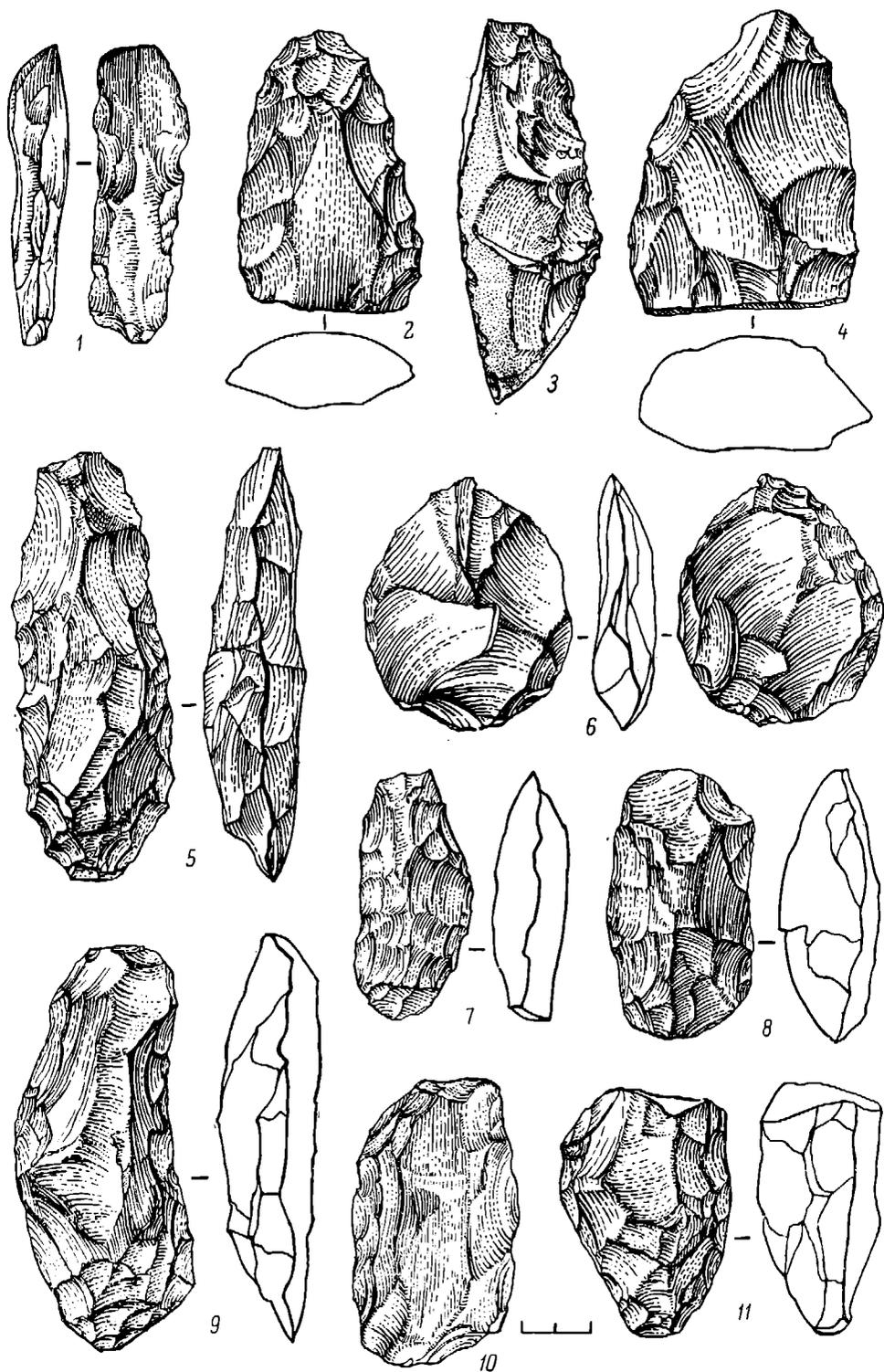

Рис. 12. Каменные изделия из местонахождений А-4 (1—6) и каменные изделия, не связанные с определенным пунктом (7—11). Подъемный материал.

дый или заостренный рабочий конец, оббиты довольно грубыми сколами с обеих поверхностей (рис. 12, 1, 2, 4, 5). Длина их 7—12,5 см, ширина 2,5—7 см, толщина 0,8—2,5 см. Они входят в категорию изделий, характерных как для санго, так и для лупемба. Возможно, они являются и неолитическими, однако последнее не бесспорно, тем более что степень их выветренности не отличается от степени выветренности других предметов из этого местонахождения.

Местонахождение А-5 ($13^{\circ}10'$ з. д., $10^{\circ}48'$ с. ш.) расположено на склоне поверхности выравнивания, образующей водораздел между левыми притоками верхнего течения р. Фаталы в 20 км к юго-западу от г. Телимсле. Полоса сползающего по склону (крутизной около 15°) делювия содержит на протяжении более 100 м каменные орудия, отщепы и обломки, обработанные человеком.

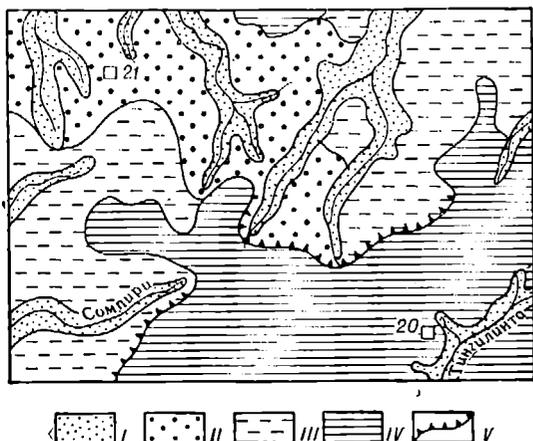

Рис. 13. Геоморфологическая карта района Западной группы местонахождений каменных орудий.

I — низкие речные террасы; II — древнечетвертичная высокая терраса; III — поверхность осадимента; IV — поверхность денудационного выравнивания; V — денудационные уступы; арабские цифры — номера местонахождений каменных орудий.

носительные превышения рельефа невелики. Преобладающими являются равнинные элементы, в том числе древнечетвертичные террасы, сложенные бокситоносным аллювием системы Сангареди.

Местонахождение А-20 ($13^{\circ}50'$ з. д., $10^{\circ}57'$ с. ш.) расположено на красной броне 300-метрового денудационного уровня в истоках р. Тингилинты. Среди каменных орудий здесь много мелких и довольно хорошо обработанных экземпляров.

В 2 км к юго-западу от местонахождения, в пределах той же выровненной поверхности, отмечена аналогичная стоянка. Пространственно близка с ней еще одна стоянка древнего человека, хотя находится она на более низком гипсометрическом уровне террасированного склона притока р. Тингилинты.

Местонахождение А-21 ($13^{\circ}55'$ з. д., $10^{\circ}58'$ с. ш.) по характеру каменного материала напоминает предыдущее, но расположено на поверхности древнечетвертичной террасы. Происходящая отсюда коллекция включает 6 каменных изделий, в том числе 4 маленьких, оббитых с обеих поверхностей типичных неолитических топорика, по очертаниям близких к прямоугольнику, с тщательно подшлифованным лезвием и с очень слабо

Еще одна группа местонахождений (Западная) находится на сочленении свода Фута-Джаллон с зоной приморских равнин в пределах водораздела рек Тингилинты и Когона. В Западную группу входят два задокументированных местонахождения (А-20, А-21) и ряд отмеченных, по неописанным стоянкам (рис. 13).

К последним относятся несколько пунктов скопления каменных орудий по правобережью р. Сомпири и две стоянки юго-западнее местонахождения А-20.

Рассматриваемый район в целом является наиболее сниженным крылом свода Фута-Джаллон. Поверхности денудационного выравнивания здесь приподняты на высоту всего 250—300 м, от-

выветренной поверхностью. Их длина 4.3—5.3 см, ширина 3—3.5 см, толщина 0.9—1.1 см. Два топора, более крупных размеров, тоже типично неолитические, с тщательно оббитым поперечным лезвием, не имеют следов шлифовки. Пожалуй, это местонахождение, несмотря на малочисленность материала, более всего отличается от всех остальных комплексов своим чисто неолитическим характером. Вместе с каменными изделиями здесь найдены челюсть и часть черепа обезьяны (по-видимому, бабуина).

В 4, 6 и 10 км к юго-западу от местонахождения А-21 отмечены, но не описаны еще 4 стоянки каменного века.

Перейдем теперь к каменным изделиям, найденным в этом же районе, но не связанным с каким-то определенным пунктом. Их 91 экз. (рис. 12, 7—11; 13, 14, 15). Вся группа не содержит элементов, отсутствующих в камennom инвентаре описанных выше памятников. Она целиком входит в ряд этих местонахождений, также характеризуется атипичными отщепами и осколками, большим количеством типичных дисковидных нуклеусов в общем тех же разновидностей, бифасами, многочисленными, оббитыми с обеих поверхностей кирками, которые могут датироваться временем от санго до неолита, а также слабо выветренными неолитическими топориками с подшлифованным лезвием. Палицо, таким образом, сочетание в равной степени хорошо выраженных мустьерских и неолитических элементов.

Отщепов и осколков 25 экз. Архаичные, клетонские, которые можно было бы использовать для датировки, отсутствуют. Интересны три маленьких тонких отщепов около 3.5 см в поперечнике, с фасетированной ударной площадкой, расположенной почти под прямым углом к нижней плоскости. Они вполне гармонируют с представленными здесь многочисленными дисковидными нуклеусами и могут наряду с ними рассматриваться как мустьерский и мустьероидный элементы. Кроме того, один очень короткий и широкий отщеп, по очертаниям близкий к прямоугольнику, судя по ограничению его верхней поверхности, мог быть сколот с нуклеуса типа леваллуа (рис. 14, 10).

Большой выразительной группой (40 экз.) представлены дисковидные нуклеусы и близкие к ним формы (рис. 14, 9, 12—16; 15, 1—6; 16). Поперечник их 3.5—7.5 см, толщина 0.8—3.5 см. Таким образом, по своим размерам они не отличаются существенно от дисковидных нуклеусов, описанных выше. Часть из них имеет действительно дисковидные или почти дисковидные очертания, контур, приближающийся к кругу. Но у отдельных экземпляров очертания вытянутые, близкие к овальным.

Среди нуклеусов можно выделить три основные группы.

Первая, самая обширная группа (23 экз.) включает дисковидные односторонние плоско-выпуклые нуклеусы. Одна их поверхность, рабочая, — плоская, чуть вогнутая или изредка слегка выпуклая. Она сплошь покрыта следами радиальных сколов, идущих от краев к центру. Этими сколами от нуклеуса откалывались заготовки — отщепы овальных или подтреугольных очертаний. Противоположная поверхность, тыльная, нередко сохраняющая на значительной части следы корки, — выпуклая и носит следы крутой оббивки только вдоль опоясывающего нуклеус края. Эта оббивка является, собственно, подправкой, формованшей нуклеус, его тыльную сторону и, в частности, его площадки (рис. 14, 12, 13, 16; 15, 2, 4—6; 16, 1, 8, 9).

Среди нуклеусов первой группы можно выделить подгруппу из 9 экз. (рис. 14, 13, 16; 15, 4; 16, 1, 9). Представители ее имеют на тыльной поверхности следы нескольких сколов, заходящих далеко на поверхность, не приуроченных лишь к самому краю нуклеуса. Однако они не служили для получения заготовок, это скорее сколы очистки, формирующие нуклеус,

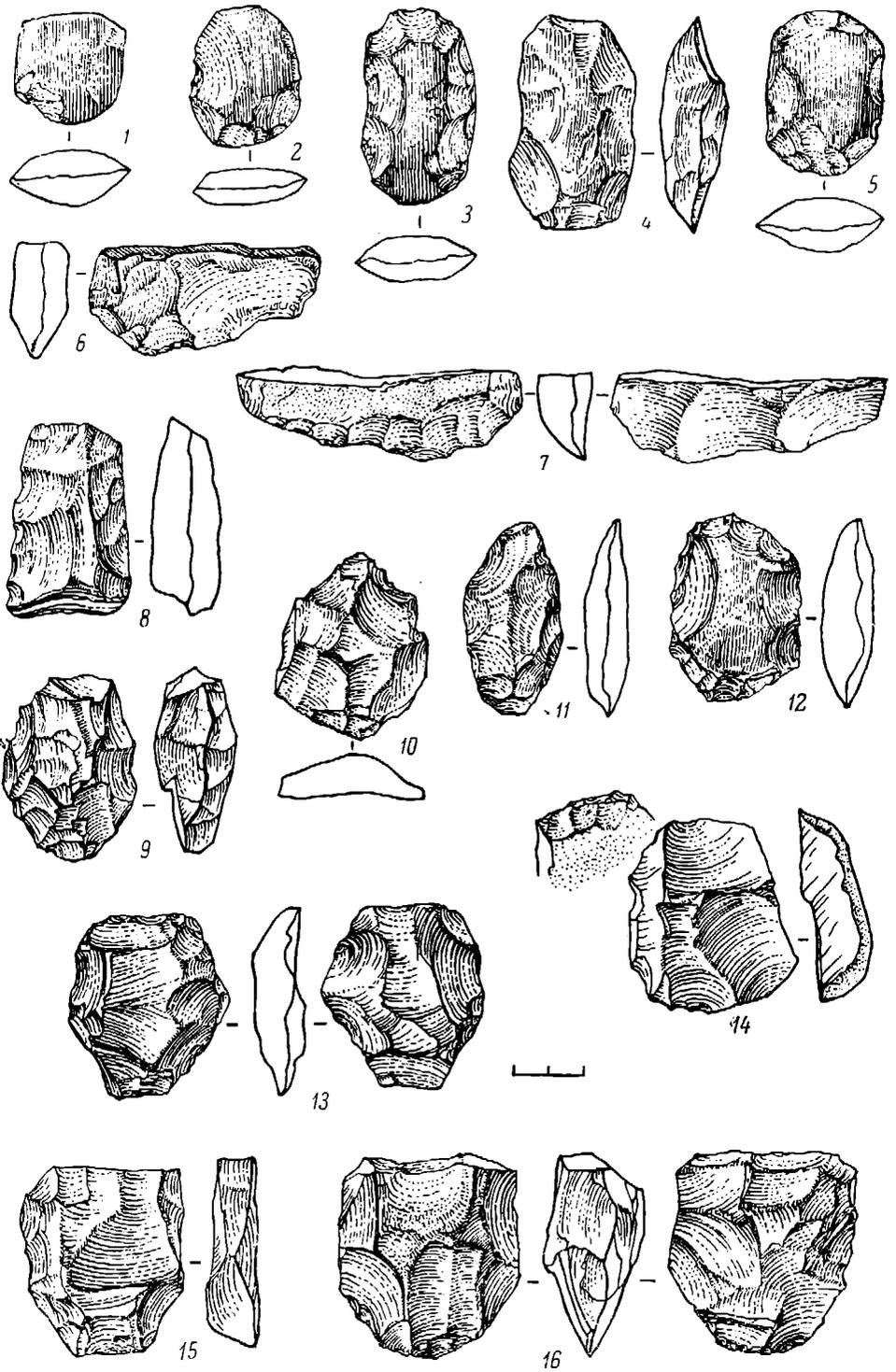

Рис. 14. Каменные изделия, не связанные с определенным пунктом (1—16). Подъемный материал.

в частности его тыльную сторону. Они существенно отличаются от сколов, следы которых видны на рабочей стороне нуклеуса; те и другие нанесены под разными углами. Сколов на тыльной поверхности темного, они плохо выражены. Таким образом, эти изделия нельзя отнести к двусторонним нуклеусам.

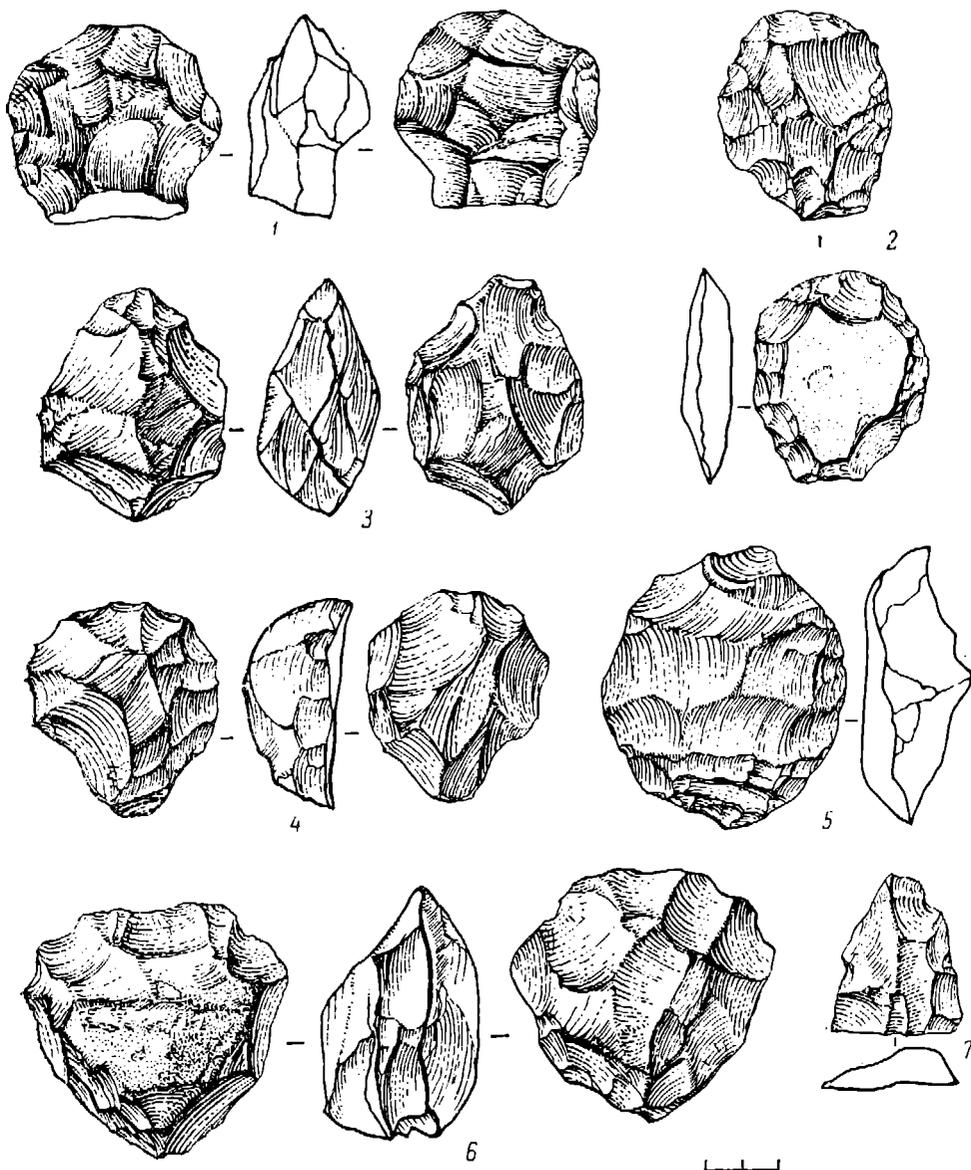

Рис. 15. Камешные изделия, не связанные с определенным пунктом (1—7). Подъемный материал.

Еще одна маленькая подгруппа (3 экз.) односторонних плоско-выпуклых нуклеусов (рис. 14, 12) имеет вытянутые удлиненно-овальные очертания. Изделия этой подгруппы составляют переходную форму к характерным для гвинейских местонахождений оббитым с обеих поверхностей киркам.

Вторая группа пуклеусов (12 экз.) — дисковидные, двусторонние, двояковыпуклые (рис. 14, 9, 16; 15, 1, 3; 16, 2—5, 7). Обе их поверхности выпуклы примерно в равной степени и примерно одинаково сплошь покрыты следами радиальных, довольно крупных сколов, служивших для снятия заготовок. Деления на рабочую и тыльную поверхность пуклеуса здесь нет. В отличие от изделий первой группы в сечении они в общем симметричны.

Среди нуклеусов второй группы тоже можно выделить маленькую подгруппу овальных очертаний (2 экз.; рис. 14, 16). Один конец овала утолщен, напоминает пятку. Противоположный, узкий конец утончен, округлен и приострен несколькими почти параллельными друг другу плоскими сколами, идущими с обеих поверхностей. Таким образом, эти двусторонние двояковыпуклые пуклеусы последующей оббивкой превращены в орудия, близкие к чоппингам.

Третья группа нуклеусов представлена лишь 2 экз. Это нуклеусы, близкие к леваллуазским. Они неправильных, тяготеющих к прямоугольным очертаний, плоские, на тыльной поверхности имеют следы нескольких, очень плохо выраженных радиальных сколов, а на противоположной — трех-четырех продольных сколов, близких к пластинчатым. Один экземпляр (рис. 14, 14) плоско-выпуклый, двулощадочный. На тыльной поверхности его заметны следы мелкой подправки на участках площадок. Другой экземпляр (рис. 14, 15) однолощадочный, имеет следы предвартельной формовки рабочей поверхности короткими радиальными сколами.

Кроме трех названных основных групп нуклеусов, следует еще упомянуть три плохо выраженных атипичных экземпляра.

Бифасы (3 экз.) не образуют устойчивой, хорошо выраженной серии, тесно примыкают и к чоппингам, и к дисковидным нуклеусам (рис. 12, 11; 14, 11). Все они очень разные. Двумя экземплярами, правда очень плохо выраженными, представлены, кроме того, узкие удлинённые бифасы, имеющие обух вдоль одного длинного края (рис. 14, 6, 7).

Следующую группу (9 экз.) образуют грубо оббитые с обеих поверхностей массивные кирки и их обломки (рис. 12, 7—10; 14, 8; 15, 7). Длина их 4—11.5 см, ширина 3—6 см, толщина 0.8—2 см. Они разные, не образуют устойчивой серии, но в то же время целиком входят в категорию кирок из других описанных нами выше гвинейских местонахождений. Эти кирки могут быть, как мы уже указывали, отнесены и к санго, и к лупембу, и к неолиту. Однако от типичных неолитических топоров они отличаются гораздо более значительной выветренностью.

Маленьких неолитических топоришков с подшлифованным лезвием 8 экз. (рис. 14, 1—5). Длина их 4—5.5 см, ширина 2.8—3.2 см, толщина 0.6—1 см. Очертания их промежуточные между прямоугольными и овальными. В поперечном сечении они чечевицеобразные. Лезвие на конце выпуклое, тщательно подшлифованное с обеих поверхностей, расположено симметрично. Поверхность выветрена очень незначительно, гораздо слабее, чем у других изделий.

Наконец, особняком располагается плитка с углублением на одной плоской поверхности и со штрихами, идущими в разных направлениях в этом углублении. Вероятно, это наковальня или абразивный инструмент.

Таков инвентарь открытых и обследованных В. В. Соловьевым местонахождений (см. таблицу). Какое место занимают они среди других памятников каменного века территории Гвинейской Республики и соседних стран?

Разумеется, вызывает сожаление бедность местонахождений, то, что мы имеем здесь дело только с группами каменных изделий, собранными

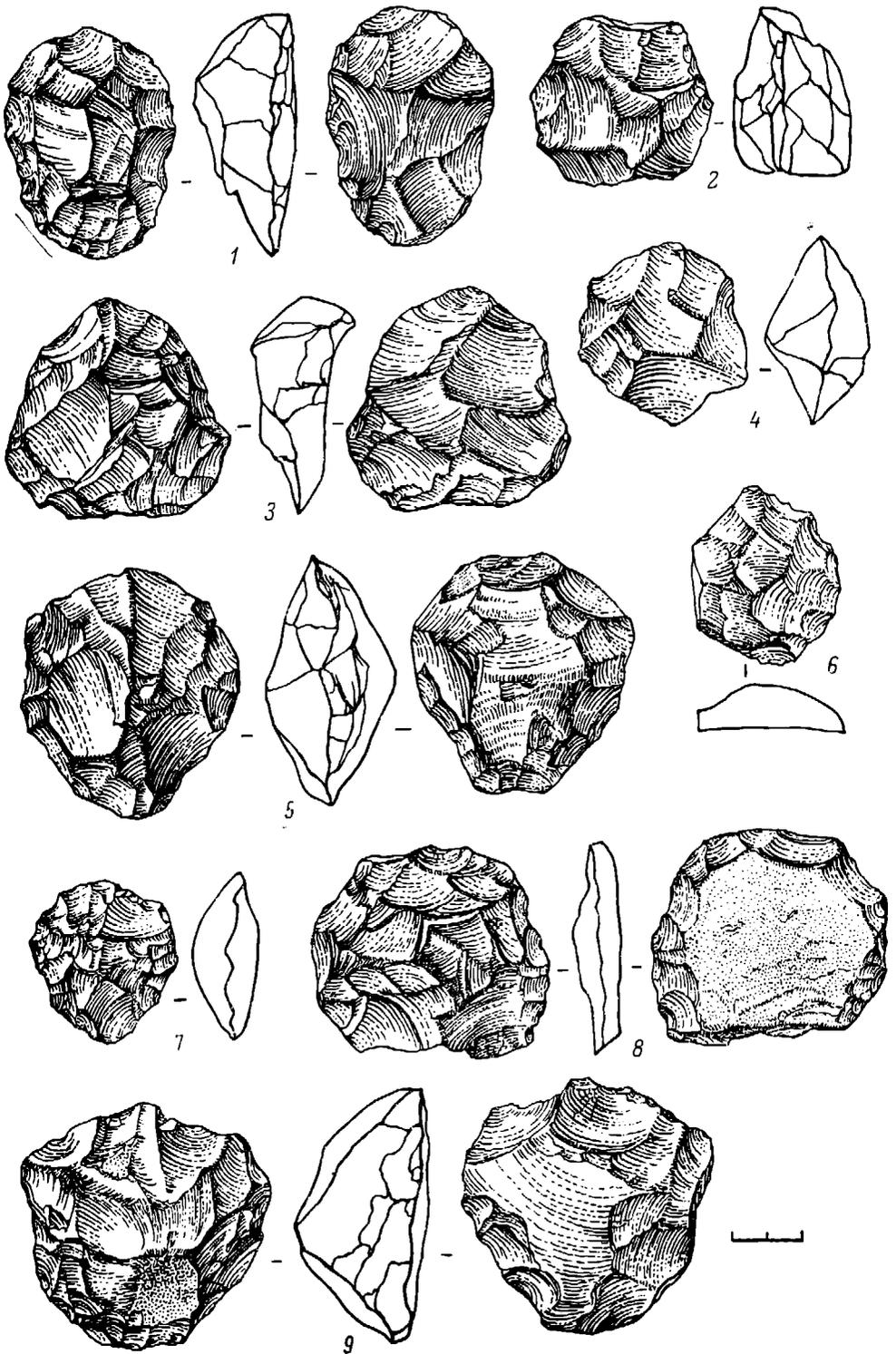

Рис. 16. Камешпыс падегля, не связанные с определенным пунктом (1—9). Подземный материал.

Распространение каменных изделий по местонахождениям

	Водораздел Когона, Фатагы и Томане								Группа Содооре						Западные группы		Найдены, не связанные с определенным пунктом	
	A-1	A-2	A-3	A-3, пункт «А»	A-4	A-5	A-5, пункт «А»	A-5, пункт «Б»	A-6	A-7	A-8	A-9	A-13	A-15	A-16	A-20		A-21
Отщепы	1	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3	1	9	—	—	—	24
Отщепы леваллуа и близкие к ним	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Отщепы и осколки атипичные	—	—	—	3	—	—	—	—	—	6	1	—	—	8	—	—	—	—
Отщепы и осколки со следами вторичной оббивки по краю	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	6	—	—	—	—
Дисковидные нуклеусы односторонние плоско-выпуклые (I группа)	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	4	2	—	—	—	23
Дисковидные нуклеусы двусторонние двойковыпуклые (II группа)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	2	2	2	—	—	—	12
Нуклеусы, близкие к леваллуа (III группа)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	2
Нуклеусы, не входящие в три названные группы и атипичные	—	2	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	1	1	—	—	3
Бифасы	1	—	—	—	1	—	3	—	—	2	—	7	—	1	—	—	—	3
Удлиненные бифасы, имеющие обух вдоль одного длинного края	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—	—	2
Кирки	—	—	—	6	—	—	—	—	3	—	—	6	6	—	—	—	—	9
Неолитические топорики без шлифовки	—	—	3	—	—	—	1	—	—	1	—	8	—	2	1	—	—	—
Неолитические топорики с подшлифованным лезвием	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	3	1	—	8
Разные находки	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1

на поверхности, не связанными с культурным слоем. Но такова вообще значительная часть материалов по каменному веку Западной и Центральной Африки, которыми располагает современная археологическая наука. В качестве примеров назовем хотя бы опубликованные в 60—70-е годы довольно многочисленные материалы по каменному веку Центральноафриканской Республики⁵³ и Камеруна.⁵⁴ В обоих случаях перед нами исключительно подъемный материал. Но при скудости материалов по каменному веку этих стран (как и по каменному веку Гвинейской Республики) и подобные коллекции тоже приобретают большое значение.

Среди публикуемых нами гвинейских местонахождений отсутствуют такие, которые можно было бы отнести к древнему палеолиту, к раннему каменному веку Африки, к олдувайской, раннеашельской, средне- и позднеашельской ступеням. Обращает на себя внимание полное отсутствие кливеров, архаичных отщепов, исключительная редкость чопперов и чоппингов, отсутствие примитивных галечных орудий, сравнительная редкость рубил и полное отсутствие рубил ашельских типов.

Публикуемые местонахождения, как мы уже показали, во многом сходны между собой. Сходен характер использованного для обработки сырья. Сходно, правда не на всех местонахождениях, сочетание неолитических и мустьерских элементов.

Возникает вопрос: быть может, все это неолитические памятники, близкие по времени к гроту Какимбон, но отличающиеся от неолита окрестностей Кииндиа, в котором представлены микролиты и трапецевидные наконечники стрел. Некоторые из наших местонахождений бесспорно неолитические, причем они действительно обнаруживают элементы сходства с памятниками типа Какимбон. Особенно показательное местонахождение А-21, где вообще отсутствуют мустьерская техника раскалывания и мустьерские дисковидные нуклеусы, а налицо только неолитические топоры, отшлифованные и просто оббитые. Но это местонахождение является, пожалуй, исключением. В выразительных местонахождениях А-9 и А-16 типичными сериями представлены и неолитические топоры, и мустьерские дисковидные нуклеусы, и грубо оббитые с обеих поверхностей кирки. Характер поверхности у дисковидных нуклеусов и у кирок одинаковый. Неолитические же топоры выветрены гораздо слабее. Это дает основание считать комплексы данных местонахождений смешанными, разновременными. Если топоры относятся к неолиту, то дисковидные нуклеусы и кирки характеризуют средний каменный век Африки, культуры санго и лупемб, одновременные мустьерской культуре и позднему палеолиту Европы. Вполне вероятно, таким образом, что часть инвентаря местонахождений А-9 и А-16 относится к культурам санго или лупемб и имеет возраст до 46 000 лет тому назад. Сходная картина наблюдается в местонахождении А-13, доставившем довольно многочисленные каменные изделия. Здесь также налицо мустьерские дисковидные нуклеусы и оббитые удлиненные кирки. Шлифованные топоры, правда, отсутствуют. Но есть 8 довольно тщательно оббитых топоришков с поперечным лезвием на конце, напоминающих неолитические. Их поверхность выветрена гораздо слабее, чем у остальных изделий, — следовательно, они также могут быть отделены от остального инвентаря санго или лупемба и отнесены к неолиту. К тому же времени могут принадлежать местонахождения А-1, А-4 и А-15, где вообще отсутствуют неолитические формы, а представлены только типичные мустьерские дисковидные ну-

⁵³ Bayle des Hermines R. de. Premier aperçu du paléolithique inférieur en République Centrafricaine. — L'Anthropologie, 1967, t. 71, № 5—6.

⁵⁴ Hervieu J. Contribution à l'étude des industries lithiques du Nord Cameroun. — Cahiers ORSTOM, ser. Sciences Humaines, Paris, 1971, vol. VII, № 3.

клеусы и небольшие вытянутые, грубо оббитые с обеих поверхностей кирки (рис. 8; 9, 4—8; 12, 1—6).

Итак, перечисленные гвинеийские местонахождения доставили каменные изделия, часть которых может быть отнесена к санго и лупембу, а часть — к неолиту. Но такие датировки не являются бесспорными. Дело в том, что в гроте Какимбои мустьерские дисковидные нуклеусы и оббитые с обеих поверхностей кирки встречаются вместе с неолитическими шлифованными топорами. Они характеризуют не только санго и лупембу, но также и неолит Западной Африки. А с другой стороны, тщательно оббитые топорики, тесла и долота, аналогичные вышеописанным, встречаются в Западной Африке не только в неолите, но и в культуре лупембу, т. е. в позднем палеолите.

Таким образом, если ряд охарактеризованных нами группы гвинеийских каменных изделий, связанных с определенными местонахождениями, бесспорно относится к неолиту, то ряд групп изделий с равной степенью достоверности может быть отнесен и к неолиту, и к лупембу, и даже к санго.

Обращает на себя внимание обилие и типичность в описанных нами местонахождениях мустьерских дисковидных нуклеусов, устойчивость их серий. Это явление характерно как для культур санго и лупембу, так и для неолита Западной Африки. Но в то же время приходят на память мустьероидные культуры Западной Африки, к которым привлекли внимание Юго и Дескамп, относящие их к самому финальному палеолиту и к мезолиту.⁵⁶ Правда, для этих культур характерны многочисленные отщепы с фасетированными ударными площадками, почти совсем отсутствующие в наших местонахождениях, а также скребла и зубчатые орудия.

Мы видим, таким образом, что датировка гвинеийских местонахождений каменного века, которым посвящена настоящая статья, пока еще весьма приблизительна. Ее затрудняет не только бедность общих наших представлений о каменном веке Западной Африки, не только то, что весь публикуемый в настоящей статье материал происходит из сборов на поверхности земли, но и своеобразие развития культур каменного века на территории всего Африканского материка. Как мы уже видели, здесь, в частности в Западной Африке, отсутствуют резкие, четкие грани и переломы, отделяющие друг от друга разные эпохи и культуры палеолита и неолита. Одни и те же типы каменных изделий продолжают встречаться, не прерываясь особенно существенных изменений, на протяжении ряда эпох от санго до позднего неолита. Все же и при расплывчатости и осторожности предлагаемых нами датировок материалы гвинеийских местонахождений существенно обогащают наши представления о столь мало еще известном каменном веке Западной Африки.

Открытие местонахождений каменного века бесспорно не исчерпывает всего многообразия стоянок древнего населения этой части Западной Африки. Однако те закономерности, которые намечаются в размещении их в связи с особенностями геологического и морфоструктурного строения территории, позволяют сделать наиболее вероятный предположительный прогноз о локализации еще неизвестных местонахождений древней культуры в других частях Гвинеи. К таким территориям в первую очередь могут быть отнесены северо-восточные склоны массива Фута-Джаллон и равнинные пространства Верхнего Пигра. Условия рельефа, характер растительности и наличие достаточного количества пород (долеритов и роговиков), подходящих для изготовления каменных орудий, могли способствовать расселению наших далеких предков и на этих участках Западной Африки.

⁵⁶ Hugot H. J. Op. cit.; Descauprs C. Op. cit.

И. Н. Голованова

Скульптура района Квилу-Кванго
(ее роль в социальной жизни общества)

Юго-западную часть Республики Заир и Северной Анголы населяет группа бантуязычных народов, имеющих много общих черт в структуре социальной организации и культуре. Это — бапенде, баяка, бамбала, басуку, баянзи, бахуана, балунда, вачокве и др. Район юго-запада представляет собой зону парковых листопадных лесов и высокотравных саванн, перемежающихся с вечнозелеными тропическими лесами. Народы этого района по преимуществу земледельцы, однако и охота в их жизни занимает значительное место. Земледелие мотыжное с подсечно-огневым способом обработки почвы. Основная культура — маниока (у бапенде — сорго), вспомогательные — маис, просо, арахис, ямс, бататы, фасоль, перец и пр. Охотятся коллективно, с луками, главным образом на кабанов, буйволов и антилоп. По берегам рек мужчины занимаются рыболовством, используя верши, крючки, сети и яды. Женщины круглый год собирают дикорастущие плоды, ягоды, съедобные корни, личинки и т. д.

Все упомянутые народы имеют матрилинейный счет родства с преимущественно вирилокальным браком. Деревни представляют собой или планированные застройки (если на территории находится река, то селение располагается по ее берегам), или же разбросанные по местности без определенного плана хижин. Жилища, как правило, четырехугольные, из соломы и листьев фикусов, с двускатными крышами из тех же листьев, уложенных наподобие черепицы, и внутренними перегородками. Большие плетеные корзины на столбах служат зернохранилищами. Существуют в деревне и специальные хижинки, связанные с обрядами инициации, отличающиеся от прочих и размерами и внутренним убранством, или такие, как кузница, которая представляет собой сооружение с низкой крышей (однако в помещении можно было стоять во весь рост), установленной на деревянных подпорах.¹

Круг занятий жителей строго очерчен: земледелие, охота, рыболовство, собирательство, кузнечество, гончарство, плетение, резьба по дереву и т. д. — соответственно климатическим сезонам года.

Кузнецы изготавливали наконечники стрел, ножи, топоры, тесла, лезвия мотыг. Женщины из глины лепили горшки для воды, приготовления пицци, чаши для пальмового вина, головки табачных трубок и т. д., украшая их, как правило, линейным орнаментом. На простом станке в виде четырехугольной рамы мужчины плели циновки из волокон рафии. Ци-

¹ Выплавкой железа занимались не все народы района. Баппиди, бахуана, вачокве — особенно искусные в этом ремесле — продавали свои железные пластины (которые служили и денежной единицей) соседним народам.

новки делались и вручную; среди них особо выделялись те, что были изготовлены из плоских волокон листьев пандануса. Как те, так и другие украшались липсойным рисунком или фигурками животных. Очень распространенным было плетение корзин всевозможных форм (также мужское занятие).

Одежда взрослых мужчин и женщин состояла из набедренных поясков, сплетенных из волокон рафии (пояской мог быть и кусок шкуры). В торжественных случаях мужчины носили на голове нечто вроде платка (тоже из рафии), который туго стягивал лоб, завязывался на макушке и свободно падал на затылок. Прически были очень разнообразными, но чаще всего имели форму гребня и украшались раковинами-каури. Татуировка (точнее, рубцевание) — различная у каждого народа — была обычным явлением. Взрослые мужчины и женщины носили ожерелья из бус и каури, на запястьях и лодыжках — кожаные или железные кольца.

Центральную и Западную Африку с полным основанием можно назвать царством дерева. Естественно, что здесь употребляются и другие материалы, такие как железо, камень, глина, но дерево оказывается все-таки преобладающим (из-за природных условий). Используется как твердое, так и мягкое дерево, но предпочтение почти всегда отдается породам, имеющим красивую естественную окраску.

Предметы домашней утвари — миски, чаши, кубки, ложки, ступки и пр. — отличаются изяществом и простотой форм и искусно украшаются резным геометрическим орнаментом. Для юго-запада очень характерны антропоморфные и зооморфные мотивы. Ступки для пыхательного табака украшены, например, резными фигурками женщин, игроков па санзе,² барабанчиков или фигурками, помещенными одна на другую (верхняя поддерживает вместилище табака с крышкой, нижняя держит в руках миниатюрную ступку и пестик). Есть великолепные трости с навершием в виде человеческой головы или целой фигуры. Таким же образом украшены гребни, шпильки, барабаны, свистульки. Часто встречаются в жилищах пороги из громадного бревна, вырезанного в форме черепахи, ящерицы или змеи, резные панно, обрамляющие двери, где человеческие фигуры чередуются с фигурами животных (иногда двери украшаются фигурами мужчин и женщин, а сверху — барельефной маской), резные коньки крыш, изображающие людей, животных и т. п.

Большинство предметов из дерева можно без сомнения включить в сферу прикладного искусства, на котором лежит отпечаток стилевых особенностей скульптуры района Квилу-Кванго и традиционных мотивов. Однако прежде чем перейти непосредственно к скульптуре интересующего нас района, мне кажется необходимым сказать хотя бы несколько слов об африканской скульптуре в целом.

Если внимательно присмотреться к традиционной африканской скульптуре, то, по-видимому, без особого труда можно отметить несколько ее особенностей (как, впрочем, и в любой другой скульптуре доклассовых обществ). Во-первых, эту скульптуру нельзя отнести к предметам искусства в том смысле, в каком искусство понимается европейцами. Для африканцев это прежде всего полезные и совершенно необходимые предметы, выполняющие магические или иные социально-религиозные функции, т. е. участвующие в различных ритуалах и обрядах. Во-вторых, традиционной африканской скульптуре не присущ индивидуальный почерк ее творцов. Маски или фигурки всегда режутся только в заданной форме, стиле, т. е. без каких-либо вольностей и отступлений, поскольку в этих

² Щипковый музыкальный инструмент, где струнами служат узкие, различной длины полоски бамбука.

традиционных особенностях и заключается магическая сила данных предметов. В-третьих, фигурки, изображающие человека, почти всегда вписываются в цилиндр, что нередко сопровождается опусканием отдельных деталей и известной схематичностью. Часты инкрустации глаз, и в большинстве случаев отмечены признаки пола. В-четвертых, вне зависимости от качества отделки и степени стилизации на голове или теле скульптуры отмечаются племенные знаки — шрамы, прически, украшения и т. д. Последнее обстоятельство разбивает единый африканский комплекс скульптуры на множество локальных вариантов, которые хотя и не строго, но все-таки соответствуют этническому делению. Локальные варианты в свою очередь объединяются в более крупные стилевые комплексы, также в какой-то степени отражающие и генетическую и культурную связь между племенами и народами. Тот факт, что стилевые особенности не очень строго соответствуют этническому делению, хочется подчеркнуть особо. Дело в том, что на общества данного района принято смотреть как на коллективы, живущие обязательно замкнутым родовым строем. Отчасти отсюда стремление приписать каждому конкретному племени строгий культурный комплекс, отличающий его от всех соседних племен. Но если взять, например, стилевые особенности африканской скульптуры, то в этом плане как раз и нельзя установить какие-либо совершенно четкие границы и отдельные особенности можно с полным основанием отнести и к одному племени и к другому. Так, реалистические племениобразные маски, которые приписываются баяка, встречаются и у их соседей басуку и бапенде, а громадные маски колдунов — *какунгу* — у баяка и басуку. Нередко в искусстве одного и того же племени не наблюдается единого стиля; например, в скульптуре северной части территории могут отсутствовать детали, которые характерны для скульптуры южной части, и в то же время они обнаруживаются у соседнего народа. По-видимому, вообще нельзя говорить о стиле баяка, бапенде, басуку и т. д. в отдельности. Обоснованным кажется разговор лишь о стиле целого района, в частности района Квилу-Кванго, причем и здесь наблюдаются какие-то определенные стилевые ядра и их размытые границы.

Это рассуждение не относится к племенным знакам на скульптуре, которые отражали именно этнические различия и продолжали сохраняться даже тогда, когда реальные представители общества уже переставали носить эти знаки.

То, что границы комплексов материальной культуры или стилей скульптуры не совпадают с этническими границами, заставляет европейских этнографов искать причины этих явлений в миграциях различных племен. Составляя отдельные детали, они пытаются проследить пути распространения того или иного типа или особенности. В этом, как мне кажется, можно ясно ощутить влияние школы культурных кругов, теории которой пытались объяснить все более или менее сходные явления лишь заимствованиями из одного какого-либо района определенного материка.

Видимо, именно в игнорировании внутреннего социального развития изучаемых народов и кроется причина того, что до сих пор конкретное назначение и употребление ритуальной скульптуры в отдельных обществах, так же как и роль того или иного ритуала, остаются еще далеко не полно изученными.

Вероятно, было бы гораздо более плодотворным проследить количественные соотношения различных стилей и типов скульптуры в пределах нескольких этнических групп, учитывая возможную их связь с внутренним социальным делением общества. Основанием для такого подхода, по-видимому, могут послужить те сообщения в этнографической литературе,

в которых несколько особняком говорится, например, об изображениях предков вождей или других социально высоких лиц и можно уловить достаточно отчетливые указания на то, что любые фетиши, принадлежащие вождю и находящиеся в его жилище (или специальном помещении), имеют отношение не только к нему самому, но и ко всему населению его деревни.

Границу между изображениями предков и фетишами провести очень трудно. Если следовать общепринятому делению, то к последним нужно относить фигурки, снабженные специальным магическим снадобьем. И тут обнаруживается одна любопытная деталь: фигурки, изображающие предков, как правило, сделаны гораздо тщательнее, чем те, что имеют магические атрибуты. Но и сами фетиши в свою очередь очень первобытны. Такая закономерность заставляет задуматься над следующим вопросом. А почему фигурки, относящиеся к культу предков, режутся одними и теми же мастерами качественно неодинаково? Не связано ли данное явление опять-таки с внутренним социальным делением общества? В пользу такого предположения, как мне кажется, свидетельствует, например, замечание, высказанное Бартоном о балуба. Он говорит, что идол у бедняка — это лишь грубо вырезанный блок дерева, в то время как у вождя он вырезан искусно и почитается всеми.³

В целом назначение традиционной африканской скульптуры понять не трудно. Маски, например, имели несомненно ритуальный характер, они динамично и действительно участвовали в различных обрядах, связанных с рождением и смертью, с инициацией, земледелием, охотой, военными походами и т. д. Подчеркивая несомненную ритуальность масок, я тем самым хочу их несколько отделить от фетишей, которые могли просто устанавливаться в хижинах в качестве их хранителей и лишь время от времени натираться пальмовым маслом или кровью жертвенного животного; роль последних выглядит более пассивной по сравнению с ролью масок, хотя, конечно, все это явления одного порядка.

Маски, являющиеся наивысшим обрядового танцевального костюма, распространены в Африке главным образом на гвинейском побережье и в районе бассейна р. Конго. Маски эти очень разнообразны как по назначению и размерам, так и по художественным достоинствам. Одни из них весят до 30 кг, другие — несколько десятков граммов (маски-амулеты). Маски могут быть очень реалистичными и сильно стилизованными, могут быть необычайно тщательно сделаны и выглядеть очень грубыми и примитивными. Однако в подавляющем большинстве они очень выразительны и воздействие их прежде всего эмоциональное.

Изготавливаются маски, как уже говорилось, главным образом из дерева и, как правило, из одного куска. Оформляются дополнительными деталями — волосами, шкурами, растительными волокнами, раковинами, бусами, кусками тыквы, металлом и пр., что порой скрывает от зрителей саму их основу.

У каждой маски свое название и назначение. Танцевальный костюм, обычно сплетенный из растительных волокон и окрашенный белой, красной или черной красками, составляет вместе с маской законченный стройный ансамбль, где одно дополняет другое. К сожалению, этнографы-собиратели не придавали костюмам большого значения (отсюда столь малое их количество в музеях мира), и это весьма затрудняет изучение масок.

Значительная стилизация африканских масок свидетельствует о древности их происхождения, поскольку она порождается многовековой традицией.

³ Burton W. F. Luba Religion and Magic in Custom and Belief. Tervuren, 1961, p. 129.

Не подлежит сомнению, что на первоначальных этапах развития родового общества каждый его представитель имел право на изготовление своей индивидуальной маски или фигурки. Затем по мере усложнения социальной структуры общества это право частично или полностью переходит к одному человеку или группе людей: колдунам, вождям или другим специально выделенным лицам. Однако термины «вождь», «колдун» и т. п. имеют в этнографической литературе очень расплывчатый характер. Вождь, например, может быть одновременно и кузнецом, и скульптором, и руководителем охоты. Роль колдуна также остается непонятной: он может быть только знахарем, но может, судя по некоторым сообщениям, и каким-то образом участвовать в управлении повседневной жизнью общества.

Во всяком случае маски за обозримый исторический промежуток времени всегда изготавливались только мужчинами в строго охраняемой от непосвященных тайне и хранились в специальных хижинах до тех пор, пока не наступало время их использования в обрядах.

Обычно маски, так же как и фигуры, на первой стадии изготовления грубо обрабатывают теслом, дальнейшая же доделка производится различными ножами. Однако второй этап может быть выполнен также при помощи тесла, причем очень часто с поразительным искусством. Окончательная шлифовка песком, ветками и прочими материалами придает изделию гладкость, а натирание пальмовым маслом или кровью — особый блеск. Такая тщательность обработки характерна не для всех районов, точнее — в каждом районе она не распространяется на всю скульптуру.

Маски могут сохранять естественный цвет дерева, а могут быть зачернены (их определенное время держат в хижине, наполненной дымом) или окрашены в красный, черный и белый цвета. Краски, как правило, натуральные — белая глина и порошок красного дерева, смешанный с пальмовым маслом. Впрочем, используются краски и других цветов, например синий у баяка и йоруба или зеленый у некоторых народов Дагомеи.

Некоторые маски используются в ритуалах многократно, другие же можно назвать одноразовыми, так как после участия в определенном обряде (и специально для него изготовленные) они уничтожаются.

Маски района Квилу-Кванго в целом очень многочисленны и разнообразны. Их преимущественное назначение — участие в обрядах инициации. Скульптура представлена фигурками предков и фетишами, причем соотношение между ними и масками по отдельным народам очень неравномерное (у бапенде много масок и мало фетишей, у баяка много того и другого, у бамбала превалируют скульптурные изображения матери с ребенком и т. п.). При всем разнообразии и вариациях район Квилу-Кванго показывает лишь несколько стилизованных идер, чьи размытые контуры проходят через указанный район вдоль и поперек. Например, загнутый кончик носа: иногда данная особенность выражена очень слабо, иногда, напротив, весьма ощутимо, в некоторых же случаях нос настолько велик, что его кончик достигает линии лба. Далее — огромные рельефные ушескобки; лица масок, как бы заключенные в очень высокую рельефную овальную или четырехугольную рамку (слабая рельефная линия обрамляет верхнюю часть лица, сверху она идет по линии начала волос, проходит перед ушами и заканчивается у крыльев носа); треугольная форма лица с острым подбородком и соединенной линией бровей; вертикальные линии-полосы под глазами с рельефными веками, глаза, расположенные в овальных углублениях; рот, несколько выступающий вперед, чаще всего приоткрытый, с подпиленными зубами; наличие сверху масок фигурок животных или людей (реже); в случае отсутствия фигурок верх может быть гладким или иметь вид гребня либо конуса.

Теперь перейдем к характеристике масок и ритуальной скульптуры собственно баяка,⁴ не забывая, что это выделение чисто условное и в данном случае я лишь подчиняюсь традиции в этнографической литературе, называющей баякской ту ритуальную скульптуру, о которой пойдет речь.

Маски баяка можно разделить на три типа. Первый — шлемообразный, второй — «маски с ручкой», третий — так называемые маски какунгу. Все три вида раскрашиваются различными красками.

Шлемообразные маски, согласно Маасу,⁵ представляют собой новый тип, тогда как «маски с ручкой» (и носом-крючком) он относит к древнему типу (этой классификации придерживаются почти все исследователи африканского искусства). При этом Маас указывает, что существуют экземпляры, которые никак не могут быть отнесены к маскам недавним. Очень похожие маски, как я уже говорила, встречаются у басуку и бапседе, однако у последних нет фигур, помещенных сверху масок.

Шлемообразная маска режется из цельного куска светлого дерева легких пород и всегда полихромна. Стилизованная прическа в виде гребня имитирует прическу, которая принята в обществе баяка. Она окрашена в черный цвет. Прическа бывает и совершенно гладкой (также черной), но тогда ее обычно увенчивает фигурка животного, вырезанная из того же куска дерева, — бык, собака, антилопа, муравьед, птица; это может быть и фигурка человека (но редко). Значение фигур нам не известно, но можно, как мне кажется, предположить, что эти фигурки некогда являлись изображениями тотемов.

Лицо шлемообразных масок чаще всего белое или красное. Встречаются маски с лицами, одновременно окрашенными в два цвета. Эти лица очень реалистичны и выразительны. Глаза полузакрытые; под ними три черные полосы, которые принято считать изображением слез. Рот небольшой, с тонкими губами и подпиленными острыми зубами. Общее выражение лиц — умиротворенное и спокойное. Довольно часто маски украшены латунными гвоздями (европейского происхождения). У основания маски по всему кругу сделаны небольшие отверстия, сквозь которые продеваются и прикрепляются изнутри весьма длинные полоски из растительных волокон. Они образуют густую и пышную бахрому — «бороду», покрывающую замаскированному плечи.

Шлемообразная маска, как, впрочем, и все маски, является завершением танцевального костюма. Костюм для инициации выглядит приблизительно следующим образом: рубанка с рукавами, сделанная из крученых волокон рафии; юбка (из волокон особого растения), прикрепляющаяся к плетеному поясу.

Каждый посвященный, принимающий участие в танцах, имеет погремущку из тыквы. Внутри нее находятся различного рода косточки, семена, которые во время движения производят большой шум. Кроме того, каждый танцор имеет своего защитника — танцор черенахи, наполненный красной краской и другими веществами, обладающими, по представлениям баяка, большой магической силой.⁶ Такой же костюм, по-видимому, надевается и с масками второго типа.

⁴ Баяка были выбраны лишь потому, что из района Квилу-Кванго в Музее антропологии и этнографии есть только три маски, и все они, как принято считать, баякские. Кроме того, профессор Д. А. Олдеротге, побывавший в 30-х годах в Берлинском музее народоведения, любезно предоставил мне некоторые свои записи и зарисовки по маскам и скульптуре баяка совершенно другого типа. Иллюстрации, помещенные в статье, выполнены с этих зарисовок Т. Л. Юзепчук.

⁵ Maas J. *Antika-Kifwebe*. Antvers, 1924, p. 9.

⁶ *Ibid.*, p. 13—14.

Маски второго типа представляют собой следующую конструкцию.⁷ Из мягкого светлого и легкого дерева вырезается лицо, заключенное в довольно высокую овальную или четырехугольную рамку. На этом очень небольшом лице нос выглядит самой примечательной деталью — настолько он велик и сильно загнут вверх. Линия начала волос, продолжаясь перед ушами (которые располагаются на внутренней стороне рамки) и закапчиваясь у крыльев носа, образует как бы вторую рамку, которая, однако, выделяется лишь слабым рельефом. Глаза с выпуклыми верхними веками имеют под ними выжженные отверстия, для того чтобы танцор мог видеть (впрочем, иногда эти отверстия отсутствуют), а ниже них наносятся вертикальные полосы — «слезы». Рот довольно большой, приоткрытый, с тонкими губами, двумя рядами зубов (зубы могут быть разделенными и могут изображаться сплошной линией, иногда два передних зуба подпилены в виде треугольника острием вниз, иногда же эти зубы вообще отсутствуют). Подбородка, как правило, нет. Лица и рамки масок этого типа окрашены красной, синей, белой и черной красками. Маска заканчивается кольшком-ручкой на ширину ладоши.

На внутренней стороне маски сверху и по бокам расположены выжженные отверстия, сквозь которые продеты волокна, соединяющие маску с плетеным каркасом. Ниже этих отверстий сделаны другие такие же, и при их помощи к нижней части лица и каркаса прикрепляется пышная и длинная борода, сделанная из волокон, заплетенных в верхней части косичкой.

Каркас плетется из расщепленных полосок бамбука (продольные шире поперечных), как корзина, и имеет форму конусовидной шапочки, надеваемой на верхнюю часть головы. Продольные полоски не обрезаются, а продолжают до определенной высоты и, наконец, сходятся в пучке. Поверх этого плетеного сооружения натягивается чехол из тканой рафии, на нем могут располагаться одно над другим кольца различных размеров (внизу самое большое), у которых жесткие бамбуковые ободки обтянуты той же тканью. Кольца прикреплены к чехлу с помощью растительных волокон. Верхняя часть каркаса часто оканчивается пучком перьев. Ткань на чехле и кольцах окрашивается теми же красками, что и сама маска, орнамент геометрический.

Маски третьего типа немногочисленны. Резаются они из цельного куска дерева и достигают в высоту 1 м. Тщательностью изготовления они не отличаются и поражают лишь своими размерами. Впрочем, их черты — раздутые щеки, как бы отделенные от лица, сильно нависший лоб и набрякшие неки — заметно выделяют их среди всех прочих масок. Раскрашены они красной и белой красками и носятся рукопроводителями обрядов инициации или выставляются на стенах хижины, в которой совершается обрезание.

О П И С А Н И Е М А С О К Б А Я К А К О Л Л Е К Ц И И М А Э

Маски кол. № 1647-46—48 относятся к шлемообразным или племенидным. Данное название несколько неточное, так как передает только отличие этих масок от масок-палочников и масок-наголовников, т. е. говорит о том, что шлемовидная маска надевается на голову, закрывая ее целиком. Если она и напоминает шлем, то только его очень ранний средневековый образец, известный под названием «железный горшок». Действительно, эти маски в своей основе имеют деревянный, полый внутри

⁷ Различные сюжеты, детали и особенности этих масок будут даны при характеристике экземпляров, имеющихся в этнографических музеях мира.

цилиндр, плавно закругленный наверху. По нижней кромке такого наголовника прикреплена бахрома из растительных волокон, напоминающая внешним видом меховой воротник или, если смотреть спереди, широкую и пышную бороду. В передней части вырезано лицо. Глаза, рот и нос объемные, стилизованные и очень выразительные. Рот и глаза имеют сквозные прорезы. Ноздри, как обычно, выжжены. По обеим сторонам лица довольно условно располагаются детали, изображающие стилизованные уши. Маски полихромны. Лица окрашены в белый или белый и розовый (красный) цвета; пространство на месте волос — черное или темное. Бахрому сделана из неокрашенного растительного волокна.

Рис. 1. Маска. МАЭ, № 1647-46.

Три маски нашей коллекции и по окраске, и по резьбе лиц несколько различны. Одна из них — № 46 — имеет сверху гладкую округлую поверхность (рис. 1). Лицо ее выкрашено в белый цвет, остальное — в черный (видимо, раньше рот был окрашен красной или розовой краской). Типична для таких масок еще одна деталь — «слезы»: полоски, иногда прорезанные, идущие от нижних век по щекам, обычно окрашенные черной краской. У маски № 46 они непрорезанные и почти стертые. Глаза — узкие прорезные щели, расположенные несколько наискось (у переносицы — нижний копец, у висков — верхний). Верхние веки выпуклые. Нос треугольной формы, широкий, с косым срезом внизу. Ноздри расположены на срезе — это овальные выжженные отверстия. Рот полуоткрыт, зубы подпилены в форме острого угла. Уши рельефные, в виде треугольников. Высота маски 32 см, диаметр нижней части 24 см.

Вторая маска — № 48 — в отличие от первой на круглой верхушке имеет идущий по продольной линии довольно большой гребень в форме опрокинутого полумесяца (рис. 2). Это — стилизованная прическа. Гребень и волосы покрыты сначала черной краской, а затем поверх — красной или, возможно, розовой (краска сильно выцвела, местами стерлась). Лицо трехцветное. Правые глаз и щека до подбородка окрашены светло-серой краской (вероятно, это белая краска, наложенная на красный грунт). Остальная часть лица красного цвета, сильно выцветшего, почти розового. На лбу располагается рисунок из черных и белых точек, идущих над бровями полукругом. Часть лба выше этого рисунка (вероятно, изобра-

жепия знаков татуировки), от бровей до границ волос, также красная. Нос очень широкий, почти плоский, напоминающий неправильный треугольник. Поздри выжжены. Глаза — узкие прорезные щели — расположены в круглых углублениях. Веки рельефные. Слезы изображены тремя вырезанными короткими бороздками, окрашенными в черный цвет. Рот полуоткрыт, губы не обозначены. Зубы, как и у маски № 46, в форме острого угла. Уши слегка рельефные, с отверстием посередине. Высота маски 32 см, диаметр нижней части 25 см.

Третья маска — № 47 — в отличие от предыдущих на верхней части имеет вырезанное (как и гребень маски № 48) из того же куска дерева

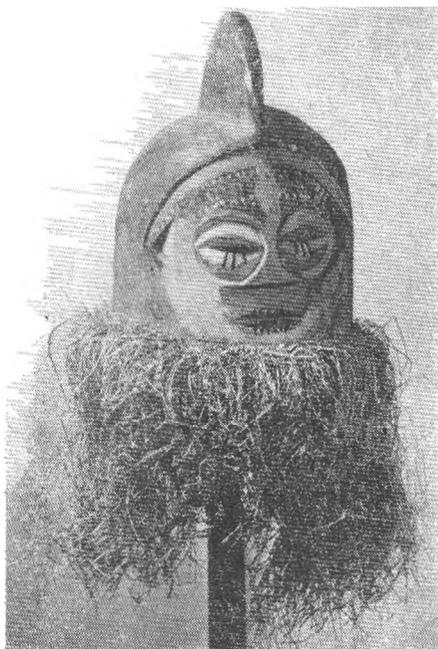

Рис. 2. Маска. МАЭ, № 1647-48.

Рис. 3. Маска. МАЭ, № 1647-47.

изображение птицы, очень стилизованное, в котором птицу можно узнать только припимая условную стилизацию деталей (рис. 3). Так, например, на боках изображения есть две овальные плоскости — крылья. На первый взгляд может показаться, что у птицы четыре ноги. Однако их две, но передняя часть туловища птицы, расположенная горизонтально, как бы опирается на деревянный штитик, соединяющий птицу с верхом маски. На голове птицы два глаза, у клюва — два отверстия. Хвостный клюв полуоткрыт. Крылья, ноги и хвост окрашены черной краской, остальное — белой. Окраска этой маски сохранилась несколько лучше. Лицо белое (без грунта). Волосы черные. На лбу и на волосах, с боков и сзади, есть неглубокий рельефный рисунок — по-видимому, стилизация характерной для негроидов спиральности волос. Нос с узкой переносицей чуть приплюснут, крылья его сильно выражены. Рот рельефный, полуоткрытый, в форме буквы О, лежащей горизонтально. Зубы подпилены так же, как у двух первых масок. Уши расположены на висках. По форме это почти овалы с отверстиями посередине. На месте левой брови сохранились косые коричневые черточки — волосы. Изображены только верхние, слегка

рельефные веки. Из каждого глаза идут по две коричневые полосы — «слезы», доходящие до верхней части подбородка. Высота маски 39 см, диаметр нижней части 28 см. Высота птицы 9,5 см, длина 28 см.

Если племенообразные маски носят отпечаток более или менее определенного стандарта в трактовке черт лица и отличаются друг от друга главным образом намерениями и качеством отделки, то для «масок с ручкой» характерно большое разнообразие как в изображении лицевой (деревянной) части, так и в оформлении каркаса. Последнее обстоятельство зависит от социального ранга тех, кто их носит во время ритуальных танцев.⁸

О П И С А Н И Е Т Р Е Х М А С О К Б Е Р Л И Н С К О Г О М У З Е Я Н А Р О Д О В Е Д Е Н И Я⁹

1. Лицевая часть представляет собой изображение животного (вероятно, собаки), вырезанное из куска светлого легкого дерева. Голова животного короткая, округлых форм, со следами белой краски, макушка черная (рис. 4). Треугольные торчащие уши изнутри красные. Глаза в виде несколько возвышающихся цилиндров расположены в углублениях, и при-

Рис. 4. Маска.

легающая к ним область также окрашена красным. Нос резко срезан спереди, с двумя выжженными отверстиями-ноздрями. Рот приоткрыт, обнажены мелкие передние сомкнутые зубы и крупные клыки, окрашенные красной краской. На внутренней стороне маски есть отверстия для крепления каркаса и бороды. Полусферический каркас в форме шапочки обтянут тканой рафией, поверх него помещена фигурка сидящего человека без обозначенных признаков пола. Яйцеобразная голова и цилиндрическая

⁸ De la n g e J. Arts et peuples de l'Afrique noir. Gallimard, 1967, p. 156.

⁹ Описание дается по рисункам и записям профессора Д. А. Ольдерогге. Такого типа маски классифицируются у искусствоведов как «маски с ручкой».

шея фигурки вырезаны из дерева. Верхняя часть лица со следами белой краски как бы заключена в черную рамку, которая идет от начала волос, проходит перед ушами и заканчивается у крыльев носа. Лоб очень широкий, нос крупный (напоминает прямоугольный треугольник, где меньший катет — нижний срез носа), с ярко выраженными крыльями и выжженными отверстиями-ноздрями. Закрытые овальные глаза расположены в овальных же углублениях. Рот полуоткрытый, с отдельно вырезанными верхними и нижними зубами. Вся голова (кроме лба) и нижняя часть лица черные. Верхнее веко синее, нижнее красное. Следы синей краски видны и на крыльях носа. Зубы красные. Начиная от шеи фигурка обмотана тканью из рафии, и туловище под обмоткой сделано, по-видимому, из пучка полосок бамбука или стеблей жесткой травы. Так же сделаны руки

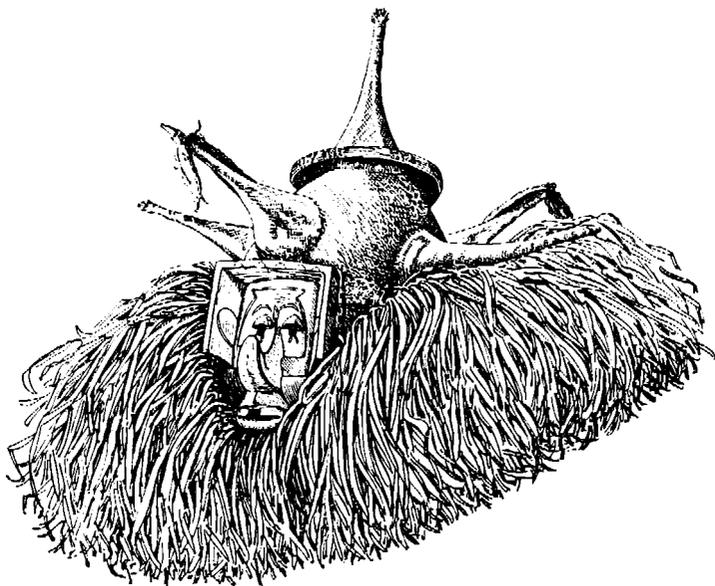

Рис. 5. Маска.

и ноги: первые очень длинные и тонкие, вторые тонкие, но короткие. Они пришиты к туловищу растительными волокнами. Одна рука поднята и кисть ее укреплена в районе шеи, в другой, согнутой в локте, тонкий деревянный цилиндрический предмет.

Весь нижний край лицевой части маски обрамлен громадным воротником-бахромой из свободно свисающих растительных волокон. Общая высота маски 57 см.

2. Деревянная часть маски представляет собой человеческое лицо, заключенное вверху в высокую четырехугольную рамку (цвета: черный, красный и черный с белыми точками; рис. 5). Линия границы волос, сначала горизонтальная, спускаясь вниз, делает зигзаг, а затем плавной дугой проходит перед ушами и под углом поворачивает к крыльям носа, заканчиваясь около них. Все пространство внутри нее окрашено белой краской, снаружи — красной. Лоб чуть выступает, на нем полукруглые красные брови, сходящиеся в середине основания носа. Нос очень велик и загнут: его кончик находится на одном уровне с соединением бровей. В профиль этот кончик выглядит прямым срезом, который в нижней части переходит в закругленную линию. Посередине носа по верху и низу его проходит черная полоса. Такие же черные полосы идут от глаз — выжжен-

ных круглых сквозных отверстий, которые расположены под верхними рельефными веками (нижние отсутствуют). Большой, несколько выступающий рот с красной верхней губой и черной нижней имеет соединенный ряд белых зубов верхней и нижней челюстей (нет верхних резцов). Уши, помещенные на внутренней стороне глубокой рамки, выглядят неправильными рельефными полуовалами. Внутренняя сторона деревянной части маски имеет выжженные отверстия для крепления каркаса и бороды и четырехугольную щемку. Низ маски, сужаясь, переходит в кольшеобразную ручку.

Рис. 6. Маска.

Высокий каркас оканчивается соединенным пучком продольных бамбуковых полосок и весь обшит, как и у всех масок, тканью из рафии. В верхней его части есть кольцо в виде поля шляпы с бамбуковым ободком. Кольцо пришито к каркасу растительными волокнами. В нижней части — четыре рога; внутри них, по-видимому, полоски бамбука или жесткие стебли (они также обшиты тканью). Вся материя носит следы раскраски белой, черной и красной красками. К двум рогам привязана полоса ткани, напоминающей фланель. Общая высота маски 52 см.

3. Часть маски, изображающей человеческое лицо, вырезана из светлого легкого дерева (рис. 6). Верх лица заключен в рельефную рамку, окрашенную синей краской. Последняя вначале идет горизонтально по линии границы волос, затем сворачивает под косым углом вниз и, пройдя иланной дугой перед ушами, заканчивается у крыльев носа. Нос большой,

сильно загнутый, с двумя выжженными отверстиями-ноздриями. Посередине лба и носа (с внешней и внутренней сторон последнего) проходит полоса красной краски. Глаза с выпуклыми верхними и нижними (белыми) веками имеют синюю радужную оболочку и белый зрачок (сквозные прорезы отсутствуют). Брови — красные полукруги. Под глазами — три полоски (средняя красная, боковые черные). Большой рот, окрашенный красной краской, приоткрыт, виден слитный ряд белых зубов без двух передних резцов. Подбородка нет. Все лицо как бы находится на дне высокой овальной рамки, черной снаружи. На внутренней ее части, расписанной черными и красными полукружьями по белому полю, сверху располагается голова змеи с овальными глазами и выжженными поздравными отверстиями. Верх головы белый с красной полосой посередине, низ — черный. Глаза окрашены синей краской. Загнутый кончик носа маски расположен как раз напротив приоткрытой пасти змеи.

У каркаса продольные бамбуковые полоски сходятся наверху и образуют длинный стержень. Покрышка из рафии. На каркасе имеются три кольца, и под самым большим нечто вроде полуovalов, сделанных таким же образом, как и кольца. На покрышке — геометрический орнамент (во многих местах стертый), нанесенный красной, синей, белой и черной красками. Под верхним кольцом привязана коричневая с черной полоской лента из хлопчатобумажной материи. Общая высота маски 63 см.

* * *

Как уже говорилось, большинство масок района Квилу-Кванго связано с обрядами инициации. Известно, что последние в традиционных африканских обществах имели исключительно большое значение. Совершаются они и в настоящее время. Например, у бапенде и их соседей существуют танцы *мунгонге* и *кела* — обряды посвящения, с помощью которых достигаются престиж и почести в обществе. Приведем краткое изложение хода этих церемоний, записанных Субергом.¹⁰

Накануне той ночи, когда должны состояться ритуалы мунгонге, вся деревня участвует в общем танце, а затем непосвященные и женщины удаляются в хижины, где и находятся вплоть до окончания церемонии. Объявляется половое воздержание.

К действию готовятся барабаны — их подогревают у костра для лучшего звучания. Некоторые посвященные уходят в бруссу, в особую загородку — *зембе*, где глава церемонии собирает различные дары предкам — орехи, пальмовое масло, вино и обильную пищу.

После угощения посвященные, которые будут изображать предков, раздеваются и обмазываются белой глиной: представители низших рангов рисуют на теле линии, высших — покрываются ею целиком (только первые будут наносить раны новичкам либо ножом с загнутым концом, либо когтями птиц или животных).

Выставляются посты, чтобы обеспечить секретность происходящего, и приводятся новички. Появляется руководитель мунгонге; в правой руке у него топор (или мотыга), в левой — петух. Он ударяет топором о землю, вызывая предков, а затем обходит костер и бросает в него несколько вырванных у петуха перьев. Новичкам задают вопросы и делают оскорбительные замечания. Те полны сожаления и раскаяния.

Начинается песня. В ней руководитель церемонии (который должен иметь хорошие голос и память) упоминает основателей рода, настоящих

¹⁰ S o u s b e r g h e R. de. Les danses rituelles mungonge et kela des ha-Pende. Bruxelles, 1956, p. 1—63.

и мифических предков и много названий различных птиц. На эти призывы предки могут откликнуться не сразу, и тогда перечисляются подарки, которые им приготовлены. Слышится крик совы (посвященные имитируют его, зажимая одной рукой нос, а другой трясая кадык) — это ответ предков. Посвященные в низшую степень начинают талсц, делая быстрые движения ногами (ступнями и колеснями внутрь), некоторые из них бросаются на повичков, бьют их и толкают, а затем исчезают.

Утром приходит люди на ходулях — это означает конец церемонии. Новички направляются к зембе, где вырыта яма с туннелем. С одной стороны ее стоят двое посвященных, с другой — повички, их заставляют «схватить крысу». Когда повичок протягивает руку, посвященный хватает ее и делает на тыльной стороне насечку в форме креста — символа мунгонге. Затем посвящаемый произносит клятву — не разглашать тайн виденного и слышанного в мунгонге. В последующие дни новичков приводят в деревню, где все снимают одежду из листьев, заменяя ее юбочками из ткани. Глава зембе считает деньги и делится с коллегами из соседних деревень и своими помощниками. Новым посвященным показывают висющую на зембе маленькую корзинку в сетке. Оттуда свисают веревочки с привязанными к ним перьями. Каждая веревочка и перо имеют свои имена и символы. Новичкам дают по красному перу, это означает успешный исход испытания. Они втыкают перо в волосы с правой стороны и идут в деревню. В течение нескольких дней после испытания новички ходят раскрашенными красной краской, уже не могут есть с непосвященными, а по очереди посещают друг друга, и их кормят матери.

Затем совершается еще целый ряд действий, и посвящаемые снова возвращаются в зембе, где готовится обильное угощение, состоящее из многих блюд. Теперь уже вся процедура оплачена, и они имеют право узнать содержание маленькой корзинки и тайное имя каждого из предметов. Среди последних — шар из земли с перьями — изображение беременной женщины, два куса дерева, две фасолины, две крупы соли, две клешни краба, когти и перья птиц и т. п. Символы всех этих предметов надо запомнить. Если их забывают, то платят штраф. Затем посвященных ведут в лес и бруссу, показывают различные растения, деревья и называют их тайные имена. Между посвященными должно царить согласие. Все ссоры и споры сразу же доводятся до суда, и виновный платит штраф.

Церемония кела встречается гораздо реже, чем мунгонге. Начинается она, так же как и мунгонге, с удаления непосвященных. В лесу или бруссе строится маленькая хижина. Посвященные отправляются за травой, и после того, как она принесена, глава церемонии вызывает предков. Вся деревня собирается около хижины и танцует перед костром под звуки барабана. В хижине зажигают огонь и бросают в него принесенную траву. Все дыры в стенах и крыше тщательно затыкаются, но, однако, удушливый дым валит со всех сторон. Новичков по очереди (после ответа предков) помещают в хижину, сначала на несколько минут для пробы, а затем пребывание в дыму все увеличивается. Вокруг хижины всю ночь поют и танцуют посвященные. Те, кто зажег огонь, остаются в хижине всю ночь — это специалисты, которые владеют секретами от удущья. Секрет, по словам одного из вождей, состоял в том, чтобы после долгой тренировки научиться очень слабо дышать через кожу псаарки или молодой обезьяны.

Восход солнца служит сигналом к прекращению испытания удущьем, и все идут мыться к реке. Однако по дороге новичков поджидает еще ряд сюрпризов, и в том числе следующий: к их шеям привязывают по целому муравейнику, от которого время от времени отрывают по кусочку и сыплют содержимое им на голову. Повичок не может защищаться от укусов

муравьев, поскольку в руках у него большой камень, который нельзя вынуть из рук, пока не достигнешь воды.

Когда все окончено, новые посвященные угощают старых мясом овцы, маниоковой кашей и пальмовым вином. Отныне они носят перо цесарки и лоб их от одного виска до другого прочерчивает красная полоса — символ выдержанного испытания. Как и в мунгонге, в кела присутствует корзинка с магическими предметами (но они не известны европейцам).

Теперь, перед тем как прокомментировать церемонии мунгонге и кела, мне хотелось бы привести еще несколько фактов, сообщаемых Субергом в его работе.

После совершения ритуалов мунгонге, кела и *муканда* (обрезание) посвященные получают новые тайные имена. Однако если у бапенде муканда обязателен для тех, кто посвящается в мунгонге и кела, то у баяка членами последних могут быть и не прошедшие муканда. У бапенде церемония мунгонге, в которой участвуют те же маски, что и в обрядах муканда, становится зрелищным спектаклем, показываемым европейцам за определенную плату (1500—2000 франков). Интересно опять-таки, что если у бапенде мунгонге является обрядом посвящения, то у балунда он, например, связан главным образом с похоронами.

В легендах говорится, что мунгонге был изобретен женщинами во время голода. Названием своим он обязан, по-видимому, музыкальному инструменту, сопровождающему женский танец. Это обычно калемаса, наполненная зернами и мелкими камешками и украшенная изображениями солнца, луны и животных, которые упоминались в мунгонге. Такие калемасы имеют магический характер и никогда не используются во время обычных танцев. В настоящее время мунгонге — исключительно мужской танец с участием барабанов.

Сразу же хочется сказать, что церемонии мунгонге и кела вряд ли могут быть до конца поняты и разъяснены, поскольку перед нами лишь не очень связанные между собой обрывки каких-то, по-видимому, важных некогда обрядов, которые выполняются теперь только формально и сокращены до предела (все происходит в течение одной-двух недель). Без дополнительных данных едва ли возможно правильно оценить и истолковать роль этих церемоний в жизни того или иного общества. Однако некоторые выводы все-таки напрашиваются.

Во-первых, церемонии мунгонге и кела несомненно связаны с какой-то из сторон культа предков, поскольку в них участвуют сами предки, которых изображают посвященные. Кроме того, во время обрядов тела раскрашиваются белой и красной красками и происходит знакомство с корзинкой, наполненной магическими предметами, символизирующими части тела умерших.

Однако у бапенде, как уже упоминалось, мунгонге показывается за довольно солидную сумму европейцам. Плату за посвящение новичков получают руководитель церемонии и другие высокие лица. Также за плату члены общества входят в высшую ступень посвящения (правда, совершенно неясно, что в данном случае имеется в виду: участвуют ли в мунгонге посвященные в обряды кела или же в обществе существуют какие-то дополнительные инициации, дающие высшие социальные ранги). Все это свидетельствует лишь об одном — глубокой разрушенности родовых социальных институтов. В развитом родовом обществе никогда не существовало какой-либо дополнительной оплаты за труд, который был правом и обязанностью членов общества, согласно их возрасту и некоторым особенностям. То, что высших ступеней можно было достигнуть только при помощи особой платы, доказывает нарушение всей родовой демократии и возрастных градаций (об этом же говорит и то, что мун-

гонге стал исключительно мужской привилегией). Этот факт, вероятно, аналогичен тому, что в Западной Африке за плату вступали в члены некоторых тайных союзов, имевших большие социальные и политические права. То, что членами таких союзов могли становиться представители и других этнических групп, — еще одно свидетельство разрушения родовой организации.

По-видимому, упоминание о необходимости согласия говорит о попытках общества каким-то образом сохранить прежние обычаи и обряды, и здесь, как мне кажется, проявляются отголоски того, что в родном коллективе члены одной возрастной группы имели между собой самую тесную связь и определенные права и обязанности по отношению друг к другу.

Нанесение телесных повреждений новичкам в ходе мунгонге посвященными низших ступеней опять-таки, возможно, свидетельствует о том, что и руководитель церемонии, и представители высших рангов отстоят в социальном плане от низших столь далеко, что уже не могут совершать действий, несовместимых с их теперешним высоким положением.

Короче говоря, то, что происходит в церемонии мунгонге, отражает, видимо, лишь какие-то внешние детали ранее существовавшего в обществе длительного и обязательного обряда инициации (теперь, как мы видели, это дело добровольное), включавшего в себя всю ту жизненно важную информацию, которая сохраняла традиции предков. Естественно, что весь скоропалительный ход мунгонге не мог дать посвященным никаких полезных званий (для знакомства с лесом и брусом тратилась, например, всего неделя), но в то же время силы традиции оказывали еще на общество свое влияние, так как социально высоким ступеней можно было достигнуть все-таки только пройдя определенные, хотя и урезанные, обряды (достижения социально высоких ступеней не означает обладания богатством в европейском значении, оно даст престиж и влияние на общественную жизнь).

Видимо, все вышеописанное в целом можно рассматривать как следствие разнообразия форм разложения первобытнообщинного строя.

Теперь, после того как мы познакомились с различными типами масок и некоторыми обрядами, перейдем к ритуальной скульптуре баяка.

Эта скульптура представлена изображениями предков и фетишами. Те и другие режутся из цельного куска дерева по преимуществу легких пород и светлой окраски. Фигурки бывают как мужские и женские, так и бесполые. Некоторые из них сохраняют почти естественные пропорции в соотношениях частей тела, на других, напротив, заметны следы полной их диспропорции. Черты лица, по большей части очень крупные, отражают всю гамму стилевых особенностей района Квилу-Кванго. Поскольку нами уже описаны различные типы масок, то можно сказать, что трактовка их лиц в целом такая же, как и у ритуальной скульптуры: носы прямые и переходные от едва заметного загиба до гигантского крючка, рельефная рамка, обрамляющая верхнюю часть лица, рельефные закрытые глаза, напоминающие раковины-каури, овальный закрытый или приоткрытый рот, расположенный в самом низу лица, у которого или совсем нет подбородка, или он очень мал. Под глазами почти всегда нанесены полоски-слезы. Голова чаще всего завершается прической в виде гребня (иногда — гребня, расположенного на полусферическом основании), однако многие фигуры имеют и гладкую прическу или помещенную на нее фигурку птицы либо другого животного. И опять-таки в этих пределах наблюдаются всевозможные комбинации сочетаний и вариаций.

Как правило, высота разных фигурок баяка колеблется в пределах 30 см. Однако и здесь много отклонений как в меньшую, так и в большую сторону: стоящие при входе в хижину для инициации фигуры мужчины и женщины сделаны почти в человеческий рост.

ОПИСАНИЕ РИТУАЛЬНЫХ ФИГУРОК БЕРЛИНСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ

1. Фигурка женщины, кормящей ребенка, вырезана из светлого дерева (рис. 7, 4). Овальная голова оканчивается горизонтальным срезом. Верхняя часть лица заключена в рамку, идущую от линии границы волос по лискам, перед ушами и заканчивающуюся у верха крыльев носа. Большие миндалевидные глаза закрыты. На сомкнутых веках углубления-зрачки. Форма носа очень своеобразная (она встречается на многих лицах фигурок): от основания он резко выступает вперед и слабо вниз, а поскольку нижний срез представляет собой изогнутую линию, то нос

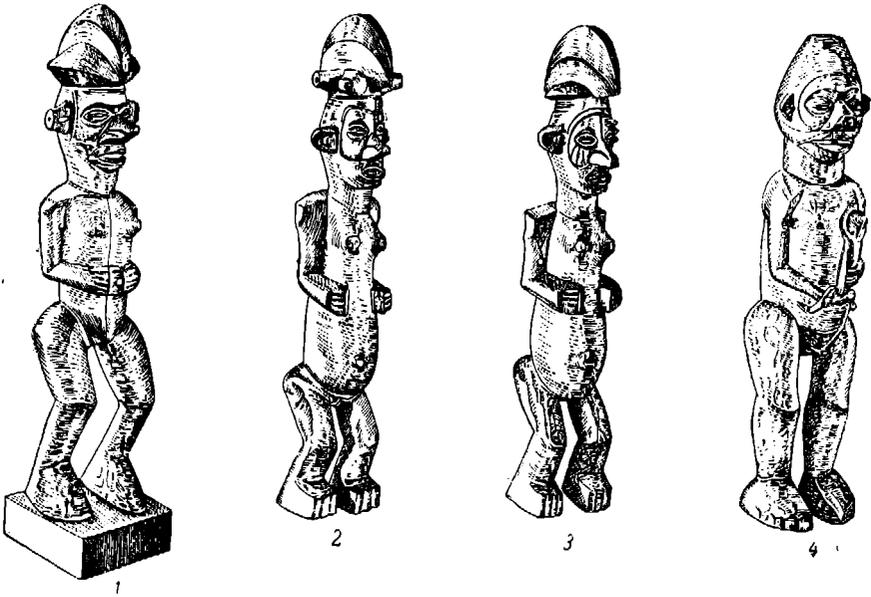

Рис. 7. Фигурки из дерева.

1—3 — фигурки женщин; 4 — фигурка женщины с ребенком.

в целом выглядит очень массивным и вздернутым. Большой рот без выделенных губ приоткрыт и показывает слитную линию зубов (без двух передних резцов). Нижняя челюсть-подбородок переходит в толстую короткую шею. На сравнительно пропорциональном туловище слитые с ним тонкие руки согнуты в локтях, на кистях вырезано по пять пальцев. У левой груди — рельефная фигурка сосущего ребенка, правая грудь — небольшое заостренное возвышение. Фигурка ребенка сделана очень схематично. Руки обхватывают грудь, ноги раскинуты на животе матери. На удлиненном туловище — таз с разделенными ягодицами. У женщины в верхней части спины обозначены лопатки, средняя ее часть плоская, а на низком тазу, так же как и у ребенка, выделены ягодицы. Довольно длинные ноги состоят из трех частей, которые выглядят массивными сбоку и уплощенными спереди. Заостренные колени выступают. Наме-

чены икры, ступни велики. Правой рукой мать поддерживает ребенка за ногу, левой за спину. На лице женщины, ее левой руке и на ребенке — следы белой краски. Высота фигурки 28 см.

2. Фигурка женщины, вырезанная из светлого дерева (рис. 7, 3). На узкой, вытянутой вверх голове прическа в виде гребня-полумесяца (на поперечном срезе он выглядит ромбом). По его бокам (у основания) — полусферические детали. Затылок слегка выступает. Рельефная рамка лица состоит как бы из двух ступенек. Первая линия идет по границе волос и оканчивается у уха. Вторая (под нею), как всегда, проходит перед ушами (квадратными спереди, полукруглыми сбоку, с отверстиями и обозначенным передним хрящиком) и сливается с крыльями носа. Лоб очень узкий, заостренный спереди. Закрытые с рельефными веками глаза в форме раковин-каури расположены в мелких углублениях, под ними — три неглубокие бороздки, идущие до линии рамки. Крупный незагнутый нос имеет прямой срез спереди и горизонтальный снизу; на последнем два небольших вырезанных отверстия — ноздри. Рот напоминает восьмерку, положенную горизонтально. Подбородок почти прямоугольный. На довольно удлиненном туловище небольшие груди — срезанные конусы — помещены прямо под ключицами. Живот с пупком той же формы, что и грудь, расположен низко и слегка выдается вперед. Руки слиты с туловищем, согнуты, как обычно, в локтях. Кисти с четырьмя обозначенными пальцами лежат поверх живота (на сгибе локтей сквозные круглые отверстия). Область таза смещена книзу, и ягодицы рельефно выражены. Ноги с острыми коленями полусогнуты, на ступнях по четыре пальца. Вся фигурка окрашена красной краской. Гребень, нос, глаза, уши, рот и бороздки-слезы имеют следы обжига. Высота фигурки 28 см.

3. Фигурка женщины, аналогичная предыдущей (рис. 7, 2). Отличие: у основания гребня по бокам расположено по два рога в виде усеченных конусов. Нос также срезан спереди, по низу его имеется закругленная линия. Полоски-слезы гораздо короче. Приоткрытый овальный рот с тонкими губами наполнен четырехугольными, отдельно вырезанными зубами. На удлиненном туловище рельефные лопатки разделены. В верхней части руки изображены мускулы. Ноги очень короткие. На ступнях по три пальца с намеченными ногтевыми лунками. Высота фигурки 28 см.

4. Фигурка мужчины, вырезанная из светлого дерева (рис. 8, 2). Это один из лучших образцов баякской скульптуры. Прическа сверху напоминает цветок с пятью полукруглыми лепестками. Под ним — рельефная рамка, которая вначале изогнутой линией идет по границе волос, а затем зигзагом спускается вниз и проходит перед объемными, широко расставленными скобками-ушами. Поскольку надбровные дуги соединены и чуть выступают, а линия их продолжения окружает овальные глаза и доходит примерно до середины носа, кажется, что верхняя часть лица расположена в углублении. Громадный, загнутый вверх нос спереди имеет прямой срез и выглядит как пяточок свиный. Низ носа представляет слабо изогнутую линию, около ноздрей (неотмеченных) переходящую в короткую вертикальную, которую условно можно принять за подбородок. Непропорционально короткие руки-обрубки расположены в самой верхней части туловища-цилиндра, они согнуты в локтях и покоятся, не соприкасаясь, в районе груди. На спине рельефные лопатки почти соединены и напоминают по форме трапецию. На выступающем тазе ягодицы не выделены. Массивные короткие ноги полусогнуты в закругленных коленях и имеют громадные плоские ступни (без обозначенных пальцев), слитые с овальной подставкой, на которую помещена фигурка. Высота ее 34 см.

5. Фигурка женщины, по стилю напоминающая фигурку кормящей матери (рис. 7, 1). Прическа в виде гребня помещена на массивное основание

(спереди оно напоминает ромб, несколько вытянутый вширь). Обычная рельефная рамка обрамляет верхнюю часть лица. Очень большой нос не загнут, имеет прямой срез спереди и в профиль выглядит как усеченный в самом начале конус. На нижнем, широком срезе — поздеревые отверстия. По обеим сторонам поса проходит дугообразные рельефные линии, из которых нижняя, по всей вероятности, изображает его крылья. Ротовое отверстие не имеет ни губ, ни зубов. Нижняя челюсть слита с подбородком. Массивные уши снабжены тремя отверстиями: спереди, внутри и сбоку.

Рис. 8. Фигурки из дерева.
1, 3 — антропоморфные; 2 — мужская.

Шея начинается как бы прямо от слегка выступающего под тупым углом затылка. Плечи закругленные. Груды и пупок — одинаковые небольшие бугорки. Руки, у которых на кистях по пять пальцев, слиты с туловищем. Рядом с подмышками — отверстия. Кисти помещены на животе не соединенными (между ними пупок). В самой верхней части спины вырезаны лопатки (слитные), имеющие вид полуовала спереди и дуги сбоку. Лопатки заканчиваются горизонтальным глубоким срезом, который как бы нависает над прямой и гладкой линией спины. Тазобедренная область не разделена и выступает в форме конуса. Ноги изображены в полусогнутом состоянии, с острыми коленями и большими ступнями. Выжжено апальное отверстие. Гребель, основание и лицевая рамка зачернены. Вся фигурка достаточно пропорциональна. Ее высота 27 см.

6. Антропоморфная фигура грубой работы (рис. 8, 3). Голова яйцеобразная, с прической в виде усеченного конуса (усечение у головы). Лицо, окрашенное белой краской, заключено в слаборельефную черную рамку, которая, начинаясь у волос, проходит перед ушами-скобками и заканчивается под носом (крупным, со срезанным прямо кончиком). Брови, середина лба и носа — черные полосы. Рот большой, полуоткрытый, без губ, со слабо намеченными зубами. Лоб и нижняя часть лица в профиль составляют почти прямую линию. Подбородок слит с толстой и длинной шеей. Нижняя часть затылка, шея, расширяющаяся книзу, и начало туловища окрашены красной краской. Туловище представляет собой цилиндр — отрезок необработанного ствола дерева с корой. Высота фигурки 50,5 см, диаметр ствола 8 см.

7. Антропоморфная фигура, аналогичная предыдущей (рис. 8, 1). На голове такой же конус. Белое лицо находится в красной рамке, которая, однако, не проходит перед ушами-скобками с выступающим хрящиком. Лоб высокий и выпуклый. Глаза имеют только верхние рельефные веки, заканчивающиеся горизонтальным срезом (на нем следы красной краски). Нос средней величины, с выделенными крыльями и прямым срезом. Рот почти не выдается, он овальный и окрашен красной краской. Короткий треугольный подбородок как бы является продолжением среза затылка по косой нисходящей линии. Шея цилиндрическая, белая (краска наложена на красный грунт). Туловище — кусок ствола с корой. Высота фигурки 50 см, диаметр ствола 7,5 см.

* * *

У баяка, как и у соседних с ними народов, ритуальная скульптура употребляется в самых различных целях и участвует в самых разнообразных ритуалах. Фигурки могут помещаться на могилах как изображения умерших, в хижинах как ее хранители, на полях — для охраны урожая. Их делают для обеспечения успешной охоты, торговли, путешествия. Они могут охранять детей, помогать колдуну отыскивать виновного. С их помощью происходит лечение и т. п. Как я уже говорила, в целом назначение их понятно, однако роль того или иного ритуала и его деталей остается для нас весьма туманной. В качестве примера возьмем одну из немногих описанных у баяка церемоний, связанных с обновлением, — *нкоши* (*nkoshi*). Как сообщает Губер, *нкоши* — это имя одного из наиболее древних и распространенных фетишей Конго.¹¹ Появление *нкоши* и связанных с ним ритуалов объясняется баяка тем, что однажды их предки украли у балунда вещи, находившиеся под защитой их *нкоши*. За это род был награжден головной болью. Чтобы покончить с этим злом, требовалось установление в роду своего собственного *нкоши*, который служил бы надежной охраной и гарантией безопасности.

В качестве будущих хранителей *нкоши* (владельцем его является глава рода) выбираются молодые мужчина и женщина, которые помещаются в выстроенной за деревней специальной хижине — *нзо нкоши* (*nzo nkoshi*), где они в течение нескольких месяцев живут в строгом уединении. В этот период избранные проходят специальную подготовку: колдун — *нганга* — руководитель церемонии — дает им определенные инструкции, знакомит с законами, запретами и языком, касающимся *нкоши*, показывает им листья и корни, из которых делают различные снадобья, придающие *нкоши* действительную силу. Через некоторое время посвящаемые сообщают, что

¹¹ H u b e r Н. Magical Statuettes and their Accessories among the Eastern Bayaka and their Neighbours (B. Congo). — *Anthropos*, 1956, vol. 51, fasc. 1, 2.

предки посетили их во сне и открыли их ошибку, повлекшую за собой болезни членов рода.

После этого открытия глава рода заботится об изготовлении новых статуэток или реставрации старых — фигурки мужчины (нкоши) и фигурки женщины (нзаси, нзаси) — и их помещают в нзо нкоши.

Назначается день церемонии, на которую собирается вся деревня. Во время церемонии поют песни о неблагоприятных поступках предка, укравшего вещи у балупда, при этом называют его имя. Режут козу и кроплю ее, смешанной с измельченными листьями особых деревьев, начиняют статуэтки и рога антилоп, которые привязывают к фигуркам на шею. Тела посвящаемых нкоши и членов их рода покрывают красными и белыми красками. Чтобы возобновить силу нкоши (в том случае, если используется старая статуэтка) или наградить его таковой (если фигурка только что вырезана), нганга добавляет к уже приготовленным снадобьям некоторые ингредиенты, принадлежащие лично ему: кусочки мяса, костей или волос льва и других диких животных, часть шкурки определенного вида птицы, различные части змей и т. д.

Поместив фигурки и снадобья перед посвящаемыми, нганга произносит запреты, которые отныне вменяются будущим хранителям. Вся церемония сопровождается песнями и танцами, а после произнесения запретов мясо ранее убитой козы делится и съедается (сердце получают глава рода и его жена, голову и ляжки — посвящаемые, остальное — принимающие участие в церемонии).

Затем нкоши торжественно несут в деревню и устанавливают в специальной комнате в доме главы рода. Окончание церемонии знаменуется тем, что перед этим домом и домами посвященных нганга сажает деревья различных пород и получает цену, равную трем украденным предками предметам (ружье, коза, собака). Глава рода раздувает по воздуху порошок белой глины и провозглашает конец половым запретам.

В последующее время за статуэтками тщательно ухаживают, моют их и рога антилоп в пальмовом масле, восстанавливают на них белые и красные кружки, напоминают нкоши о том, что они не забыты. Забота о нкоши означает, что жизнь и здоровье рода будут охраняться, пренебрежение же к нему повлечет за собой различные болезни и смерть.

Казалось бы, все в этом ритуале просто и понятно. Но если присмотреться к деталям, описанным Губером, внимательнее, то можно заметить очень любопытные вещи. Объяснение происхождения фетишей лечебной магии довольно однородно на значительных территориях. Однако содержание этих объяснений не только чрезвычайно примитивно, но и очень современно. В известных деталях эти объяснения можно связать с какой-то стороной культа предков, так как появление указанных фетишей связывают с какими-либо недостойными деяниями представителей предшествующих поколений (не дальше деда), например с кражей у соседнего народа. Эти поступки трактуются как причины распространения заболевания, преследовавшего всю локальную группу. Утверждают, что создание определенного фетиша и обряды, наделяющие его магической силой, были совершены для того, чтобы избавить людей от преследующего их несчастья. Украденные вещи оказываются достаточно современными, например ружье.

Как уже было сказано, существует какая-то связь с одной из сторон культа предков, но уже не сохранилось (нелепо было бы предположить, что еще не развилось) абстрагированное представление о предке. Здесь он настолько конкретен, что имеет имя и его могут помнить. Чтобы узнать о совершенном им поступке, вызвавшем общее несчастье, предпринимается довольно сложная процедура. Традиционный колдун — нганга — ра-

зыскивает среди представителей локальной группы двоих (разного пола) с неустойчивой психикой. Их изолируют в специальной хижине и накладывают на них различные запреты. Если задуматься в обращении колдуна с этими избранными, то в основе его лежит стремление внушить им вполне определенную мысль — так, чтобы она превратилась в навязчивую идею. Затем их различными способами доводят до состояния транса или экстаза, и они открывают всеми искомую «истину», «тайну». Во всей этой процедуре можно усмотреть глубокий упадок какого-то древнего социально важного ритуала, настолько потерявшего свое первоначальное значение, что отдельные предполагаемые элементы его содержания, так же как чисто физические действия, оказались разъединенными и разорванными. Известно, что в обществах с более устойчивыми социальными формами обычно сам колдун тем или иным способом доводит себя до невменяемого состояния и оказывается лично посредником между реальным и иным мирами. В нашем варианте связь между миром людей и миром духов оказывается более сложной. Нганга имеет дополнительных посредников в лице избранных и специально подготовленных субъектов с неустойчивой психикой. Осмыслить это можно в двух планах. Здесь имеет место либо определенное социальное подчинение, близкое по характеру к кастовому различию, когда нганга относится к более высокой группе, чем та, из которой он избирает посредников, либо личность реального нганга воспринимается в обычном человеческом плане и требуется не связанный с ним посредник, устами которого вещают представители иного мира (духи). Однако сделать выбор между этими двумя предположениями довольно трудно. Существеннее то, что каждое из них возможно только по той причине, что мы несомненно имеем дело с разрушенными социальными институтами.

Мы уже видели, что вся ритуальная скульптура африканцев в той или иной степени связана с культом предков. Культ предков, как полагают, составляет основу идеологических представлений большинства народов, населяющих Центральную Африку. Но что же такое культ предков, какова его главная роль в жизни тех или иных обществ, кто такие предки — все эти вопросы оказываются еще далеко не разрешенными и требуют самого пристального внимания исследователей. В этой работе, как мне кажется, нет необходимости подробно останавливаться на указанных вопросах, однако и совершенно обойти их молчанием не представляется целесообразным.

По-видимому, в попытках описать различные проявления культа предков нашли свое отражение те представления европейцев, которые связаны с христианской религией. Вне зависимости от того, чем христианское вероучение является для европейца, нашего современника, — его религией или только инструментом исследования, — логическая схема его рассуждений будет следующей. Каждый человек при жизни представлен душой и телом, т. е. состоит из двух субстанций. После смерти тело исчезает, а бессмертная душа попадает в ад или рай.

Однако следует помнить, что христианская религия была порождением классового рабовладельческого общества с развитой эксплуатацией, а для того чтобы последняя могла отразиться в идеологии, нужна была, с одной стороны, совершенно абстрагированная от материи душа, а с другой — ее присутствие в живом теле, т. е. двухсубстантное восприятие человека. Совершенно естественно, что при слабом развитии эксплуатации в переходный (от бесклассового к классовому) период или при отсутствии ее в доклассовом обществе такое представление и не может возникнуть, ибо в этом еще нет никакой необходимости. Это положение подтверждается и тем фактом, что ни один из терминов на языках народов Цен-

тральной Африки не отражает даже сколько-нибудь приблизительно понятие «бессмертная абстрактная душа». То, что переводится как «душа», на самом деле означает «тень», «отражение», «сердце», «кровь», «дыхание», «жизнь» и т. д., т. е. переводы с чужого языка позволяют ученым свободно интерпретировать понятия самих африканцев, навязывая им идеи, о которых они не имели ни малейшего понятия.

Хотя в действительности в основе идеологии и африканцев, и европейцев-христиан лежит четкое деление на два мира, разница заключается в том, что для последних они существуют во времени последовательно (сначала человек живет в одном мире, а потом его душа в другом), а для первых — одновременно, причем «иной мир» для африканцев — это не то, что у нас называется загробным, он есть копия земного, как бы его зеркальное отражение, находящееся под землей или где-то рядом.

Очень интересно отметить, что «зеркальный мир», являясь как бы обратной стороной реального (как отражение предмета в воде), бодрствующим человеком никак не ощущается, и только во сне, бреду и прочих состояниях африканец обнаруживает, что у него существует духовная часть — двойник, который находится в этом другом мире. Только во сне, бреду, трансе и т. д. человек обладает способностью общаться со своим двойником — духом, как, впрочем, и с духами других людей и вещей, и убеждаться в факте всеобщей разделенности между двумя мирами.

Другими словами можно сказать, что представление о двухсубстантности самого человека здесь еще не отделилось от двухсубстантного восприятия окружающей реальности и сам человек понимается как часть этой реальности.

Как уже говорилось, двойник африканца (духовная его часть) не находится в теле, но в то же время и не существует совсем отдельно, самостоятельно. Здесь, очевидно, следует видеть нерасчлененность восприятия субстанций. Можно сделать предположение, что для африканцев мир нематериальных субстанций не является особым местонахождением духов умерших. С меньшим искажением его можно представить как мысленно-чувственное отражение реального мира. В этом случае, кстати, на место становятся анимистические представления: каждое дерево, каждый камень имеет своего духа-двойника, так же как и звери и люди.

Теперь посмотрим, что же получается при таком положении дел с инкарнацией предков. Новорожденный (на практике в возрасте от 7 до 12 лет в разных обществах) обретает духа-двойника. Это не означает, что после этого он становится двухсубстантным, как это трактуется в христианской религии, но здесь как бы отражается известный круговорот явлений в природе: рождение, жизнь, смерть и снова то же самое, т. е. рожденный в определенном возрасте получает духа умершего, который становится его двойником (передавая свое имя), но остается в «зеркальном мире». Об этом свидетельствует и сохранившийся в мало затронутых цивилизацией местах обычай свособразного круговорота имен, более или менее четкий их набор, используемый в определенной этнической группе (род или его подразделение). По-видимому, именно с этими представлениями связан и тот факт, что посредник (колдун-пганга и т. д.) между этими мирами, одновременно существующими, но разделенными в обычных условиях непродолимой преградой, общается с «зеркальным миром», приводя себя тем или иным способом в состояние транса. Судя по многочисленным фактам, представители неразвитых обществ обычно повинуются тому распоряжению, которое может быть усмотрено в свидениях, а именно в момент общения человека и его духа.

Отсюда станет понятным, что поскольку двойник живого человека и дух предка по сути дела одно и то же, то получается, что живые и мертвые

накрепко связаны между собой и действия их должны быть также взаимосвязаны и взаимообусловлены, т. е., чтобы сохранить здоровье и обеспечить процветание, необходимо, параллелизм в действиях человека и его духа, так же как и в действиях целого общества и его зеркального отражения в «мире духов». Но поскольку преграда между этими мирами труднопроницаема, это порождает у людей стремление наладить тем или иным способом контакт — в конечном счете между собой и своим двойником.

Подводя черту под нашими рассуждениями, можно сказать, что если в европейском восприятии предков не что иное, как старший по возрасту умерший родич, то у африканцев это нематериальный двойник живого человека и многих поколений его предков — это абстрагированный носитель имени, передающий последнее последовательно рождающимся и затем умирающим людям, находящимся между собой в определенных родственных отношениях. Другими словами, то, что в этнографии называют «культурой предков», есть, видимо, не что иное, как исторически сложившаяся идеологическая система, регулирующая жизнь родового общества, жизнь и место в коллективе каждого его члена в связи с его возрастом и местом в родственных связях посредством круговорота специальных социально-групповых, возрастных и личных имен.

Какие же реальные вещи отразились в представлениях о предках? В условиях бесписьменных обществ единственной возможностью сохранить накопленные знания о материальной и социальной жизни предшествующих поколений было бесконечное повторение, копирование как образов материальной культуры, так и форм общественных отношений. Без этого способа хранить знания древнее общество просто не могло бы продолжать свое существование. Эта главная задача и преломлялась в сознании таким образом, что предки всегда ставились на первое место, их требовалось уважать, несоблюдение обычаев предков грозило, по весьма обоснованному общественным опытом представлению, самыми тяжкими последствиями: голодом, неудачной охотой, болезнью и смертью.

Мы уже видели, что во сне или бреду человек мог непроизвольно общаться с «зеркальным миром» — идеальным миром предков. Обществу, однако, для поддержания постоянного благополучия нужны были контакты, зависящие от его воли. Помимо людей-посредников — колдунов и психически неполноценных лиц (обладателей магической силы), — у африканцев эту задачу выполнял и специальный инструментарий: ритуальная скульптура и ряд предметов, наделяемых магическими свойствами. Все это можно назвать материальными атрибутами магического культа, культа предков. Однако и скульптурные изображения предков, и маски приобретают магическую силу не сами по себе, а благодаря определенным вещам — костям, ногтям, зубам, волосам, кусочкам кожи умерших людей, либо их заменителям (краска, глина, уголь, мел, раковины, так же как и различные части животных). Эти вещества используют для окрашивания или наполнения скульптур. В ритуалах и обрядах красками раскрашиваются и тела участников церемонии.

В основе таких восприятий лежит представление о костях, крови умершего человека как о носителях способности осуществлять связь между реальным и нереальным мирами. Скульптура, снабженная ими, и маски, действуя на эмоциональную сферу человека, закрепляют в его сознании нерушимость традиций предшествующих поколений.

На конкретном примере общества баяка мне хотелось бы показать, как все то, о чем говорилось выше, происходит в реальной жизни (естественно, описание не будет достаточно полным и удовлетворительным из-за немногочисленности и отрывочности данных).

Баяка занимают районы Попокабака, Касонго-Мупда и Кенге Республики Заир и прилегающие к ним области Северной Анголы. Это плоскогорье, пересекаемое рр. Кванго и Вамбо.

Баяка по преимуществу охотники, но они уделяют большое внимание и земледелию. Существующие термины родства отражают черты классификационной системы. Тордей и Джойс указывают, что при всей матрилинейности их семьи носят многие черты патрилинейности: наследует мужчине обычно его старший брат, а не старший сын старшей сестры, как следовало бы ожидать, и только при отсутствии такового — племянник по материнской линии.¹²

Здесь, по-видимому, у авторов произошло некоторое смешение понятий. Старший брат является представителем того же рода по материнской линии, что и умерший, наследование обычно идет к старшему в роде, так что никакого нарушения в данном случае не происходит. Дети принадлежат роду матери и воспитываются в деревне у ее брата. Брат матери — *лемба* — является также главным лицом при заключении браков своих племянников и племянниц, и если он не даст согласия на брак, то, по представлениям баяка, это может грозить бесплодием. Вообще *лемба* у баяка и соседних с ними народов выступает как очень значительная фигура в жизни клана (рода).

По поводу браков очень любопытны замечания Тордея и Джойса. Так, они говорят, что браки заключаются всегда между лицами одного и того же класса. Однако в дальнейшем мы не получаем никаких сведений о том, что же это за классы и каковы различия между ними. Можно сделать предположение, что речь идет о возрастных классах, хотя и не исключена возможность, что в обществе баяка существует какая-то внутренняя, скрытно действующая социальная схема, разрозненные части которой только случайно попадают в поле зрения авторов. Отсюда и отрывочность сообщений. Может быть, если бы уровень жизни баяка был более высоким, то границы между социальными группами, связанные с имущественным положением, были бы выражены яснее. На поверхностный взгляд европейцев, баякские классы в реальной жизни оказываются как бы перемешанными, так как внешние характеристики их представителей не носят сколько-нибудь заметных отличий.

В обществе баяка довольно многочисленной была группа чужаков — «рабов», из числа пленников, должников, членов чужих родов, скрывавшихся, например, от кровной мести, похищенных и т. д. (понятие «раб» здесь очень условно, скорее речь идет о так называемой личной зависимости чужака от плена племени). Браки между свободными и «рабами» были запрещены. «Рабу» всегда наследовал его «хозяин». И хотя Тордей и Джойс говорят, что баяка соблюдают «расовую чистоту», это выглядит сомнительным, так как в случае, когда «хозяин» не имел наследников, все жены и имущество переходили «рабу». Таким образом, при матрилинейном счете родства дети «раба» оказались бы свободными, ибо свободными были его жены.

Деревни баяка обычно расположены по берегам рек. Хижинки небольшие (2,5 × 6 м). Посередине деревни растет священное дерево, возле которого совершаются различные ритуалы и жертвоприношения. Каждая женщина с малолетними детьми занимает отдельную хижину. В отдельных хижинах по несколько человек живут и неженатые мужчины.

Перед хижинами охотников на палках выставлены черепа убитых животных. Около хижин старейших — «алтари»; на них происходит воз-

¹² Tor d a y E., J o y s e T. A. Notes on the Ethnography of the Ba-yaka. — J. of the Royal Anthropol. Inst., London, 1906, vol. XXXVI, p. 39—59.

лияние и закаляется курица, кровью которой смазывают ритуальные фигурки. За хижинами самих баяка расположены жилища их «рабов». Возле деревни — огороды, где выращивают бататы, фасоль, перец, табак и т. д. Чуть подальше — насаждения бананов: листья их очень декоративны и прекрасно гармонируют с окружающей местностью, но урожай плодов не всегда обилён (это зависит от почвы). В рощах созревают орехи кола (плодоносящие деревья сажались предшествующими поколениями, и живущие считают их очень ценными). И, наконец, дальше, за деревней — поля маниоки, маиса, проса, арахиса и других культур. Распашают и корчуют новые участки мужчины, все же остальное — обработка почвы мотыгами, посев, прополка и сбор урожая — дело женщин.

Урожай сельскохозяйственных культур хранится в деревне в особых зернохранилищах — больших плетеных корзинах, помещенных на столбах. Небольшие корзинки с зерном и шарами, приготовленными из муки маниоки, стоят прямо в хижине. Хижина обычно имеет перегородки. Каждый предмет домашней утвари занимает свое строго определенное место. В одном углу находится оружие, в другом домашний хранитель — деревянная фигурка.

Хижина вождя мало чем отличается от хижин других баяка, она только чуть крупнее (правда, судя по жилищам соседних народов, здесь должны были встречаться резные двери и резные копытки крыш). Рядом с ней — хижины жен вождя, и все это огорожено загородкой из кактуса или клещевины. Около хижины вождя выстроена также *изо макиши* (pzo makishi) — строение небольшого размера, в котором хранятся ритуальные фигурки деревни. Хранительницей фигурок обычно является жена вождя (иногда в этой роли выступают и другие лица). Некоторые вожди обладают более могущественными фетишами, среди которых главный — *лукоби* — небольшая овальная корзинка из расщепленных черешков пальмового листа; в ней находятся кости умерших вождей и символизирющие их элементы растительного и минерального происхождения: белая глина (*нембе*), порошок красного дерева, смешанный с пальмовым маслом (*нула*), уголь, мел и т. п.

* Деревня, как правило, представляет собой родовое поселение, во главе которого, как считают авторы этнографических описаний, и стоит вождь (термин в этнографической литературе очень расплывчатый). В таких архаических обществах, как у баяка, он сочетает в себе несколько функций и часто — колдуна. Но существу же главная его роль — руководство охотой.

Вождь обладает особыми знаками достоинства: шапочкой — *мпу*, сплетенной из пальмовых волокон, которую он никогда не должен снимать, искусно сделанным топором (рукоятка его заканчивается изображением человеческой головы), большим ножом — *муяка* — в кожаных ножнах, с ручкой, украшенной филигранью с точками. Этот нож обнажался только в случае объявления войны.

Ни одно из значительных событий в жизни общества — рождение, обряд инициации, смерть, посев, сбор урожая, приготовление к охоте, посвящение вождя и т. д. — не обходится без соответствующих более или менее сложных ритуалов и сопровождающих их материальных атрибутов — масок и скульптуры. У баяка ритуальные фигурки режет скульптор, но силу им может придать только колдун, добавляя снадобья, символизирующие кости и кровь умерших (как уже говорилось, это способствует осуществлению связи между миром живых и миром предков). Владелец фигурки обязан заботиться о ней, натирать ее пальмовым маслом и пальмовым вином, стирать с нее пыль и беречь от грызунов. Он должен также

соблюдать и особые пищевые запреты, ибо посвящается в *нсику* (nsiku) — законы фетишей.

Перед посевом и охотой ритуальным фигуркам делают жертвоприношения, а вождь и все члены коллектива обязаны соблюдать строгое полное воздержание.

Охота происходит, как правило, в сухой сезон и связана с обязательным поджиганием бруссы. Пакаунсе пресекатели огня проходят обряды очищения, а старцы идут на могилы (обычно недавно умерших, ибо за могилами не следят и они зарастают так быстро, что потом не найти и их следов), где и совершают соответствующие ритуалы и жертвоприношения с целью обеспечить успех в охоте. В основе этих действий лежат магические обряды: жертвоприношение является тем связующим звеном, в результате которого возникает контакт с «зеркальным миром». Видимо, следует полагать, что, приняв сигнал, представители этого мира убивают духов антилоп, буйволов и т. д., параллелизм же действий реального и зеркального миров обеспечивает удачу в охоте на реальных животных.

Верховным вождям прежде по праву принадлежали шкуры леопардов, зубы леопардов и льва, бивни слонов, рога и хвосты буйволов. Они символизировали могущество и употреблялись ими также для колдовства и магии.

Ввиду того что жертвоприношения способствовали контактам с миром предков, а контакты обеспечивали параллелизм действий миров, то первые и совершались неукоснительно при всех обстоятельствах, имевших важное значение в обществе баяка.

В представлениях баяка предки никогда не исчезают полностью, по крайней мере пока живы их потомки и сохраняются особые обряды «поедания имени», когда человек получает имя определенного умершего родственника.

Необходимо подчеркнуть, что обряд «поедания имени» у баяка и их соседей — это часть обрядов инициации. Подавляющее большинство масок рассматриваемого района, как мы уже видели, в том числе и маски коллекции МАЭ, относятся именно к таким обрядам.

Обряды инициации существовали как для мальчиков, так для девочек. Старые мужчины и женщины, проводившие это посвящение, обязательно должны были иметь детей. По представлениям баяка, плодородие связывалось именно с людьми, имеющими потомство.

Поскольку у нас нет сведений о том, что маски используются при инициации девочек, в дальнейшем мы будем касаться только обрядов для мальчиков. Целью посвящения был переход последних в следующую возрастную группу, во взрослые члены общества, с вытекающими из этого перехода новыми правами и обязанностями.

Первым этапом инициации было обрезание — муканда, которое производилось в специальной хижине. Обряды муканда у баяка носят характер особой торжественности и пышности (по сравнению с подобными же церемониями у соседних с ними народов). При входе в хижину стоят большие, в человеческий рост, деревянные фигуры мужчины и женщины, окрашенные в черный, белый и красновато-коричневый цвета. Трактовка черт лица, прически, положения рук и ног соответствует общему стилю скульптур района Квилу-Кванго. На обеих фигурах особенно подчеркнуты половые признаки. Окрашенные теми же красками, что и фигуры, стенные горельефы изображают мужчин и животных: леопардов, собак, змей, птиц.¹³ Пространство между горельефами расписано геометрическим

¹³ В «Анналах Музея Бельгийского Конго» (Ann. du Musée de Congo Belge, t. 1, fasc. II, p. 243—244) даются рисунок и описание очень интересного фрагмента алтаря

орнаментом, где, кроме указанных красок, встречается и синяя. В этой же хижине хранятся маски и ритуальная скульптура, которые используются во время инициации.

Посередине хижины вырыта яма, в которой и производится обрезание. После обрезания имя подвергнувшегося операции становится другим. Изменение имени производилось в строгом соответствии с действующим в обществе баяка «списком имен». Старое имя никогда не должно произноситься, в противном случае, по представлению банка, у иницируемого могло наступить бесплодие.

После муканда для новичков наступает период уединения (обычно это происходит в лесу, неподалеку от деревни). Это и есть основной этап инициации, когда молодые люди обучаются племенным традициям, искусству владеть оружием, приемам войны, различным ремеслам, правилам поведения в обществе и семейным обязанностям, — словом, всему тому, что должен знать и уметь каждый взрослый мужчина. Более или менее длительный период уединения сопровождается подчас для вновь посвящаемых тяжелыми и опасными для жизни испытаниями. Во время обучения новичков используют и маски, изображающие духов предков. Целью этих ритуалов и является установление контактов с «зеркальным миром», миром предков. Отныне иницируемый обретает в нем своего двойника, точнее — группу иницируемых — общего. Дети «умерших», их имена забываются, «пновые» взрослые члены общества возвращаются в деревню. Обряды возвращения всегда очень торжественны и сопровождаются обильным угощением, песнями и танцами с участием масок.

В свое время Л. Д. Авдеев, собрав огромный этнографический материал по маскам различных народов мира, проделал опыт их типологической классификации. Он подошел к маскам, этому важнейшему, по словам немецкого этнографа Ю. Липса, элементу материальной культуры,¹⁴ как историческому явлению, совершенно закономерно возникшему на определенном этапе развития первобытного общества.

Маска — изображение животного, по предположению Авдеева, возникла как средство преобразования человека в трудовых целях, а именно для достижения более успешных результатов в охоте. Все остальные виды преобразования автор относит к обрядовым (здесь мы не касаемся масок театральных).

Стремление подойти к маскам именно как к историческому явлению должно быть признано безусловно верным.

Авдеев излагает исторические этапы развития масок в виде хронологической таблицы, в которой отмечаются эпоха первобытнообщинного строя со всеми периодами родового общества, а также эпоха классового общества. Типологическая же классификация масок, по его мнению, сводится к выяснению следующего: с какой целью изготавливается маска и каково ее назначение; кем изготавливается, из каких материалов и какими средствами; какой образ она воспроизводит; каким способом носят маску во время выступления. При этом Авдеев говорит, что абсолютные грани между отдельными периодами установить невозможно и в этом заключается основ-

баяка, который пахотился в хижине. Между собакой и леопардами помещена змея. Отдельного изображения рептилии в скульптуре Конго не существует, хотя змеи занимают в представлении народов указанных районов особое место. Считается, что в змею и крокодила могут переселяться души умерших людей. Это, по-видимому, следует понимать в тотемистическом плане — человек и крокодил (змея) якобы имеют в «зеркальном мире» общего представителя. По отдельным признакам, перданным с большим мастерством, в этом экземпляре можно узнать гадюку, встречающуюся в Габоне, которая является одной из самых опасных змей Центральной Африки.

¹⁴ Л и п с Ю. Происхождение вещей. М., 1954, с. 286.

ная трудность, возникающая при попытке создания принципов классификации.¹⁵

Пути, предложенные Авдеевым для изучения масок, должны, безусловно, служить эталоном для каждого исследователя, стремящегося к наиболее полному пониманию значения масок в эпоху первобытно-общинного строя. К сожалению, пока что разрешение этой проблемы остается в большинстве случаев недостижимым идеалом, настолько неполны и отрывочны сведения, которыми мы располагаем.

Следуя классификации Авдеева, маски баяка относятся к периоду распада родового строя и связаны с магико-анимистическими представлениями. Назначение масок — участие в обрядах инициации и др. Изготавливают их в обществе баяка скульпторы, которые одновременно могут являться вождями и колдунами. В различных обрядах маски носят руководители церемонии и иницируемые и изображают они духов предков.

О П И С А Н И Е Б А Й К С К О Й С К У Л Ъ П Т У Р Ы И З Д Р У Г И Х М У З Е Е В М И Р А

ШЛЕМООБРАЗНЫЕ МАСКИ

Выше уже говорилось о том, какие навершия встречаются на шлемообразных масках. Фигурка животного (возможно, муравьеда), например, увеличивает одну из масок Королевского музея Центральной Африки,¹⁶ маску из коллекции Элизофона,¹⁷ маску Музея Университета Филадельфии¹⁸ и Этнографического музея Аптверпена.¹⁹ Фигурка птицы помещена на маске Музея антропологии и этнографии в Ленинграде (№ 1647-47), маске Городского музея народного искусства Франкфурта-на-Майне,²⁰ Напрстекского музея в Праге²¹ и т. д. Человеческие фигурки можно видеть на масках Королевского музея Центральной Африки,²² частной коллекции Дехонта в Брюсселе²³ и на маске, опубликованной в книге Эйнштейна.²⁴

МАСКИ С РУЧКОЙ

У маски из коллекции Элизофона часть носа представляет собой плавную закругленную линию (дугообразную в профиль), а кончик находится на уровне начала лба.²⁵ Глаза — полусферы. Каркас в форме шляпы с полями увенчан четырьмя рогами, обтянутыми тканью из рафии, между которыми помещена фигурка животного (хамелеон?) с оскаленным ртом и торчащими ушами. Длинные и массивные ноги животного и большая голова передают с большой динамичностью.

Такую же плавность линии носа можно отметить и на маске из Цюрихского музея Ритберга.²⁶ Кончик его находится на уровне середины лба.

¹⁵ Авдеев А. Д. Маска. — СМАО, 1960, т. XIX, с. 51—53.

¹⁶ Maes J. Aniota-Kifwebe, № 11.

¹⁷ Elisofon E. The Sculpture of Africa. New York, № 252.

¹⁸ Winger P. S. The Sculpture of Negro Africa. New York, 1951, № 79.

¹⁹ Olbrechts F. M. Les arts plastiques du Congo Belge. Bruxelles, 1959, № 220.

²⁰ Plastik der Afrikaner. Ausstellung des Städtischen Museums für Volkerkunde. Frankfurt am Main, № 50.

²¹ Herold E. Ritualmasken Afrikas aus den Sammlungen des Naprstek-Museums in Prag. Prag, 1967, № 60.

²² Maes J. Aniota-Kifwebe, № 10.

²³ Kjersemier C. Centres de style de la sculpture negre Africain. Paris, 1937, № 34.

²⁴ Einstein C. Negerplastik. Leipzig, 1915, № 101. — Принадлежность не известна.

²⁵ Elisofon E. Op. cit., № 251.

²⁶ Коллекция фон Хайта (Schmalenbach W. African Art. London, 1960, № 127).

Глаза продолговатые и открытые (чрезвычайно редкий случай). Волосы, линии посередине лба и носа, низ последнего и его крылья, радужная оболочка и полоски под глазами окрашены в синий цвет. Остальные цвета — красный, желтый и белый. На рамке есть четыре прямоугольных выступа. На конусовидном каркасе три кольца в виде полей шляпы и вся ткань расписана геометрическим орнаментом — треугольниками и кружками белого, синего и зеленого цвета.

Горизонтальный срез низа носа, переходящий в верхнюю часть почти под прямым углом, и закругленную линию самого кончика можно увидеть на маске Музея Человека в Париже.²⁷ Глаза ее большие, в форме раковин-каури. Пещолой рот с сомкнутыми губами расположен непосредственно под носом. На закругленном каркасе прикреплено шесть рогов.

На нескольких масках Королевского музея Центральной Африки в Тервюрене нижний срез носа и верхняя его часть расположены под прямым углом.²⁸ Эта верхняя часть анфас имеет форму основания утюга, ее кончик не загнут, а лишь несколько наклонен в сторону лица.

На одной из масок каркас сверху закруглен, и на нем расположена фигурка животного, возможно хамелеона. Под фигуркой — кольцо, которое, как и вся ткань на каркасе, расписано геометрическим орнаментом.

Другая маска имеет конусовидный каркас, оканчивающийся пучком прутьев. На каркасе и двух кольцах, помещенных на нем, также есть геометрический узор.

На закругленной части каркаса третьей маски размещено четыре рога. Между ними стерженек, на котором расположена фигурка птицы, а снизу лежит, свернувшись спиралью, змея. На каждом из рогов также сидит по птице. По свидетельству Мааса, изображение змеи и птицы в различных положениях на навершиях такого рода масок встречается достаточно часто.²⁹ Композиция на этой маске традиционно объясняется тем, что змея хочет напасть на голубя (фигурка на стержне), но не может его настигнуть, поскольку священную птицу охраняет дух. Четыре птицы следят за попытками змеи и довольны ее беспомощностью.

На четвертой маске каркас имеет форму срезанного в верхней части конуса, на котором закреплены два кольца. На верхнем кольце помещена фигурка стоящего человека с прической в форме округлой шапочки, с крупным носом, продолговатыми глазами и большим приоткрытым ртом, расположенным почти на подбородке. Руки человека очень длинные (ниже колен), с кистями, на которых обозначены все пальцы. Одна рука опущена, другая согнута в локте, ее ладонь обращена вверх. Ноги короткие и слегка расставленные. Похоже, что все туловище обшито тканью, а нижняя часть закрыта передником.

На пятой маске нос в нижней части слегка закруглен, а анфас его выглядит почти как прямоугольник. Конической формы каркас очень велик, а четыре кольца на нем, расположенные одно над другим (самое маленькое сверху), имеют изогнутые края. Вдоль каркаса (поперек колен) спускается змея, преследующая птицу. Ткань расписана шахматным узором.

Очень интересную форму носа имеет маска Пражского музея.³⁰ Горизонтальный нижний срез его составляет с верхней, торчащей частью прямой угол, но затем верхняя часть, в свою очередь отклоняясь в сторону лица, также образует прямой угол, т. е. нижний срез и кончик носа оказываются параллельными. Под круглыми глазами черточки —

²⁷ Dap Rattona (G r i a u l e M. Arts de l'Afrique noir. Paris, 1947, № 5).

²⁸ M a c s J. Aniola-Kifwebe, № 1, 2, 3, 4.

²⁹ Ibid., p. 10.

³⁰ H e r o l d E. Op. cit., № 58.

«слезы». На коническом каркасе четыре рога и кольцо, на котором расположена фигурка птицы.

Кончик большого носа на маске из нью-йоркской Галереи Сеги срезан спереди и имеет форму свиного пятачка.³¹ Глаза с выпуклыми верхними веками закрыты. Рот с тонкими губами приоткрыт и видны четыре четырехугольных зуба верхней челюсти и сплошной ряд зубов нижней. Глубокая рамка обрамляет только верхнюю часть лица и имеет форму буквы П.

Очень крупный и совершенно прямой нос с рельефными крыльями можно видеть на экземпляре Пражского музея.³² Белое лицо этой маски заключено в черную рельефную рамку до уровня крыльев носа. Круглые глаза с торчащим глазным яблоком и рельефными веками окрашены красной краской; под ними — по две полосы того же цвета. Красный рот с выделенными зубами вперед не выступает. По бокам лица расположены полукруглые рельефные уши, снаружи желтые, а внутри темные. На каркасе геометрический орнамент и три кольца. Цвета: красный, белый, черпый и синий.

На маске Британского музея в Лондоне нос также прямой, но у крыльев он как бы несколько расплюсчен.³³ Под круглыми закрытыми глазами полосы — «слезы». Посередине лба и носа проходит темная черта. Темная же рамка, обрамляющая лицо, вначале идет по линии границы волос, затем, закругляясь, проходит перед ушами и частично под глазами и, направляясь книзу, снова дугами окружает район носа и рта с двумя рядами подпиленных зубов. Из-за своеобразной формы рамки (она несколько напоминает грушу узкой частью книзу) маска внешне похожа на морду животного. На каркасе прикреплено пять рогов.

Кроме всех перечисленных типов масок, встречаются также и экземпляры, являющиеся всевозможными комбинациями из основных деталей конструкций. Однако все это в целом находится в пределах стилевого комплекса скульптуры района Квилу-Кванго. Следует, по-видимому, указать дополнительно, что существуют маски, у которых деревянная часть не является изображением человеческого лица, а представляет собой, например, морду животного, фигурку человека и т. д.

На маске Королевского музея Центральной Африки вытянутая вперед морда собаки с выпуклыми глазами заключена в круглую глубокую рамку.³⁴ На закругленном же каркасе помещены детали в форме сглаженных сверху цилиндров. На другом экземпляре того же музея изображена сцена родов.³⁵ Маска из Галереи Сеги в верхней части похожа на человеческое лицо с дугообразными бровями и рельефными продолговатыми глазами, вся же нижняя часть резко вытянута вперед, как у травоядного животного (возможно, коровы).³⁶ Морда срезана под прямым углом. Верхняя часть пасти имеет форму полумесяца, на котором помещены два носовых отверстия (между ними виднеется шляпка гвоздя), нижняя же подковообразная. Пасть приоткрыта, в ней видны подпиленные в виде острого угла зубы. На уровне бровей и глаз расположены прямоугольные объемные уши.

Оригинальную конструкцию представляет собой маска Музея Университета Филадельфии.³⁷ Здесь на плоской деревянной доске горельефом

³¹ Segy L. African sculpture. New York, 1958, № 142.

³² Herold E. Op. cit., № 59.

³³ Schmalenbach W. Op. cit., № 92.

³⁴ Maes J. Anota-Kifwebe, № 6.

³⁵ Ibid., № 7.

³⁶ Segy L. Op. cit., № 143.

³⁷ African Negro Sculpture. — Bull. the Univ. Museum, Philadelphia, 1957, vol. 21, № 4, p. 74.

изображена фигурка (сидящего?) человека с почти круглым лицом. Продолговатые глаза с полосками-слезами под ними закрыты. Нос очень широкий, но не загнутый. Рот отсутствует. Туловище вырезано схематично. Живот расположен низко и выступает вперед. Похоже, что у фигурки только одна рука и одна нога. Поднятая рука, состоящая из плеча, предплечья и кисти (последняя находится выше начала каркаса) с вырезанными пальцами, ввиду большой условности их трактовки выглядит так, что плечо кажется выходящим как бы из середины туловища и касающимся бедра. Рука и нога вместе напоминают ряд зигзагообразных трубчатых колен. На закругленном каркасе прикреплено пять рогов, на которых полоса краски идет спиралевидной линией.

На маске Пражского музея деревянная часть представляет собой голову животного с рогами.³⁸ На вытянутой морде во впадинах помещены круглые глаза. Цвета: белый, желтый, коричневый. На каркасе кольцо, на котором расположена фигурка сидящей женщины с огромными свисающими грудями. На лице ее рельефные дуги бровей, продолговатые выпуклые приоткрытые глаза, большой в форме треугольника нос и чуть выступающий рот с тонкими губами. Руки согнуты в локтях и подняты так, что огромные ладони с пятью пальцами находятся на уровне носа. Относительно небольшие ступни ног привязаны к ногам животного. На лобковой части приклеены волосы.

В Африканском музее Бергэн Даль хранится своеобразное настенное украшение — голова совы, — которое находилось в хижине для инициации.³⁹ На плоской доске высоким рельефом изображены большие разделенные надбровные дуги, занимающие всю верхнюю часть головы. Под дугами выступают круглые глаза с как бы набухшими нижними веками. Посередине между глазами торчит толстый клюв в виде заточенного карандаша. Изображение совы символизирует мужской пол.

Теперь осталось рассмотреть лишь маски типа каунгу. Поскольку в публикациях их очень мало и в целом они однотипны, в качестве примера ограничимся двумя экземплярами из Королевского музея Центральной Африки.⁴⁰

Первая маска представляет собой узкое лицо с закругленным выступающим лбом, рельефными продолговатыми, расположенными несколько наискось глазами со щелью и очень узким прямым и длинным носом, на конце которого резко выделяются крылья. Сразу под глазами (по бокам их маленькие уши в виде круглых скобок) изображены вадутые щеки, оканчивающиеся на уровне крыльев носа. Под носом расположен небольшой, слегка приоткрытый, выступающий рот. Подбородок округлый и массивный. Лицо окрашено белой и красной красками и окружено бахромой из растительных волокон.

Вторая маска несколько отличается от первой. Лоб ее, также закругленный, почти не выступает, гораздо меньшего размера выпуклые глаза кажутся открытыми (на их уровне по бокам головы торчат небольшие воронкообразные уши). Довольно узкий нос короче, и крылья его выделены не так резко. Круглые щеки выглядят искусственными паленами, выделяются по бокам лица и оканчиваются на уровне рта. Небольшой полуоткрытый рот со средней толщины губами сильно выступает вперед. Широкий подбородок занимает более третьей части всего лица, окрашенного красной и белой красками и окруженного бахромой.

Обе маски относятся к предметам, принадлежащим Дому ритуалов зрелости.

³⁸ Perold E. Op. cit., № 61.

³⁹ Africa Kunst aus den Schwarzen Erdeil. Leiden, 1967, № 81.

⁴⁰ Maes J. Anjola-Kifwebe, № 12, 13.

ФИГУРКИ БЕЗ ВИДИМЫХ МАГИЧЕСКИХ ДОБАВЛЕНИЙ

Очень приятное впечатление производит тщательно сделанная и отполированная скульптура из коллекции Кьерсмейера.⁴¹ На овальной голове с гладкой прической помещена фигурка животного.

Верхняя часть головы окружена рельефной рамкой до крыльев большого и широкого, в форме треугольника носа, который внизу срезан горизонтально. Глаза рельефные, в виде раковин-каури. На их уровне по бокам головы торчат конусообразные уши (острый конец срезан и похож на кружок). Между носом и закругленным подбородком — небольшой рот. Довольно массивная шея переходит в туловище, верх которого представляет собой ровную горизонтальную площадку (сверху она имеет вид овала). От среза вниз идут средней толщины короткие руки, которые слиты с туловищем, согнуты в локтях; кисти с отмеченными пальцами расположены в верхней части живота. Живот округлый и находится в самом низу туловища. Относительно короткие ноги слегка согнуты в коленях и оканчиваются громадными ступнями.

Женская фигурка Африканского музея Берг эн Даль имеет почти круглую голову с прической в виде трех идущих параллельно валиков.⁴² Рельефная рамка, проходя дугой перед торчащими полукруглыми ушами, окружает глаза и оканчивается у середины носа. Надбровные дуги несколько выступают. Глаза продолговатые и рельефные. Кончик широкого носа срезан, под ним большой рот. Верхняя губа имеет вид полувосьмерки, нижняя — полумесяца. Во рту видны разделенные зубы. Небольшой, чуть заостренный подбородок переходит в цилиндрическую шею. Туловище начинается округлыми плечами, переходящими в пропорциональные по длине руки, которые прижаты к телу, согнуты в локтях; их кисти расположены посередине небольших, в форме срезанных конусов, грудей. Живот несколько выдается вперед. Выступающие по бокам низко расположенные бедра переходят в массивные ноги. Половые признаки выражены отчетливо.

У фигурки женщины из Музея Пибоди Гарвардского университета голова яйцеобразная, и прическа на пей сверху выглядит как цветок с лепестками-конусами, на который помещен гребень с такими же конусами.⁴³ Лоб закругленный. Надбровные дуги слегка выделены, под ними рельефные продолговатые закрытые глаза. Нос сильно загнут кверху и спереди выглядит почти прямоугольником. Рот отсутствует. Громадные асимметричные уши торчат по бокам головы в виде квадратных скобок. Рельефная линия проходит полукругом по границе волос, перед ушами и кончается в районе крыльев носа. Сравнительно короткая шея плавно переходит в плечи. Помещенные сразу под ключицами небольшие груди в форме срезанных конусов отклонены в сторону предплечий. Руки слиты с туловищем, согнуты, как и у предыдущих фигурок, в локтях. Кисти с обозначенными пальцами покоятся между грудями. Живот в районе пупка выступает вперед. Рельефные лопатки, расположенные в самой верхней части спины (сразу под шеей), слиты и внешне выглядят как половина разрезанного вдоль цилиндра. Гладкая спина оканчивается выделенными ягодицами. Средней толщины ноги слегка расставлены и согнуты в коленях.

Очень выразительна фигурка мужчины из частного собрания Л. и Дж. Стоклет (Брюссель).⁴⁴ На несколько вытянутой голове гладкая прическа

⁴¹ K j e r s m e i e r C. Op. cit., № 32.

⁴² Africa Kunst. . . , № 83.

⁴³ W i n g e r t P. S. Op. cit., № 80.

⁴⁴ O l b r e c h t s F. M. Op. cit., № 24.

с едва заметными продольными линиями. Широкий лоб как бы нависает над лицом. Большие закрытые глаза расположены в углублениях, под ними три бороздки-слезы. Совершенно прямой и узкий нос оканчивается широкими крыльями. Большой рот с тонкими сомкнутыми губами вырезан на месте подбородка и резко выступает вперед. Из-за этой подробности все лицо в целом, несмотря на мягкую, спокойную трактовку верхней части, носит выражение угрюмости и недовольства. Сравнительно небольшие, тщательно вырезанные уши в виде полукруглых скобок выступают по бокам головы на уровне глаз. Цилиндрическая шея переходит в короткое туловище, которое слито с верхней частью рук. Руки согнуты в локтях. Кисти с вырезанными на них пальцами жаты в кулак и находятся под подбородком. Живот конусообразный. Бедрa выступают по бокам туловища. Ноги состоят из трех выделенных частей, и длина их более длины самого тела; они довольно широко расставлены, согнуты в коленях, и их ступни очень массивны. Высота фигурки 33.5 см.

У фигурки женщины из Линденского музея в Штутгарте, вырезанной из коричневатого-черного с патиной дерева, голова очень длинная и узкая, с прической в форме гребня, расположенного на полусферическом основании (продольные и поперечные бороздки на последнем образуют рельефный узор).⁴⁵ Гребень нависает спереди и сзади над почти прямой линией лба и затылка. На лице выделены полукруглые брови. Глаза продолговатые и не слишком большие. Напротив, нос велик и загнут сильно, нижняя его часть представляет собой изогнутую линию. Небольшой рот несколько выдается вперед. Уши — скобки с отверстиями посередине. Длинная тонкая шея имеет выступ-кадык. В самой верхней части туловища — маленькие конические груди. Руки, как и у всех описанных фигурок, прижаты к телу, согнуты в локтях под прямым углом, а кисти расположены посередине плоского живота. Ноги с выступающей тазобедренной областью длинны, массивны и чуть согнуты в коленях. Высота фигурки 43 см. В аннотации указано, что фигурка использовалась для колдовства группой мбамби и должна была охранять жизнь и здоровье клана.

Фигурка человека из Королевского музея Центральной Африки имеет ту же прическу, что и предыдущая.⁴⁶ Большой нос загнут не слишком сильно и снизу выглядит плавной дугой. Закрытые глаза имеют форму раковины-каури. Рельефная рамка идет от границы волос и заканчивается, как почти у всех фигурок, у крыльев носа. Под носом едва заметен рот, переходящий в закругленный подбородок. Затылок расположен низко и чуть выступает. Цилиндрическая шея переходит в туловище. Согнутые в локтях руки подняты, их кисти помещены на уровне груди. Живот округлый. Ноги короткие, согнутые в коленях (в профиль образуют зигзагообразную линию). Высота фигурки 26.6 см.

Несколько иного плана ритуальная скульптура из Галереи Сеги.⁴⁷ Одна из них (№ 136) — изображение человека, сидящего по-турецки. Закругленная линия лба переходит в мясистый, слегка загнутый нос, который срезан спереди и имеет форму свиного пяточка. От пяточка он скошен книзу, а затем довольно широкий и плоский скос под прямым углом выступает вперед и образует подбородок. Рот отсутствует. Продолговатые выпуклые глаза сбоку выглядят острым углом. Слабо выраженная шея переходит в длинное туловище. Согнутые в локтях руки-обрубки расположены на груди. Ноги очень рудиментарны и положены одна на другую.

⁴⁵ Tribus, Stuttgart, 1969, № 18.

⁴⁶ F a g g W. African Tribal Sculpture. Vol. II. New York, 1966, № 45.

⁴⁷ S e g y L. Op. cit., № 136—140.

Другая скульптура — также изображение сидящего человека (№ 137). Нос у него гораздо меньше, и передний срез выглядит кружком. Рамка, идущая от границы волос (прическа напоминает гребень, расположенный полсерек головы) по вискам, обрамляет только глаза и не доходит до крыльев носа. Рот небольшой, овальной формы. Уши — торчащие квадратные скобки. Вся трактовка лица достаточно реалистична. Руки фигурки с туловищем не слиты, а чуть выступают вперед. Одна кисть лежит на колене, другая — на ступне подвнутой ноги. Ноги изображены очень условно, как и у предыдущей фигурки, и также сложены по-турецки.

Третья скульптура (№ 138) — изображение женщины, стоящей на коленях. Поза ее производит впечатление спокойствия и уверенности. Прическа похожа на трапецию со сглаженными углами. Высокий лоб закруглен и переходит в небольшой нос со слегка вздернутым кончиком и выделенными крыльями. Рельефные мипдалевидные глаза закрыты (они идут наискось). Под ними — две бороздки. Рот широкий. Губы сомкнуты. Нижняя, выступающая вперед, как бы одновременно является и подбородком. Уши — выпуклые полукружья. Стволообразная шея переходит в туловище, на котором изображены маленькие груди (срезанные конусы) и низко расположенный круглый живот. Короткие руки слиты с туловищем, согнуты в локтях. Одна кисть лежит поверх живота, другая прикрывает правую грудь (под мышкой левой руки видно круглое отверстие). Ноги изображены только до колен, и сбоку бедра напоминают изящно вырезанные овалы.

Четвертое человеческое изображение (№ 139) выполнено очень грубо и схематично. Из-за того, что несколько выступающие уши как бы составляют часть контура лица, последнее кажется широким и напоминает неправильный ромб. На голове прическа типа шапочки-пирожка. Посередине лба глубокие линии образуют подобие треугольника (с основанием у границы волос). Треугольником же выглядит и небольшой, чуть приплюснутый нос с двумя поперечными отверстиями. Поэтому на первый взгляд кажется, что нос состоит из геометрических фигур, соприкасающихся вершинами (сбоку это дугообразная линия). Глаза овальные. Рот с тонкими губами и вырезанными зубами расположен на месте подбородка. Массивная шея как бы поставлена на рельефные (в профиль полуовальные) лопатки. Плечи резко выдвинуты вперед, но начиная от грудной области до низа живота туловище довольно сильно вогнуто, после же этого оно, наоборот, выгнуто. Разной толщины руки повторяют вогнутость верхней части туловища. Ноги очень короткие и схематичные. Вся фигура в целом несколько напоминает вставшего на задние лапы медведя.

Довольно изящная фигурка под № 140 трактовкой лица напоминает № 136. Однако здесь нижний срез носа от пяточка не образует угла, а плавно доходит до шеи. На голове прическа — гребень, по бокам которого «довесок» в виде четверти шара. Руки согнуты в локтях. Кисти сложены и помещены в верхней части груди. Низкий живот в профиль острый. Таз выступает. Короткие и массивные ноги сильно согнуты в коленях.

ФИГУРКИ С МАГИЧЕСКИМИ СУБСТАНЦИЯМИ

У фигурок из Африканского музея Берг эн Даль туловище можно хорошо рассмотреть, ибо оно не полностью обвешано магическим снадобьем. Отдельные части его выполнены довольно грубо и схематично, но положение рук (на груди, животе, у подбородка), согнутые в коленях ноги с массивными ступнями, так же как и трактовка головы с гладкой прической или прической в форме гребня и конуса, черты лица с почти прямым или вздернутым носом либо с носом, кончик которого срезан спереди,

полоски-слезы, торчащие уши, овальные глаза — все свидетельствует о стиле, характерном для района Квилу-Кванго.⁴⁸

Видны части туловища и у мужской фигурки из коллекции Элизифона, довольно пропорциональной и тщательно сделанной.⁴⁹ Здесь средней толщины шея переходит в округлые плечи. Короткие тонкие руки слиты с туловищем. Кисти их покоятся на животе. Тазобедренная область расположена низко и слегка выступает по бокам и сзади. В круглые отверстия под мышками продеты растительные бечевки, к которым привязаны плоды с семенами. Голова довольно крупная, продолговатая, с прической в виде плотно прилегающей и сужающейся кверху шапочки. Нос большой, но загнут не сильно, с кончиком-пяточком. Удлиненные глаза расположены в углублениях. Уши в форме квадратных скобок выступают по бокам головы.

Фигурки из Королевского музея Центральной Африки, в противоположность предыдущим, настолько покрыты краской и увешаны всевозможными магическими смесями (в мешочках, рогах антилоп, тряпках), что туловище под ними почти совершенно скрыто.⁵⁰ Во многие фигурки вбиты гвозди. Иногда туловище внешне напоминает шар, чаще же форму его невозможно определить.

У фигурки № 17 на голове прическа в виде шести параллельных гребней. Лицо заключено в традиционную рамку. Глаза выпуклые, со щелями. На очень широком носу видны ноздревые отверстия. Рот слегка напоминает трапецию. Уши сильно выступают. На верхней, видимой, части туловища руки расположены на груди. От пояса фигурка замотана в ткань из растительных волокон, которая скрывает снадобья. Последние помещены и в мешочках, привязанных к шее и левой руке. В глаза, нос и голову вбиты медные гвозди.

Фигурка № 18 очень схематична и вся обмотана тряпкой со снадобьями. На шее висит рог антилопы, на руках — шары с перьями.

Фигурка под № 20 также вся завернута в ткань с субстанциями. На голове прическа в виде конуса. Детали лица отработаны довольно тщательно: узкий прямой нос, продолговатые глаза, рот, расположенный на месте подбородка. Уши в виде квадратных скобок, с отмеченным передним хрящиком.

У фигурки № 21 прическа имеет форму гребня. Лицо заключено в рамку; на нем — большой широкий нос с загнутым кончиком, выпуклые глаза, уши-скобки с отверстиями посередине. Магические субстанции примотаны к туловищу льняной тканью.

Голова фигурки № 22 имеет форму неправильного ромба (уши с отверстиями по бокам его), прическу в виде небольшого гребня. Лицо — в рамке. Нос прямой и тонкий. Глаза рельефно закрыты. На туловище видны руки, согнутые в локтях, с кистями, расположенными на месте рта. Ноги выполнены грубо: левая чуть повернута коленом и ступней внутрь. Мешочек со снадобьем привязан к правому предплечью. Название фигурки — *кибати* — «дух, убивающий зло».

Невысокий гребень завершает голову фигурки № 24. Лицо ее напоминает треугольник. На нем брови в виде сплошной, слегка дугообразной линии, глаза — полуовалы, широкий, приплюснутый нос и большой рот. Личная от шеи фигурка замотана материей из рафии; видны тонкие, схематично сделанные ноги (от колен).

⁴⁸ Africa Kunst. . . , № 78—80, 82.

⁴⁹ Elisofon E. Op. cit., № 250.

⁵⁰ Maes J. Fetischen of tooverbeelden uit Kongo. — Ann. du Musee du Congo Belge, 1935, t. II, fasc. I, pl. XIX, 17, 18, 20—22, 24—27; XX, 8—10, 13, 15—18, 20, 25, 26.

Прическа у фигурки № 25 в виде шапочки с рельефным узором — треугольниками. На лице выделяются соединенные брови, переходящие в воронкообразные уши. Небольшие открытые глаза расположены во впадинах. Мясистый нос не загнут. Рот небольшой, овальный, в нем видны зубы. Все туловище обмотано материей с магическими ингредиентами.

Несколько похожа на предыдущую верхняя часть головы у фигурки № 26. Ее лицо напоминает лица шлемообразных масок. Вся фигурка также обвешана и замотана магическими атрибутами.

У фигурки № 27 прическа-гребень расположен на основании-шапочке с рельефным узором. На лице удлиненные глаза. Нос начинается узкой переносицей, дальше он массивнее, срезан спереди и имеет форму полукруга с небольшими отверстиями-ноздрями. Рот тонкий, большой. Все туловище покрыто магическими смесями.

* * *

Описание баякской скульптуры, хранящейся в различных музеях мира, которым заканчивается статья, не охватывает, естественно, всех имеющих масок и фигурок. Но даже приведенные материалы подтверждают, как мне кажется, тот факт, что существует лишь несколько основных стилизованных ядер в искусстве района Квилу-Кванго, представленных в самых различных комбинациях.

С. Б. Чернецов

Эфиопская картина собрания МАЭ (№ 2594-14)
и легенда о святом Сисиннии и Верзилье

В коллекции собрания МАЭ, привезенной из Эфиопии доктором А. И. Кохановским и переданной в дар Музею в 1913 г., имеется картина, изображающая всадника в традиционной эфиопской одежде с нимбом вокруг головы, который замахивается на лежащую под копытами коня женщину, пораженную дротиком в живот (см. рисунок). Согласно эфиопской живописной традиции, всадник, как положительный персонаж, изображен в три четверти, а жепщина, как отрицательный, — в профиль. В верхнем правом углу картины имеется надпись на амхарском языке: «Как святой Сисинний убил Верзилью». Картина эта была описана Б. А. Тураевым и Д. В. Айдаловым: «14. Александрийская бумага, наклеенная на холст, 76 па 56. По желтому фону изображение св. Сисинния на коне. Одевшие его зеленое и красное, брюки белые. Он поражает дротиком Верзилью в красном опоясании. Один из любимых эфиопских апокрифов, служащий амулетом против смертности детей. Подпись сверху: „Св. Сисинний убивает Верзилью“».¹

В эфиопской магической литературе сюжет о святом Сисиннии и Верзилье является одним из наиболее распространенных. Краткое содержание его таково.² Жил человек по имени Сисинний. Женился он, и родился у него сын (по отдельным версиям — сын и дочь). И в его первенца вошла Верзилья-ведьма и убила его. Плач и крики матери услышал святой Сисинний, святой отца ребенка. Узнав, в чем дело, он сел на коня, взял копьё и пустился в погоню за ведьмой. По дороге он встретил старуху и спросил у нее, где найти Верзилью. Старуха показала ему, и святой Сисинний увидел перед собой Верзилью, окруженную сонмищем бесов. (Роль старухи в различных версиях легенды разная: иногда она сама оказывается Верзильей, иногда просто говорит святому Сисиннию, где находится ведьма). Увидев Верзилью, защищенную бесами, святой Сисинний унял на колени и позвал к богу, прося дать ему силу одолеть ведьму. Голос с неба возвестил Сисиннию, что ему дастся такая сила, и святой пронзил Верзилью копьем. Верзилья, крича, воззвала к Сисиннию, обещая не трогать тех матерей и детей, которые будут чтить память его и носить амулет с его «житием». На этом повествование заканчивается, и далее следуют молитвенные обращения к святому Сисиннию с просьбами защитить от ведьмы владельца или владелицу такого амулета.

Легенда эта впервые была опубликована Фрисом в 1893 г.³ и породила обширную научную литературу. Наибольший интерес у исследователей

¹ Тураев Б. А., Айдалов Д. В. Произведения абиссинской живописи, собранные доктором А. И. Кохановским. — В кн.: Христианский Восток. Т. II, вып. 2. СПб., 1913.

² Дается по рукописям собрания МАЭ — № 4692-1, 4055-6, 4055-10.

³ Frisс K. The ethiopic legend of Socinius and Ursula. — In: Actes du 8-me Congr. Intern. d. Orient. Sect. I, Leiden, 1893, p. 50—70.

вызвал вопрос происхождения легенды, сюжет которой распространен, по выражению Гастера, «от вершин Карпат через Румынию до юга России, от балканских долин до древней Византии и от монастырей Сирии через Палестину до долины Нила».⁴ Получив такое широкое распростра-

Святой Сисиний убласт Верзилью.

нения, этот сюжет чрезвычайно разветвился и приобрел самые разнообразные формы. В Византии разновидностью его была легенда о ведьме Гилло, или Гилу, убивающей поворожденных,⁵ в России — «Сказание о двенадцати трясавицах»⁶ и так называемые амулеты «эмспики»,⁷ в средневековой Европе — «Алфавит Сираха».⁸ В румынской, греческой, еврейской,

⁴ Gaster M. Two Thousand Years of a Charm against Child-stealing Witch. — Folk-Lore, London, 1900, vol. XI.

⁵ Allatius L. De templis Graecorum recentioribus. Coloniae Agrippinae, 1645, p. 126—129.

⁶ Мапсчетов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах. — Древности, Тр. имп. Моск. археол. о-ва, М., 1881, т. XI.

⁷ Соколов М. И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеявиками. — ЖМНП, 1889, июль; Бялков Ж. О двоеверии и амулетах-змеявиках. — В кп.: Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. М., 1973, с. 203—210.

⁸ Steinscheider M. Alphabetum Siracidis. Berlin, 1858, f. 23a.

сирийской, коптской литературах и фольклоре также фигурируют Сисиний, различные модификации этого имени и ведьма, опасная для родильниц и новорожденных, аналогичная Верзильс. Широкое распространение данный сюжет нашел в юго-славянской литературе,⁹ особенно в болгарской богомильской среде.¹⁰

Мнения исследователей о происхождении этого сюжета весьма различны. Бассэ, опубликовавший в 1894 г. французский перевод синаксарной редакции эфиопского жития святого Сисиния, великомученика, пострадавшего при Диоклетиане, отождествляет его с Сисинием, одним из главных последователей Манеса, выдвигая тем самым гипотезу о манихейском происхождении сюжета.¹¹ Эта гипотеза была принята многими учеными, и Б. А. Тураев, вслед за Бассэ, возводит эфиопский вариант к манихейской среде, а отсюда — к Вавилону, Ирану и вообще Азии, видя корень сюжета в борьбе Мардука и Тиамат.¹² Подтверждение этому он находит в том, что «Сисиписва молитва», бытовавшая в России, относилась русским духовенством к «заблуждениям попа Иеремии, еретика болгарского», т. е. к богомильству, восходящему в свою очередь к тому же манихейству.

Аналогичных взглядов придерживались и исследователи русского варианта этого сюжета, И. Д. Мансветов¹³ и М. И. Соколов,¹⁴ полагавшие, что он «есть не что иное, как отголосок халдейского астрального культа, искаженного в ипий религиозной и культурной среде». Следуя популярной в то время теории астральных культов, они именно в них видят источник сюжета, а не в идее дуализма и не в борьбе Мардука и Тиамат, как Б. А. Тураев. Тем не менее родиной этой легенды они также считают Вавилон. А. Н. Веселовский, протестуя против сближения Сисиния рассматриваемого сюжета с манихейским Сисинием и утверждая, что эту гипотезу он считает «ненужной и невероятной»,¹⁵ возводит происхождение легенды к Армении,¹⁶ т. е. по сути дела также к Вавилону. И дальнейший путь этой легенды в Эфиопию представляется Веселовскому из Армении.

Другие исследователи не столь уверены в вавилонском происхождении этого сюжета. Так, Воррелл, подробно исследовавший эфиопскую версию легенды, допускает независимое от Вавилона и манихейства происхождение этого сюжета.¹⁷ В своей работе «Исследования в области абиссинского колдовства» он указывает на прямую связь эфиопской версии с коптской и греческой и высказывает предположение, что эта легенда проникла в Эфиопию из Египта в XIV—XV вв.,¹⁸ а также указывает на еврейское происхождение имени Верзильс.¹⁹ О близости Верзильс и древнееврейской Лилит говорит также и Уллендорф.²⁰

⁹ Соколов М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888, с. 26—47.

¹⁰ Веселовский А. Н. Молитва св. Сисиния и Верзильско коло. — ЖМНП, 1895, май.

¹¹ Basset R. Les apocryphes ethiopiens. IV. Les legendes de S. Tertag et de Sousnoy. Paris, 1894.

¹² Тураев Б. А. Абиссинские магические свитки. — В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой (1885—1915). М., 1916, с. 186.

¹³ Мансветов И. Д. Указ. соч., с. 35.

¹⁴ Соколов М. И. Апокрифический материал. . . , с. 367.

¹⁵ Веселовский А. Н. Указ. соч., с. 227.

¹⁶ Там же, с. 230.

¹⁷ Worrell W. H. Abyssinian Amulets. — In: Hasting's Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. III. Edinburgh, 1910, p. 400.

¹⁸ Worrell W. H. II. Studien zum abessinischen Zauberwesen. — Zs. für Assyriologie, 1909, Bd. XXIII, S. 163.

¹⁹ Worrell W. H. Abyssinian Amulets, p. 399.

²⁰ Ullendorff E. Ethiopia and Bible. London, 1968, p. 80.

Таким образом, единого мнения о происхождении данного сюжета нет. Источник его видят и в вавилонском, и в греческом, и в семитическом фольклоре. Попробуем проследить проникновение этой легенды в Эфиопию, взяв за отправную точку эфиопскую версию. Связь эфиопской легенды, встречающейся в магических свитках, с эфиопским синаксарным сказанием о святом Сисинии несомненна. Об этом прямо говорится в первой главе «Хроники царя Сисиния», памятника эфиопской историографии начала XVII в.: «И дали ему имя по имени мученика пречестного, могучего и добробедного Сисиния, который убил колдунью Верзилю, принимавшую обличье змея, и зверя, и птицы. И после того, как убил он ее, стал он мучеником ради господя нашего Иисуса Христа. И назвали этого царя родственники Сисинием. И потому стал он могучим, ибо нареченное имя ведет к (соответствующим) деяниям».²¹ Эфиопская синаксарная редакция жития святого Сисиния известна нам лишь по французскому переводу Бассо. Она значительно отличается от редакции, обычно помещаемой в «магические свитки». По синаксарной редакции, Сисиний является современником известного гонителя христиан — Диоклетиана. Сестра Сисиния родила от дьявола «сына, странного естеством», а до этого убивала собственную дочь, выпив ее кровь. Благодаря своей связи с дьяволом сестра Сисиния обладала способностью принимать обличье змея и птицы и убивала младенцев у жителей Антиохии, выпивая их кровь. Когда об этом узнал Сисиний, он копьем убил сестру, ее сына, рожденного от дьявола, а также ее мужа и свекра, которые также были колдунами. Затем он вернулся в Никомедию, где крестился. Кроме того, когда Диоклетиан отправил его в Никомедию как своего военачальника, чтобы поостановить там идолопоклонство, Сисиний уничтожил идолов. За все это Диоклетиан приказал подвергнуть его жестокой казни. Так Сисиний стал мучеником и святым христианской церкви.²²

Основным отличием этого синаксарного сказания от той редакции легенды, которая встречается в эфиопских «магических свитках», является приурочивание убийства ведьмы к эпохе Диоклетиана, а также то, что ведьма оказывается сестрой святого. Однако сомневаться в генетической связи этих двух редакций нет оснований, так как в тексте одного «магического свитка», хранящегося в эфиопском фонде Музея антропологии и этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая (кол. № 4693-1) и описанного Б. А. Тураевым,²³ имеется краткий *салам* святому Сисинию, завершающий «магическую» редакцию легенды:

Салам Сисинию, сыну Сосипатра,²⁴
 Страстотерпцу, мученику,
 Без жалости убившему сестру свою,
 Губившую тварей ядом колдовства,
 Птицу подобием, сообщницу ампа.

²¹ Pereira F. M. E. *Chronica de Susenyos, rei de Ethiopia*. T. I. Lisboa, 1892, cap. I.

²² В настоящее время Сисиний не причисляется к святым, канонизированным церковью. Однако — судя по тому, что в списке константинопольских патриархов имеется патриарх по имени Сисиний (426—427 гг.), — в V в. этот святой еще почитался церковным признанием. Д. Шестаков полагает, что это имя могло исчезнуть из календаря в связи с отлучением Седьмым вселенским собором в 787 г. еретика Сисиния Пастилла (Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, с. 200).

²³ Тураев Б. А. Указ. соч., с. 182.

²⁴ В самом саламе для сохранения рифмы на «си» Сосипатр назван не Сусипетросом, а Петрос-сусип, что вошло в заблуждение Б. А. Тураева, назвавшего в своем описании этот салам «слапословием Сисинию, сыну Петра».

Здесь Сисиний называется, как и в синаксарном сказании, сыном Сосипатра, а ведьма объявляется его сестрой. Кроме того, синаксарное сказание способно объяснить, почему в некоторых «магических» редакциях говорится о рождении как сына, так и дочери. Общим для обеих редакций является и убийство ведьмы копьем. На этом, однако, сходство кончается, и отдельные элементы «магической» редакции не имеют аналогий в синаксарном сказании — погоня, расспросы святого Сисиния о Верзилье, его борьба с ней и пр. Возможно, что наряду с кратким синаксарным сказанием, как это часто бывает, существует и пространное житие, способное пролить свет на интересующие нас вопросы, но пока оно не обнаружено.

Эфиопское синаксарное сказание о святом Сисинии полностью совпадает (вплоть до числа мучеников, пострадавших вместе со святым) с коптским синаксарием,²⁵ откуда, очевидно, оно и было заимствовано. Более пространная редакция, но идентичная по содержанию, содержится в синаксаре арабов-яковитов,²⁶ близких по верс коптам и эфиомам. Таким образом, мы можем проследить путь сюжета в обратном порядке: от эфиопов до арабов-христиан. Далее след синаксарной редакции обрывается.

Однако у Алляция имеются два рассказа, вернее — две редакции одной легенды — пространная, но не вполне сохранившаяся, и краткая, сохранившаяся целиком, — близкие нашему сюжету.²⁷ Ниже приводится пересказ этой греческой легенды в реконструкции И. Д. Мансветова.

«В Аравии, в стране авсидитийской, жила одна женщина, по имени Мелитина. Она произвела на свет семерых детей, но все они были погублены Гилло тотчас по рождении. Чтобы спасти следующих, Мелитина строит вдали от всякого жилья баптию и, намереваясь произвесть на свет двух мальчиков, заперлась в ней, так что ни снаружи, ни изнутри нельзя было проникнуть в ее убежище. Но в это время Сисиний и Сисинодор, родные братья Мелитины, возвращаясь с военной службы, вздумали навестить свою сестру, пришли и просят пустить их. Мелитина отвечает, что не может отворить, потому что боится за своих детей. Они повторяют свою просьбу, прибавляя, что они ангелы божии и несут с собой тайны божии. И вот, когда двери отворились, поднялся с земли злой дух, вошел в горло лошади, на которой приехал один из братьев, и в полночь умертвил ребенка. Узнавши об этом, Мелитина начала плакать и жаловаться на своих братьев; святые, поднявши руки к небу, стали просить (бога) дать им власть над нечистою и поймать ее. (Далее ведем рассказ по пространной версии, сравнивая ее и дополняя, где нужно, с краткой). Получив власть от бога, всадники повстречали терновый куст и спросили у него то же самое. Получив отрицательный ответ, также произнесли на него проклятие: „Корень твой пусть произведет верхушку, а верхушка — корень; плод твой будет никуда не годен, и человек не будет питаться им“. Пакопец, они встретили благословенную оливу (масличное дерево), спросили

²⁵ Amélineau F. Les actes des martyrs de l'église copte. Paris, 1890, p. 183—184.

²⁶ Löfgren O. Äthiopische Wandmurelle. — Orientalia Suecana, Uppsala, 1963, vol. XI, p. 100.

²⁷ Allatius L. De quorundam graecorum opinationibus. Coloniae Agrippinae, 1645, p. 133—135.

у нее и получили ответ: „Бегите скорее, святые божи, потому что она спешит скрыться на морском берегу (по другой версии: при море под двадцатью травами, под горящею головою, под мозгами детей)“. Святые божи, Сисинний и Синодор, благословили оливу и сказали: „Плод твой велик будет, святые просветятся чрез него, цари и бедняки возвеселятся о нем“. Поспешив к морю, святые увидели летящую мерзкую Гилло, и как только увидела она святых, обратилась в рыбу, а святые — в рыболовов, и начали ловить ее. Тогда мерзкая Гилло обратилась в ласточку, а святые, получившие благодать, сделались соколами и стали преследовать ее. Тогда Гилло, увидев, что не может обмануть святых, сделалась козлиным волосом и села в царскую бороду, чтобы остаться неузнанною. Святые, приступив к царю, поклонились ему, говоря: „Владыко царь, хотим просить у твоего величества исполнить нашу просьбу, и если хорошо и угодно тебе будет исполнить ее, объяви нам вскорости, потому что мы находимся в большом смущении“. Тогда царь говорит святым: „Просите, ибо я вижу, что вы благородны и разумны“. Святые говорят царю: „Ничего другого не желаем от величества твоего, как только вынуть козий волос из бороды твоей, чтобы ты видел и удивлялся“. „Возьмите“, — говорит царь; и вот святые, расправивши ее с почтением, с великим вниманием вынули волос. Тогда мерзкая Гилло, видя, что не может обмануть святых, обратилась в жещипу . . . а они, схвативши ее за волосы, повергли на землю и начали сильно бить, говоря: „Перестань, мерзкая Гилло, не убивай детей христианских, ни рабы божьей имя рек“. После препирательств отдать ребенка Мелитипе Гилло, наконец, сдается и объясняет, что нужно, чтобы избавиться от нее и лишиться силы вредить людям: „Если кто напишет 12 с половиной имен моих, не взойду в дом раба божия, имеющего молитву сию, ни к сожительнице его такой-то, ни к детям их, но отойду от дома их на 75 стадий“. Тогда говорят святые Гилло: „Скажи же, проклятая, премерзкие имена твои, прежде чем предадим тебя жестокой смерти“. И начала она говорить имена свои . . . На этом рассказ прерывается и идут три молитвы, или, лучше сказать, заговора против Гилло, обращенные к Сисиннию и Синодору, к Иисусу и божьей матери. . . Из некоторых выражений можно догадываться, что они имели значение предохранительных знаков и их носили на шее как амулеты.²⁸

Этот отрывок из Алляция чрезвычайно интересен прежде всего в том отношении, что, будучи древней синаксарной, и «магической» эфиопских редакций, он содержит как раз те элементы повествования, которые имеются в «магической» редакции и отсутствуют в синаксарной. Сходной является и функция отрывка из Алляция, который, как и эфиопский «магический свиток», представляет собой рукописный амулет. А обещания Гилло не входить в дом, где хранится эта молитва, и не причинять вреда владельцу амулета почти дословно совпадают с аналогичными обещаниями Верзилы в эфиопских текстах. Такие элементы «магической» редакции, как погоня, расспросы о ведьме и борьба с ней, отсутствующие в синаксарном сказании, явно восходят к греческой легенде. Расспросы святых Сисинния и Синодора о Гилло, обращенные к вербе, терновнику и оливе, могут служить объяснением для присутствия в эфиопской легенде старухи, указывающей свитому Сисиннию, куда пошла Верзилия. Почти дословно совпадают такие элементы греческого и эфиопского магических текстов, как преклонение колен святого Сисинния, воздевание рук и мольба к богу с просьбой дать ему власть над ведьмой, убивающей младенцев.

²⁸ М а п с в е т о в И. Д. Указ соч., с. 30—32.

Связан этот отрывок и с синаксарным сказанием, хотя сходных черт здесь меньше: и в том и в другом тексте святой Сисиний является воином; и в том и в другом случае фигурирует сестра Сисиния, однако в греческой легенде она — жертва ведьмы, а в копто-эфиопском синаксаре она — сама ведьма. Генетическая связь всех трех рассмотренных легенд вряд ли может подлежать сомнению, но прямой эту связь назвать нельзя.

Распространение этого сюжета можно представить следующим образом: греческая легенда, приведенная Аллицием, имеющая явно магическое предназначение, послужила, вероятно, источником как синаксарного сказания, так и эфиопской «магической» редакции легенды о святом Сисинии и Верзилье. В синаксарном сказании, сложившемся в коптосирийской монофизитской среде, Сисиний — победитель ведьмы — был отождествлен с одним из двух Сисиниев-мучеников, пострадавших при Диоклетиане.²⁹ Естественно, что при переработке легенды для включения в монофизитский синаксарь она утратила многие черты, свойственные литературе магической, и приобрела более житийный характер.

Когда и где этот сюжет проник в магическую литературу, сказать трудно. По свидетельству И. Д. Мансветова, текст, приводимый Аллицием, уже использовался как амулет. В Эфиопию же он проник в форме легенды о святом Сисинии и Верзилье, так как в коптских текстах известен отрывок магического содержания с этими именами.³⁰ Это не единственный маршрут распространения рассматриваемого сюжета. В России, например, он принял форму «Сказания о двенадцати триастицах», где главная фигура ведьмы исчезла совершенно, а 12 имен Гилло превратились в 12 колдуний. Но рассмотрение всех модификаций сюжета о святом Сисинии выходит далеко за рамки настоящей работы.

Каково же, однако, происхождение греческой легенды о Гилло? В сборнике Аллиция имеется небольшая трактат Михаила Пселла, озаглавленный «О Гилло», где Пселл делает попытку проследить происхождение этого предания. Приведем отрывок из трактата в переводе Мансветова: «Гилло — это древнее пресловутое имя — не есть ни демон, ни человек, превратившийся в зверя (оборотень). Подобных превращений философы не допускают. . . Этого имени не попадалось мне между различными именами и силами демонов, известных из писателей, из сочинений научных и волшебных книг Порфирия. Только в одной апокрифической еврейской книге нашел я это имя. Автор этого сочинения, под именем Соломона, выводит как бы в драматической пьесе имена и действия демонов — и, по его мнению, Гилло есть сила, враждебная рождению и существованию. Она истребляет детей еще в зародыше, а тех, которые вышли на свет, ей определено губить в продолжение года. Затем судьба связывает ее и тем лишает силы».³¹

Трудно с уверенностью сказать, на какую книгу ссылается Пселл, но можно предположить, что речь идет об известном апокрифе, распространенном в средневековье под названием «Завещание Соломона».³² Там упоминается некий женский демон Овизут, убивающий новорожденных детей и родильниц, который убегает от написанного над родильницей имени Афарор, истолкованного как Рафаил, которому соответ-

²⁹ Оди́п — дьякон, казненный мечом в 305 г. в Риме; второй — епископ г. Кизика, также казненный мечом при Диоклетиане.

³⁰ L e t t e r s O. V. Koptische Miscellen XVI—XIX. XIX. Berzelia und Sisinnios. — Изв. имп. Акад. наук, СПб., 1907, с. 499—501.

³¹ М а н с в е т о в И. Д. Указ. соч., с. 29.

³² M i g n e J. P. Testamentum Solomonis. Parologia cursis completis. Ser. graeca. Vol. 122. Paris, 1859.

ствуем магическое число 640.³³ Исслл называет цитируемую книгу еврейской. В. Миллер настаивает на халдейском происхождении «Завещания Соломона» и называет его — в соответствии с популярной в те времена теорией астральных культов — «трактатом, основанным на халдейской магии и астрологии».³⁴ Однако Мансветов, также называя его «отрывком из древней халдейской магии», утверждает, что в вавилонских религиозных представлениях «между стихийными духами нет духов женского цикла», и, исследуя «Завещание Соломона», приходит к выводу, что древняя строгая вавилонская система в нем не выдержана и нарушается позднейшими наслоениями.³⁵

Таким образом, хотя «Завещание Соломона» и не дает нам репительного ответа на вопрос, происходит ли образ ведьмы, убивающей поворожденных и родильниц, из еврейских или халдейских религиозных представлений и фольклора, произведение это свидетельствует о распространении образа женского демона-детоубийцы как в той, так и в другой среде. Тем не менее генетическая связь между халдейской Овизут, греческой Гилло и копто-эфиопской Верзильей представляется нам весьма вероятной.

³³ Ibid., p. 1335.

³⁴ Миллер В. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры. — Русская мысль, 1886, кн. 17, с. 70.

³⁵ Мансветов И. Д. Указ. соч., с. 27.

С. Б. Чернецов

Описание эфиопских рукописных амулетов
(«магических свитков») из собрания МАЭ

В Эфиопии, как и во многих других районах земного шара, магия, магические представления и практика составляют немаловажную часть духовной культуры народов, населяющих эту страну. Как в этническом, так и в культурном и религиозном отношении Эфиопия представляет собой чрезвычайно пеструю картину. Описывая многочисленность народов современной Эфиопии, их этническое разнообразие и различия в уровне культуры и социального развития, Конти Россини назвал эту страну «музеем народов».¹ Не располагая точными цифрами, можно, однако, сослаться на приблизительную лингвистическую оценку Рея, который полагает, что в стране имеется по крайней мере 70 различных языков и более 2000 диалектов.²

С не меньшим основанием можно было бы вслед за Пауном³ назвать Эфиопию и музеем культур, так как при той замкнутой жизни многочисленных этнических групп, которую являет эфиопская провинция, каждая такая группа обладает своей специфической культурой, отличной от культуры соседей. Подобные различия могут быть самого разного масштаба, начиная с языка, фольклора и религиозных представлений и кончая мельчайшими деталями в орнаментах одежды и кличками, даваемыми домашним животным.

Длительная политическая и культурная изоляция, в которой многие века находилась Эфиопия, постепенное перемещение центра эфиопского государства на юг, на новые земли в глубь Африканского материка, происходившее под натиском ислама, способствовали консервации социальных, политических и религиозных институтов, а также сохранению и многих весьма древних прарелигиозных воззрений, общих для большинства народов, населяющих территорию современной Эфиопии, — воззрений, уже исчезнувших в более развитых обществах. К числу подобных рудиментов относятся и магические представления, нашедшие свое высшее выражение в бытовании определенных магических обрядов, а также в распространении рукописных амулетов, получивших в научной литературе название «магических свитков» (*Zauberrollen, prières magiques, magical scrolls*) и представляющих весьма интересный материал для исследователя. Академик И. Ю. Крачковский писал: «Между верой и суеверием, религией и фольклором в Абиссинии никогда не было разницы; очень часто в рукописи, составленной духовным лицом, паряду с кано-

¹ Conti Rossini C. L'Abissinia. Roma, 1929, p. 9.

² Rey C. F. The Real Abyssinia. London, 1935, p. 35.

³ Powne M. Ethiopian Music. A Survey of Ecclesiastical and Secular Ethiopian Music and Instruments. London, 1968, p. 10.

пическими молитвами или текстами из Писания можно встретить и самые примитивные заговоры и заклинания. Эта примитивность, восходящая иногда к глубокой древности, иногда отражающая мировоззрение различных племенных единиц, представляет особый интерес для исследователя: и этнограф, и историк примитивной религии найдут здесь богатую для себя пищу». ⁴ В стране, принявшей христианство еще в IV в., «магические свитки» носят и по сие время, и вера в их магическую силу велика, несмотря на то что христианская церковь всегда запрещала и осуждала как вообще всякую магическую практику, так и магические рукописные амулеты. Постановления, направленные против них, имеются в правилах Никейского и Галатского соборов, обязательность которых признает и эфиопская церковь; осуждение «волхвов и чародеев, пишущих амулеты с именами», содержит и XXV глава широко распространенного и почитаемого в Эфиопии христианского трактата «Целение духовное». Тем не менее представители духовенства не только мирятся с бытованием рукописных амулетов в народе, но и сами являются основными их переписчиками.

Самой распространенной формой эфиопского рукописного амулета является свиток, изготовляемый из пергамена или более или менее тщательно выделанной кожи, хотя иногда такие амулеты могут иметь вид книжицы из того же материала, с переплетом из дощечек. По-амхарски такой свиток называется *кэтаб* — «грамотка», а книжица — *мэчхаф* — «книга». Размеры свитка могут быть самыми разнообразными и колебаться в следующих пределах: ширина от 4 до 25 см, длина от 40 см до 2 м. Длинные свитки обычно сшиваются из двух или трех отдельных частей ремешком, изготовленным из того же материала, что и сам свиток. Текст рукописного амулета, как правило, пишется лишь на одной, более гладкой стороне свитка. Бывают, однако, случаи, когда используется и оборотная, шероховатая сторона, но записи на ней обычно являются поздними приписками, сделанными другой рукой и сюжетно не связанными с текстом на гладкой стороне.

По размерам и по употреблению эфиопские «магические свитки» можно разделить на две категории.

1. Небольшие свитки, не шире 6 см и не длиннее 50 см. Их скручивают в трубку, перевязывают тряпичей и носят на шее, или вкладывают в цилиндрическую кожаную капсулу. ⁵ Иногда в верхней части свитка прикрепляют ремешок, которым перевязывают свиток.

2. Большие свитки шириной до 25 см, длиной до 2 м, которые Лефгрен называет «настенными амулетами» (*Wandamuletten*), ⁶ так они предназначаются не для ношения на шее, а для подвешивания на стены в церквях и жилищах. ⁷

Различие в употреблении свитков этих двух видов отразилось и на их оформлении. Свитки, предназначенные для ношения на шее, как правило, содержат только текст, ничем не украшенный, зачастую даже без магических рисунков. Если же рисунки имеются, то они выполнены лишь чернилами и весьма небрежно. «Настенные амулеты» изготовляются с гораздо большим старанием, текст обрамляется цветным орнаментом,

⁴ Крачковский И. Ю. Абиссинский магический свиток из собрания Ф. И. Успенского. — ДАН, 1928, с. 163.

⁵ Wogrell W. H. Charms and Amulets (Abyssinian). — In: Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. III. Edinburgh, 1910, p. 398—401.

⁶ Löfgren O. Äthiopische Wandamuletten. — Orientalia Suecana, Uppsala, 1963, vol. XI.

⁷ Conti Rossini C. Notice sur les manuscrits éthiopiens de la collection d'Abbadie. — Extrait du J. Asiatique, Paris, 1912—1914, p. 218; Lifchitz D. Textes éthiopiens magico-religieux. — Travaux et Mém. de l'Inst. d'Ethnol., Paris, 1940, t. XII, p. 14.

магические рисунки присутствуют обязательно. Эти рисунки пишутся красками, часто со вкусом или во всяком случае со тщанием; нередко по своему характеру они приближаются к миниатюрам рукописных книг. Почерк «настенных амулетов» отличается большей красотой и аккуратностью, нежели почерк малых свитков.

Однако эти различия в основном выражаются только во внешнем оформлении свитков, не затрагивая содержания текстов. Использоваться же амулеты могут и в одном, и в другом качестве. Так, свитки, привезенные в 1968 г. из Эфиопии Д. А. Ольдерогге и подаренные Музею антро-

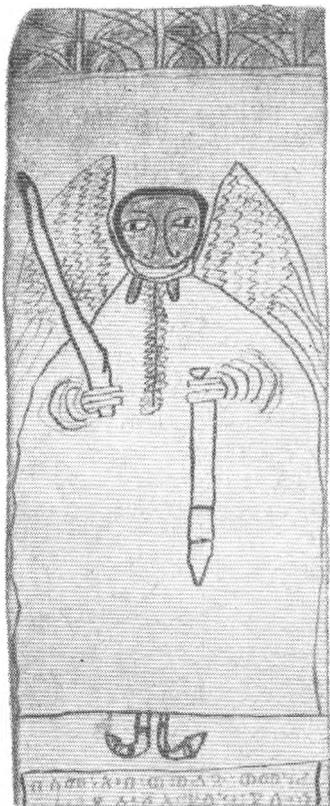

Рис. 1. Ангел-хранитель.

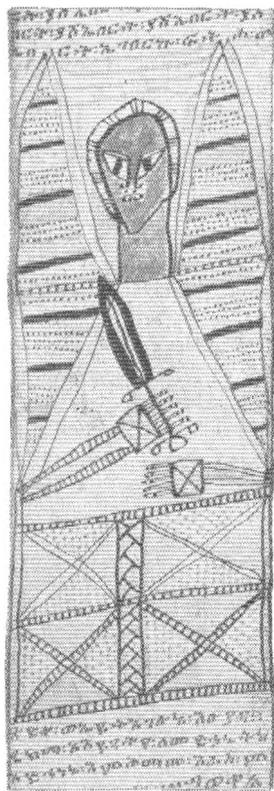

Рис. 2. Ангел.

пологии и этнографии им. Петра Первого (№ 6607-14 и 6607-15), выполнены в стиле «настенных амулетов», но свернуты в трубку и перевязаны тряпичей, а это означает, что их послали на шею, как носят малые свитки. На разнообразие способы использования «магических свитков» иногда указывает и их текст. Например, в свитке № 4055-7 из собрания МАЭ в уста Иисуса Христа вкладывается следующая речь: «И сказал Иисус Марии: „Возьми, даю тебе дар мой. Кто будет творить память мою и веровать в слово этой книги, носить ее и оборачивать шею, и помещать в доме своем, креститься в воде молитвы [ее] и пить с верою [эту воду], к тому не приблизится нечистый“». Таким образом, разница между малыми свитками и «настенными амулетами» заключается лишь во внешнем их оформлении.

Магические рисунки — одни из необходимых элементов эфиопских рукописных амулетов. В этом эфиопская письменная магия не отличается от магических произведений других народов: чудодейственным считаются не только звуки, слова и буквы, но и образы и фигуры.⁸

Эфиопские магические рисунки можно подразделить на следующие типы: изображения; «тайпственные знаки» или «буквы»; иллюстрации к тексту; магические геометрические фигуры.

К первому типу относятся изображения одного или двух ангелов, которые в левой руке держат пустые ножны, а в правой — обнаженный

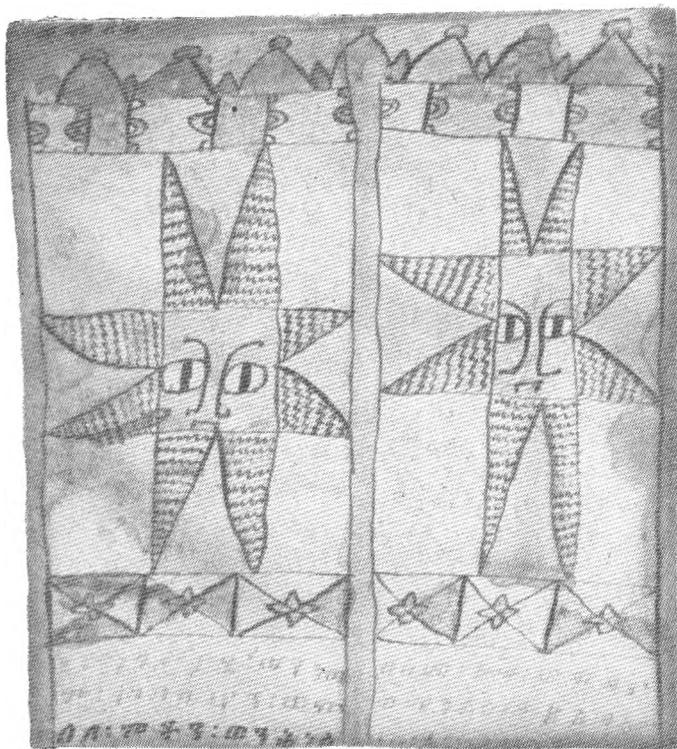

Рис. 3. «Бес связанный».

меч (рис. 1). Ангелы обычно крылаты. Иногда такие изображения сопровождаются надписями — именами архангелов Гавриила, Михаила, Фануила или ангелов, которым приписываются функция ангелов-хранителей и отгонителей нечистой силы и эпитет «прогонитель бесов» (обычно Фануил; рис. 2). К изображениям же относится и так называемый дьявольский лик с восемью рогами, его обрамляющими. В тексте это изображение обычно помещается между строками заклинаний, написанных красными чернилами. Это «бес связанный», воплощение «дурного глаза» (рис. 3).

Ко второму типу относятся значки, которые выдаются за еврейские, реже арабские буквы, имеющие, по-видимому, магическую силу (рис. 4). Никакого отношения ни к еврейской, ни к арабской письменности эти значки не имеют, однако точно такие же значки встречаются в коптских

⁸ Тураев Б. А. Абиссинские магические свитки. — В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, с. 184.

рукописных амулетах, откуда они, вероятно, и были заимствованы эфиопами.

Иллюстрации, как правило, сопровождают пространный магический текст. Такие тексты обычно содержат легенды или синаксарные варианты житий. Наиболее распространена легенда о святом Сисиннии и Верзиле. Сюжет этот встречается не только в рукописных амулетах, но своей популярностью он обязан безусловно магической литературе. Иллюстрации в магических свитках по своим художественным достоинствам нередко приближаются к миниатюрам рукописных книг.

Магические геометрические фигуры труднее всех остальных магических рисунков поддаются толкованию. Сами эфиопы изображают их в рукописных амулетах по традиции и по-разному объ-

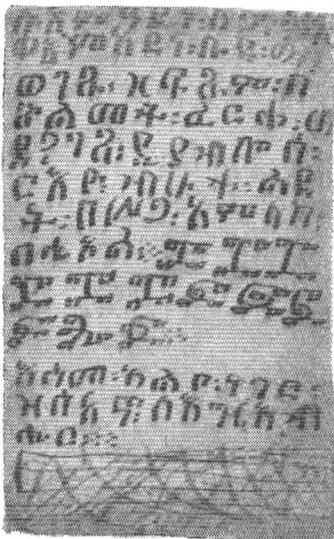

Рис. 4. «Тапнствепные знаки».

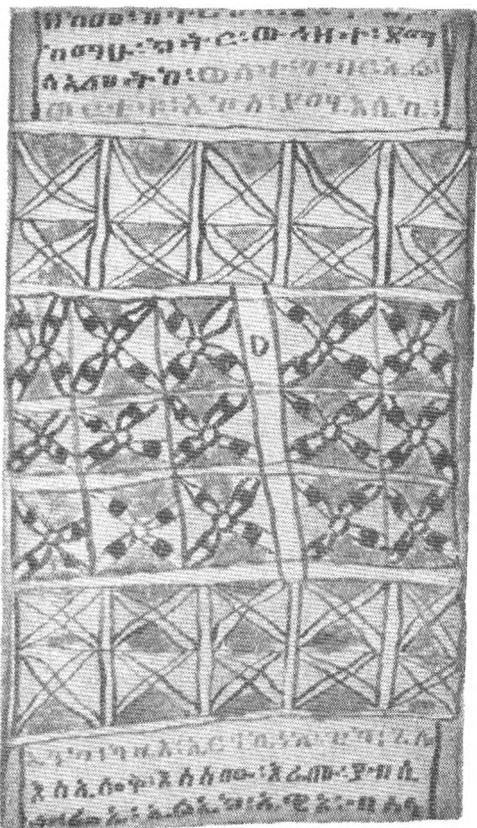

Рис. 5. «Трон дьявола».

ясняют их значение. Чаще всего встречается стилизованное изображение решетки, называемой по-амхарски *тэльсэм* (от арабск. *طليسم* — «талисман»). Как объяснил эфиопский священник Соломон Гебре Селласе, тэльсэм должен изображать трон дьявола и вообще нечистой силы (рис. 5). «Трон» дается в рукописном амулете для того, чтобы при взгляде владельца амулета на него злой дух, который, возможно, вселился в этого человека, покинул его тело и переселился на свой «трон», как на более подходящее для себя место. Вероятно, для предупреждения обратного переселения «трон» сверху и снизу заключен в красные строки заклинаний.

Обязательного порядка в расположении магических рисунков не существует, но определенная последовательность все же прослеживается: в начале свитка обычно помещается изображение эфиопских восьмиконечных крестов (рис. 6) или ангелов с обнаженными мечами; в середине —

«бес связанный», а в конце — «трон дьявола» или те же кресты. Таким образом, расположение магических рисунков в рукописных амулетах имеет вполне определенную цель — оно иллюстрирует победу бога над нечистой силой, способствует устрашению и изгнанию злых духов.

«Тайнственные знаки» определенного положения не имеют и могут быть пририсованы чуть ли не к любому изображению, а наличие иллюстраций зависит, во-первых, от содержания магических текстов и, во-вторых, от богатства исполнения свитка.

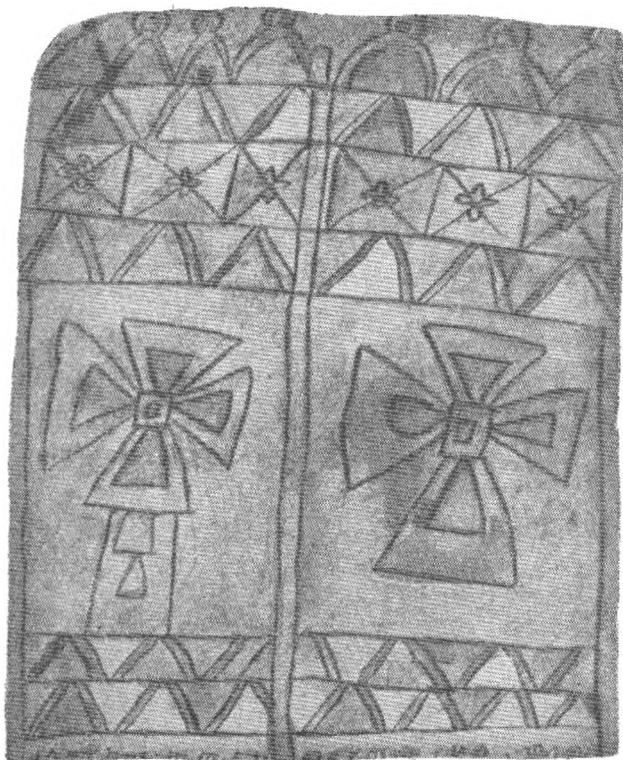

Рис. 6. Крест.

По композиции и содержанию эфиопские магические свитки чаще всего представляют собой сборники магических текстов и лишь изредка содержат только один какой-либо текст. Последнее происходит в том случае, когда текст бывает настолько пространном, что занимает весь свиток, например текст «Свитка Оправдания».⁹ Обычно же по своему содержанию текст свитка распадается на несколько отдельных магических сюжетов, связанных между собой только функцией, т. е. каждый из них призван уберечь владельца (или владелицу) свитка от вполне определенных несчастий. Так, сюжет святого Сисиния и Верзильи¹⁰ должен обеспечивать здоровье роженицам и грудным детям; библейская легенда

⁹ Тураев Б. А. Свиток Оправдания. — В кн.: Сборник статей в честь Г. Потанина. СПб., 1902.

¹⁰ Friess K. The Ethiopia Legend of Socinius and Ursula. — In: Actes du 8-me Congr. Intern. d. Orient. Sect. 1. Leiden, 1893, p. 50—70.

об изгнании Иисусом Христом бесов — изгонять их из одержимых; сюжет «Сети Соломола»¹¹ — спасти человека от чар кузнецов, колдунов и нечистой силы. Свиток изготавливается по заказу, и по желанию владельца писец вписывает туда определенные заговорные тексты. Впрочем, набор магических текстов более или менее ограничен, их спасительная сила носит весьма широкий и универсальный характер, поэтому нередко можно встретить рукописные амулеты, изготовленные на продажу заранее, а не по заказу. В таких случаях в тексте свитков имеются пропуски для вписания имени владельца. Вообще же имя владельца рукописного амулета должно обязательно и неоднократно указываться в тексте, так как каждое произведение магической письменности предназначено для определенного человека и охраняет только его. При переходе свитка из рук в руки имя прежнего владельца выскабливается или зачеркивается и на его месте пишется новое.

Язык эфиопских рукописных амулетов — геэз; он уже с XIII в. перестал быть разговорным и существует лишь как язык литературы и церкви. В этом заключается отличие произведений эфиопской письменной магии от магии устной, ибо языком устных заговоров и заклинаний в Эфиопии являются местные языки и диалекты.

Таким образом, эфиопская магическая письменность следует старым литературным традициям, а не традициям устной магии. С другой стороны, письменные произведения эфиопской магии, написанные на языке, непонятном народу, предназначаются не для чтения, а по сути дела выполняют функцию предохранительных амулетов, оберегов, значение которых заключается в обладании ими, ношении на теле или хранении в доме. Внешний вид эфиопских магических свитков свидетельствует о том же: даже у древнейших из них середина и конец находятся в хорошей сохранности. Ветшают, выцветают и рвутся лишь начало и боковые края свитков, что говорит о том, что их не разворачивают и не читают.

Вопрос датировки эфиопских рукописных амулетов чрезвычайно сложен в силу нескольких причин. Так как языком свитков является мертвый язык, то лингвистический анализ текста способен дать немного. Большая или меньшая чистота языка является свидетельством степени учености писца, но не древности текста. В тексте эфиопских амулетов — в отличие, например, от амулетов армянских — нет указаний ни на время написания, ни на имя переписчика. Текстологический анализ свитков также не является критерием. Сравнивая весьма древние рукописные амулеты из собрания МАЭ со свитками, привезенными Д. А. Ольдерогге в 1968 г., можно увидеть, что содержание этих памятников не претерпело никаких изменений. Поэтому единственным критерием, которым можно руководствоваться при определении времени написания того или иного памятника, остается критерий палеографический. Однако недостаточная разработанность такой дисциплины, как эфиопская палеография, а также уважение переписчика к магическому содержанию свитков и сопряженное с этим стремление точно передать подлинник, вплоть до ошибок, описок и даже почерка, затрудняют датировку свитков. Надежного руководства в этом отношении современный исследователь пока не имеет, исключение, пожалуй, составляет употребление металлических чернил и киноварной краски — свидетельств позднего происхождения рукописи. Лингвистический анализ попадающихся в тексте слов живых эфиопских языков и диалектов (амхарского и тигринья), которые являются главным образом названиями болезней, способен ско-

¹¹ F u r i n g e r S. Das Netz Salomos. — Zs. für Semitistik und verwandte Gebiete, Leipzig, 1928—1929, Bd. VI—VII.

рес указать на место происхождения рукописи, нежели на время ее написания. Поэтому датировка свитков — наиболее ненадежное место приводимых описаний эфиопских свитков.

В тех же случаях, когда в свитке исписана и обратная, пероховатая сторона, не легко определить также и руку писца, ибо изменение характера поверхности писчего материала значительно влияет на почерк, не говоря уже о тех случаях, когда писец бывает вынужден употреблять для письма на обратной стороне свитка другой, более крупный калам.

При описании эфиопских магических свитков известно затруднение представляет и определение их жанра. При разборе той или иной рукописи очевидным является лишь ее содержание, функцию же ее зачастую приходится определять по весьма косвенным признакам, а ведь именно функция определяет ее принадлежность к рукописным амулетам. Что касается до содержания подобных свитков, то в научной литературе принято характеризовать его при помощи весьма расплывчатого термина, введенного Деборой Лифшиц, — «магико-религиозные тексты».¹² Сами же эфиопы определяют его еще шире: *тэмхэрт* — «учение». Это понятие хорошо описал Райт: «... за словом „тэмхэрт“ сохраняется его прежнее значение, значение учености, основанной на священных доктринах христианской церкви; она внушает страх и почтение и считается превосходнейшей пониманием простого народа. Это вещь таинственная, род „тайного учения“, если использовать геэзское познание произведения, которое его издатель (Дебора Лифшиц, — С. Ч.) включил в свои „магико-религиозные тексты“. (Этот текст, однако, можно приобрести в Аддис-Абебе в дешевом издании, и он раскунается грамотными почитателями как недорогой доступ к эзотерическому познанию, хотя, конечно, геэз по сути дела непонятен большинству из них)».¹³ В последующем описании, возможно, тоже будут встречаться рукописи, которые и не являются магическими текстами в строгом смысле слова, но могут быть использованы в качестве амулетов.

* * *

В собрании МАЭ рукописные амулеты имеются в пяти коллекциях — № 2103, 3052, 4055, 4693 и 6607.

Кол. № 2103 была получена музеем в 1913 г. в дар от доктора А. И. Кохановского. Она включает восемь рукописей, которые можно рассматривать как амулеты.

№ 2103-19 — книжечка размером 5×7.5 см. Состоит из нескольких тетрадей толстого пергамента. Сохранилось только пять первых тетрадей, содержащих 42 листа. Переплет — доски (в наличии только задняя доска). Конец рукописи отсутствует. Текст написан черными и красными чернилами. Красные чернила кинопарные. Почерк мелкий, но четкий. Колофон и имя владельца отсутствуют. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX — началом XX в.

Рукопись содержит два духовных стиха.

л. 1а—2б — чистые.

л. 3а—24б — салам богородице.

л. 24б—42б — салам Иисусу Христу (без опоччалл).

№ 2103-20 — книжечка размером 3×4.5 см. Содержит 26 листов тонкого пергамента. Переплет — доски. Текст написан красными и черными чернилами. Красные чернила — кинопарные. Почерк мелкий, небрежный. Колофон и имя владельца отсутствуют. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX — началом XX в.

Рукопись содержит незаконченный текст «Тайного учения».

¹² Lifschitz D. Op. cit.

¹³ Wright S. Book and Manuscript Collections in Ethiopia. — J. of Ethiopian Studies, Addis Ababa, 1964, vol. II, № 1, p. 11—12.

- л. 1а — члстмый.
 л. 1б—5а — текст вералборчывый.
 л. 5б—6б — члстмый.
 л. 7а—20б — псааконченый текст «Тайного учения».
 л. 21а—26б — члстмый.

№ 2103-21 — пергаменный свиток размером 9×76 см, спитый пергаменным ремешком из двух частей. Части спиты неправильно — началами. Свиток исписан только с лицевой стороны черными чернилами. Почерк четкий, аккуратный, похож на почерк в рукописях № 3052-887а и 887б. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в.

Обе части рукописи заключают в себе тексты одинакового содержания, т. е. начало послания апостола Иоанна сына Заведесва. В первой части 44 строки текста, во второй — 43.

Дашная рукопись па является амулетом, а представляет собой подобие ученической прописи, т. е. образец для переписывания.

№ 2103-22 — кожаный свиток размером 7×179 см, спитый кожаными ремешками из трех частей. Свиток исписан с одной стороны черными чернилами.

Кроме текста, в середине первой части рукописи имеется рисунок эфиопского восьмиугольного креста на подложки, выполненный черными чернилами и красной и желтой краской, справа и слева от которого изображены фигуры ангелов (рис. 7).

Почерк архаический, угловатый, словоразделительные двосточия отсутствуют. Письмо четкое, ясное. Имя прежнего владельца — Такла Хаймапот — зачеркнуто, и новыми, более бледными чернилами вписано повое имя — Вальда Габриэль. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XVII—первой половиной XIX в.

В рукописи 203 строки текста. По содержанию текст распадается на семь магических сюжетов.

- 1—24 строки — «Разрешение чар».
 25—46 строки — «Разрешение чар».
 47—69 строки — Евангелие от Матфея (8, 28—32).¹⁴
 70—101 строки — Евангелие от Марка (5, 1—13).
 102—150 строки — Евангелие от Луки (8, 26—33).
 151—172 строки — Евангелие от Иоанна (1, 1—5).
 173—203 строки — эклектическое смешение двух магических сюжетов — «Молитвы от внезапного ужаса» и «Разрешение чар».

№ 2103-25 — свиток тонкого пергамена, размером 7×43 см, спитый пергаменным же ремешком из двух частей. Свиток исписан с одной стороны красными и черными чернилами. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в.

Рукопись содержит 51 строку текста, представляющего собой послание апостола Иоанна сына Заведеева — обычный школьный образец для обучения письму.

После текста послания следуют четыре строки приписок. Первая приписка — «О, Амда Марьям!» — очевидно, имеет в виду или человека по имени Амда Марьям,

¹⁴ Евангельские эпизоды рассматриваются как магические сюжеты на том основании, что они являются здесь эллиптической частью заговора.

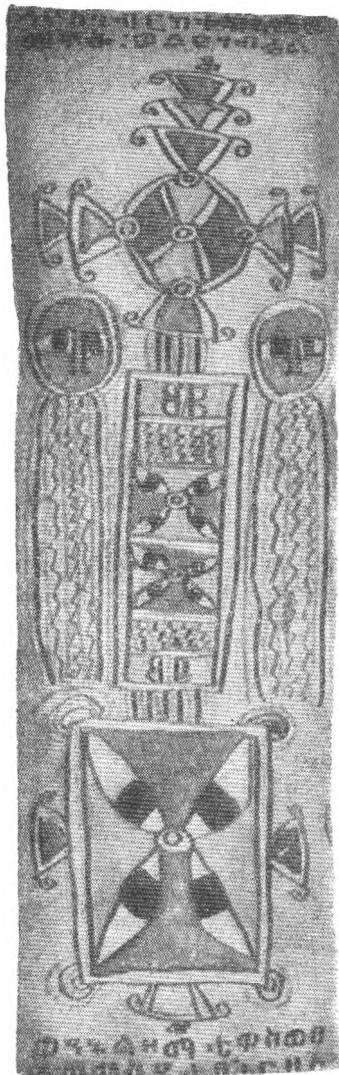

Рис. 7. Крест.

или известный эфиопский монастырь этого имени. Наиболее вероятно последнее. Вторая приписка — «Написано для даяча Баэло как образец для обучения».

№ 2103-26 — свиток тонкого пергамента, размером 5,5×65 см. Исписан с одной стороны черными и красными киповарными чернилами. Тот же почерк и та же рука, что и в рукописях № 2103-27, 29.

Кроме текста, в рукописи имеются заставка и концовка, небрежно выполненные каламом. В тексте есть пропуски для имени владельца, которое не вписано. По палеографическим признакам рукопись можно датировать второй половиной XIX в.

В рукописи 134 строки текста. По содержанию текст распадается на пять магических сюжетов.

- 1—35 строки — «Разрешение чар».
- 36—66 строки — «Разрешение чар».
- 67—101 строки — «Асма» — заклинания магическими именами.
- 102—117 строки — часть магического сюжета «Ограждение креста».
- 118—134 строки — «И лик его во мраке совершенном» — отрывок из магического заклятия дьявола.

Рис. 8. Ангел.

Рис. 9. Ангелы.

№ 2103-27 — свиток тонкого пергамента, размером 4,5×112 см, спитый пергаменным ремешком из двух частей. Свиток исписан с одной стороны красными и черными чернилами. Красные чернила — киноарные.

Кроме текста, в рукописи имеются два рисунка, выполненных каламом красными и черными чернилами. Первый рисунок — изображение крылатого ангела, держащего в правой руке обнаженный меч, а в левой — посох. Второй рисунок состоит из трех изображений, одно под другим: витой орнамент; голова ангела в обрамлении крыльев (видимо, это изображение святого духа); квадрат, разделенный по диагоналям на четыре треугольника (рис. 8). В верхний и нижний треугольники вписано человеческое лицо, в правый и левый — геометрические рисунки. Возможно, последнее — это «трон дьявола».

Почерк перовный, но отчетливый. Имя владельца не вписано, но место в тексте для него оставлено, что говорит о том, что свиток был изготовлен не по заказу, а на

продажу. По палеографическим признакам рукопись можно датировать второй половиной XIX в.

В рукописи 127 строк текста. По содержанию текст распадается на три магических сюжета.

- 1—56 строки — «Око проклятое на оз. Тиверпадском».
 57—105 строки — «Иаков в Сирии».
 106—127 строки — «Разрешение чар».

№ 2103-29 — свиток тонкого пергамента, размером 4×40 см. Свиток исписан с одной стороны черными и красными киноварными чернилами. Тот же почерк и та же рука, что и в рукописи № 2103-27.

Кроме текста, в рукописи имеются два рисунка — в начале и в середине свитка. Первый рисунок состоит из трех изображений, одно под другим: три поясные человеческие фигуры; витой орнамент; голова ангела в обрамлении крыльев (рис. 9). Второй рисунок состоит из двух изображений: четыре квадрата, в каждый из которых вписано человеческое лицо (возможно, это изображение «тропа дьявола»); лицо ангела в обрамлении крыльев.

Почерк неровный, но отчетливый. Имя владельца не вписано. По палеографическим признакам рукопись можно датировать второй половиной XIX в.

В рукописи 87 строк текста. По содержанию текст распадается на два варианта одного и того же магического сюжета «Разрешение чар».

- 1—56 строки — первый вариант.
 57—87 строки — второй вариант.

Кол. № 3052 была передана в МАЭ в 1925 г. по определению Совета этнографического отделения Русского музея, куда она поступила в дар по духовному завещанию от есаула Н. С. Леонтьева. Леонтьев, находясь на службе у императора Эфиопии Менелика II в качестве генерал-губернатора Экваториальных провинций Эфиопии, имел возможность собрать богатую этнографическую коллекцию в южных, наименее изученных районах страны. Коллекция включает 1255 предметов (1238 номеров). В ее составе есть три рукописи. Первая рукопись — № 184 — значится в описи Русского музея как «Библия на галласском языке в деревянном переплете»; вторая и третья — № 185 — как «пергаментный свиток с галласскими письменами». На самом деле языком всех трех рукописей является геэз. Сам собиратель, будучи прекрасно знаком со страной и населяющими ее народами, не мог сделать столь явной ошибки. Очевидно, это вина сотрудника Русского музея, составлявшего опись и вместо прилагательного «геэзский» всюду поставившего «галласский». То, что вторая и третья рукописи значатся в собрании МАЭ под двумя разными номерами — 3052-887а и 887б, а в описи Русского музея под одним — 185, можно объяснить тем обстоятельством, что эти две рукописи могли быть двумя частями одного свитка, сначала сшитыми пергаменным ремешком, а впоследствии распавшимися.

№ 3052-887а — свиток плотного пергамента, размером 9×31,5 см. К верхней части свитка приплетен пергаменный ремешок. Свиток исписан с одной стороны черными чернилами. Почерк четкий, аккуратный. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в.

Рукопись содержит текст послания апостола Иоанна сына Заедеена.

Эта рукопись служила образцом для переписывания, была своего рода эфиопской прописью.

№ 3052-887б — свиток плотного пергамента, размером 9×30,5 см. В верхнюю часть свитка вплетен пергаменный ремешок. Свиток исписан с одной стороны черными чернилами. Почерк четкий, аккуратный. Та же рука, что и в рукописи № 3052-887а. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в.

Рукопись содержит эфиопские алфавит и цифры. В конце рукописи отдельно написаны буквы, обозначающие либализованные звуки, которых нет в языке геэз, но есть в амхарском языке.

Рукопись служила учебным пособием. Вероятно, это вторая часть свитка. Первую же его часть составляет рукопись № 3052-887а.

Кол. № 4055 была получена МАЭ в 1930 г. из Государственного Эрмитажа. Коллекция состоит из предметов собрания академика Б. А. Тураена и собрания бывшего Богословского института. В ней 19 номеров, 8 из которых — эфиопские рукописные амулеты.

№ 4055-3 — свиток толстого пергамента, размером $9,5 \times 200$ см, спитый пергаменными ремешками из трех частей. Свиток исписан с лицевой стороны черными и красными чернилами, а с обратной — только черными.

Кроме текста, в начале, середине и в конце свитка имеются три рисунка. Первый рисунок изображает двукрылого ангела во весь рост с мечом в правой руке и ножнами — в левой (рис. 10). Второй — поясное изображение

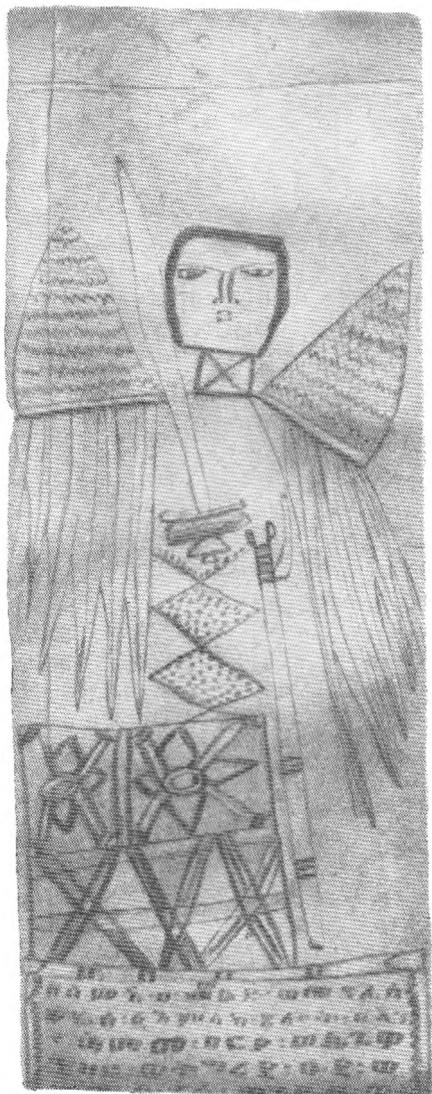

Рис. 10. Ангел.

Рис. 11. Ангелы.

трех ангелов в шлемах (рис. 11). Третий рисунок должен изображать, по-видимому, «трон дьявола». Все рисунки выполнены каламом, красными и черными чернилами и желтой краской.

На лицевой стороне свитка текст заключен в рамку, почерк небрежный, но четкий. На обратной стороне свитка почерк еще более небрежен. Впрочем, возможно, это результат письма на шероховатой поверхности. Основной текст на обратной стороне свитка написан той же рукой, что и на лицевой, однако отдельные вставки в тексте сделаны другой рукой, более бледными чернилами и другим каламом. По палеографич-

ческим данным рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в. На лицевой стороне свитка в тексте упомянуто имя владелицы — Валатта Эмпауэль.

В тексте лицевой стороны 219 строк. По содержанию он распадается на семь магических сюжетов.

- 1—44 строки — «Разрешение чар».
- 45—91 строки — «Разрешение чар».
- 92—131 строки — «Малакот» — молитва божества.
- 132—163 строки — молитва от кровотечения.
- 164—173 строки — «Малакот» — молитва божества.
- 174—199 строки — «Сабхат» — славословие Иисусу Христу.
- 200—219 строки — «Разрешение чар».

Обратная сторона свитка исписана 18 текстами, отделенными друг от друга продольными чертами.

- 3 строки — неразборчивые.
- 5 строк — ваэма Троице.
- 6 строк — ваэма Симеону-мучешку.
- 9 строк — ваэма Троице.
- 18 строк — салам Отцу.
- 92 строки — духовные стихи невьясненного жанра.
- 8 строк — духовные стихи невьясненного жанра.
- 8 строк — духовные стихи невьясненного жанра.
- 17 строк — ваэма Михаилу.
- 10 строк — ваэма Такла Лбу.
- 7 строк — духовные стихи невьясненного жанра.
- 9 строк — ваэма Цавах Табору.
- 10 строк — ваэма Гавриилу.
- 20 строк — смыто.
- 13 строк — ваэма Георгию Лиддскому.
- 7 строк — духовные стихи невьясненного жанра.
- 6 строк — духовные стихи невьясненного жанра.
- 7 строк — духовные стихи невьясненного жанра.

№ 4055-4 — свиток толстого пергамена, размером 10×217 см, спитый пергамепными ремешками из трех частей. К верхней части свитка привязан пергамепный мешок. Свиток исписан с одной стороны черными и красными чернилами. Текст обведен рамкой, очерченной черными чернилами и окрашенной желтой краской.

Кроме текста, в рукописи имеются два рисунка, выполненных черными чернилами и красной и желтой красками. Первый рисунок, расположенный в начале свитка, — красный крест на желтом фоне между солнцем и луной. Второй рисунок, в середине свитка, — ангел-хранитель, нарисованный красной краской на желтом фоне.

Почерк аккуратный, четкий. В тексте упоминаются два имени владельцев — Вальда Марьям и Вальда Иоханнес. По палеографическим признакам рукопись можно датировать началом XX в.

Эта рукопись описана в Каталоге Б. А. Тураса¹⁵ среди рукописей его личного собрания.

В рукописи 292 строки текста. По содержанию текст распадается на три сюжета.

- 1—44 строки — молитва вполне канонического характера.
- 45—190 строки — «Разрешение чар».
- 191—292 строки — «Разрешение чар».

№ 4055-5 — свиток тонкого пергамена, размером 5×63 см. Свиток исписан с одной стороны красными и черными чернилами. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XIX—началом XX в.

Кроме текста, в рукописи имеется заставка (рис. 12). Рукопись содержит 18 строк текста, представляющего собой начало магического сюжета «Око проклятое на оз. Ти-вериадском».

№ 4055-6 — свиток толстого пергамена, размером 7×208 см, спитый пергаменными ремешками из трех частей. Свиток исписан с одной стороны черными и красными чернилами.

Кроме текста, в рукописи имеются три рисунка, выполненных черными чернилами и красной и желтой красками. Первый рисунок — изображение эфиопского восьмиконечного креста на подножии, справа и слева от которого нарисованы две фигуры ангелов. Этот рисунок аналогичен рисунку рукописи № 2103-22. Второй рисунок — доукрытый ангел с эфиопским крестом на голове; в правой руке ангела — обаяжен-

¹⁵ Ту р а с а Б. А. Эфиопские рукописи в С.-Петербурге. — В кн.: Зап. Вост. отд-ния имп. Рус. археол. о-ва, Т. XVIII. СПб., 1906, с. 10—131, № 2.

пий меч, поднятый над головой, в левой — ножны. Третий рисунок — изображение «беса связанного» с шестью рогами, заключенное в орнамент из восьмиконечных крестов (рис. 13).

Почерк архаический, угловатый. Письмо ясное и четкое. В тексте указано имя владельца — Бэрле, — замененное впоследствии женским именем Ешмэйсч. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XVIII—началом XIX в.

К обратной стороне свитка приклеен бумажный листок с кратким описанием рукописи, данным известным лицом.¹⁶

Эта рукопись не описана в Каталоге Б. А. Тураева, но есть основания предполагать, что она находилась в его собрании, так как в своей статье «Коптский пергаментный амулет» Б. А. Тураев пишет: «Особенно близок по характеру к предмету настоящей статьи один из свитков моего небольшого собрания эфиопских рукописей. В нем за началом (1, 1—5) Евангелия от Иоанна следует известная молитва св. Сисинию, ряд молитв против бесов и болесней, прерываемых отрывками остальных трех евангелий, повествующих об исцелениях бес-

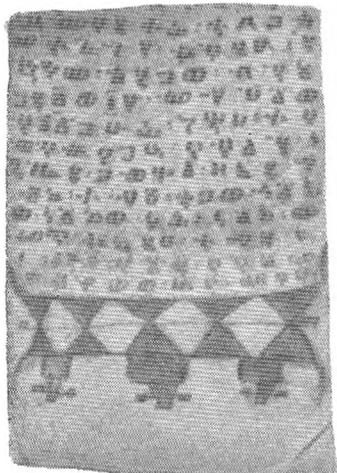

Рис. 12. Заставка.

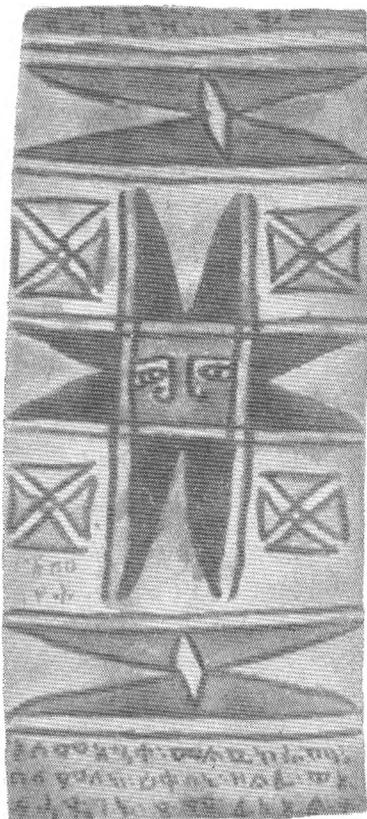

Рис. 13. «Бес связанный».

новатой и кровоточивой, а также магическими изображениями, вероятно также находящимися в связи с крестами на нашем амулете».¹⁷ То, что эта рукопись не была описана в Каталоге, но упоминается в вышеприведенной статье, объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что Каталог был составлен автором до его путешествия в Египет в 1909 г.,

¹⁶ «Aethiopisches Manuscript aus dem 16. Jahrh. — 300 Zeilen in aethiopischer Schrift sauber in schwarz und rot quer über einen 208 cm. langen und 7 cm. breiten Pergamentstreifen geschrieben, augenscheinlich vor dem 17. Jahrh. entstanden. Der Streifen ist aus 3 einzelnen Teilen zusammengeheftet; jeder derselben beginnt mit einer in rot, gelb und schwarz ausgeführten emblematischen Zeichnung von 24, 19 und 13 cm. Höhe, auf denen sich ungeschickte Nachbildungen menschlicher Gestalten und Kreuze, deren gleichen Arme breit endigen (Ordenskreuze), vorfinden. M. 100».

¹⁷ Христианский Восток. Т. I, вып. 2. СПб., 1912, с. 206.

где Б. А. Тураев и приобрел большую часть рукописей, составивших его собрание, а статью «Коптский пергаментный амулет» он написал в 1912 г.

В рукописи 300 строк текста. По содержанию текст распадается на восемь магических сюжетов.

- 1—18 строки — Евангелие от Иоанна.
- 19—82 строки — «Святой Сисипий и Верзилья».
- 83—98 строки — «Разрешение чар».
- 99—114 строки — «Разрешение чар».
- 115—139 строки — Евангелие от Матфея (8, 28—32).
- 140—163 строки — Евангелие от Марка (1, 23—28).
- 164—174 строки — Евангелие от Луки (8, 43—44).
- 175—300 строки — салам Фануилу.

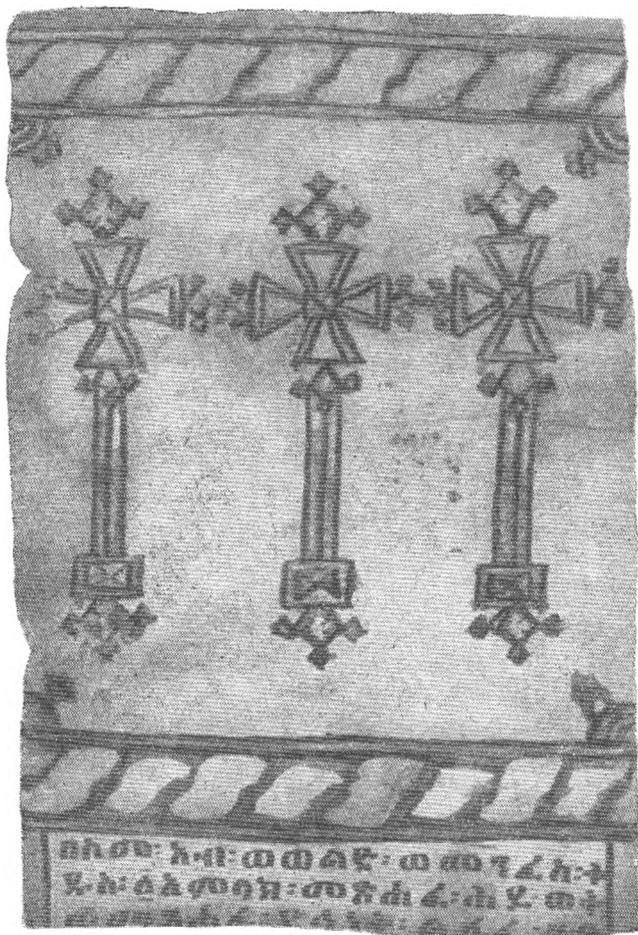

Рис. 14. Кресты.

№ 4055-7 — кожаный свиток размером 11×206 см, сшитый кожаными ремешками из трех частей. Свиток исписан с одной стороны черными и красными чернилами. Текст заключен в рамку, очерченную черными чернилами и окрашенную желтой краской.

Кроме текста, в начале, середине и конце свитка имеются три сходных рисунка, выполненных черными чернилами, красной и желтой красками. На рисунках изображены три эфиопских креста на подножках (рис. 14). На последнем рисунке между тремя крестами есть два малых креста.

Почерк аккуратный, четкий. В тексте указано имя владельца — Такла Марьям, впоследствии замененное двумя другими именами: Такла Гиоргис и Габра Эгзаабхер. По палеографическим данным рукопись можно датировать концом XVIII—первой половиной XIX в. Рукопись содержит 303 строки текста, представляющего собой известный магический сюжет «Свиток Оправдания».

№ 4055-8 — кожаный свиток размером 9×225 см, сплтый из трех частей кожаными ремешками. Свиток исписан с двух сторон.

Лицевая сторона исписана черными и красными чернилами. Кроме текста, имеются три рисунка, выполненных черными чернилами и желтой и красной красками. Рисунки расположены в начале, середине и конце свитка. Первый рисунок — изображение двукрылого ангела во весь рост в одеянии, подобном арабской галабии. В правой руке ангел держит обнаженный меч, в левой — посох. Второй рисунок — лик «беса связанного» с шестью рогами, заключенный со всех четырех сторон в геометрический орнамент (рис. 15). Третий рисунок — геометрический орнамент, который, по-видимому, должен обозначать «трон дьявола». Текст на лицевой стороне свитка заключен в рамку.

Почерк четкий. В тексте указано имя владелицы — Валатта Габриэль. Сверху написано другое имя — Верхнеш. Что представляет собой это второе имя — прозвище ли первой владелицы или имя второй, судить трудно. По палеографическим данным рукопись можно датировать первой половиной XIX в.

На лицевой стороне свитка 217 строка текста. По содержанию этот текст распадается на пять магических сюжетов.

- 1—34 строки — «Отлучение сатаны».
- 35—69 строки — Евангелие от Матфея (8, 28—33).
- 70—127 строки — Евангелие от Марка (1, 23—28).
- 128—195 строки — «Святой Сисипий и Верзилья».
- 196—217 строки — «Молитва от болезни кровотечения, возвещенная Гавриилом Марии».

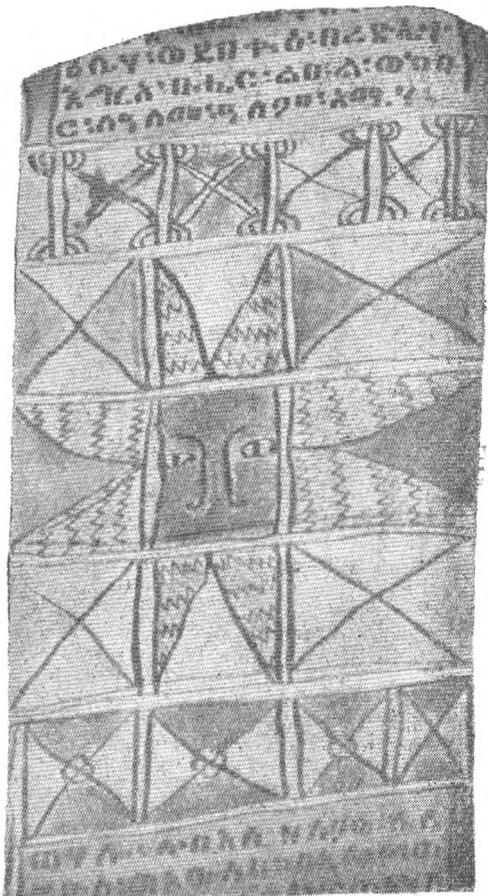

Рис. 15. «Бес связанный».

Обратная сторона исписана только черными чернилами. Рисунков нет. Почерк более небрежный, нежели на лицевой стороне, по тем же местам четкий. Чувствуется та же рука, что и на лицевой стороне. На обратной стороне свитка 100 строк текста. По содержанию этот текст распадается на пять сюжетов.

- 1—19 строки — молитва от кровотечения.
- 20—33 строки — «Отлучение сатаны».
- 34—52 строки — «Отлучение сатаны».
- 53—74 строки — «Ограждение креста».
- 75—100 строки — «Ограждение креста».

Любопытно отметить, что лицевая сторона исписана для женщины «рабы божьей Валатта Габриэль». Обратная же сторона, несмотря на свое содержание (молитва от кровотечения), дает нам «раба божия», хотя имя и не написано.

№ 4055-9 — свиток тонкого пергамента, размером 7,5×144,5 см, сплтый пергаменным ремешком из двух частей. В середине свитка порван и зашит белой ниткой.

К верхней части свитка привязан пергамсшний ремешок длиной 14,5 см, для того чтобы обвязывать им свиток и удерживать в свернутом состоянии. Свиток исписан с одной стороны красными и черными чернилами. Красные чернила киноваршые, черные двух видов — темные и бледные. 14 начальных строк первой части свитка написаны во всю его ширину, дальше текст идет в два столбца. Вторая часть свитка исписана во всю ширину. Разные чернила показывают, что свиток создавался не сразу, а в два приема: сначала первые 14 строк и левый столбец первой части свитка (бледными чернилами), а затем правый столбец первой части и вся вторая часть (темными чернилами).

Кроме текста, в рукописи имеются орнаментальная заставка, кощовка и три примитивных рисунка, выполненных каламом черными чернилами. Первый рисунок (бледными чернилами) помещен перед текстом и представляет собой двукрылого ангела во весь рост с мечом в ножжах па поясе. Второй рисунок (также бледными чернилами) помещен в середине текста — это изображение летящего крылатого ангела, размахивающего обнаженным мечом. Третий рисунок — «бес связанный» с шестью рогами — сделан в конце первой части темными чернилами. Справа и слева от лика «беса связанного» нарисованы жезлы.

Весь текст и рисунки принадлежат одной руке. Почерк четкий. В тексте указано имя владелицы — Валатта Габриэль. По палеографическим данным рукопись можно датировать серединой XIX в.

Рукопись содержит 14 строк, написанных во всю ширину свитка в первой части п по 76 и 100 строк в левом и правом столбцах соответственно. Вторая часть свитка содержит 85 строк, заполняющих всю ширину свитка. По содержанию текст распадается на шесть магических сюжетов.

Первые 14 строк и 65 строк левого столбца — «Разрешение чар».

Последние 11 строк левого столбца — начало «Алфавита духовного» (буквы «алеф», «бет», «гимель», «далет», «хе», «вав»).

Первые 35 строк правого столбца — «Асма» — заклинания «пречестными и сокровенными именами господя, находящимися в руке архангела Михаила — устрашителя врага».

Последние 70 строк правого столбца — салам Фануилу.

Первые 68 строк второй части — заговор, представляющий эклектическое смешение трех магических сюжетов — «Асма», «Отлучения сатаны» и «Поведай мое имя твое».

Последние 17 строк второй части — начало «Алфавита псалтырного».

№ 4055-10 — свиток плотного пергамена, размером 13×190 см, сшитый ремешками из трех частей. Свиток исписан красными и черными чернилами с лицевой стороны в два столбца, а с обратной — в одип. На лицевой стороне текст заключен в рамку, раскрашенную желтой краской. На обратной — одип текст без оформления.

Кроме текста, на лицевой стороне имеются три рисунка, выполненных черными чернилами, красной, желтой и голубой красками. Рисунки помещены в начале, середине и в конце свитка. Первый рисунок — два эфиопских креста на подложках, заключенные в геометрический орнамент. Второй рисунок — два ангела, отделенных друг от друга рамкой. За спиной ангелов схематичные крылья, над их головами — три примитивных изображения тукулей (типичных эфиопских жилищ) или церквей. Любопытно, что вместо рук ангелам нарисованы ноги. Третий рисунок — два лика «бесов связанных», также разделенных рамкой. Лики заключены в геометрический орнамент.

Почерк крупный, четкий. В тексте лицевой стороны имеется имя владелицы — Амата Марьям. Обратная сторона свитка написана, по-видимому, той же рукой, что и лицевая, но более небрежно. По палеографическим признакам рукопись можно датировать второй половиной XIX—началом XX в.

Лицевая сторона свитка исписана в два столбца, причем текст правого столбца является продолжением текста левого. По содержанию текст лицевой стороны распадается на семь магических сюжетов.

Левый столбец:

- 1—20 строки — «Разрешение чар».
- 21—96 строки — «Сеть Соломона».
- 97—130 строки — начало «Отлучения сатаны».

Правый столбец:

- 1—14 строки — продолжение «Отлучения сатаны».
- 15—95 строки — «Святой Сисиний и Верзилия».
- 96—117 строки — «Отлучение сатаны».
- 118—147 строки — молитва «Отче наш» со вставленными в каждую строку текста молитвы магическими именами.
- 148—188 строки — «Асма».

Обратная сторона свитка имеет 199 строк текста, который по своему содержанию распадается на две части.

- 1—22 строки — разнообразные магическо-медицинские рецепты.
23—199 строки — «Спиток Оправдания».

Кол. № 4693 поступила в музей в дар от В. Н. Бровцовой (дочери доктора Н. П. Бровцына) в 1944 г. Коллекция включает 26 номеров, из них один — «религиозно-магический свиток».

№ 4693-1 — свиток тонкого пергамента, размером 8×156 см, спитый из трех частей пергаментными ремешками. Свиток исписан с одной стороны красными и черными чернилами.

Кроме текста, в рукописи имеются два рисунка — в начале и в конце свитка, — выполненных каламом черными чернилами. Первый рисунок — фигура двукрылого ангела во весь рост, облаченного в кафтан. В правой руке ангел держит обнаженный меч, в левой — ножны. Второй рисунок — изображение «беса связанного», лицо которого вписано в крест из пяти квадратов.

Почерк неровный, но четкий. В качестве красных чернил используется киноварь. Рукопись предназначена для женщины, но имя владелицы не вписано. По палеографическим признакам рукопись датируется второй половиной или концом XIX в.

В рукописи 183 строки текста. По содержанию текст распадается на шесть отдельных магических сюжетов.

- 1—9 строки — «Разрешение чар».
10—94 строки — «Святой Сисиний и Верзиля».
95—101 строки — салам святому Сисинию.¹⁸
102—116 строки — «Разрешение чар».
117—162 строки — «Разрешение чар».
163—183 строки — эклектическое смешение трех магических сюжетов — «Разрешение чар», «Сети Соломона», «Отлучение сатаны».

Кол. № 6607 поступила в МАЭ в дар от Дмитрия Алексеевича Ольдерогге и состоит из предметов, собранных им во время поездки по Эфиопии в 1968 г., в их числе два рукописных амулета.

№ 6607-14 — кожаный свиток размером 12.5×218 см, спитый ремешками из трех частей. Исписан с одной стороны красными и черными чернилами в два столбца. Текст заключен в красочную орнаментальную рамку, выполненную красными, черными и фиолетовыми чернилами.

Кроме текста, в начале, середине и в конце свитка имеются три больших красочных рисунка, по манере исполнения приближающихся к книжным миниатюрам. Первый рисунок — орнаментальная решетка с вписанными в квадраты усами бесовскими лицами. Второй рисунок — изображение двукрылого ангела во весь рост с обнаженным мечом в правой руке и с ножнами в левой. Над ангелом две надписи на амхарском языке: «Ангел» и «Стакан»; значение второй надписи неясно, может быть это прозвище одного из владельцев рукописи. Третий рисунок — типичный «трон дьявола». В центре его 15 строк текста. Текст размыт.

Почерк современный, мелкий. В тексте имеется имя владелицы — Валатта Селассе. По палеографическим признакам рукопись можно датировать серединой XX в.

Рукопись содержит 626 строк текста: 302 строки в левом столбце, 309 строк в правом и 15 строк внизу. По содержанию текст распадается на множество отдельных заговоров.

Левый столбец:

- 1—22 строки — «Разрешение чар».
23—58 строки — начало Евангелия от Иоанна с вступлением и заключением магического характера (1, 1—5).
59—146 строки — «Отлучение сатаны».
147—171 строки — «Аснат».
172—215 строки — «Аснат».
216—239 строки — «Аснат».
240—260 строки — «Аснат».
261—280 строки — «Аснат».
281—302 строки — «Аснат».

¹⁸ Салам аналогичного содержания упоминает в статье Б. А. Тураева «Абиссинские магические свитки». Этот салам Тураев нашел в «одном из свитков П. П. Лихачева». В Каталоге Тураева (1906 г.), где было описано и собрание Лихачева, нет описания этого салама. Возможно, он находится в рукописи, приобретенной Лихачевым после 1906 г.

Правый столбец:

- 1—47 строки — «Разрешение чар».
- 48—77 строки — «Разрешение чар».
- 78—144 строки — «Разрешение чар».
- 145—210 строки — «Разрешение чар».
- 211—267 строки — «Аснат».
- 268—301 строки — «Аснат».
- 302—309 строки — «И лик его во мраке совершенном».
- Последние 15 строк — неразборчивые.

№ 6607-15 — кожаный свиток размером 8,5×161 см, шитый ремешками из трех частей. Свиток написан с одной стороны красными и черными чернилами.

Кроме текста, в рукописи имеются три рисунка и концовка. Рисунки расположены в начале, середине и конце свитка. Первый рисунок — изображение двукрылого ангела во весь рост. Второй рисунок — лик «беса связанного», а третий — изображение «трона дьявола».

Почерк архаический, угловатый, мелкий, но четкий. В тексте имеется пмя владелицы — Балатта Хейбат. По палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XVIII—началом XIX в.

Рукопись содержит 244 строки текста. По своему содержанию текст распадается на 15 отдельных «магических сюжетов».

- 1—13 строки — «Разрешение чар».
- 14—33 строки — Евангелие от Марка (1, 23—28).
- 39—52 строки — «Разрешение чар».
- 53—59 строки — «Отлучение сатаны».
- 60—82 строки — «Разрешение чар».
- 83—120 строки — «Разрешение чар».
- 121—125 строки — «Разрешение чар».
- 126—135 строки — «Сеть Соломона».
- 136—154 строки — «Разрешение чар».
- 155—168 строки — «Аснат».
- 169—183 строки — «Разрешение чар».
- 184—196 строки — «Отлучение сатаны».
- 197—211 строки — «Разрешение чар».
- 212—231 строки — начало Евангелия от Иоанна (1, 1—5).
- 232—244 строки — «Ограждение креста».

Краткое описание рукописных амулетов из собрания МАЭ хочется заключить словами И. Ю. Крачковского: «Нужно сказать, что, несмотря на ряд исследований, много вопросов, связанных с магическими свитками, остаются по-прежнему открытыми. В значительной мере это объясняется самим характером материала. Тексты распространялись в полуграмотной или даже совсем безграмотной среде; в известных случаях их магическое значение требовало затемнения смысла. Только путем кропотливого анализа отдельных составных элементов и сличения различных версий удастся со временем установить основной смысл различных частей и найти, быть может, таким путем ключ к его пониманию. Поэтому, несмотря на большое количество известных магических свитков, всякий новый материал представляет известный интерес, если он оказывается полезным для установления текста или дает его в более удовлетворительном виде».¹⁹

¹⁹ Крачковский И. Ю. Указ. соч., с. 164.

Т. И. Гайюшкина

Маски из района бассейна Огове

В октябре 1946 г. Музей антропологии и этнографии АН СССР получил африканскую коллекцию, состоящую из 33 предметов. Коллекция поступила из Главного архивного управления Министерства иностранных дел СССР, куда она попала вместе с материалами русского заграничного исторического архива из г. Праги. Как сказано в акте приемки, все предметы коллекции были собраны «русским эмигрантом доктором Н. В. Шарбо д'Артуа в Экваториальной Африке». Коллекция зарегистрирована под № 4706. Она содержит маски, деревянные фигурки, музыкальные инструменты, предметы быта.

Наличие в коллекции 10 деревянных масок позволяет более точно определить район ее происхождения. Это широко известные белолобые маски с высокими, своеобразной формы прическами, красными губами, закрытыми глазами. Обычно тщательно обработанная поверхность масок придает им особую выразительность и утонченность. Маски эти получили в литературе название «масок мпонгве». Другие предметы коллекции также свидетельствуют о том, что, по-видимому, собиратель составил ее в Габонс.

Область Габона богата произведениями искусства, но они, хотя и были известны европейцам гораздо раньше, чем произведения искусства других районов Африки, до сих пор недостаточно изучены. Особенно много противоречивых мнений вызывает белые маски мпонгве. Маски из коллекции д'Артуа — это прекрасные образцы пластики народов Габона — ни разу полностью не публиковались, поэтому мы считаем необходимым остановиться только на них.

№ 4706-1 — маска из легкого дерева (рис. 1). Лицо белое, овальной формы. Прическа в виде высокого гладкого плема с валиками по бокам, окрашенная в черный цвет. Брови узкие, черные, выполненные в легком рельефе, высоко поднятые над глазами, сходятся на переносице. Глаза выпуклые (в форме кофейных зерен), закрытые, с прямой узкой прорезью, близко поставленные друг к другу. Нос прямой, узкий, с резко очерченными крыльями. Губы выпуклые, красные. Уши расположены высоко, воспроизведены схематично. Вокруг маски узкий белый ободок. Высота маски 26 см, наибольшая ширина 15 см.

№ 4706-2 — маска из легкого дерева (рис. 2). Лицо белое, овальной формы, с узким подбородком. Высокая прическа с выступами над ушами на висках перевязана поперечными валиками. Вся прическа прорезана бороздками, передающими расположение волос, окрашена в черный цвет. Полукруглые брови черного цвета, выполнены в легком рельефе. Губы красные, мягко моделированные, сильно выступающие. Верхняя и нижняя имеют разную форму, верхняя слегка вдавлена в середине. Глаза слегка выпуклые, закрытые, с прямой узкой прорезью. Уши полукруглые, воспроизведены схематично. Весь лоб поперек пересечен презанной полосой красного цвета. Вокруг маски широкий черный ободок. Высота маски 30 см, наибольшая ширина 17 см.

№ 4706-3 — маска из легкого дерева (рис. 3). Лицо белое, очень широкое и короткое, со слегка заостренным подбородком. Высокая прическа в форме заостренного наверху плема пересечена в верхней части валиком, над ушами выступы. Высокая

часть прически прорезана бороздками, вся прическа окрашена в черный цвет. Короткие полукруглые брови черные, выполнены в легком рельефе. Глаза большие, выпуклые (в форме кофейных зерен), с узкой прорезью посередине. Губы красные, сильно выступающие, мягко моделированные в форме сердца. Нос неправильной формы. От крыльев носа к ушам, поперек щек, проходит черная полоса. Уши черные, расположены на уровне середины щеки, выполнены схематично. Вокруг маски широкий черный ободок. Высота маски 26 см, наибольшая ширина 17 см.

№ 4706-4 — маска из легкого дерева (рис. 4). Лицо белое, узкое, удлиненное, с сильно заостренным подбородком. Прическа очень высокая (по высоте равна лицу), с выступающими над ушами валиками, окрашенная в черный цвет. Высокая часть прически прорезана узкими бороздками. Дугообразные выпуклые черные брови расположены высоко над глазами. Глаза выпуклые, закрытые, с узкими прямыми прорезями посередине. Край прорезей окрашены в грязно-коричневый цвет. Нос узкий,

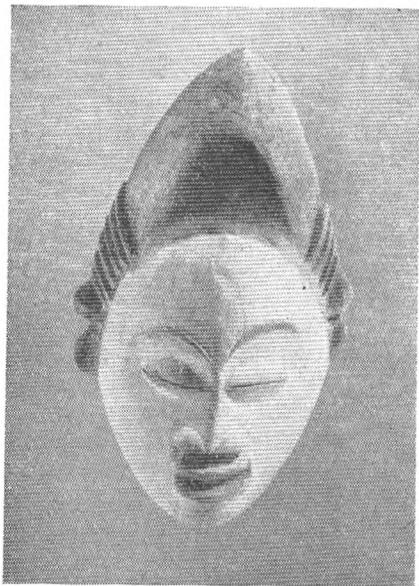

Рис. 1. Маска. № 4706-1.

Рис. 2. Маска. № 4706-2.

прямой, с резко очерченными крыльями. Губы коричневатые, сильно выступающие, в форме сердца. Уши воспроизведены схематично, черные, полукруглые. Вокруг всей маски широкий черный ободок. Высота маски 31 см, наибольшая ширина 14 см.

№ 4706-5 — маска из легкого дерева (рис. 5). Лицо белое, овальной формы, с сильно заостренным подбородком. Высокая прическа по центру пересечена гладким валиком, над ушами выступы. Прическа прорезана узкими бороздками, окрашена в черный цвет. Очень высоко поднятые дугообразные брови черные, выполнены в легком рельефе. Глаза большие, выпуклые, закрытые, с узкой прорезью посередине. Вокруг прорезей красные точки. Крылья носа хорошо выражены. Губы красные, мягко моделированные, выпуклые, в форме сердца. От крыльев носа к ушам идет черная полоса, которая соединяется с черным ободком, окаймляющим виски и лоб. На лбу татуировка в виде пяти выпуклых четырехугольников, расположенных один над другим (и одну вертикальную линию), белого цвета. По обеим сторонам татуировки красные точки. Уши большие, в форме трапеции, сильно выступающие, выполнены схематично. Вокруг всей маски белый ободок. Высота маски 29 см, наибольшая ширина 15 см.

№ 4706-6 — маска из легкого дерева (рис. 6). Лицо белое, овальной формы, с узким подбородком. Верхняя часть лба покрыта красновато-коричневой краской. Вдоль лба до корня волос идет прямая выпуклая полоса белого цвета. Прическа в виде высокого когуса над висками перетянута валиками, по без выступов, вся прорезана бороздками, окрашена в черный цвет. Высокие дугообразные брови белые, выполнены в легком рельефе. Глаза большие, выпуклые, с узкой прямой прорезью посередине. Нос плоский, с узкой перспосницей. Губы очень близко поставлены к носу, слегка сдвиг-

нуты вправо, не окрашены. Уши очень плоские, слегка намечены. Вокруг маски ободок со следами черной краски. Маска производит впечатление незаконченной. Высота ее 23 см, наибольшая ширина 13 см.

№ 4706-7 — маска из легкого дерева (рис. 7). Лицо белое, овальной формы, с резко суженным подбородком. Прическа в виде конуса с закругленной вершиной и с плоскими валиками по вискам. Верхняя часть конуса гладкая, остальная часть прически слегка прорезана бороздками, окрашена в черный цвет. Брови черные, короткие, высоко подняты над глазами, выполнены в легком рельефе. Глаза выпуклые, закрытые, с узкой прорезью посередине. Губы красные, расположены близко к носу, выпуклые. Уши черные, маленькие, в форме скобок, расположены высоко. Вокруг маски черный ободок. Высота маски 25 см, наибольшая ширина 14,5 см.

№ 4706-8 — маска из легкого дерева (рис. 8). По типу отличается от № 1—7. Лицо продолговатое, подбородок заострен. Прическа состоит из четырех невысоких, гладких, продольных валиков, окрашенных последовательно в белый, черный, красный цвета. Над ушами прическа декорирована. В глазных впадинах широкие прорези, края прорезей окрашены в черный цвет. Высокие полукруглые брови черные. Нос высокий, прямой. Ноздри прорезаны. Рот открытый, выполнен схематично, прорезан пазом. Уши маленькие, в форме скобок, около ушей по две дырочки. Маска окрашена — лоб и щеки белые. Вдоль лба к корню волос идет широкая черная полоса, которая продолжается вдоль спинки волос. Подбородок также окрашен в черный цвет. Следы красной краски под бровями, на носу и подбородке. Высота маски 28 см, наибольшая ширина 17 см.

№ 4706-9 — маска из легкого дерева, прекрасно моделированная (рис. 9). Лицо очень выразительное, широко сверху и очень узкое в области подбородка. Глаза большие, миндалевидной формы, с широкой прорезью посередине. Брови выпуклые, выполнены в легком рельефе. Губы тонкие, по резко выступают вперед. Над верхней губой глубокие складки. Рот прорезан. Уши большие, выполнены реалистично. Маска производит впечатление портрета. На маске заметны следы зеленой окраски. Высота маски 28 см, наибольшая ширина 21 см.

№ 4706-10 — маска деревянная.¹ Лицо длинное, прямоугольной формы. Большой, выступающий лоб срезан сверху, и срез образует щеки, между которыми выступает крупный прямой нос. Очень маленькие прорези для глаз. Рот небольшой, с выступающими губами. По краям лица и на подбородке просверлены дырки, к которым прикрепляется бахрома из растительных волокон. На голове султан из черных перьев. Уши отсутствуют. Вдоль лба идут узкие полосы, попеременно окрашенные в красный и белый цвета. Посередине волос проведена красная полоса. Высота маски 32 см, ширина 18 см.

Рис. 3. Маска. № 4706-3.

Из предложенного описания видно, что семь масок (№ 1—7) имеют общие стилистические черты — естественный овал лица с узким подбородком, белого цвета, мягко моделированные, сильно выступающие вперед губы, высокую своеобразную прическу, всегда закрытые глаза, придающие лицу выражение спящего человека, схематично выполненные уши, сходную окраску, — хотя едва ли можно найти две абсолютно идентичные маски: у каждой из них есть какие-то индивидуальные черты. По существующей традиции эти маски следует считать женскими. Отличительная черта жепских масок — всегда тщательно показанная сложная прическа. На особенность причесок женщин района р. Огове обращали внимание почти все путешественники, побывавшие там. Так, например,

¹ Маска в плохом состоянии — разбита.

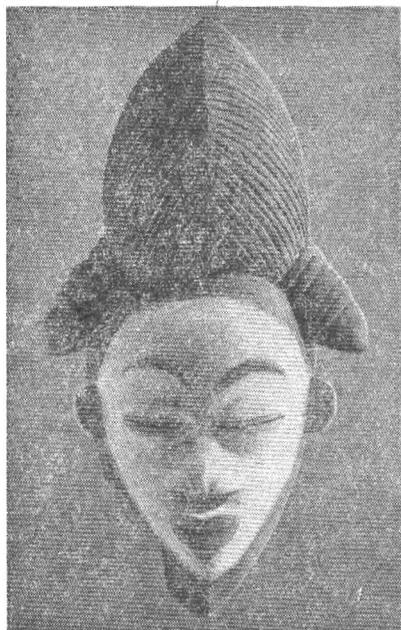

Рис. 4. Маска. № 4706-4.
1 — фас; 2 — профиль.

Рис. 5. Маска. № 4706-5.

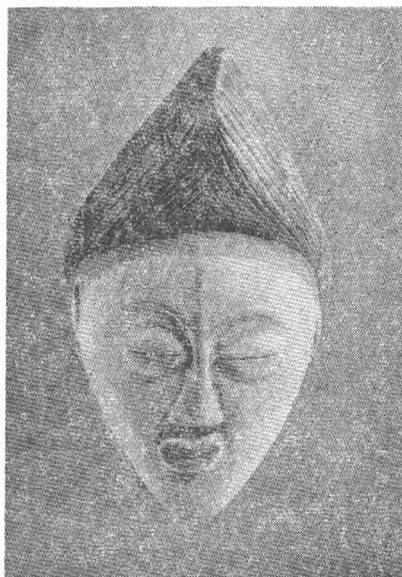

Рис. 6. Маска. № 4706-6.

Путре сообщает, что прически женщин этого района представляют собой сложные сооружения — высокие, в виде каски, они имеют разнообразные варианты.² Большинство женских масок небольшие — 23—30 см.

Три маски (№ 8—10) выпадают из общего типа. Особо обращает на себя внимание маска № 9, удивительно пластичная, очень выразительная. Выражение лица, а также глубокие складки над губами говорят о том, что здесь изображен человек уже далеко не молодой. Можно предположить, что это один из наиболее старых экземпляров масок и, видимо, редкий. В отличие от других маска имеет следы зеленой краски. Пользуясь клас-

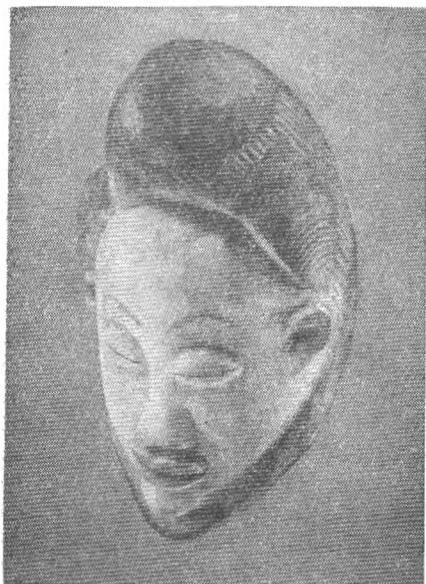

Рис. 7. Маска. № 4706-7.

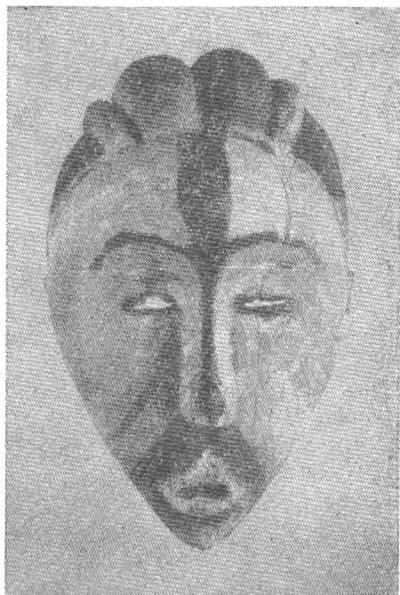

Рис. 8. Маска. № 4706-8.

сификацией Вингерта,³ эту маску следует считать мужской (у мужских масок обычно не показана прическа, отсутствуют знаки скарификации, имеется монохромная окраска).

Значительно реже встречаются в коллекциях собирателей маски, аналогичные № 10, — довольно грубо выполненные, прямоугольные, плоские. Подобного типа маска, имеющая сходство с нашей, есть у Андерсона.⁴ Маска называется «jojo» и используется в обрядах инициации юношей у бакота.

Согласно музейной описи, маски принадлежат народу мпонгве. Как уже говорилось выше, точной документации о происхождении коллекции нет, но по аналогии с масками, имеющимися в других публикациях,⁵ они получили и в нашей описи название «масок мпонгве».

Мпонгве проживают в прибрежном районе Габона, а также по среднему и нижнему течению р. Огове. Однако маски типа мпонгве встречаются

² P o u t r i n. Esquisse ethnologique des principales populations de l'Afrique equatoriale française. Paris, 1914.

³ W i n g e r t P. S. The sculpture of negro Afrika. New York, 1951, p. 50—51.

⁴ A n d e r s s o n E. Contribution a l'Ethnographie des Kuta I. Uppsala, 1953, pl. I.

⁵ C l a u s o n P. H. By their Works. New York, 1941, p. 195; K j e r s m e i e r K. Centres de la sculpture nègre Africaine. Vol. IV. Paris-Copenhagen, 1938, fig. 24—25.

на обширной территории Габона, населенной разными племенами. Вследствие этого многие исследователи подвергают сомнению принадлежность таких масок мпонгве. В имеющихся публикациях масок локализация их, а также этническая принадлежность варьируют.

Наиболее раннее издание масок подобного типа принадлежит Фробениусу.⁶ Он дает изображение (довольно плохие прорисовки) пяти масок — № 39, 43, 52—54, — называя № 43, 54 масками Огове, № 39 маской квилу, № 52 маской ивили, № 53 маской из Сетте-Кама. Общее для всех масок — овалной формы лицо, окрашенное в белый цвет, закрытые выпуклые глаза, схематично выполненные уши, но у некоторых масок есть отличительные черты: разного типа прическа, у № 39 и № 53 скарификация на лбу и висках в виде ромба, состоящего из девяти маленьких квадратов, расположенных в три ряда, у маски из Сетте-Кама раскрыт рот и видны зубы, лицо маски № 39 окрашено в зеленый цвет.

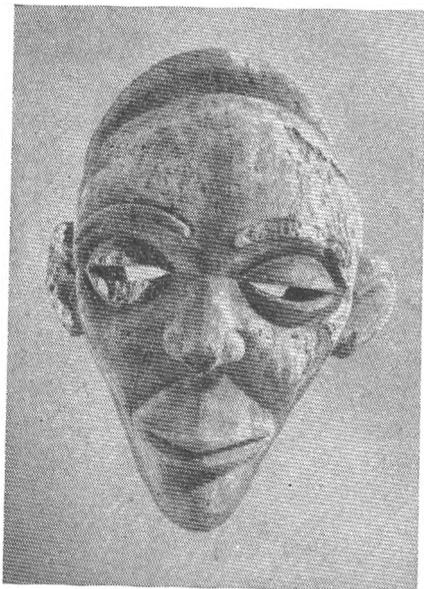

Рис. 9. Маска. № 4706-9.

В работе Райли представлена белолыцая маска с характерной высокой прической, закрытыми глазами, имеющими узкую прорезь, выпуклыми красными губами.⁷ На лбу и висках ее есть скарификация из 12 маленьких ромбов, расположенных в три ряда. Автор приписывает маску мпонгве, причем указывает, что она используется в ритуалах женских тайных обществ и носится их руководителями. В танцах она становится духом предка. К деревянному ободку, окружающему маску, прикрепляется бахрома из рафии, которая составляет часть тапцевального костюма.

Кьерсмейер исследует две маски, которые он считает принадлежащими мпонгве.⁸ По типу эти маски отличаются друг от друга. Одна (№ 24) имеет прическу в форме высокого заостренного гребня с выступами по бокам, высокие брови, закрытые глаза с дугообразными узкими прорезями, приоткрытый рот, в котором видны зубы, что очень редко наблюдается у подобного типа масок; своеобразно трактованы уши — в форме полукругов, окрашенных полосами. Вокруг маски черный ободок.

Другая маска (№ 25) — хороший экземпляр данного типа. Прическа состоит из двух высоких валиков, расположенных на верху головы, губы хорошо моделированы, брови высокие, глаза закрытые, с дугообразными узкими прорезями. На лбу и висках скарификация из девяти маленьких ромбов, расположенных в три ряда. Лицо узкое, подбородок заостренный.

Очевидно, объединение этих двух масок разного типа под одним названием происходит потому, что Кьерсмейер относит к «мпонгве» не только «истинных» мпонгве, но и родственные им племена — орунгу, галоа,

⁶ Frobenius L. Die Masken und Geheimbunde Afrikas. Halle, 1898, Taf. II, 43; IV, 39; VI, 52—54.

⁷ Riley. O. Masks and Magic. London, 1955.

⁸ Kjersemeier K. Op. cit., fig. 24, 25.

нками, — живущие на побережье, а также племена, принадлежащие к языковой группе мпонгве, — оканда (бапинджи, митсого, симба, бапуну) и ашира (балумбо, барамы и др.), — т. е. основную массу населения между экватором и 4° ю. ш., Атлантическим побережьем и 10° в. д. При этом Кьерсмейер замечает, что «настоящие» мпонгве не татуированы, тогда как некоторые племена ашира (балумбо) имеют на лбу и висках татуировку, сходную с татуировкой маски № 25.

Такое широкое применение термина, видимо, внесло известную путаницу в дальнейшие исследования. Кьерсмейера считают одним из главных виновников распространения названия «мпонгве» на группу белолицых масок.

Фэгг относит маску такого типа к балумбо. Маска имеет характерные черты. На лбу и висках ее есть скарификация в виде ромба, состоящего из девяти маленьких ромбов. Под маской надпись: «Этот широко распространенный тип белолицей маски ассоциируется с тайным обществом Мукуи мапанго и других племен. Маски женские, представляют духов умерших и иногда используются в танцах на ходулях».⁹

Пласс исследует три маски Музея Пенсильванского университета в Филадельфии. Маски сходны по общим признакам: высокой прическе, выпуклым закрытым глазам. Две из них имеют скарификацию на лбу и висках в виде ромба. Пласс указывает, что, «хотя эти маски обычно приписываются балумбо, они используются также мпонгве, мапанго, ашира, бакота и другими племенами Габона. Используются тайным мужским обществом Мукуи, совершающим похоронные танцы на ходулях в белых одеждах и маленьких масках. Говорят, они представляют духов умерших девушек».¹⁰

Интересные экземпляры масок приводит Сеги (из коллекции Галереи Сеги в Нью-Йорке).¹¹ Одна из них (№ 69) имеет длинное узкое лицо с острым подбородком и следами белой краски, выпуклые закрытые глаза, у которых изгиб край прямой, а верхний — дуга в виде полумесяца — повторяет изгиб довольно широкой прорези, очень тонкий длинный нос, слегка раскрытые выпуклые губы, сильно выступающие уши, полукруглые, с дыркой посередине. На лбу и висках скарификация в виде ромба, состоящего из девяти маленьких ромбов. Высокая прическа разделяется по центру врезанной полосой на две части.

Вторая маска (№ 70) характерна для рассматриваемого нами типа. Отличительная ее черта — наличие узкой черной полосы, идущей от крыльев носа к ушам, поперек щек. Сеги считает обе маски принадлежащими мпонгве.

Шмаленбах отрицает принадлежность таких масок мпонгве и считает их создателями балумбо и бакота.¹² Опубликованная им прекрасная маска отличается своеобразным украшением лица — широкой врезанной полосой, пересекающей лоб поперек, а в середине лба поднимающейся к волосам; нижнюю часть носа также пересекает узкая полоса. Маска отнесена к балумбо.

Известный исследователь бакота Андерсон в своей монографии касается вопроса о белых масках Габона.¹³ Одну маску он приобрел у резчика в дер. Вула, поэтому нельзя подвергать сомнению место ее происхождения. Маска очень хорошего качества, имеет характерные черты

⁹ Fagg W. The Sculpture of Africa. New York, 1958, fig. 222.

¹⁰ Plasse M. A Walk through the Gallery. — Bull. Univ. Museum, Philadelphia, 1957, vol. 21, № 4, p. 54—55.

¹¹ Segy L. African sculpture. New York, 1958, № 69, 70.

¹² Schmalenbach W. African art. New York, 1960, p. 90.

¹³ Andersson E. Contribution a l'Ethnographie. . . , pl. 2.

рассматриваемого типа — высокую прическу, белое лицо, очень выпуклые глаза в форме кофейных зерен, с узкой прорезью, красные губы, условно трактованные уши, широкую врезанную красную полосу, пересекающую лоб поперек, а от переносицы поднимающуюся к волосам. От крыльев носа поперек щек выпуклая узкая полоска поднимается вдоль висков к волосам, образуя своеобразную рамку. Вокруг маски — широкий ободок. Маска имеет сходство с нашим № 4706-2.

Маски, исследованные Андерсоном, носят название «*duma*» или «*mvudi*». В дер. Вула их называют «*duma*» (*biduma*), у kota Занага — «*mvudi*». Сходного типа маски имеются у изаби и лумбо. По свидетельству Андерсона, маски изображают умерших женщин. У kota Занага такие маски используют в похоронных обрядах и в ритуалах, связанных с культом предков, их можно встретить даже в реликвариях. С другой стороны, ими пользуются и в веселых танцах на ходулях при полнолунии.

Наличие масок типа *duma-mvudi* не только у мпонгве, но и у многих других племен Габона Андерсон объясняет происхождением мпонгве с верховий р. Ивииндо.¹⁴ На этом основании он считает возможным приписать им авторство масок.

Некоторые авторы для обозначения группы белолицых масок используют географический принцип. Вингерт называет их «маски района р. Огове»; Пейси — «белые маски племен Огове». Названия эти, очевидно, не совсем точные, однако указывают на принадлежность масок разным племенам.

До сих пор некоторые исследователи подчеркивают «азиатский тип» этих масок, монголоидные черты их лица, основываясь на чисто внешнем сходстве — белое лицо, слегка раскосые глаза, — беря для сравнения белые маски японского театра Но.

Так, у Клаусона читаем: «Мпонгве известны своими изящными, прекрасными масками, которые относятся к числу наиболее привлекательных во всем африканском искусстве, и как будто возникли они под влиянием искусства Дальнего Востока».¹⁵

Кьерсмейер также обращает внимание на монголоидность масок мпонгве.

Весьма фантастичное объяснение дает Пом: «...так как мпонгве были торговцами, восточная маска могла попасть среди европейских товаров, а возможно ... это фантазия креола, вернувшегося из Бразилии ... и вдохновившего художника создать маску, не похожую на африканскую. Копии масок, передвигаясь по стране, впитывали местные особенности».¹⁶ Интересно высказывание Герольда: «Маски имеют сходство с японскими театральными масками, а некоторые предполагают, что яванские маски могут быть образцом для габонских масок, — это подтверждает маленький нос, белый цвет лица, хотя это для Африки характерные черты при изображении духа. Другие черты указывают, что сходство это случайное».¹⁷

Такие попытки найти сходство, а отсюда и возможность происхождения где-то за пределами Африки, — очевидно, отголосок устаревших уже сейчас взглядов на несамобытность африканского искусства, возможность влияния на него извне. Всякий раз, когда в Африке появляется что-то, выходящее за рамки представлений европейцев об африканском искусстве, оно вызывает поиски истоков данного явления, но не

¹⁴ Исследователь истории мпонгве Готье считает верховье Ивииндо местом, откуда мпонгве мигрировали к эстуарию Габона (см.: G a u t i e r R. P. Etude historique sur les Mpongoues et tribus avoisinantes. Brazzaville, 1950, p. 9).

¹⁵ C h a w s o n P. H. By their Works, Buffalo, New York, 1941, p. 195.

¹⁶ P a u l m e D. Les sculptures de l'Afrique Noire. Paris, 1956, p. 92.

¹⁷ H e r o l d E. The Art of Africa: Tribal masks. London, 1967, p. 46.

на африканской почве. В этой связи можно вспомнить попытку найти сходство терракот Ифе с индонезийским искусством, теории о происхождении бенинской бронзовой скульптуры. Что же касается белых масок из района бассейна Огове, то едва ли в них можно увидеть что-либо не африканское. Белая окраска лица вовсе не является специфической особенностью азиатских масок, эта окраска широко распространена в Африке — и не только у племен указанного района. Раскосые глаза свойственны не всем белым маскам Огове, в свою очередь сходная трактовка глаз встречается и в других районах Африки. Так, «восточная» стилизация масок замечена у некоторых народов группы бауле (например, у гуро). Таким образом, «азиатский тип» масок не является исключением в искусстве Африки.

Отсутствие какого-то определенного взгляда на принадлежность масок и их происхождение объясняется сложностью этнической ситуации в районе р. Огове, малой его изученностью. В прошлом — это район интенсивной работорговли, постоянных миграций. Очевидно, сейчас невозможно определить, какой из народов данной области является создателем «масок мпонгве». Как уже говорилось, они встречаются на обширной территории Габона. Область расселения мпонгве является как бы конечным районом распространения масок. Из всех народов указанного региона мпонгве меньше всего изучены. Неизвестно, существовало ли искусство изготовления масок у мпонгве в прошлом, но известно, что еще в XV в. мпонгве имели широкие контакты с европейцами и были главными посредниками в торговле между европейцами и народами внутренних районов страны. Можно лишь предположить, что европейцы, постоянно общавшиеся с мпонгве и нередко именовавшие так другие племена, приобретая маски у прибрежных племен, давали им название «мпонгве».

Неясен нам и критерий, который был взят впоследствии для определения происхождения недокументированных масок данного типа. В музейных записях почти нет сведений об их происхождении. Определенным типам масок даются различные племенные названия. Нет точных данных и об использовании масок — они связаны со многими обрядами и праздниками. Очевидно, их распространению на огромной территории соответствует и их разнообразное использование.

Итак, несмотря на разнообразие вариантов и качественные различия, белые маски сохраняют в общих чертах стилистическое единство (пластичность, сходная окраска), позволяющее отнести их к определенной области. Этот стиль нельзя считать характерным для какого-то одного племени. Он свойствен искусству целого региона и включает в себя какие-то локальные варианты, а поэтому, видимо, не следует маски называть по племени, более правомерно название по региональному признаку — «белые маски Огове», — хотя и такое название недостаточно точное.

Описанная выше коллекция масок Музея антропологии и этнографии как нельзя лучше отражает то богатство вариантов, которые представлены в этом стиле. Тщательная обработка всех деталей масок свидетельствует об их высоком качестве.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редакции	3
Список сокращений	4
<i>Э. В. Зиберт.</i> Ирокезские коллекции МАЭ	5
<i>Р. Г. Ляпунова.</i> Плетеные изделия алеутов	36
<i>Г. И. Дзенискевич.</i> Охотничий и рыболовный промыслы у танайпа (Аляска) в XIX в.	52
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Росписи культового содержания на сосудах наска (Перу)	69
<i>Е. Э. Бломквист.</i> История изучения в Росписи языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ)	94
<i>Д. А. Ольдерогге.</i> История изучения в России африканских языков	118
<i>Ш. И. Борисковский, В. В. Соловьев.</i> Новые материалы по каменному веку Гвинея	124
<i>И. Н. Головинова.</i> Скульптура района Кплиу-Кванго (ее роль в социальной жизни общества)	163
<i>С. П. Чернецов.</i> Эфиопская картина собрания МАЭ (№ 2594-14) и легенда о святом Сисипии и Верзилье	200
<i>С. Б. Чернецов.</i> Описание эфиопских рукописных амулетов («магических святков») из собрания МАЭ	208
<i>Т. И. Ганюшкина.</i> Маски из района бассейна Огове	227

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ АМЕРИКИ И АФРИКИ

Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXXI

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства *И. Т. Бончар*
Художник *Я. В. Таубаурцель*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Л. Я. Копп, Л. В. Субботина и И. И. Тимофеева*

Слано в набор 10/IX 1975 г. Подписано к печати 26/XI 1975 г. Формат 70×108/16. Бумага № 2.
Печ. л. 14³/₄=20.65 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.01. Изд. № 5918. Тип. вак. 614. М-26904. Тираж 1650.
Цена 1 р. 43 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-й тип.издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12